

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА**

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

КАЛЕНДАРЬ ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА

**ИСТОРИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ (1957–2023)**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

**Научный руководитель:
к.и.н., доцент
Кутовая Елена Алексеевна**

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	39
ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ	59
2.1. Внешняя политика двух государств: общее и особенное (1945–1963)	59
2.2. Индонезийско-малайзийская конфронтация (1963–1966)	82
ГЛАВА III. НА ПУТИ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	104
3.1. Индонезия и Малайзия – члены АСЕАН (1967–2003)	104
3.2. Региональное сотрудничество в новую эпоху (2004–2023)	157
ГЛАВА IV. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИНДОНЕЗИЙСКО-МАЛАЙЗИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	184
4.1. История и специфика формирования пограничных споров между Индонезией и Малайзией	184
4.2. Индонезийско-малайзийская граница: особенности делимитации в постколониальный период	193
4.3. Международно-правовые и технические аспекты разграничения морских пространств	214
ГЛАВА V. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	226
5.1. Индонезия и Малайзия в борьбе с международным терроризмом	226
5.2. Индонезийская трудовая миграция в Малайзию	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	279
БИБЛИОГРАФИЯ	285

ВВЕДЕНИЕ

Юго-Восточная Азия по праву считается одним из самых динамично развивающихся регионов мира, что находит воплощение в стремительных темпах экономического роста, разнообразии форм политических систем, показателях социального прогресса и неизменно привлекает внимание исследователей. На современном этапе к центрам силы на политической арене региона относят Республику Индонезия и Федерацию Малайзия.

С древнейших времен судьба Индонезии и Малайзии¹ была теснейшим образом переплетена. Два государства связывают глубокие исторические, политические, экономические и культурные корни, однако формирование и развитие межгосударственного сотрудничества прошли через ряд различных этапов, как укрепивших, так и негативно сказавшихся на характере взаимоотношений между родственными народами.

Актуальность темы исследования определяется важностью научного осмысления теоретических и практических проблем формирования и утверждения межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии. Ввиду значимости данного вопроса для общественно-политической жизни Юго-Восточной Азии представляется необходимым проанализировать динамику развития индонезийско-малайзийских отношений на протяжении всего периода их независимого существования. Вместе с тем особое значение для темы представленной работы имеет проблема безопасности, которая выступает как одна из наиболее острых и занимает центральное место в международных отношениях на современном этапе.

Объектом исследования являются межгосударственные отношения Индонезии и Малайзии в период с 1957 по 2023 гг.

Предметом исследования служат ключевые составляющие и динамика развития межгосударственного взаимодействия Индонезии и Малайзии в постколониальный период.

---

¹ В представленной работе термин «Малайзия» будет иногда ретроспективно распространяться на события 1957–1963 гг.

Целью данного исследования являются определение особенностей межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии в период с 1957 по 2023 гг. и проведение комплексного анализа рассматриваемых процессов.

Среди **задач** представленной работы необходимо выделить следующие:

- 1) обозначить основные теоретические и методологические подходы к изучению международных отношений;
- 2) провести сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Индонезии и Малайзии в период с 1957 по 2023 гг.;
- 3) выделить основные этапы развития индонезийско-малайзийских межгосударственных связей и выявить их специфические особенности;
- 4) рассмотреть эволюцию вопроса региональной интеграции в Юго-Восточной Азии и изучить роль Индонезии и Малайзии в данном процессе;
- 5) определить характер и степень влияния процессов региональной интеграции на развитие индонезийско-малайзийских отношений;
- 6) провести анализ развития территориального спора между Индонезией и Малайзией;
- 7) изучить индонезийско-малайзийское взаимодействие в области антитеррористической политики;
- 8) определить основные направления и тенденции индонезийской трудовой миграции в Малайзию, исходя из социально-экономического и международно-правового контекстов.

Научная новизна представленной работы состоит в том, что в ней впервые проводится комплексный анализ особенностей развития межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии на протяжении всего периода их суверенного пути. Разработана авторская периодизация истории двусторонних отношений, исследована их специфика, проведено сопоставление и определено воздействие схожих факторов на формирование внешней политики Индонезии и Малайзии. Комплексный подход позволил не только дать всеобъемлющую характеристику внешнеполитическим стратегиям каждой из стран по отдельности и истории их

отношений в целом, но и раскрыть роль процессов региональной интеграции в развитии межгосударственных связей.

Индонезийско-малайзийские отношения проанализированы с позиции конструктивизма, что обеспечило всестороннее и углубленное рассмотрение различных направлений двустороннего и многостороннего взаимодействия в исторической перспективе с учетом ряда фундаментальных факторов-детерминантов внешнеполитической деятельности государства: геополитического, внутривнутриполитического, социально-экономического, религиозного, идеологического, а также фактора политического лидерства. Избранный подход предоставил возможность охватить наиболее широкий спектр актуальных вопросов отношений Индонезии и Малайзии и определить потенциальный вектор их развития.

В рамках исследования впервые комплексно рассмотрена актуальная проблема безопасности в контексте отношений двух стран: проведен детальный разбор территориального вопроса, осуществлен целостный анализ угроз терроризма и нелегальной миграции. При этом выявлены основные этапы развития обозначенных проблем, определена их специфика, раскрыты стратегии Индонезии и Малайзии в области национальной и международной безопасности.

Автором были привлечены материалы, в той или иной степени затрагивающие историю и особенности межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии, которые прежде в должной мере задействовались редко или впервые вводятся в научный оборот. К данной категории относятся нормативно-правовые документы 2010–2020-х гг., национальные программы развития, информационно-аналитические материалы, отчеты профильных организаций по рассматриваемой проблематике, а также материалы СМИ второй половины XX – начала XXI вв.

Теоретическая значимость

Данное исследование может способствовать расширению научного знания в области изучения внешнеполитических процессов в странах Юго-Восточной Азии. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях

в области истории международных отношений и при формировании прогностических оценок развития ситуации в новом мировом геополитическом контексте.

Практическая значимость

Основные выводы и результаты исследования могут найти применение при подготовке научных работ, учебных программ и специальных курсов по истории Индонезии и Малайзии, а также учебных дисциплин, направленных на изучение истории международных отношений и проблем регионоведения в целом. Отдельные разделы и выводы исследования могут быть использованы при выработке конкретных рекомендаций для профильных учреждений, отвечающих за разработку и реализацию внешней политики в отношении Индонезии и Малайзии и ведущих свою деятельность в Юго-Восточной Азии.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с 1957 по 2023 гг. Нижняя граница обусловлена обретением Малайзией суверенитета в 1957 г. и началом формирования межгосударственных связей с Индонезией, независимость которой была объявлена еще в 1945 г., и, как следствие, определением основных целей, задач и тенденций в двусторонних отношениях на ближайшие десятилетия. Верхняя граница обусловлена хронологической неразрывностью внешнеполитического процесса на региональной арене и актуальностью всех рассматриваемых в рамках указанного временного промежутка аспектов как внешнеполитического курса обеих стран по отдельности, так и индонезийско-малайзийских отношений в целом.

В представленной работе был использован ряд **методов** изучения истории и международных отношений, а именно:

- 1) *описательно-аналитический метод* (при написании всех глав данной работы);
- 2) *историко-системный метод* (например, при рассмотрении факторов становления внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии и при изучении истории создания и развития Ассоциации государств Юго-Восточной Азии);

3) *проблемно-хронологический метод* (главным образом при изучении основных форм и направлений межгосударственного сотрудничества Индонезии и Малайзии);

4) *сравнительно-исторический метод* (к примеру, при анализе особенностей формирования внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии);

5) *ретроспективный метод* (в том числе при рассмотрении территориального вопроса);

6) *статистический метод* (в частности, при исследовании проблемы индонезийской трудовой миграции);

7) *контент-анализ* (к примеру, при анализе сообщений и материалов средств массовой информации, заявлений политических деятелей).

Положения, выносимые на защиту

1. На протяжении первых лет после обретения независимости Индонезией и Малайзией были утверждены ключевые элементы и принципы государственной внешнеполитической стратегии, которые во многом стали отражением сложившейся внутривнутриполитической ситуации и, что немаловажно, особенностей процесса обретения национального суверенитета. Для внешней политики обоих государств характерны следующие общие черты: многовекторность, нейтралитет, активность, невмешательство, последовательность, стремление к региональной интеграции и укреплению международного авторитета. Хотя на пути Индонезии и Малайзии к поставленным целям проявления и формы данных свойств могут различаться, продемонстрированы твердая приверженность избранным принципам и поддержанию устойчивой системы международных отношений, схожее видение по ключевым проблемам и принципиальным вопросам современной геополитики.

2. В основу периодизации истории межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии в период с 1957 по 2023 гг. могут быть положены уровень и характер развития двусторонних связей, диапазон общих стратегических интересов, что позволяет выделить следующие этапы и наделить их соответствующими характеристиками:

1) 1957–1962 гг. – становление индонезийско-малайзийских отношений, определение контуров будущего двустороннего сотрудничества;

2) 1963–1966 гг. – кризис межгосударственных отношений в связи с индонезийско-малайзийской конфронтацией;

3) 1967–1969 гг. – ослабление напряженности, постепенное потепление в дипломатических отношениях и восстановление политического доверия, поиск новых форм взаимодействия;

4) 1970–1975 гг. – активизация политического диалога, динамичное развитие партнерских связей, расцвет двустороннего сотрудничества;

5) 1976–2003 гг. – сдвиг фокуса внимания Индонезии и Малайзии к развитию многосторонних связей в рамках процесса углубления региональной интеграции, усиление проблемы безопасности;

6) 2004 – конец 2000-х гг. – укрепление стратегической стабильности в индонезийско-малайзийских отношениях, дальнейшее поступательное развитие контактов в различных областях и переход к системной многопрофильной деятельности с целью преодоления общих проблем, новых угроз и обострившихся традиционных вызовов;

7) начало 2010-х – 2023 гг. – стабильное равновесие, последовательное расширение отношений дружбы и межгосударственного сотрудничества, совместное движение в сторону выхода на новый уровень многовекторного партнерства.

3. Индонезийско-малайзийская конфронтация является наиболее сложным этапом в истории межгосударственных отношений двух стран. В ходе конфликта были выявлены множественные противоречия и трудности, которые встали на пути развития добрососедских отношений и тесных партнерских связей, была закреплена роль внешних игроков на политической арене Юго-Восточной Азии. Во многом сложившееся положение стало одним из факторов развития процессов регионализации и формирования новой структуры региональной безопасности.

4. Индонезия и Малайзия внесли существенный вклад в развитие региональной интеграции. В определенной степени благодаря их усилиям была

заложена организационная и идеологическая основа функционирования АСЕАН. Ключевые принципы сформированной стратегии сохраняют актуальность и по сей день и превратились в неотъемлемый элемент системы стратегического партнерства в Юго-Восточной Азии.

5. Взаимодействие в рамках системы АСЕАН служит краеугольным камнем развития отношений Индонезии и Малайзии. Активное участие в работе по линии организации содействует укреплению равноправного и взаимовыгодного межправительственного диалога, создает условия для внедрения перспективных форм и направлений сотрудничества и способствует расширению масштабов партнерских связей в различных областях.

6. Территориальный вопрос в межгосударственных индонезийско-малайзийских отношениях уходит корнями в колониальную эпоху. С конца 1970-х гг. он превратился в постоянный источник напряженности и создал ряд поводов для нового витка локального и регионального кризисов, которых удалось избежать ввиду стремления сторон к сохранению дружественных и стабильных добрососедских отношений. Тем не менее ход решения спора, в том числе по наиболее острым вопросам делимитации морских пространств, значительно затянулся. Основополагающая причина во многом лежит не только в сложности рассматриваемого вопроса, но и в политической культуре Индонезии и Малайзии, применении консенсусного подхода и стремлении к достижению компромисса, что является обязательной составляющей приоритетного для обеих стран мирного урегулирования конфликта во внесудебном порядке.

7. Индонезия и Малайзия едины в понимании антитеррористической стратегии и в целом прошли схожий путь в борьбе с международным терроризмом. За 2010-е гг. они продемонстрировали решимость к выработке и реализации совместных концепций, подходов и программ по преодолению столь серьезной угрозы миру и стабильности в Юго-Восточной Азии. Несмотря на общие цели и достигнутые договоренности по обеспечению региональной безопасности, требуются расширение многопрофильного сотрудничества, укрепление

структурной работы и активизация взаимодействия в двустороннем и многостороннем форматах.

8. На современном этапе индонезийская трудовая миграция в Малайзию превратилась в важную часть межгосударственных отношений, а взаимодействие в данной области стало эффективным инструментом развития двустороннего сотрудничества. В то же время нарастание интеграционных тенденций не только служит усилению миграционных потоков, но и имеет ряд негативных последствий. К ним относится рост масштабов нелегальной миграции из Индонезии, что представляет угрозу национальной и международной безопасности. Сложившаяся к концу 2023 г. обстановка потребовала от Индонезии и Малайзии введения дальнейших мер, призванных содействовать международно-правовому регулированию трудовой миграции, упорядочению миграционных каналов и выработке обновленного всеобъемлющего плана действий по предупреждению и пресечению нелегальной миграции.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации изложены в шести научных статьях, четыре из которых опубликованы в журналах из списка ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Отдельные результаты исследования прошли апробацию в форме докладов на научно-практических конференциях и иных научных мероприятиях, проводимых, например, Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, Дипломатической академией МИД России.

Некоторые положения исследования нашли применение при чтении дисциплин, посвященных истории международных отношений в Юго-Восточной Азии, в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Важнейшими **источниками** для написания данной работы послужили документы на русском, английском, индонезийском и малайзийском языках. Задействованные материалы можно разделить на следующие основные категории:

1. Документы международного значения

Первую группу источников составляют международные двусторонние и многосторонние соглашения, меморандумы о взаимопонимании и декларации, которые представляют особую ценность в рамках представленного исследования и служат пониманию контекста, специфики и динамики развития международных политических процессов и, в частности, индонезийско-малайзийских отношений.

Одним из первых двусторонних соглашений, заложивших основы структурного укрепления дипломатических связей, стал Договор о дружбе между Малайской Федерацией и Республикой Индонезия (*Perdjandjian Persahabatan Antara Persekutuan Tanah Melayu dan Republik Indonesia*, 1959). Не менее важную роль в развитии политического взаимодействия между странами сыграла нормативно-правовая база АСЕАН, которая включает Декларацию согласия АСЕАН (*Declaration of ASEAN Concord*, 1976), Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (*Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia*, 1976), Вторую декларацию согласия АСЕАН (*Declaration of ASEAN Concord II*, 2003), Устав АСЕАН (*ASEAN Charter*, 2007). Благодаря указанным документам мы можем составить комплексное представление об основных этапах становления и развития организации, ее структурных и функциональных особенностях, целях и принципах с учетом эволюции региональной политики.

В то же время следует выделить ряд источников, затрагивающих значимые направления индонезийско-малайзийских отношений. Среди территориальных соглашений, заключенных как в колониальную эпоху между Нидерландами и Великобританией, так и между Индонезией и Малайзией после обретения странами независимости, принципиально важными являются Лондонский договор (*The Treaty of London*, 1824), Конвенция между Великобританией и Нидерландами об определении границ на Борнео (*Convention between Great Britain and the Netherlands Defining Boundaries in Borneo*, 1891) и Соглашение между правительством Малайзии и правительством Индонезии о делимитации границ континентального шельфа между двумя странами (*Agreement between the Government of Malaysia and the Government of Indonesia on the delimitation of the Continental Shelves Between the*

Two Countries, 1969). Упомянутые договоры определяют линию современной индонезийско-малайзийской границы и проливают свет на процесс трансформации территориального вопроса в исторической перспективе.

В данной связи нельзя не упомянуть основной документ международного значения, устанавливающий нормативно-правовой режим в сфере использования морских территорий – Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву (*The United Nations Convention on the Law of the Sea*, 1982). Ввиду того, что и Индонезия, и Малайзия ратифицировали Конвенцию, обе страны, вероятно, будут руководствоваться ее соответствующими положениями при решении территориального спора. Таким образом, детальное изучение документа помогает определить возможные пути урегулирования столь острой проблемы с учетом принципов и норм международного права.

Особую важность представляет Меморандум о взаимопонимании в отношении найма и защиты индонезийских домашних работников в Малайзии (*Memorandum of Understanding on the Placement and Protection of Indonesian Migrant Workers in the Domestic Sector in Malaysia*, 2022). Его заключение стало ключевым шагом на пути модернизации государственного регулирования рынка труда и, следовательно, разрешения проблем, связанных с негативными последствиями внешней трудовой миграцией индонезийских граждан.

В контексте вопроса региональной безопасности нельзя не сказать о Меморандуме о взаимопонимании между Индонезией и Малайзией о взаимодействии в сфере безопасности (*Memorandum of Understanding between Indonesia and Malaysia on Defence Cooperation*, 2022). Документ направлен на расширение двустороннего диалога по стратегическим оборонным и военным вопросам, укрепление сотрудничества в оборонной промышленности и в области кибербезопасности.

Ряд документов последних лет, в том числе вышеупомянутые соглашения в сфере трудовых отношений и безопасности, пока остаются на периферии внимания исследователей. Однако, как представляется, их детальный анализ необходим не только для всестороннего изучения современных проблем и глобальных вызовов,

но и для формирования комплексного представления о механизмах правового регулирования международных отношений в целом.

2. Национальные нормативно-правовые акты

В данную группу источников входят документы, в той или иной степени определяющие и формирующие приоритетные направления, центральные цели и задачи внешней политики Индонезии и Малайзии. К примеру, Закон Республики Индонезия № 37 от 1999 г. о внешней политике (*Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 1999 tentang Hubungan Luar Negeri*) зафиксировал ключевой принцип реализации индонезийской внешней политики – «свободная и активная».

Отдельное место среди источников данного блока занимают акты государственного законодательства, регулирующие наиболее важные стороны общественной жизни, представляющие значимость для развития индонезийско-малайзийских отношений и требующие государственного воздействия и межгосударственного взаимодействия в соответствующих сферах. Вместе с тем данные документы помогают проследить некоторые тенденции и закономерности развития двусторонних связей, привлекают внимание к расширению спектра конфликтных ситуаций, нарастанию противоречий или, наоборот, снижению напряженности на каждом конкретном рассматриваемом этапе.

Составить комплексное представление об основных подходах к реализации антитеррористической политики помогли, например, такие нормативно-правовые акты со стороны Индонезии, как Постановление Правительства, заменяющее закон, № 1 от 2002 г. об искоренении терроризма (*Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme*) и Закон № 9 от 2013 г. о предотвращении и искоренении финансирования терроризма (*Undang-Undang Nomor 9 Tahun 2013 tentang Pencegahan dan Pemberantasan Tindak Pidana Pendanaan Terorisme*), а со стороны Малайзии – Закон о специальных мерах против преступлений в области безопасности от 2012 г. (*Security Offences (Special Measures) Act 2012*) и Закон о предотвращении терроризма от 2015 г. (*Prevention of Terrorism Act 2015*), которые

послужили дополнением к Закону о внутренней безопасности 1960 г. (*Internal Security Act 1960*).

В то же время к рассматриваемому блоку относятся национальные нормативно-правовые акты, которые позволили изучить эволюцию политики и особенности современного этапа государственной деятельности в сфере регулирования актуального и проблемного вопроса трудовой миграции. К основополагающим документам в данной области следует отнести индонезийские Закон № 39 от 2004 г. о размещении и защите индонезийских трудящихся за границей (*Undang-Undang Nomor 39 Tahun 2004 tentang Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia di Luar Negeri*) и Закон № 18 от 2017 г. о защите рабочих-мигрантов (*Undang-Undang Nomor 18 Tahun 2017 tentang Pelindungan Pekerja Migran Indonesia*), а также малайзийские Закон о трудоустройстве от 1955 г. (*Employment Act 1955*), Закон об иммиграции от 1959–1963 гг. (*Immigration Act 1959/63*) и Закон о частных агентствах по трудоустройству от 1981 г. (*Private Employment Agencies Act 1981*).

Следует отметить и «Постановление губернатора провинции Западный Калимантан № 11 от 2016 г. о размещении и защите индонезийских работников в учреждениях комплексного обслуживания по принципу «одного окна» в провинции Западный Калимантан» (*Peraturan Gubernur Provinsi Kalimantan Barat Nomor 11 Tahun 2016 tentang Lembaga Pelayanan Terpadu Satu Atap Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia Provinsi Kalimantan Barat*).

3. Решения международных судебных органов

Третью группу источников составляют избранные решения Международного суда ООН по территориальным спорам, а также сопутствующие состязательные бумаги и письменные заявления, предъявляемые сторонами, в том числе меморандумы, контрмеморандумы и специальные соглашения.

В силу обострения территориального вопроса в индонезийско-малайзийских отношениях на рубеже XX и XXI вв. важнейшим источником в данном блоке является Решение Международного суда ООН по делу о суверенитете над островами Лигитан и Сипадан (Индонезия против Малайзии) от 17 декабря 2002 г.

(*International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment of 17 December 2002*). Оно стало ключевой вехой в истории развития территориальной проблемы в море Сулавеси и может иметь фундаментальное значение не только для урегулирования текущих и дальнейших споров о делимитации межгосударственной границы, но и для развития индонезийско-малайзийского сотрудничества в целом.

4. Программы национального развития

Нельзя обойти вниманием и ряд программных документов национального значения. Прежде всего особый интерес представляют малайзийские «Концепция внешней политики Новой Малайзии» (*Foreign Policy Framework of the New Malaysia*), «Концепция всеобщего процветания – 2030» (*Wawasan Kemakmuran Bersama 2030*), а также концепция «Видение Индонезии – 2045» (*Visi Indonesia 2045*). Представленные программы являются государственными проектами развития Малайзии и Индонезии. Хотя главный акцент в данных документах сделан на различных аспектах внутривнутриполитического развития, встречаются упоминания и внешнеполитической составляющей, что позволяет получить представление о приоритетных направлениях и целях внешней политики Индонезии и Малайзии как на современном этапе, так и в недавнем прошлом.

Отдельный блок в рассматриваемом разделе составляют программные документы, посвященные актуальным проблемам современности. Например, подготовленный в 2021 г. правительством Малайзии «Национальный план по борьбе с торговлей людьми (2021–2025)» (*National Plan of Action on Anti-Trafficking in Persons (2021–2025)*, 2021).

5. Заявления, интервью и мемуары политических деятелей

Следующая группа источников включает выступления представителей высшего руководства Индонезии и Малайзии, к примеру, Сукарно, Джоко Видодо, Махатхира Мохаммада и некоторых других. В своих речах государственные и политические деятели обращаются к актуальным проблемам международных отношений и глобального развития, задачам, стоящим перед мировым сообществом и каждой из стран по отдельности. Кроме того, нередко поводом для

заявлений становились расширение конфликтного пространства в мировой политике, возрастание напряженности и, соответственно, возможность участия представляемым тем или иным выступающим государством в происходивших процессах.

В свою очередь некоторые интервью и мемуары позволили обогатить представление об описываемых в работе событиях и их историческом контексте. Нельзя не упомянуть текст беседы В. В. Наумкина с Махатхиром Мохамадом во время их встречи в г. Путраджайя (Малайзия) в 2013 г.² Ключевое внимание в разговоре было уделено современной системе международных отношений и месту Малайзии в глобальном политическом процессе, а также роли исламского фактора. Вместе с тем мемуары Махатхира Мохамада «Доктор своей страны. Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии» (2015)³ содержат личные впечатления политического деятеля и дают понимание и оценку произошедших событий.

б. Статистические и справочные материалы

К представленной категории относятся сборники информационно-аналитических материалов, подготовленные как межправительственными организациями и комиссиями, так и местными государственными учреждениями и агентствами. Значительная часть документов данного блока вводится в научный оборот впервые.

Помимо отчетов о результатах национальных переписей населения, при осуществлении настоящего исследования ценным источником сведений, позволившим сформировать целостное представление о тенденциях, закономерностях и вызовах в современных миграционных процессах стали доклады и обзоры международных структур, в том числе отчеты Международной организации по миграции (*International Organization for Migration*) «Трудовая миграция из Индонезии: обзор индонезийской миграции в отдельные страны Азии и Ближнего Востока» (*Labour Migration from Indonesia: An Overview of Indonesian*

---

² Махатхир бин Мохамад о современном мире (беседа с Виталием Наумкиным). М.: ИВ РАН, 2013.

³ Махатхир Мохамад Доктор своей страны. Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. М.: МГИМО-Университет, 2015.

Migration to Selected Destinations in Asia and the Middle East, 2010), «Характеристика торговли людьми в приграничных районах Калимантана» (*The Profile of Trafficking in Persons in the Border Area of Kalimantan*, 2020), доклад Всемирного банка (*World Bank*) «Индонезийские рабочие по всему миру: баланс возможностей и рисков» (*Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks*, 2017). Данные и заключения, опубликованные в упомянутых документах, раскрывают особенности развития миграционной политики как индонезийских властей, так и принимающих стран (не в последнюю очередь Малайзии), рассказывают о проблемах, трудностях и рисках, которые связаны с зарубежной трудовой миграцией, послужили обострению проблемы безопасности и превратились в один из факторов ее развития.

Составить представление о мерах, предпринимаемых для решения столь острой проблемы, помогли отдельные инструкции, памятки и рекомендации, разработанные с целью информирования потенциальных мигрантов о правах и обязанностях работников и работодателей, обеспечения четкого понимания организационно-правовых процедур, включая «Руководство по официальному и безопасному трудоустройству за границей» (*Buku Panduan Bekerja ke Luar Negeri Secara Resmi dan Aman*, 2013) и «Руководство для индонезийских трудящихся-мигрантов: карманный справочник» (*Panduan Pekerja Migran Indonesia: Buku Saku*, 2016). Данные материалы были впервые введены в научный оборот в рамках настоящего исследования.

Впрочем, к рассматриваемой группе источников относятся не только непосредственно связанные с вопросами миграции. Внимания заслуживает, например, подготовленное Отделом по вопросам океана и морскому праву Управления по правовым вопросам ООН «Руководство по делимитации морских пространств» (*Handbook on the Delimitation of Maritime Boundaries*, 2000). Документ является руководством к толкованию и применению положений современного международного морского права и способствует глубокому пониманию и детальному осмыслению направлений дальнейшего продвижения переговорного процесса между Индонезией и Малайзией по территориальному вопросу.

7. Материалы средств массовой информации

При проведении настоящего исследования важнейшей публицистической базой стали статьи, опубликованные в иностранных газетах и журналах, а также сообщения различных международных информационных агентств, в том числе *Antara News, BBC, China Daily, CNN, Detik News, Free Malaysia Today, Kompas, New Straits Times, Reuters, Tempo, The Diplomat, The Guardian The Jakarta Post, Malay Mail, The Star, The Straits Times, The Washington Post* и др.

Теоретическая основа исследования

Особенности исследуемой проблематики обуславливают необходимость применения междисциплинарного подхода, который позволяет провести комплексный и системный анализ развития индонезийско-малайзийских отношений в исторической перспективе. Теоретическая база диссертации опирается на фундаментальные исследования в области международных отношений. Ключевыми для понимания основных научных подходов к изучению вопроса стали работы ведущих представителей российской научной школы международных отношений.

В данной связи особое место занимает труд отечественного политолога П. А. Цыганкова «Теория международных отношений» (2003)⁴, который позволил составить целостное и систематизированное представление об истории становления и развития ведущих научных школ и парадигм теории международных отношений, ключевых понятиях, особенностях основной проблематики и отдельных концепций. Вместе с тем в коллективной монографии под редакцией М. М. Лебедевой «Современные глобальные проблемы мировой политики» (2009)⁵ содержится общий обзор глобальных вызовов и тенденций современного мира, а также дается описание характера их влияния на международную безопасность.

Не меньшую важность представляет написанная в соавторстве А. Д. Богатуровым, Н. А. Косолаповым, М. А. Хрустальевым монография «Очерки

---

⁴ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003.

⁵ Современные глобальные проблемы мировой политики // под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009.

теории и политического анализа международных отношений» (2002)⁶. В своей работе исследователи не только знакомят читателя с некоторыми подходами к анализу международных процессов, обращаются к детальному рассмотрению теоретико-методологического инструментария, но и раскрывают значение и роль конфликтов, динамической стабильности, процессов глобализации и интернационализации в мировой политике.

Во многом тем же целям служат монографии М. А. Хрусталева «Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза» (2018)⁷ и А. Д. Богатурова «Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995)» (1997)⁸, «Международно-политический анализ» (2019)⁹, в которых изложены общие систематизированные сведения о международных отношениях как объекте политической науки через призму прикладного внешнеполитического анализа.

Раскрыть ключевые вопросы теории международных отношений в должной мере было бы крайне сложно без основополагающих работ в данной области. Фундаментальные положения реализма как одного из главных направлений в теории международных отношений изложены в знаменитой книге Э. Х. Карра «Двадцатилетний кризис, 1919–1939: Введение в изучение международных отношений» («*The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*», 1939)¹⁰ и работе Г. Моргантау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» («*Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*», 1948)¹¹. В ответ на вызовы глобализации и усиление интеграционных процессов политологами был предложен обновленный подход к определению значения силового фактора в мировой политике, что нашло

---

⁶ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002.

⁷ Хрусталева М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2018.

⁸ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997.

⁹ Богатуров А. Д. Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2019.

¹⁰ Carr E. H. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939*. New York: HarperCollins, 1964.

¹¹ Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1948.

отражение в развитии и последующей трансформации реалистической парадигмы в неореализм. В своем труде «Теория международной политики» («*Theory of International Politics*», 1979)¹² К. Н. Уолтц определил узловые точки неореализма, который стал отражением тенденций развития мировых политических процессов.

Вторая крупнейшая парадигма и ведущее направление теоретической школы международных отношений, в определенной степени противопоставленное реализму – либерализм. В работе Г. Кларка и Л. Б. Сона «Достижение мира через мировое право» («*World Peace Through World Law*», 1958)¹³ раскрывается сущность нового течения и подчеркивается роль межправительственных организаций в современной системе международных отношений.

Нельзя не упомянуть одно из новейших направлений теории международных отношений – конструктивизм, на положения и принципы которого опирается настоящее исследование. Значимой для истории политической науки и, в частности, конструктивистской парадигмы стала работа А. Вендта «Социальная теория международной политики» («*Social Theory of International Politics*», 1999)¹⁴. Конструктивисты рассматривают межгосударственные отношения как социальный конструкт, а острая проблема международной и национальной безопасности занимает особое место в их исследованиях. Труд Б. Бузана и О. Вэйвера «Регионы и державы: структура международной безопасности» («*Regions and Powers: The Structure of International Security*», 2003)¹⁵ раскрывает особенности теории комплексов региональной безопасности, основанной на разработанной сторонниками конструктивизма концепции секьюритизации.

Таким образом, произошел пересмотр традиционных подходов к анализу различных сторон проблемы безопасности. Она рассматривается многими конструктивистами как наиболее значимая в мировом политическом пространстве и решающий фактор, который необходимо учитывать при проведении анализа и

---

¹² *Waltz K. N. Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley, 1979.*

¹³ *Clark G., Sohn L. B. World Peace Through World Law. Cambridge: Harvard University Press, 1958.*

¹⁴ *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.*

¹⁵ *Buzan B., Woever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. New York: Cambridge University Press, 2003.*

оценки динамики современных международных отношений. Несмотря на некоторое несовершенство методологии, новаторский подход конструктивизма к рассмотрению традиционных проблем выводит его на первый план в современной политической науке.

При написании настоящей работы подспорьем также послужили исследования тех отечественных специалистов по теории международных отношений, которые уделяют значительное внимание конструктивизму. В частности, в своих статьях «Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир» (2014)¹⁶ и «“Третье поколение” конструктивизма: что нового?» (2022)¹⁷ Т. А. Алексеева пишет об истории развития данного направления, его специфических особенностях и, что наиболее важно, о новых тенденциях и перспективах развития методологии политической науки с позиции конструктивизма.

В рамках диссертации приоритетное внимание уделяется конструктивизму как одной из главных парадигм в современной теории международных отношений с присущим ему системным и комплексным подходом, где в основе анализа лежит критерий безопасности. Соответственно, так как исследование главным образом фокусируется на данном аспекте международных отношений, цель рассмотреть все возможные направления межгосударственного сотрудничества Индонезии и Малайзии в постколониальный период не ставилась.

Степень научной разработанности темы

В ходе написания работы автором были привлечены научные труды как на русском, так и на английском, индонезийском и малайзийском языках. Как правило, исследователи обращаются к теме отношений Индонезии и Малайзии в общем контексте исторического развития обоих государств, их внешней политики или же в рамках изучения особенностей функционирования АСЕАН.

---

¹⁶ Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. № 1 (14) (2014).

¹⁷ Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманитарные знания. Том 8, № 1 (2022).

Многочисленные монографии, статьи, сборники научных трудов и учебные пособия по тематике, смежной проблеме представленного исследования, можно обнаружить в отечественной историографии. В значительном пласте научной литературы, вышедшей из-под пера отечественных востоковедов, раскрываются различные грани общественно-политического и экономического пути Индонезии и Малайзии. Труды А. Ю. Другова¹⁸, Л. М. Ефимовой¹⁹, Е. А. Канаева²⁰, М. С. Капицы²¹, Е. В. Колдуновой²², Н. С. Куклина²³, Е. А. Кутовой²⁴, Н. П. Малетина²⁵, Д. В. Мосякова²⁶, В. А. Погадаева²⁷, А. В. Попова²⁸,

¹⁸ Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М.: Наука, 1969.

Другов А. Ю., Тюрин В. А. История Индонезии. XX век. М.: ИВ РАН, 2005.

Другов А. Ю. Религия и власть в современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 13 (2009).

¹⁹ Ефимова Л. М. Ислам Хадхари в современной Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 11 (2008).

Ефимова Л. М. Внешнеполитический процесс в Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. Том 1, № 10 (2010).

Ефимова Л. М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 33 (2016).

Ефимова Л. М. «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии // Ислам в современном мире. Том 13, № 1 (2017).

Ефимова Л. М. Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // Международные процессы. № 1 (2019).

²⁰ Канаев Е. А. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Международные процессы. Том 15, № 3 (2017).

²¹ Капица М. С., Малетин Н. П. Сукарно. Политическая биография. М.: Мысль, 1980.

²² Колдунова Е. В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. Том 15, № 3 (50) (2017).

Колдунова Е. В. АСЕАН: проблемы регионализма и перспективы интеграционных процессов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 11 (2018).

²³ Куклин Н. С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 1, № 2 (43) (2019).

Куклин Н. С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023.

²⁴ Кутовая Е. А. ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 34, № 34 (2017).

²⁵ Малетин Н. П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007.

Малетин Н. П. Долгая жизнь Балийского договора // Международная жизнь. № 10 (2010).

²⁶ Мосяков Д. В. Парадоксы развития стран АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 34 (2017).

²⁷ Погадаев В. А. Малайзия. Феномен личности Махатхира: девятнадцать лет, которые преобразили страну // Азия и Африка сегодня. № 5 (2001).

Погадаев В. А. Малайзия: возвращение Махатхира // Азия и Африка сегодня. № 9 (2018).

²⁸ Попов А. В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М.: ИВ РАН, 2010.

А. А. Рогожина²⁹, Н. Г. Рогожиной³⁰, В. В. Сумского³¹, В. А. Тюрина³², В. Ф. Урляпова³³, Н. И. Хохловой³⁴, В. А. Цыганова³⁵ и М. А. Шпаковской³⁶ в той или иной степени затрагивают ключевые аспекты развития индонезийско-малайзийского сотрудничества на различных этапах независимого существования государств и представляют важное значение для данного исследования.

Составить общее представление об историческом развитии Индонезии и Малайзии как до, так и после обретения странами независимости помогли работы В. А. Тюрина «История Малайзии. Краткий очерк» (1980) и «История Индонезии» (2004). Данные труды позволяют наиболее полно оценить эволюцию индонезийской и малайзийской государственности в контексте всемирно-исторического процесса. Вместе с тем в совместных монографиях А. Ю. Другова и В. А. Тюрина «История Индонезии. XX век» (2005), В. А. Тюрина и В. А. Цыганова «История Малайзии. XX век» (2010) описаны основные этапы пути к обеспечению государственного суверенитета, дана полная картина формирования и развития

²⁹ Рогожина Н. Г., Рогожин А. А. Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии – условие проведения политики “мягкой силы” // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 63, № 4 (2019).

³⁰ Рогожина Н. Г. Первый принцип Панчасила и современное рабство в странах ЮВА // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 27 (2015).

Рогожина Н. Г. АСЕАН – региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том 1, № 1 (42) (2019).

Рогожина Н. Г. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 64, № 8 (2020).

Рогожина Н. Г. Внутрорегиональная миграция трудовых ресурсов в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 64, № 3 (2020).

Рогожина Н. Г. Угроза терроризма в Юго-Восточной Азии сохраняется // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том 2, № 2 (63) (2024).

³¹ Сумский В. В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // *Международная жизнь*. № 4 (2021).

³² Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М.: Наука, 1980.

Тюрин В. А. История Индонезии. М.: Восточный университет, 2004.

³³ Урляпов В. Ф. Индонезия и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Наука, 1993.

Урляпов В. Ф. Внешняя политика Малайзии от Махатхира Мохаммада до Наджиба Разака. М.: ИВ РАН, 2015.

³⁴ Хохлова Н. И. Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно // *Вестник МГИМО-Университета*. Том 4, № 19 (2011).

Хохлова Н. И., Гришианов Р. С. Эволюция внешнеполитической стратегии Индонезии в период независимости // *Право и управление*. XXI век. № 3 (36) (2015).

Хохлова Н. И. Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 37 (2017).

³⁵ Тюрин В. А., Цыганов В. А. История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.

³⁶ Куклин Н. С., Шпаковская М. А. Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001–2009 гг.) // *Вопросы Истории*. № 9 (2021).

новой политической системы, а также, что наиболее ценно в рассматриваемом контексте, приводится информация о генезисе межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии в связи с особенностями внутривнутриполитической трансформации на каждом из рассматриваемых этапов.

Серьезным подспорьем при работе над темой диссертации стал труд А. Ю. Другова и А. Б. Резникова «Индонезия в период “направляемой демократии”» (1969), в котором не только даются анализ событий 1960–1965 гг., описание становления и утверждения обновленной политической системы, но и раскрываются причины ее упадка на фоне индонезийско-малайзийской конфронтации.

Важное значение для осуществления цели настоящего исследования имеет следующая историографическая группа: работы, посвященные геополитическим и идеологическим истокам, движущим силам, закономерностям становления и функционирования независимых внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии. Ключевые особенности и этапы внешнеполитического процесса отражены, в частности, в монографиях В. Ф. Урляпова «Индонезия и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (1993) и «Внешняя Махатхира Мохаммада до Наджиба Разака» (2015), трудах Л. М. Ефимовой «Внешнеполитический процесс в Индонезии» (2010), «Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо» (2016), статьях Н. И. Хохловой «Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С. Б. Юдойоно» (2011), «Эволюция внешнеполитической стратегии Индонезии в период независимости» (2015) и «Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо» (2017), работах Н. С. Куклина «Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо» (2019), «Концептуальные основы внешней политики Индонезии» (2023) и совместной статье Н. С. Куклина, М. А. Шпаковской «Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001–2009 гг.)» (2021).

В упомянутых научных трудах исследуются основные направления, тенденции и факторы формирования государственной внешней политики. Отдельное внимание уделяется особенностям ее внешнего обрамления и внутреннего содержания, раскрываются цели и результаты избранной стратегии. Вместе с тем акцент в данных работах, посвященных преимущественно Индонезии, сделан на обзоре внешнеполитической деятельности и анализе ключевых компонентов стратегии, а индонезийско-малайзийские отношения, если и рассматриваются, то на общем фоне международных политических процессов.

Не вызывает сомнений, что вопросы внешней политики тесно связаны со внутривнутриполитической обстановкой. В данной связи большой интерес представляют научные труды, в которых отражены особенности внутривнутриполитического развития, оказавшие значительное влияние на формирование внешней политики государства. Не случайно при работе над темой исследования были использованы монографии и статьи, которые, хотя и не связаны с вопросом индонезийско-малайзийских отношений напрямую, раскрывают череду факторов внешней политики, в частности, роль политических деятелей, которые приняли непосредственное участие как в выработке, так и в реализации внешнеполитических курсов обеих стран. Ярким примером служат труды В. А. Погадаева, посвященные архитектору «малайзийского чуда», четвертому и седьмому премьер-министру страны Махатхиру Мохамладу: «Малайзия. Феномен личности Махатхира: девятнадцать лет, которые преобразили страну» (2001) и «Малайзия: возвращение Махатхира» (2018). На их страницах освещен вопрос личностного фактора в политике и его значения для формирования внешнеполитической идентичности страны. Данной цели служит и совместная монография М. С. Капицы, Н. П. Малетина «Сукарно. Политическая биография» (1980), в которой содержится анализ профессиональной деятельности первого президента Индонезии, в том числе через призму его жизненного опыта и мировоззрения.

В отечественную историографию внешней политики Индонезии и Малайзии большой вклад внесли работы, посвященные тем сторонам общественной жизни, которые в той или иной степени оказывают влияние на процесс принятия

внешнеполитических решений. В частности, особенности проявления религиозного фактора детально рассмотрены в статье А. Ю. Другова «Религия и власть в современной Индонезии» (2009), а также в статьях Л. М. Ефимовой «Ислам Хадхари в современной Малайзии» (2008) и «Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии» (2019). Отдельного внимания заслуживают монография А. В. Попова «Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития» (2019) и работа Н. Г. Рогожиной, А. А. Рогожина «Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии – условие проведения политики “мягкой силы”» (2019), благодаря которым стало возможно составить представление об экономическом факторе становления внешнеполитического курса, а также новейших тенденциях и динамике развития основных форм международных экономических отношений в регионе.

Значительный массив научных трудов отечественных исследователей посвящен ведущей политической силе и центральной межправительственной организации Юго-Восточной Азии – АСЕАН. При раскрытия темы диссертации важную роль сыграли исследования Н. П. Малетина «АСЕАН: Четыре десятилетия развития» (2007) и «Долгая жизнь Балийского договора» (2010), В. В. Сумского «“Индо-тихоокеанское видение АСЕАН” и вертикальный взлет американо-китайских противоречий» (2011), Д. В. Мосякова «Парадоксы развития стран АСЕАН» (2017), Е. В. Колдуновой «АСЕАН: проблемы регионализма и перспективы интеграционных процессов» (2008), «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН» (2017), Е. А. Канаева «Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии» (2017). Данные работы послужили серьезным подспорьем для глубокого понимания идеологической составляющей и организационной структуры АСЕАН, ее места в современных международных отношениях, во внешней политике Индонезии и Малайзии и их межгосударственном сотрудничестве.

Вместе с тем следует отметить коллективную монографию «АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы» (2023)³⁷. В рамках фундаментального исследования проводится анализ глобальной роли ассоциации на международной арене, подробно освещаются особенности процессов региональной интеграции, дается оценка механизмам диалогового партнерства и раскрываются задачи организации на современном этапе.

Серьезное внимание в аспекте проблематики диссертации привлекли многоплановые исследования по обширному кругу вопросов, в частности, угрозам безопасности и смежным проблемам. Нельзя оставить без отдельного упоминания работы Н. Г. Рогожиной «Первый принцип Панчасила и современное рабство в странах ЮВА» (2015), «АСЕАН – региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом» (2019), «Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии» (2020), «Внутрирегиональная миграция трудовых ресурсов в Юго-Восточной Азии» (2020), «Угроза терроризма в Юго-Восточной Азии сохраняется» (2024), Е. А. Кутовой «ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии» (2017) и Л. М. Ефимовой «“Мягкая сила” против религиозного терроризма в Индонезии» (2017).

Несмотря на довольно впечатляющий пласт научной литературы, разработанность темы индонезийско-малайзийских отношений в отечественной историографии, как представляется, нельзя признать достаточной. Данная черта в некоторой степени характерна и для зарубежной историографии.

Определенный интерес представляют труды зарубежных ученых, где отражен широкий спектр направлений в межгосударственных отношениях Индонезии и Малайзии. В частности, следует упомянуть австралийского историка Б. У. Андайя³⁸, индонезийского ученого И. М. А. Арсана³⁹, исследователя из

---

³⁷ АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы // под ред. В. М. Мазырина и Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2023.

³⁸ *Andaya B. W.* History of Malaysia. London: Macmillan, 1984.

³⁹ *Arsana I. M. A.* Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach. Wollongong: UOW, 2014.

Брунея С. К. Дрюса⁴⁰, сингапурского политолога Дж. Ч. Лью⁴¹, канадского исследователя Ш. Нарине⁴², австралийского историка Г. Пулгрейна⁴³, малайзийского историка Д. С. Р. Сингха⁴⁴, индонезийского специалиста по международному праву И. Б. Р. Супанчана⁴⁵, сингапурского ученого Л. Сурьядината⁴⁶, британского специалиста по международным отношениям Л. Сутгейт⁴⁷, британского исследователя истории Юго-Восточной Азии Н. Тарлинга⁴⁸, британского ученого Р. Халлер-Троста⁴⁹, индонезийского профессора М. Хендрапати⁵⁰, австралийского исследователя Г. Хьюго⁵¹ и малайзийского политолога А. Н. Якуба⁵². Библиографической базой при написании данной работы стали именно их труды.

---

⁴⁰ *Druce S. C., Baikoeni E. Y.* Circumventing Conflict: The Indonesia – Malaysia Ambalat Block Dispute. Berlin: Springer, 2016.

⁴¹ *Liow J. C.* The Politics of Indonesia – Malaysia Relations: One Kin, Two Nations. Abington: Routledge, 2005.

Liow J. C. Tunku Abdul Rahman and Malaya's Relations with Indonesia, 1957–1960 // *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 36, No. 1 (2005).

⁴² *Narine S.* ASEAN and the Management of Regional Security // *Pacific Affairs*. Vol. 71, No. 2 (1998).

⁴³ *Poulgrain G.* The Genesis of Konfrontasi: Malaysia, Brunei and Indonesia, 1945–1965. London: C. Hurts & Co., 1998.

⁴⁴ *Singh D. S. R.* The Indonesia – Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands. Singapore: ISEAS, 2020.

⁴⁵ *Supancana I. B. R.* Maritime Boundary Disputes between Indonesia and Malaysia in the Area of Ambalat Block: Some Optional Scenarios for Peaceful Settlement // *Journal of East Asia and International Law*. Vol. 8, No. 1, 2015.

⁴⁶ *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022.

⁴⁷ *Southgate L.* ASEAN Resistance to Sovereignty Violation: Interests, Balancing and the Role of the Vanguard State. Bristol: Bristol University Press, 2019.

Southgate L. ASEAN: Still the Zone of Peace, Freedom and Neutrality? // *Political Science*. Vol. 73, No. 1 (2021).

⁴⁸ *Tarling N.* Regionalism in Southeast Asia: To Foster the Political Will. London: Routledge, 2006.

Tarling N. Britain, the Tunku and West New Guinea 1957–1963 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 83, No. 1 (2010).

Tarling N. Southeast Asian Regionalism New Zealand Perspectives. Singapore: ISEAS, 2011.

⁴⁹ *Haller-Trost R.* The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // *Boundary & Territory Briefings*. Vol. 2, No. 2 (1995).

⁵⁰ *Hendrapati M.* Implication of the ICJ Decision Respecting Sipadan – Ligitan Case towards Base Points and Maritime Delimitation // *International Journal of Sciences: Basic and Applied Research*. Vol. 14, No. 1, 2014.

Hendrapati M., Ashri M., Ruslan A., Muchtar S., Patittingi F., Noor S. M., Hambali R., Sumardi J. Today's Ambalat: Neglecting the Basepoints of Sipadan and Ligitan Islands for Maintaining the Equidistance Principle in the Disputed Area // *East Asian Observer*. Vol. 10, No. 1 (2017).

⁵¹ *Hugo G.* Indonesian Labour Migration to Malaysia: Trends and Policy Implications // *Southeast Asian Journal of Social Science*. Vol. 21, No. 1 (1993).

⁵² *Yaakub A. N.* Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations. Perth: University of Western Australia, 2009.

С одной стороны, зарубежные исследователи чаще, чем отечественные востоковеды, обращаются к теме индонезийско-малайзийских отношений, раскрывают различные аспекты двустороннего и многостороннего сотрудничества, его истории и современного состояния. С другой стороны, хотя в зарубежной историографии тема индонезийско-малайзийских отношений освещена относительно широко, как и отечественные исследователи, зарубежные ученые по большей части рассматривают отдельные аспекты двустороннего взаимодействия (например, индонезийско-малайзийскую конфронтацию, территориальный вопрос) или же обращаются к тематике представленного исследования в рамках анализа деятельности АСЕАН, а также исторического развития стран Юго-Восточной Азии в целом.

Исключение составляют, к примеру, работа сингапурского политолога Дж. Ч. Лью «Политические аспекты индонезийско-малайзийских отношений: один народ, две нации» («*The Politics of Indonesia – Malaysia Relations: One Kin, Two Nations*», 2005) и труд малайзийского ученого А. Н. Якуба «Малайзия и Индонезия: исследование в области внешней политики с уделением особого внимания двусторонним отношениям» («*Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations*», 2009). Упомянутые эксперты обращаются к теме истории развития индонезийско-малайзийских связей с точки зрения комплексного подхода, рассматривают различные грани двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Примечательно, что, к примеру, А. Н. Якуб во многом придерживается принципов конструктивизма. Он раскрывает роль лидера и исламского фактора в формировании внешнеполитических стратегий Индонезии и Малайзии, сравнивает особенности тех или иных направлений сотрудничества на различных этапах исторического пути в контексте «особых отношений» между странами и национализма как фактора политических трансформаций.

В то же время, хотя работа Дж. Ч. Лью также дает всесторонний обзор двусторонних связей между Индонезией и Малайзией, исследователь утверждает, что их межгосударственные отношения в значительной степени определялись

соперничеством, несмотря на определенные этнические и социально-культурные сходства. Именно через призму данного фактора Дж. Ч. Лью описывает развитие индонезийско-малайзийского взаимодействия в постколониальную эпоху.

Для более полной характеристики одного из наиболее сложных периодов в индонезийско-малайзийских отношениях – конфронтации – был изучен ряд работ по истории возникновения и развития конфликта. В частности, всестороннее освещение данного вопроса можно найти в трудах Г. Пулгрейна «Возникновение конфронтации: Малайзия, Бруней и Индонезия, 1945–1965 гг.» («*The Genesis of Konfrontasi: Malaysia, Brunei and Indonesia, 1945–1965*», 1998) и А. Б. Иршанто «От конфронтации к миру (отношения Индонезии и Малайзии в 1963–1966 гг.)» («*Dari Konfrontasi Ke Perdamaian (Hubungan Indonesia – Malaysia 1963–1966)*», 2019)⁵³.

Глубокому рассмотрению различных аспектов развития интеграционных процессов в регионе, истории создания и особенностей функционирования АСЕАН посвящен широкий спектр научных исследований. Вклад в развитие данного направления внесли, например, работы Н. Тарлинга «Регионализм в Юго-Восточной Азии: к укреплению политической воли» («*Regionalism in Southeast Asia: To Foster the Political Will*», 2006), Р. Эммерса «Обзор политики нейтралитета АСЕАН: стремление к автономии и беспристрастности в Юго-Восточной Азии» («*Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia*», 2018)⁵⁴, Л. Сутгейт «Сопrotивление АСЕАН нарушению суверенитета: интересы, баланс и роль государства-авангарда» («*ASEAN Resistance to Sovereignty Violation: Interests, Balancing and the Role of the Vanguard State*», 2019) и «АСЕАН: по-прежнему зона мира, свободы и нейтралитета?» («*ASEAN: Still the Zone of Peace, Freedom and Neutrality?*», 2021).

Для раскрытия темы диссертации полезным оказался ряд работ, в которых проводится анализ роли и места Индонезии и Малайзии в формировании основ

---

⁵³ *Irshanto A. B. Dari Konfrontasi Ke Perdamaian (Hubungan Indonesia – Malaysia 1963–1966) // Jurnal Pendidikan Sejarah. Vol. 8, No. 2 (2019).*

⁵⁴ *Emmers R. Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia // Contemporary Southeast Asia. Vol. 40, No. 3 (2018).*

современного регионального порядка. В своей статье «Роль Индонезии в развитии АСЕАН» («*Role of Indonesia in the Evolution of ASEAN*», 2017)⁵⁵ А. Артнер попыталась выявить коренные причины возникновения трудностей регионализации и оценить препятствия, которые стоят на пути интеграционных процессов, уделяя при этом особое внимание национальным интересам Индонезии.

Кроме того, примечательна статья С. Д. М. Перо и Л. С. А. Апанди «Лидерство Малайзии в АСЕАН: анализ» («*Malaysia's Leadership Role in ASEAN: An Assessment*», 2018)⁵⁶. Авторы приходят к выводу, что Малайзия вполне может считаться неформальным лидером АСЕАН, хотя, как справедливо отмечено, данная тема по большей части остается на периферии внимания научного сообщества. Предложенный тезис кажется несколько спорным, поэтому он требует ревизии. Тем не менее приведенные в статье аргументы логичны и последовательны, и вопрос заслуживает дальнейшего обстоятельного изучения.

В рамках рассмотрения зарубежной историографии нельзя не затронуть отдельный блок исследований, тематика которых охватывает разнообразные грани межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии. Прежде всего представляется важным подчеркнуть, что значительную группу научной литературы, задействованной при написании данной работы, составляют труды, посвященные территориальной проблеме, которая нередко рассматривается как наиболее острая в индонезийско-малайзийских отношениях.

Диссертационное исследование И. М. А. Арсана «Проблемы и возможности делимитации морских границ Индонезии: правовой и технический подходы» («*Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach*», 2014) представляет собой ценный научный труд, который раскрывает широкий спектр проблем по проведению окончательной делимитации морской границы между Индонезией и соседними государствами.

---

⁵⁵ Artner A. Role of Indonesia in the Evolution of ASEAN // The Journal of East Asian Affairs. Vol. 31, No. 1 (2017).

⁵⁶ Pero S. D. M., Apandi L. S. A. Malaysia's Leadership Role in ASEAN: An Assessment // Journal of International Studies. Vol. 14 (2018).

Автор не только рассматривает варианты урегулирования вопроса, но и дает критическую оценку известным подходам к разграничению морских пространств.

Статья Дж. Г. Батчера «Международный суд ООН и территориальный спор между Индонезией и Малайзией в море Сулавеси» («*The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea*», 2013)⁵⁷ предоставила возможность для более детальной проработки проблемы. Исследование посвящено вопросу делимитации межгосударственной границы в море Сулавеси и, в частности, роли Международного суда ООН в урегулировании спора о принадлежности островов Сипадан и Лигитан, а также последствиям принятого решения для дальнейшего хода переговоров. Именно данный спор обладал значительным конфликтным потенциалом и грозил перейти из проблемы двусторонних отношений в международную плоскость. Описываемые в статье события стали отправной точкой для некоторой, хотя все же недостаточной, активизации переговорного процесса по острому вопросу делимитации индонезийско-малайзийской границы.

Несомненный интерес представляет и статья И. Б. Р. Супанчана «Споры о морской границе между Индонезией и Малайзией в районе блока Амбалат: некоторые возможные сценарии мирного урегулирования» («*Maritime Boundary Disputes between Indonesia and Malaysia in the Area of Ambalat Block: Some Optional Scenarios for Peaceful Settlement*», 2015). Как и вышеупомянутая работа Дж. Г. Батчера, статья И. Б. Р. Супанчана посвящена болезненному вопросу делимитации моря Сулавеси, а именно богатого природными ресурсами блока Амбалат. Приоритетное внимание автор уделяет наиболее эффективным и действенным путям и методам разрешения проблемы с учетом существующих правовых механизмов и международного опыта.

Важное место в настоящей работе занимает изучение новых вызовов международной безопасности. Как было отмечено выше, ярким примером служит проблема терроризма, которая представляет реальную угрозу безопасности в

---

⁵⁷ *Butcher J. G. The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea // Contemporary Southeast Asia. Vol. 35, No. 2 (2013).*

регионе. При написании диссертации нельзя было обойти вниманием зарубежные исследования, в которых не только приводится общая характеристика проблемы терроризма в Индонезии и Малайзии и выявлены ее ключевые особенности, но и анализируются подходы к разработке национальных и международных контртеррористических стратегий, дается оценка индонезийско-малайзийского сотрудничества по предупреждению терроризма и борьбе с ним.

Раскрытию темы существенно помогли научные статьи К. Рамакришны «“Подход Юго-Восточной Азии” к борьбе с терроризмом: опыт Индонезии и Малайзии» («*The Southeast Asian Approach" to Counter – Terrorism: Learning from Indonesia and Malaysia*», 2005)⁵⁸, А. Сатрия «Два десятилетия борьбы с терроризмом в Индонезии: успешный опыт и будущие вызовы» («*Two Decades of Counterterrorism in Indonesia: Successful Developments and Future Challenges*», 2022)⁵⁹, Р. Дасса, Т. К. Сэмюэла «Терроризм и борьба с терроризмом в Малайзии в постпандемийный период» («*Terrorism and Counter Terrorism in Malaysia in a Post-Pandemic Environment*», 2023)⁶⁰, а также статья М. И. С. Саидина и К. А. Т. Кхалид «Борьба с “Исламским государством”⁶¹: анализ опыта Малайзии в борьбе с терроризмом и дерадикализации бывших заключенных» («*Combating Daesh: Insights into Malaysia’s Counter-Terrorism Experience and the Deradicalisation of Former Detainees*», 2023)⁶².

В то же время целый ряд научных работ посвящен другому важному направлению в индонезийско-малайзийских отношениях – сотрудничеству в сфере трудовой миграции. Особое место в данном контексте занимает проблема нелегальной миграции как нетрадиционная угроза безопасности. Успешные

---

⁵⁸ Ramakrishna K. "The Southeast Asian Approach" to Counter – Terrorism: Learning from Indonesia and Malaysia // Journal of Conflict Studies. Vol. 25, No. 1 (2005).

⁵⁹ Satria A. Two Decades of Counterterrorism in Indonesia: Successful Developments and Future Challenges // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 14, No. 5 (2022).

⁶⁰ Dass R., Samuel T. K. Terrorism and Counter Terrorism in Malaysia in a Post-Pandemic Environment // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 15, No. 3 (2023).

⁶¹ Организация запрещена в России.

⁶² Saidin M. I. S., Khalid K. A. T. Combating Daesh: Insights into Malaysia’s Counter-Terrorism Experience and the Deradicalisation of Former Detainees // Religions. Vol. 14, No. 3 (2023).

попытки детального и систематизированного изложения вопроса предприняты в работах К. Оздена, М. Теставерде, М. Вагнера «Как и почему иммиграция влияет на преступность? По данным Малайзии» («*How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia*», 2018)⁶³, Ф. Джарвиса, Д. Халима, Е. Перовой «Почему индонезийские мужчины и женщины выбирают нелегальную миграцию? Изучение гендерных различий на примере моделей трудовой миграции» («*Why do Indonesian Men and Women Choose Undocumented Migration? Exploring Gender Differences in Labor Migration Patterns*», 2019)⁶⁴, А. Дармаяни «Прозрачная граница? Индонезийско-малайзийская трудовая миграция и торговля людьми через призму безопасности человека» («*A Fluid Border? Indonesia-Malaysia Labour Migration and Human Trafficking from Human Security Perspectives*», 2021)⁶⁵.

Перечисленные работы способствовали глубокому пониманию современной миграционной ситуации и вызовов, с которыми сталкиваются индонезийские трудящиеся за границей. Кроме того, пристальное внимание в упомянутых статьях уделяется разбору комплекса мер по урегулированию миграционных проблем, в частности, совершенствованию национального законодательства и программам по развитию межгосударственного сотрудничества Индонезии и Малайзии в данной сфере. Определенным недостатком работ может быть недооценка комплексного подхода при рассмотрении миграционной проблемы. Тем не менее некоторые пробелы в научных исследованиях восполняются детальными и всеобъемлющими аналитическими отчетами и сборниками информационных материалов, подготовленными профильными агентствами.

Отдельного упоминания заслуживают электронные библиотеки и базы данных, в которых была обнаружена часть материалов, задействованных при написании данной работы: Национальный архив Малайзии, Национальный архив

---

⁶³ Ozden C., Testaverde M., Wagner M. How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia // The World Bank Economic Review. Vol. 32, No. 1 (2018).

⁶⁴ Jarvis F., Halim D., Perova E. Why do Indonesian Men and Women Choose Undocumented Migration? Exploring Gender Differences in Labor Migration Patterns // East Asia and Pacific Gender Policy Brief. No. 7 (2019).

⁶⁵ Darmayani A. A Fluid Border? Indonesia-Malaysia Labour Migration and Human Trafficking from Human Security Perspectives. URL: <https://thesis.eur.nl/pub/61024> (дата обращения: 15.09.2024).

Индонезии, Национальный архив Сингапура, Архив ООН, Архив национальной безопасности США, Государственная библиотека Южной Австралии, Центральное статистическое бюро Индонезии, а также *JSTOR*, *Internet Archive*, *ResearchGate*.

Структура работы

Представленное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии. *Первая глава* работы посвящена истории международных отношений, теоретическим и методологическим подходам к их изучению, эволюции теории международных отношений на примере основных концепций. Особое внимание уделено конструктивизму как одному из новейших направлений в современной теории международных отношений.

Во *второй главе* диссертации рассматриваются эволюция внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии в первые годы после обретения независимости, их характерные особенности и основополагающие принципы на каждом из рассматриваемых этапов. В то же время подчеркивается важность внутренних и международных факторов развития внешней политики. Ключевое место в данном разделе занимает ярчайший период в истории двусторонних отношений – индонезийско-малайзийская конфронтация.

В *третьей главе* прослеживается динамика развития внешней политики Индонезии и Малайзии и их межгосударственных связей в период с 1967 по 2023 гг., представлен детальный анализ основных элементов внешнеполитической деятельности и специфики ее планирования. Центральное место в данной главе занимает описание региональной интеграции, выделяются ее основные этапы, формы и отличительные черты. Вместе с тем изучены место и роль Индонезии и Малайзии в истории становления региональной архитектуры и институциональной трансформации АСЕАН на протяжении второй половины XX в. – начала XXI в., как и значение данных процессов для политического развития обеих стран.

Четвертая глава посвящена традиционной проблеме безопасности и одной из наиболее острых в межгосударственных отношениях Индонезии и Малайзии – территориальному вопросу. Раскрывается процесс его формирования и развития в исторической перспективе, освещаются правовые и технические аспекты. На

примере недавнего спора о принадлежности островов Сипадан и Лигитан и проблемы делимитации межгосударственной границы в море Сулавеси анализируются основные причины обострения противоречий и предпринимается попытка обозначить возможные пути решения территориальной проблемы.

В *пятой главе* рассматриваются некоторые нетрадиционные проблемы безопасности, глобальные и региональные вызовы, с которыми сталкиваются Индонезия и Малайзия на современном этапе. Первый параграф знакомит читателя с проблемой международного терроризма и опытом Индонезии и Малайзии в области антитеррористической политики. Дается общая характеристика вопроса, обозначаются механизмы правового регулирования и результаты функционирования общегосударственных систем противодействия терроризму, а также выделяются те методы и формы сотрудничества, которые могут дать ключ к пониманию основных принципов разработки и реализации политики в сфере борьбы с терроризмом в Юго-Восточной Азии. Во втором параграфе освещены основные направления и тенденции развития трудовой миграции из Индонезии в Малайзию, ее ключевые факторы, социально-экономические и международно-правовые последствия. Особое внимание уделяется острому вопросу нелегальной миграции, выступающему источником напряженности не только в индонезийско-малайзийских отношениях, но и в регионе в целом.

Изучение межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии представляет интерес для исследователей, будучи глубокой и многоплановой темой как в силу специфических особенностей двусторонних отношений, так и их значимости для политического развития Юго-Восточной Азии. Не будет преувеличением утверждать, что доколониальный и колониальный периоды в истории Нусантары⁶⁶ заложили прочный фундамент для политического, социально-экономического и культурного пути обеих стран на современном этапе.

Для доколониального периода (с древнейших времен до XVI в.) было характерно отсутствие постоянных четких межгосударственных границ, во многом

---

⁶⁶ Историко-культурное понятие, обозначающее районы проживания австронезийских народов. В современном значении – территория Индонезии, Малайзии, Сингапура и Брунея.

общая история населяющих регион народов, схожий уровень их политического, социально-экономического и культурного развития. В ту же эпоху произошли возникновение и релокация разнообразных местных центров силы, зачастую конкурировавших между собой и порой распространявших сферы своего влияния далеко за пределы современных границ государств.

В колониальный период (XVI – середина XX вв.) система политических и социально-экономических отношений в местных сообществах претерпела значительные изменения, истоком которых послужили потеря независимости целого ряда государственных образований региона, их полная колониальная зависимость от метрополий, религиозное размежевание и последующее возникновение национальных освободительных движений. Фокус политической и экономической деятельности территорий, сохранивших относительную самостоятельность, во многом сместился в сторону защиты суверенности и антиколониальную борьбу. Наблюдалось зарождение процессов консолидации и постепенного поступательного объединения, формирования основы для последующей демаркации, которую в определенной степени стимулировали нарастающие системные противоречия, возникшие из-за разницы колониальных культур, политических, административных и экономических подходов и практик.

Несмотря на определенную неравномерность и асинхронность развития и исторически сложившуюся изначальную раздробленность на множество мелких государственных образований, в целом история Индонезии и Малайзии характеризуется тесным переплетением (самого исторического развития, культур, этнических, социально-политических и экономических особенностей).

С провозглашением независимости начинается современный этап развития межгосударственных связей, которые, даже принимая во внимание положительную динамику, различные формы двустороннего и многостороннего сотрудничества и весомый потенциал, прошли сложный и тернистый путь. Учитывая относительно небольшой в исторической перспективе период совместного суверенного сосуществования Индонезии и Малайзии, по сравнению с их общей многовековой историей, процесс формирования политико-

географического «обрамления» был весьма неоднозначен, он обладал ярко выраженной спецификой на фоне региональных особенностей и в целом базировался на хронологии исторического развития обеих стран.

Для определения основных закономерностей и специфики формирования отношений Индонезии и Малайзии в постколониальный период представляется важным детально рассмотреть становление и развитие их независимой внешней политики с точки зрения комплексного подхода во взаимосвязи со всемирно-историческим и региональным контекстом.

Однако первостепенное значение для решения поставленных в представленной работе задач, вероятно, имеет не только всесторонний анализ общественно-политических аспектов эволюции индонезийско-малайзийского сотрудничества, но и главным образом подбор оптимального и актуального теоретического подхода к исследованию и анализу международных отношений.

ГЛАВА I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проведения настоящего исследования представляется необходимым рассмотреть основные теоретические направления и подходы к изучению международных отношений для того, чтобы пролить свет на сложную природу мировой политической системы и, что наиболее важно для данной работы, на историю межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии во всем разнообразии особенностей развития и направлений сотрудничества с учетом существующих концептуальных основ формирования внешнеполитического курса обеих стран.

Одним из главных направлений и концепций в теории международных отношений признан политический реализм. Сторонники парадигмы политического реализма уделяют первостепенное внимание конфликтной стороне международных отношений, а именно приоритету политических интересов отдельного государства, и рассматривают национальный интерес как главный принцип всех политических процессов.

Считается, что истоки идей реализма можно обнаружить в трудах античных мыслителей, например, в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида (431 г. до н. э. – 404 г. до н. э.). Конечно, нельзя назвать Фукидида представителем политического реализма в полном смысле слова, поскольку теоретическое обоснование данной концепции не было сформулировано до XX в., однако, с современной точки зрения, в его трудах можно обнаружить множество общих черт и моделей поведения, которые позволяют провести подобную параллель⁶⁷.

Основоположниками реализма по праву считаются американский политолог немецкого происхождения Г. Моргентау и французский философ и политолог Р. Арон. Другими наиболее известными представителями политического реализма являются американский политолог и теолог Р. Нибур, американский историк и

---

⁶⁷ Antunes S., Camisao I. Introducing Realism in International Relations Theory. P. 1. URL: <https://www.e-ir.info/2018/02/27/introducing-realism-in-international-relations-theory> (дата обращения: 15.09.2024).

политолог Ф. Л. Шуман, американский дипломат, политолог и историк Дж. Кеннан, немецко-британский специалист по международному праву Дж. Шварценбергер, американский теоретик международных отношений К. Томпсон, американский государственный деятель Г. Киссинджер, британский историк, политолог и дипломат Э. Х. Карр⁶⁸.

Следует отметить, что становление исследования международных отношений как теоретической дисциплины относится к первой половине XX в. и связано с научно-исследовательской деятельностью двух вышеупомянутых представителей политического реализма – Э. Х. Карра и Г. Моргентау. основополагающими работами в области международно-политической науки являются «Двадцатилетний кризис, 1919–1939: Введение в изучение международных отношений» («*The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*», 1939)⁶⁹, написанная Э. Х. Карром, и «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» («*Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*», 1948)⁷⁰ Г. Моргентау.

Изложенные в данных трудах положения лежат в основе современной теории международных отношений, им присущ ряд общих элементов: широкие рамки анализа с отделением сути международной политики от случайных событий; использование и обоснование теоретического инструментария для понимания общих закономерностей, казалось бы, уникальных эпизодов; рассмотрение наиболее приемлемых в конкретной ситуации политических действий с целью получения господствующего положения. Согласно Э. Х. Карру и Г. И. Моргентау, все усилия по реформированию международной системы, игнорирующие борьбу за власть, как правило, быстро заканчиваются неудачей. Кроме того, и Э. Х. Карр, и Г. Моргентау считали распространение идей либерального идеализма одной из причин глобального экономического и политического кризиса, возникшего межвоенный период. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что

---

⁶⁸ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 109.

⁶⁹ Carr E. H. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939*. New York: HarperCollins, 1964.

⁷⁰ Morgenthau H. J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1948.

разработанная теория несколько расплывчатая, к тому же, ей не хватает применения новой, более совершенной научной методологии⁷¹.

С точки зрения сторонников политического реализма, главными действующими лицами международных отношений являются суверенные государства. Существуют и другие участники, такие как отдельные лица и организации, однако их власть по большей части ограничена. Тем более, как правило, внешнеполитические стратегии должны быть продиктованы национальными интересами, которые, особенно во время войны, заставляют все национальные директивные органы выступать и действовать с единой позиции и проводить единую политику в отношении других акторов международных отношений, то есть других государств⁷².

Преследование национальных интересов как ведущий мотив внешней политики является главной особенностью представленной парадигмы. Важно отметить, что в данном случае международные отношения носят эгоистичный и анархичный характер, учитывая отсутствие единого верховного правительства, которое могло бы существенно ограничить возможности акторов или помочь им.

Поскольку представители политического реализма зачастую опираются на примеры из прошлого, большое внимание они уделяют идее, что люди по существу являются заложниками повторяющихся моделей поведения, паттернов, определяемых их природой. Центральное место в этом предположении занимает точка зрения, что все люди эгоистичны и стремятся к власти. Реалисты утверждают, что эгоизм, стремление к власти и неспособность людей доверять друг другу приводят к довольно предсказуемым результатам. Возможно, как раз поэтому на протяжении всей истории человечества войны происходили настолько часто: во главе государства стоят отдельные люди, и человеческая природа не может не повлиять на стратегию всего государства. Именно межгосударственный конфликт и война как крайняя форма его проявления являются основным видом

---

⁷¹ *Donnelly J. Realism. New York: Palgrave Macmillan, 2005. Pp. 31–32.*

⁷² *Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 109–110.*

международных процессов. Хотя реалисты признают, что конфликты не являются их единственной формой, они все же играют первостепенную роль⁷³.

Соответственно, главная цель участников международных отношений, государств – обеспечение национальной безопасности. Средством ее достижения в существующих обстоятельствах является сила, которая неотделима от власти в самом широком смысле, именно она обеспечивает политическую мощь государства.

По убеждению реалистов, несмотря на вероятность некоторого изменения конфигурации политических сил и смягчения последствий факторов, действующих в каждой конкретной ситуации, в будущем характер международных отношений сохранится, и изменить их природу не представляется возможным.

Тем не менее в силу нарастания интеграционных тенденций и усиления глобализации во второй половине XX в. постулаты реализма во многом потеряли свою прежнюю актуальность и были признаны рядом исследователей чересчур упрощенными, отражающими далеко не все грани политического процесса. К концу 1970-х гг. был сформулирован ответ на новые требования международно-политической науки – неореализм. Его создателями, например, американским политологом К. Н. Уолтцем, был предложен видоизмененный подход к определению значения силового фактора. В своей работе «Теория международной политики» («*Theory of International Politics*», 1979) Уолтц освещает вопрос формирования стратегии государств на мировой арене, исходя из институционализированного формата сотрудничества⁷⁴. По мнению неореалистов, наращивание усилий по обеспечению национальной безопасности вполне оправданно, но до тех пор, пока действия не выходят за рамки разумных и сбалансированных межгосударственных отношений, когда в фокусе внимания остается обеспечение национальных интересов. Кроме того, борьба за власть

---

⁷³ Bell D. Political Realism and International Relations. P. 2. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81512857.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁴ Waltz K. N. Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley, 1979.

способствует более равномерному распределению влияния в глобальном масштабе и обеспечению баланса сил⁷⁵.

Представляется важным отметить, что, с одной стороны, неореалисты сделали попытку рассмотреть поведение государств в мировой политике в рамках системного подхода, однако из их внимания, по всей видимости, ускользнули некоторые важные политические и социально-экономические факторы формирования национальной внешнеполитической стратегии.

Другим ведущим направлением теоретической школы международных отношений, в определенной степени антагонистическим реализму, признан либерализм (либеральный идеализм). Развитие основных идей современной либерально-идеалистической парадигмы берет свое начало в работах испанского правоведа Ф. де Витория, голландского государственного деятеля и философа Г. Гроция и родоначальника немецкой классической философии И. Канта. Кроме того, утопический социализм, либерализм и пацифизм XIX в. оказали значительное влияние на формирование фундаментальных положений политического идеализма⁷⁶.

Однако именно Первая мировая война привела к появлению на международной политической арене идеалистов в современном смысле этого слова. Одним из первых сторонников либерального идеализма и тем, кто применил его основные положения на практике, был американский президент В. Вильсон, авторству которого принадлежит проект мирного договора по итогам Первой мировой войны, состоящий из четырнадцать пунктов (1918 г.). Последнее положение данного документа провозгласило необходимость создания «общего объединения наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности государств»⁷⁷. Таким объединением впоследствии стала международная организация Лига наций (*League of Nations*, 1920–1946 гг.).

---

⁷⁵ Waltz K. N. Realist Thought and Neorealist Theory // Journal of International Affairs. Vol. 44, No. 1 (1990). Pp. 25–27.

⁷⁶ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 106–107.

⁷⁷ The Fourteen Points. URL: <https://www.theworldwar.org/learn/peace/fourteen-points> (дата обращения: 15.09.2024).

Другим примером применения идей политического либерализма на практике является Пакт Бриана – Келлога (Парижский пакт), договор о неприменении силы в международных отношениях (по сути, об отказе от войны в качестве инструмента национальной политики), подписанный в 1928 г. министром иностранных дел Франции А. Брианом и госсекретарем США Ф. Келлогом⁷⁸.

Сторонниками либерального идеализма признаны и другие видные американские политики: госсекретарь Дж. Ф. Даллес, президент Дж. Картер, госсекретарь З. Бжезинский, президент Р. Рейган, президент Дж. Буш-старший и президент Дж. Буш-младший.

Интересно, что термин «идеалист» был введен преданным сторонником политического реализма Э. Х. Карром в его вышеупомянутой работе «Двадцатилетний кризис, 1919–1939: Введение в изучение международных отношений».

В академических кругах большой интерес к исследованию либерального идеализма проявили британский историк и политолог А. Циммерн, британский писатель и политический деятель Н. Эйнджелл, британские экономисты Дж. А. Гобсон и Дж. М. Кейнс, британский историк А. Дж. Тойнби, американский политолог Дж. Най, американские правоведы Г. Кларк и Л. Б. Сон.

В 1958 г. был опубликован значимый для истории развития политического идеализма труд – «Достижение мира через мировое право» («*World Peace Through World Law*», 1958)⁷⁹, написанный в соавторстве Г. Кларком и Л. Б. Соном. В числе прочего, в данной работе рассматривалась идея о преобразовании Организации Объединенных Наций (ООН, *United Nations*) в мировое правительство.

В отличие от сторонников идей политического реализма, идеалисты не отводят государству как актору международных отношений первостепенное место. По их мнению, стать участниками международных отношений может не только само государство, но международные организации, общественные объединения,

---

⁷⁸ General Treaty for Renunciation of War as an Instrument of National Policy. Pp. 59–64. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%2094/v94.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁹ Clark G., Sohn L. B. *World Peace Through World Law*. Cambridge: Harvard University Press, 1958.

отдельные лица или группы лиц. Тем не менее такое многообразие участников международных отношений не подразумевает их неизбежный эгоизм и пренебрежение интересами остальных акторов. Благодаря формированию межправительственных организаций, демократизации международного сообщества, широкому распространению идеалов мира и развития возможно равноправное и справедливое участие в международной политике всех ее действующих лиц⁸⁰. Приверженцы либерального идеализма убеждены, что международные отношения чрезвычайно многообразны и нельзя свести все процессы только к двум состояниям: войне и миру.

Поскольку либеральный идеализм предполагает множественность акторов международных отношений, целей и интересов их участников, соответственно, также множество. Однако у всех этих целей есть кое-что общее – первостепенное значение общечеловеческих ценностей и идеалов, демократических основ и особое внимание к вопросам благополучия человека.

Организующим принципом либерального идеализма является взаимозависимость участников международных отношений. Его сторонники утверждают, что взаимозависимость уменьшает вероятность возникновения конфликтов и служит гармонизации интересов, определению общих целей, которые могут быть достигнуты посредством усиления международной координации и сотрудничества⁸¹.

Вместе с тем, по мнению идеалистов, достичь поставленных целей, преодолеть возникающие конфликты, обеспечить прочный мир и всеобщую безопасность возможно только мирным путем на основе диалога и переговоров, с помощью совершенствования методов международно-правового регулирования, а не посредством конфронтации и войн. Одним из главных условий гармонизации международных отношений является увеличение числа и роли

---

⁸⁰ Fosdick R. B. The League of Nations as an Instrument of Liberalism. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1920/10/the-league-of-nations-as-an-instrument-of-liberalism/528060> (дата обращения: 15.09.2024).

⁸¹ Cox M. Introduction to International Relations. London: LSE, 2016. Pp. 96–97.

межправительственных организаций, а также создание системы коллективной безопасности.

Важнейшая общая цель для всех участников международных отношений состоит не только в прекращении всех споров, конфликтов, войн, но и в формировании единого мирового сообщества и в идеале, как было отмечено выше, создании мирового правительства под руководством ООН⁸².

Подобно реализму, концепция либерализма получила дальнейшее развитие и в 1970-х гг. оформилась в виде неолиберализма. Нельзя не отметить вклад американских политологов Р. Кеохэйна и Дж. Ная в теоретическое осмысление мировых политических процессов посредством создания ряда теорий и концепций в рамках парадигмы неолиберализма⁸³.

Как и неореалисты, сторонники неолиберализма убеждены, что решающим фактором в процессе формирования межгосударственных отношений служит национальный интерес. Вместе с тем отмечается множественность субъектов политического участия: международные институты играют активную координирующую роль в деле содействия взаимовыгодному сотрудничеству между государствами, которые постепенно утрачивают свой статус основного действующего игрока на мировой арене. Неолибералисты отдельно подчеркивают важность межгосударственной консолидации для решения широкого спектра задач и достижения целей национального и международного развития, в том числе экономического процветания и урегулирования проблемы безопасности⁸⁴.

Особое место в развитии научной мысли XIX–XX вв. занимает такое влиятельное учение, как марксизм. Марксистская парадигма в теории международных отношений – это одновременно и критический подход, который ставит под сомнение господствующие в период его возникновения подходы к

---

⁸² Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 108.

⁸³ Сетов Н. Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 2 (2012). С. 28–30.

⁸⁴ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. С. 132–136.

пониманию и реализации внешней политики, и новая, ставшая впоследствии классической, концепция в международно-политической науке.

Хотя у положений марксистской парадигмы есть много общих черт с идеями немецких классических философов, ключевые принципы данного теоретического направления были сформулированы в «Манифесте Коммунистической партии» («*Manifest der Kommunistischen Partei*», 1848) основоположников учения марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса. Впоследствии созданная ими концепция получила свое развитие в работах отечественного государственного и политического деятеля, крупнейшего теоретика марксизма В. И. Ленина, философа и политического деятеля польско-немецкого происхождения Р. Люксембург, немецкого экономиста и историка К. Каутского и австрийско-немецкого экономиста Р. Гильфердинга⁸⁵.

Следует обозначить, что марксизм рассматривает мир через призму исторического материализма, в котором все политические процессы и явления могут быть объяснены посредством экономических факторов: тот, кто контролирует экономическую систему, контролирует и политическую. Соответственно, понимание проблем международных отношений также исходит из идей экономического детерминизма.

Согласно марксистам, роль государств как акторов международных отношений вторична. Главными участниками являются социальные классы, а именно мировая буржуазия и мировой рабочий класс (пролетариат). Вся история человечества – это история классовой борьбы, в ходе которой возникают новые экономические, политические и социальные системы. В свою очередь мировые политические процессы, как и внутривнутриполитические, носят капиталистический характер, поскольку происходят на фоне борьбы между социальными классами, господствующей империалистической буржуазией и эксплуатируемым ей пролетариатом. Таким образом, все основные международные процессы

---

⁸⁵ Halliday F. Rethinking International Relations. London: Red Globe Press, 1994. Pp. 51–53.

обусловлены в первую очередь классовыми конфликтами, войнами и социальными революциями⁸⁶.

Цели основных участников международных отношений существенно отличаются друг от друга. Буржуазия нацелена на усиление капитализма в местном и мировом масштабах, на максимизацию прибыли и накопление капитала. В то же время пролетариат стремится к уничтожению гегемонии буржуазии и превращению рабочего класса в господствующий и, таким образом, осуществлению мировой пролетарской революции, победе коммунизма. Как следствие, средства достижения преследуемых акторами целей также значительно различаются, для буржуазии – это усиление эксплуатации, а для пролетариата – мировая революция.

Сторонники данной теории полагают: несмотря на то, что формально эпоха империализма подошла к концу, неравномерное развитие различных регионов фактически продолжает делить мир на доминирующее «ядро» и подчиненную ему периферию. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, победа мировой пролетарской революции неизбежна, поскольку переход к социализму и впоследствии коммунизму является закономерным и необходимым этапом общественного развития.

Серьезные противоречия между приверженцами парадигмы политического реализма, либерально-идеалистической парадигмы и марксистской парадигмы по фундаментальным вопросам привели к возникновению острых дискуссий и оживленных споров, которые продолжаются по сей день и известны как «большие споры».

Рассмотренные классические парадигмы во многом получили дальнейшее развитие и стали основой для формирования новых школ в теории международных отношений, в том числе неореализма, неолиберализма и неомарксизма. Под их влиянием, в свою очередь, возникли новые теоретические направления и разработаны новые теории. Например, к современным теориям политического

---

⁸⁶ Дробот Г. А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. № 6 (2014). С. 61.

реализма относятся теория баланса угроз (С. Уолт), теория дилеммы безопасности (Дж. Херц), теория гегемонистской стабильности (Ч. П. Киндлбергер)⁸⁷.

Нельзя обойти стороной и конструктивизм как одно из новейших направлений в современной теории международных отношений, получившее значительное развитие с 1980-х гг.

Применительно к теории международных отношений термин «конструктивизм» впервые встречается в монографии американского политолога Н. Онуфа «Мир, созданный нами: правила и власть в социальной теории и международных отношениях» («*World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*», 1989)⁸⁸. Хотя идейные истоки новой парадигмы были заложены в научной литературе несколько раньше, не говоря и о том, что нередко конструктивизм рассматривается как направление постпозитивизма, все же именно с конца XX в. ему удалось занять важное место в политической науке.

Одним из наиболее влиятельных представителей школы конструктивизма считается немецкий политолог А. Вендт, который внес значительный вклад в развитие данного направления. В своей работе «Социальная теория международной политики» («*Social Theory of International Politics*», 1999)⁸⁹ он раскрывает ключевые положения концепции и ее основные отличия от классических теорий. Представляется важным подчеркнуть, что сам А. Вендт изначально рассматривал конструктивизм не как «самостоятельную» теорию, а как один из подходов к исследованиям, инструмент теоретического анализа и своеобразный «мост» между рационализмом и либерализмом, а также между социальными науками и теорией международных отношений⁹⁰.

Несмотря на то, что уже позднее за конструктивизмом закрепился статус ключевой теории в международных отношениях (таких, как неореализм и

---

⁸⁷ Игнаткин О. Б. Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. № 21 (2013). С. 79–80.

⁸⁸ Onuf N. G. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. New York: Routledge, 2013. P. 45.

⁸⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁹⁰ Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. Vol. 46, No. 2 (1992). P. 394.

неолиберализм), а некоторые представители политической науки и вовсе провозгласили его метатеорией, его положение до сих пор не столь устойчиво. Так как конструктивизм возник на основе идей, понятий и методологии постпозитивизма, часть исследователей рассматривает его как составляющую постпозитивизма (наряду с постмодернизмом, постмарксизмом и постфеминизмом), а не в качестве отдельной полноценной теории⁹¹.

Конструктивизм акцентирует внимание на роли идей и дискурсов в мировой политике. В отличие от политического реализма, либерального идеализма и марксизма, конструктивизм не является теорией рационального выбора. Согласно его основным положениям, наибольшее влияние на формирование поведения участников международных отношений оказывает социальное конструирование реальности. Конструктивизм объясняет, почему два актора, столкнувшиеся с одной и той же ситуацией, могут придерживаться двух различных моделей поведения в зависимости от социальных факторов.

Представители идей политического реализма и либерального идеализма сходятся во мнении, что для международной арены характерна структурная анархия – отсутствие верховного судьи для разрешения споров и источника всеобщего права. Реалисты утверждают, что состояние международной анархии ведет к неизбежному возникновению дилемм безопасности и вынуждает государства как главных акторов международных отношений прибегать к принципу «помоги себе сам» для обеспечения собственной защиты в условиях постоянной враждебной обстановки на мировой арене. Идеалисты же полагают, что рационально действующие государства признают бессмысленность войн, конфликтов, тщетность конкурентной борьбы и предпочитают концентрировать свое внимание на построении сильных межправительственных объединений для последующего решения общих задач.

Конструктивисты задаются вопросом, почему сторонники реализма и либерализма приходят к таким противоположным выводам о поведении

---

⁹¹ *Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В.* Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. № 3 (2016). С. 96.

государства, учитывая, что в обоих случаях в основе его мотивации лежат проблемы, связанные с состоянием международной анархии. Если государства являются рациональными акторами, то они всегда должны действовать вполне предсказуемо: либо как «самопомощники», либо как создатели мирового правительства. Однако в исторической перспективе государства реагировали на, казалось бы, одинаковые ситуации совершенно по-разному. Конструктивисты приходят к выводу, что нельзя рассматривать мир как набор четко определенных причинно-следственных связей. Главное – как все происходящее воспринимается самими акторами. Государства, как и стоящие в их главе люди, действуют по-разному, в зависимости от того, как они воспринимают ту или иную конкретную ситуацию. А. Вендт резюмирует эту идею в одном простом утверждении: «Анархия – это то, какой смысл в нее вкладывают государства»⁹².

Международные отношения – это структуры, которые конструируются, искусственно создаются. По мнению сторонников рассматриваемого подхода, именно само конструирование является главной идеей и основным содержанием международных отношений: через дискурс, описывающий международные отношения, конструируется и реальность, и их объект, и субъект. В одном из своих трудов, посвященных конструктивизму, отечественный политолог Т. А. Алексеева подчеркивает, что, поскольку «специфика правил, направляющих социальное взаимодействие, крайне важна для понимания международных отношений, исследователю необходимо не просто принимать во внимание как данность феномены мировой политики, а осмысливать события и принятие решений, то есть фиксировать характеристики, которые до последнего времени попросту игнорировались учеными и аналитиками»⁹³.

Международное сообщество также является продуктом конструирования социальной реальности. Соответственно, такие понятия, как анархия, суверенитет,

---

⁹² *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. Vol. 46, No. 2 (1992). P. 395.

⁹³ *Алексеева Т. А.* «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // *Социальные и гуманитарные знания*. Том 8, № 1 (2022). С. 18.

режим и дилемма безопасности, являются результатом человеческой деятельности. С точки зрения конструктивизма, и реалисты, и идеалисты ошибаются, полагая, что альтернативы не существует: все они являются заложниками собственного выбора, который, как и природу международных отношений, возможно изменить, если изменится восприятие реальности⁹⁴.

Нельзя не отметить, что порой конструктивизм подвергается критике со стороны научного сообщества за недостаточно оригинальный подход, который аккумулирует уже известные теоретические концепции и положения. Хотя, с одной стороны, конструктивизм вновь утверждает социальную природу науки, он также предлагает взглянуть на проблемы международных отношений под несколько иным углом, уделяя особое внимание социальному контексту: интеракционизму, выявлению соответствующих закономерностей и тенденций, тесной взаимосвязи между «внутренним» и «международным».

Как представляется, с позиции конструктивизма, следует выделить две основные составляющие исследований о международных отношениях: внешняя политика страны социально сконструирована, то есть является следствием происходящих социальных процессов внутри страны и вне нее; при реализации внешнеполитического курса власти учитывают национальные интересы, которые формируются исходя из специфики существующей социальной реальности⁹⁵.

Необходимо уделить отдельное внимание методологическим основам конструктивизма. Он фокусируется на качественных методах исследования политических процессов, среди которых наиболее распространенными являются кейс-стади⁹⁶, *process tracing*⁹⁷, этнографический метод и контент-анализ⁹⁸.

---

⁹⁴ Cox M. Introduction to International Relations. London: LSE. Pp. 128–130.

⁹⁵ Pratiwi F. I. Rethinking Indonesia's Foreign Policy: Principles in Evolving Contemporary Dynamics. Surabaya: Airlangga University Press, 2021. P. 172.

⁹⁶ Изучение особенностей, детальный анализ и решение одного конкретного случая. Flyvbjerg B. Case Studies // Denzin N. K., Lincoln Y. S. (eds.). The Sage Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: Sage, 2011. P. 301.

⁹⁷ Инструмент для изучения причинно-следственных механизмов в рамках исследования отдельного случая (кейс-стади). Beach D., Pedersen R. B. Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. P. 2.

⁹⁸ Checkel J. Methods in Constructivist Approaches // The Oxford Handbook of International Security. New York: Oxford University Press, 2018. P. 152.

Примечательно, что конструктивизм предложил рассматривать международные отношения в целом и социальный контекст в частности через призму заимствованного из лингвистики метода дискурсивного анализа. Тем не менее, как отмечают критики конструктивизма, применение данного подхода в политических исследованиях нередко осуществляется некорректно⁹⁹. Несмотря на то, что одно из преимуществ конструктивизма заключается в его новаторском походе в попытке ответить на классические вопросы, сторонникам этой современной теории еще предстоит преодолеть некоторое несовершенство методологии.

Российские политологи В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин и С. В. Субботин отмечают, что для конструктивистов свойственно использование некоторых из концепций и методологических основ постпозитивизма. В их число входят идентичность, дискурсивный анализ, интерсубъективность знания, единство речи и действительности, релятивизм, взаимосвязь субъективного и объективного. Кроме того, конструктивизм предлагает новое осмысление таких понятий, как анархия, суверенитет, национальные интересы, баланс сил, структурное влияние¹⁰⁰.

На современном этапе существуют несколько подходов к классификации конструктивизма. Один из них, предложенный американским политологом и ведущим конструктивистом Т. Хопфом, получил наиболее широкое распространение в научных кругах, хотя общепринятым не является. Т. Хопф выделяет конвенциональный (традиционный) и критический конструктивизм. Первый подразумевает изучение идентичностей и оказывающих на их формирование социальных конструкторов, а также осуществляемого идентичностями определенного набора действий. Критический конструктивизм преследует несколько иную цель. Для него важен сам процесс формирования идентичности, необходимость развенчания с ним мифов и стереотипов. Вместо с тем отмечается тесная связь между деятелем и наблюдателем, значение

---

⁹⁹ Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. № 3 (2016). С. 108.

¹⁰⁰ Там же. С. 98–99.

мировосприятия и оценки самого наблюдателя, что роднит критический конструктивизм с традиционной критической теорией¹⁰¹.

Как было отмечено выше, конструктивисты предлагают новое видение вопросов, на которые прежде пытались ответить сторонники других направлений. Особое внимание в их исследованиях уделено проблеме безопасности как одной из центральных в современных международных отношениях. Конструктивизм отрицает безусловно объективный характер национальных интересов и подчеркивает их субъективность, то есть зависимость от текущей внутривнутриполитической и внешнеполитической стратегии, мировоззрения лиц, принимающих решения. Соответственно, национальные интересы могут претерпевать изменения по мере развития исторического процесса и изменения ценностно-мировоззренческих, общественно-политических и экономических реалий.

В рамках конструктивизма сформировались отдельные теории, внимание которых обращено к проблеме международной и национальной безопасности. Разработанная представителями Копенгагенской школы теория секьюритизации является ключевой в данном контексте. Согласно исследователям Б. Бузану, О. Вэйверу и Я. де Вильде, значения «безопасности» и «экзистенциальной угрозы» зависят от того, что вкладывают в эти понятия политическая и научная элита (т. н. эпистемическое сообщество), а также их аудитория, то есть политика национальной безопасности тщательно определяется лицами, принимающими решения¹⁰². Таким образом, теория секьюритизации бросает вызов традиционным подходам к определению вопроса безопасности в международных отношениях и утверждает, что сами по себе отдельные проблемы могут не представлять реальной угрозы вне рамок дискурса: скорее, если обращаться к ним как к проблемам безопасности, они становятся проблемами безопасности. Процесс секьюритизации

---

¹⁰¹ *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. Vol. 23, No. 1 (1998). Pp. 183–184.

¹⁰² *Buzan B., Woever O., De Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. Pp. 23–24.

подразумевает политизацию проблемы, перенос ее в поле «экзистенциальной угрозы» и последующее применение государством экстренных мер, направленных на ее решение.

В ответ на теорию секьюритизации возникла теория десекуритизации, которая предлагает переосмысление проблемы, возвращение вопроса, объявленного угрожающим безопасности, в сферу ежедневной политики и урегулирование ситуации посредством политического диалога в рабочем порядке¹⁰³.

Концепция секьюритизации нашла свое отражение в теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ), которая представляет большой интерес для настоящего исследования. Работа Б. Бузана и О. Вэйвера «Регионы и державы: структура международной безопасности» («*Regions and Powers: The Structure of International Security*», 2003) помогает нам составить целостное представление о ТКРБ и ее основных положениях¹⁰⁴.

Комплекс региональной безопасности рассматривается как группа государств, чьи основные интересы и проблемы в концепции национальной безопасности настолько тесно переплетены, что их нельзя разделить или решить независимо друг от друга.

ТКРБ позволяет понять структуру нового миропорядка, сложившегося после окончания холодной войны, и оценить баланс сил и взаимосвязи между тенденциями регионализации и глобализации. Теория предлагает концептуальную основу, которая классифицирует региональные комплексы безопасности по набору признаков и, таким образом, обеспечивает базис для сравнительных исследований в области региональной безопасности.

Центральная идея ТКРБ заключается в том, что большинство угроз легче и быстрее распространяются на небольшие расстояния, поэтому взаимозависимость

---

¹⁰³ Roe P. Securitization and Minority Rights: Conditions of Desecuritization // Security Dialogue. Vol. 35, No. 3 (2004). Pp. 282–283.

¹⁰⁴ Buzan B., Woever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. New York: Cambridge University Press, 2003.

в области безопасности обычно формируется в виде региональных кластеров, то есть комплексов безопасности. Таким образом, хотя основоположники ТКРБ и не отвергают силу глобализации, они отдают предпочтение территориальному признаку. Принято выделять девять региональных комплексов безопасности: Североамериканский, Южноамериканский, Европейский, Постсоветский, Ближневосточный, Центральноафриканский, Южноафриканский, Южноазиатский и Восточноазиатский.

Процессы секьюритизации более интенсивны, и, следовательно, взаимозависимость в области безопасности заметнее прослеживается между субъектами внутри таких комплексов, чем между субъектами внутри комплекса и теми, кто находится за его пределами. Мировые державы могут оказывать влияние на комплексы безопасности, но их региональная динамика обладает высокой степенью автономии от моделей, установленных глобальными державами. Хотя ТКРБ фокусируется на региональном уровне, она также учитывает глобальный, межрегиональный, местный уровни и позволяет конкретным обстоятельствам времени и места определять, какой уровень преобладает¹⁰⁵.

Согласно Б. Бузану и О. Вэйверу, с окончанием холодной войны и со снижением уровня влияния в Юго-Восточной Азии сверхдержав проблемно-конфликтный потенциал региона, сформированный геополитическим и идеологическим соперничеством между капиталистическим Западом и социалистическим блоком, начал угасать. Определяющее значение приобрело движение к новой системе региональной безопасности, основанной на Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, *Association of South East Asian Nations*). Тем не менее одновременно со внутренними преобразованиями регион претерпел и внешнюю трансформацию. С 1990-х гг. началось формирование нового комплекса региональной безопасности, объединяющего Северо-Восточную Азию и Юго-Восточную Азию – Восточноазиатского¹⁰⁶. Соответственно, границы

---

¹⁰⁵ Ibid. Pp. 3–4.

¹⁰⁶ Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. № 3 (2016). С. 96–97.

существующих комплексов могут быть скорректированы при изменениях в системе международной безопасности в целом¹⁰⁷.

Несмотря на ряд преимуществ ТРКБ (к примеру, она позволяет спрогнозировать возникновение комплексов безопасности, сопоставить и проанализировать возможные варианты развития событий), теория не лишена недостатков, поскольку ее положения могут в первую очередь применяться при рассмотрении проблемы безопасности в отдельном регионе и решении конкретных узких вопросов.

Применительно к теме представленного исследования, внешнюю политику Индонезии и Малайзии в постколониальный период можно рассматривать как через призму реализма и неореализма (наглядной иллюстрацией служит индонезийско-малайзийская конфронтация 1963–1966 гг.), так и с точки зрения либерализма и неолиберализма (оба государства играют ведущую роль в деятельности АСЕАН и на протяжении нескольких десятилетий неизменно придерживаются курса на обеспечение региональной стабильности). В то же время конструктивизм предлагает ценную теоретическую основу для всестороннего исследования индонезийско-малайзийских отношений в контексте социально-политического развития обоих государств с уделением приоритетного внимания проблеме безопасности¹⁰⁸.

Представляется необходимым вновь подчеркнуть, что конструктивизм делает акцент на ключевом значении социальных норм (в том числе традиционных ценностей, политической культуры, религиозных верований и пр.) и отдельных государственных должностных лиц (прежде всего национальных лидеров, которые разрабатывают политику, исходя из своего уникального опыта и личных представлений). Так, данные аспекты являются социальными явлениями, которые

---

¹⁰⁷ Окунев И. Ю., Виноградов В. В. Комплексы региональной безопасности (опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 65, № 4 (2021). С. 39.

¹⁰⁸ Yaakub A. N. *Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations*. Perth: University of Western Australia, 2009. P. 210.

могут меняться в зависимости от конкретных обстоятельств и, в свою очередь, оказывать определяющее влияние на курс государства.

На современном этапе вопросы межцивилизационного взаимодействия и, в частности, проблема безопасности сохраняют существенную остроту и имеют неизменную значимость, что, по мнению автора, отражает актуальность конструктивистского подхода и его преимущество перед остальными направлениями теории международных отношений. Не вызывает сомнений, что к началу 2020-х гг. вопрос безопасности закрепил свои позиции как один из ключевых и нередко определяющих факторов формирования внешней политики, с позиции которого государственные лидеры выстраивают национальную стратегию.

Политические процессы на международной арене, многостороннее и двустороннее сотрудничество зачастую напрямую зависят от того, какое содержание вкладывает руководство страны в понятие национальной безопасности в существующем политическом контексте. Данный вопрос не только поставлен во главу угла, но и становится отправной точкой для дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества, будь то связи в социально-экономической, политической, культурной или иных сферах. В то же время локальные и региональные конфликты вполне могут стать импульсом для усиления глобальной нестабильности¹⁰⁹.

В этой связи при проведении настоящего исследования автор опирается преимущественно на принципы и подходы конструктивизма как наиболее подходящих в разрезе современной системы международных отношений. Предпринята попытка применить данную концепцию с целью проведения комплексного анализа развития межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии с учетом исторических, внешнеполитических, внутривнутриполитических и социокультурных факторов.

---

¹⁰⁹ Яркими примерами могут служить ситуация, сложившаяся на международной политической арене в связи с началом Специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины в 2022 г., и последствия обострения конфликта между Израилем и Палестиной в конце 2023 г.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ИНДОНЕЗИИ И МАЛАЙЗИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

2.1. Внешняя политика двух государств: общее и особенное (1945–1963)

Направления и тенденции внешней политики Индонезии отражают уникальный исторический, культурный и социально-политический опыт страны, а также национальные ценности, принципы и, безусловно, интересы, которые довольно четко прослеживаются, несмотря на широкий спектр культурных и идеологических предпочтений населения.

Ключевые положения курса государства закреплены в Конституции Республики Индонезия 1945 г. и содержатся в ее преамбуле, где обозначено, что одной из целей правительства является «участие в поддержании мирового порядка, в основу которого положены независимость, прочный мир и социальная справедливость»¹¹⁰. Хотя с 1945 г. текст Конституции претерпел ряд изменений, этот принцип остается незыблемым и по сей день.

Нельзя оставить без внимания и основу индонезийской государственности – концепцию Панчасила (*Pancasila*), создателем которой является первый президент Республики Индонезии Сукарно (1945–1967 гг.). Панчасила включает пять принципов: вера в Единого Бога; гуманность, основанная на справедливости и цивилизованности; единство Индонезии; демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства; социальная справедливость¹¹¹.

Поскольку одним из принципов Панчасилы была объявлена «гуманность, основанная на справедливости и цивилизованности», традиционно индонезийцы придерживаются позиции сотрудничества и взаимного уважения, как на национальном, так и на международном уровне. Все пять принципов государственной идеологии также отражены в преамбуле Конституции и

---

¹¹⁰ Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945 [Конституция Республики Индонезия от 1945 г.] URL: <https://www.mkri.id/public/content/infoumum/regulation/pdf/UUD45%20ASLI.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

¹¹¹ Ibid. Hlm. 1.

проникают на все уровни политической жизни страны на протяжении всего периода ее независимого существования.

Концепция Панчасилы во многом отражает содержание разработанной Сукарно еще до провозглашения независимости идеологии мархаэнизма и фактически является ее продолжением. Изначально основанная на риторике марксизма концепция мархаэнизма впитала в себя черты традиционной яванской культуры и стала отражением чаяний индонезийского населения, надежды на скорейшее избавление от колониального господства. Впрочем, главная, долгосрочная цель мархаэнизма состояла не только в искоренении империализма и колониализма, но и в объединении всех слоев индонезийского населения на пути к процветающему обществу и лучшей, благополучной жизни¹¹².

Особое значение для идеологии страны имеет национальный девиз «Единство в многообразии» («*Bhinneka Tunggal Ika*»), высеченный на государственном гербе. Перекликаясь с принципом Панчасилы «Единство Индонезии», он подчеркивает гармонию, согласие и равенство между народами, населяющими Индонезию, и ее этнокультурное разнообразие¹¹³.

На протяжении нескольких десятилетий руководящим принципом формирования внешней политики государства остается концепция «свободной и активной политики» (*politik bebas-aktif*). Данный принцип закреплен в статье 3 Закона Республики Индонезия № 37 от 1999 г. о внешней политике (*Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 1999 tentang Hubungan Luar Negeri*)¹¹⁴, основном нормативно-правовом акте, регулирующем формирование, содержание и механизмы реализации национального внешнеполитического курса. «Свободная и активная политика» подразумевает, что Индонезия стремится осуществлять

---

¹¹² Cahyaningtyas P., Djono D., Yuniyanto T. Ideologi Marhaenisme Masa Pemerintahan Soekarno Tahun 1950–1965 // Jurnal Candi. Vol. 20, No. 2 (2020). Hlm. 61–64.

¹¹³ По данным Центрального статистического бюро (*Badan Pusat Statistik*), в Индонезии проживает более 1,3 тыс. этнических групп. Kewarganegaraan, Suku Bangsa, Agama, dan Bahasa Sehari-hari Penduduk Indonesia. Hasil Sensus Penduduk 2010. P. 5. URL: <https://www.bps.go.id/id/publication/2012/05/23/55eca38b7fe0830834605b35> (дата обращения: 15.09.2024).

¹¹⁴ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 1999 tentang Hubungan Luar Negeri [Закон Республики Индонезия № 37 от 1999 г. о внешней политике]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/45358/uu-no-37-tahun-1999> (дата обращения: 15.09.2024).

независимую политику, не примыкая ни к одному из международных политических блоков, вносить вклад в поддержание мира, безопасности и стратегической стабильности и принимать активное участие в решении общемировых и региональных проблем.

Концепция «свободной и активной политики» была в достаточной мере сформулирована и обоснована в речи первого вице-президента Индонезии Мохаммада Хатта, получившей название «Маневрируя между двумя рифами» («*Mendajung Antara Dua Karang*»). В своем выступлении Мохаммад Хатта сравнил положение Индонезии с лодкой, которая должна пройти между двумя рифами (т. е. двумя сверхдержавами, СССР и США). Для того, чтобы беспрепятственно их преодолеть, Индонезии необходимо сохранять нейтралитет, придерживаться последовательной и решительной, свободной и активной внешней политики, не забывая защищать свои национальные интересы¹¹⁵.

С завершением Второй мировой войны началась холодная война (1946–1991 гг.). Геополитическое противостояние Советского Союза и США сопровождалось распространением двух идеологий по всему миру и созданием противоборствующих военно-политических блоков, объединивших сторонников каждой из сверхдержав: Организации Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization*, основана в 1949 г.) и Организации Варшавского договора (основана в 1955 г.). Реакцией на усиление влияния СССР и США в странах Азии, Африки и Латинской Америки стало формирование в 1961 г. Движения неприсоединения, союза государств, придерживавшихся политики нейтралитета и отказавшихся от присоединения к тому или иному блоку¹¹⁶.

Идейная основа нового объединения (из стран Юго-Восточной Азии сначала к нему примкнули только Индонезия, Камбоджа и Бирма) базировалась на десяти принципах мирного сосуществования, закрепленных в заключительном

---

¹¹⁵ Mendajung antara Dua Karang (Keterangan Pemerintah Diutjapkan oleh Drs. Mohammad Hatta Dimuka Sidang B.P.K.N.P di Djokja pada Tahun 1948). URL: <https://serbasejarah.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/05/mendajung-antara-dua-karang.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

¹¹⁶ Sadewa D. P., Hakiki F. Dinamika Kebijakan Politik Luar Negeri Bebas Aktif Indonesia Melalui Gerakan Non-Blok (GNB) // Jurnal Lemhannas RI. Vol. 11, No. 1 (2023). Hlm. 13–22.

коммунике Бандунгской конференции 1955 г. Важно отметить, что целью проведения в индонезийском г. Бандунг встречи являлось рассмотрение вопросов социально-экономического и культурного развития молодых независимых государств в постколониальных реалиях в условиях нового быстро формирующегося миропорядка, а также выработка основных принципов мирного и гармоничного сосуществования. В конференции приняли участие двадцать девять стран Азии и Африки, которые продемонстрировали единство духа, вновь провозгласив борьбу против империализма и колониализма¹¹⁷. Одним из инициаторов проведения афро-азиатского форума и его главным организатором стала Индонезия, в очередной раз подтвердившая свое стремление к «свободной и активной политике» и принципам Панчасилы. В этом контексте представляется важным упомянуть, что Сукарно видел Индонезию не только сильнейшим государством в Юго-Восточной Азии, но и потенциальным лидером среди азиатских и африканских государств, «маяком» для стран Третьего мира.

В 1965 г. в качестве протеста против включения Малайзии в Совет Безопасности¹¹⁸ Индонезия вышла из состава ООН. По мере того, как стало очевидно, что не все участники Движения неприсоединения готовы поддержать антизападную риторику Сукарно, на первый план вышла разработанная им концепция Новых формирующихся сил (*New Emerging Forces*). Предполагалось создание альтернативного ООН международного блока со штаб-квартирой в Джакарте, состоящего преимущественно из развивающихся стран¹¹⁹. Несмотря на поддержку Китая, Северной Кореи и Демократической Республики Вьетнам, Конференция Новых формирующихся сил просуществовала всего около полутора лет и была распущена после прихода к власти президента Сухарто в 1966 г. Интересно, что реализация новой концепции сопровождалась строительством на

---

¹¹⁷ Final Communique of the Asian-African Conference of Bandung // International Journal of Postcolonial Studies. Vol. 11, No. 1 (2009). Pp. 94–102.

¹¹⁸ Подробнее о конфликте между Индонезией и Малайзией в 1963–1966 гг. будет рассказано в соответствующем разделе представленной главы.

¹¹⁹ Angel J. R. The 'New Emerging Forces' in Indonesian Foreign Policy. Pp. 547–557. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/111351/4/b12749138_Angel_James_Robert_vol2.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

территории Индонезии дорогостоящих архитектурных сооружений и комплексов, которые должны были стать символом того самого «маяка» для новых независимых государств¹²⁰.

Впрочем, несмотря на проявившуюся во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. некоторую категоричность в отношении политики стран Запада и его сторонников, в период пребывания у власти Сукарно в целом правительству удавалось довольно успешно лавировать между двумя сверхдержавами. В то же время наблюдалась явная устремленность Индонезии в сторону социалистического блока и поддержания крепких связей с Советским Союзом, который на протяжении многих лет оказывал новому независимому государству значительную политическую поддержку, экономическую и военно-техническую помощь¹²¹. С момента обретения независимости приоритет Индонезии состоял в обеспечении надежной национальной безопасности, новое правительство нуждалось в поддержке техникой и вооружением, поэтому советская помощь, в том числе в создании военно-морских сил Республики, представляла исключительную ценность.

Вероятно, не последнюю роль сыграло и то, что СССР неизменно поддерживал Индонезию в ее борьбе за освобождение от колониального гнета и вошел в число первых крупных политических игроков, которые де-факто признали суверенитет Республики и установили с ней дипломатические отношения (в то время как, например, США, несмотря на яркие заявления, вначале предпочли придерживаться принципа невмешательства)¹²².

Нельзя не затронуть один из самых ярких территориальных конфликтов на архипелаге в рассматриваемый период: спор о статусе Западного Ириана (1949–1962 гг.). Хотя в 1949 г. Нидерланды признали независимость Индонезии, они сохранили контроль над Западным Ирианом, что спровоцировало активную

---

¹²⁰ Такими сооружениями стали, например, Национальный монумент (*Monumen Nasional*) и монумент *Selamat Datang* («Добро пожаловать», индон. яз.), расположенные в г. Джакарта.

¹²¹ Друзгов А. Ю., Тюрин В. А. История Индонезии. XX век. М.: ИВ РАН, 2005. С. 182, 206–208.

¹²² Ефимова Л. М. СССР и становление независимой Республики Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. Том 1, № 40 (2015). С. 158–163.

антиимпериалистическую кампанию за освобождение территорий и включение их в состав Республики. Будучи государством-правопреемницей Нидерландской Ост-Индии, Индонезия рассматривала Западный Ириан как неотъемлемую часть государства¹²³.

Примечательно, что в 1950-х – начале 1960-х гг. под прямым влиянием внутривнутриполитической жизни страны находилась и государственная внешнеполитическая линия. В значительной мере принятый курс и активизация деятельности Индонезии на международной арене были призваны отвлечь внимание населения от проблем социально-экономического развития страны. В результате более десяти лет переговоров, дипломатического и экономического давления с обеих сторон, сохраняющейся опасности военной эскалации, конфликт был урегулирован мирным путем. В соответствии с Нью-Йоркским соглашением от 1962 г. спорные территории были переданы под управление ООН, а уже через год – индонезийских властей¹²⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в августе 1962 г. (буквально перед подписанием упомянутого соглашения) индонезийские военно-морские и авиационные силы при непосредственном участии советской армии готовились нанести мощный удар по нидерландским военным объектам на Западном Ириане, однако открытых боевых контактов удалось избежать¹²⁵.

В 1969 г. по итогам референдума о статусе Западного Ириана (*Penentuan Pendapat Rakyat*) и последующего подписания «Акта о свободе выбора» (*Tindakan*

---

¹²³ Platje W. Dutch Sigint and the Conflict with Indonesia 1950–62 // *Intelligence and National Security*. Vol. 16, No. 1 (2001). Pp. 294, 297.

¹²⁴ Agreement between the Republic of Indonesia and the Kingdom of the Netherlands Concerning West New Guinea (New York Agreement). Signed at the Headquarters of the United Nations, New York, on 15 August 1962. URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/id20nl620815agreementconcerningwestnewguinea.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

¹²⁵ Как отмечает главный научный сотрудник ИВ РАН А. Ю. Другов, занимавший в 1962 г. пост руководителя группы военных переводчиков в Индонезии, ни Индонезия, ни СССР, ни США, ни Нидерланды не были заинтересованы в переходе к открытым боевым действиям. Индонезийская армия пока не имела соответствующего опыта ведения крупных вооруженных конфликтов, СССР было бы трудно скоординировать работу вооруженных сил на столь большом расстоянии, для США вступление в войну по сути обозначало бы разрыв со всем третьим миром, а для Нидерландов вопрос сохранения контроля над Западным Ирианом уже был не так значим, как прежде. URL: <https://starotv.su/video/35226> (дата обращения: 15.09.2024).

Pilihan Bebas) территории окончательно вошли в состав Республики Индонезия. Результаты были признаны на заседании Генеральной Ассамблеи ООН¹²⁶, однако их легитимность была поставлена под сомнение сторонниками движения за предоставление независимости Западнему Ириану. Причина сомнений в правовой безупречности референдума заключалась в самом процессе проведения голосования: индонезийскими властями были назначены 1022 представителя местных общин¹²⁷, которые и решили судьбу Западного Ириана «без учета истинной воли населения»¹²⁸.

Интересно, что в служебных документах правительства США за 1969 г. (как до, так и после подписания «Акта о свободе выбора») встречаются неоднократные упоминания позиции американского руководства по ситуации в Западном Ириане. Ввиду необходимости развития и укрепления военных и экономических связей с Индонезией, а также желания отдалить ее от влияния СССР, США поддерживали устремления молодой республики, хотя не всегда открыто.

Например, в одной из информационных записок, составленных Государственным департаментом США, отмечалось, что правительство было заинтересовано в наращивании двустороннего сотрудничества с Индонезией, однако Штаты не были готовы лоббировать резолюцию о принятии «Акта о свободе выбора» в Генеральной Ассамблее ООН в случае какой-либо задержки или сопротивления со стороны других государств¹²⁹. Кроме того, советник президента США по национальной безопасности Генри Киссинджер крайне рекомендовал

---

¹²⁶ Agreement between the Republic of Indonesia and the Kingdom of the Netherlands concerning West New Guinea (West Irian), 19 November 1969 // Resolutions adopted by the General Assembly during its 24th session, 16 September – 17 December 1969. New York: United Nations, 1970.

¹²⁷ Примерная численность населения Западного Ириана на тот момент составляла 800 тыс. человек. Indonesia's 1969 Takeover of West Papua Not by "Free Choice". URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB128/index.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

¹²⁸ *Musgrave T. D. An Analysis of the 1969 Act of Free Choice in West Papua // Chinkin C., Baetens F. (eds.). Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 219–221.*

¹²⁹ United States Government Memorandum from EA/IND Paul F. Gardner. Subject: Call by Indonesian Ambassador Soedjatmoko – Briefing Memorandum. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB128/35.%20Memo%20re%20visit%20by%20Indonesian%20Ambassador%20Soedjatmoko,%20August%2025,%201969.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

Ричарду Никсону во время встречи со вторым президентом Индонезии Сухарто избегать обсуждения вопроса о статусе Западного Ириана и, в частности, особенностях проведения проходящего на тот момент референдума. Учитывая неоднозначный характер настроений местного населения и усиление сепаратистского движения, Белому дому было крайне важно остерегаться отождествления с готовящимся к подписанию документом, особенно принимая во внимание тот факт, что в 1962 г. США уже сыграли роль посредника в переговорах между Индонезией и Нидерландами¹³⁰.

Победа Индонезии в борьбе за Западный Ириан ознаменовала новый этап для внешней политики страны. Республика закрепила свой статус как важный игрок на международной арене, государство, с которым нужно считаться.

Подводя итог вышесказанному, представляется важным подчеркнуть, что в период президентства Сукарно были сформированы основы и конкретизированы принципы внешнеполитической стратегии нового индонезийского государства. Они стали логическим продолжением идей и концепций, выработанных еще в колониальную эпоху и нашедших развитие в период борьбы за независимость, а также в послевоенные годы. Решающую роль в данном процессе сыграли как исторический опыт, мировоззренческие и культурные традиции Индонезии, так и внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы, которые стояли перед руководством молодой республики. В условиях стремительно меняющейся международной среды особо остро стоял вопрос обеспечения национальной безопасности и закрепления позиций Индонезии на мировой арене, что стало закономерным ответом на кризис мироустройства.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что приоритетными целями Сукарно во внешней политике стали создание условий для укрепления международного мира, поддержание стратегической стабильности в регионе, развитие равноправного партнерства между новыми независимыми государствами и, что не менее важно, обеспечение суверенитета Индонезии, соблюдение

---

¹³⁰ Memorandum for the President from Henry A. Kissinger. Subject: Djakarta Visit: Your Meetings with President Suharto. Pp. 7–8. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB242/19690718.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

нерушимости ее границ и защиты территориальной целостности, усиление значимости государства в международном пространстве.

Обеспечению национальных интересов Индонезии был призван способствовать тот самый «активный нейтралитет» во внешней политике с акцентом на многостороннее сотрудничество и укрепление республики не только как регионального лидера, но и представителя интересов развивающихся государств на мировом уровне, надежного партнера международного сообщества. Как можно заметить, стратегия политического маневрирования во многом способствовала решению поставленных задач, а Сукарно удалось не только укрепить связи с социалистическим лагерем, но и получить некоторую поддержку страна коллективного Запада.

Поворотный момент в постколониальной истории Индонезии наступил в середине 1960-х гг., когда в результате внутривнутриполитического кризиса и начала эпохи «Нового порядка» под руководством генерала Сухарто сменился и внешнеполитический курс страны.

К 1965 г. Коммунистическая партия Индонезии (КПИ, *Partai Komunis Indonesia*) превратилась в одну из крупнейших политических сил в стране, третью по величине коммунистическую партию в мире и самую многочисленную среди несоциалистических государств¹³¹. Растущее влияние КПИ, а также ее открытая поддержка президентом¹³² вызывали серьезную обеспокоенность другого важного игрока на национальной политической арене – армии. Сформировавшаяся

---

¹³¹ 1. Численность Коммунистической партии Советского Союза в 1965 г.: члены партии – 10 811 443 человек; кандидаты – 946 726 человек; всего – 11 758 169 человек. Большая советская энциклопедия. Том 12. С. 561. URL: http://in.1543.ru/pub/bse/BSE-3/12_Kvarner-Kongur.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

2. Численность Коммунистической партии Китая в 1965 г.: 20 млн человек. *Neuhauser C. The Chinese Communist Party in the 1960s: Prelude to the Cultural Revolution // The China Quarterly. No. 32 (1967). P. 4.*

3. Численность Коммунистической партии Индонезии: 3,5 млн членов плюс 23,5 млн в связанных с партией организациях. *McGregor K. E. The Indonesian Killings of 1965–1966. URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/indonesian-killings-1965-1966.html>* (дата обращения: 15.09.2024).

¹³² В 1959 г. Сукарно провозгласил политическую доктрину Насаком (*Nasakom*), название которой произошло от трех слов: национализм (*nasionalisme*), религия (*agama*) и коммунизм (*komunisme*). Идея концепции впервые была предложена Сукарно в 1926 г. Таким образом, предполагалось, что данные составляющие должны выступить объединяющей силой индонезийского общества и, соответственно, политического развития страны. *Winata L. Nasakom Sebagai Ideologi Negara Tahun 1959–1965 // Avatara. Vol. 5, No. 3 (2017). Hlm. 731.*

расстановка сил и перипетии внутривластной борьбы послужили фундаментом для перелома в жизни государства.

Приход к власти Сухарто неразрывно связан с событиями, произошедшими в ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г., когда было совершено нападение на семерых членов высшего армейского руководства: шестеро генералов были убиты, и только министру обороны генералу Абдулу Харису Насутиону удалось спастись. Существует несколько версий произошедших событий, и до сих пор многие детали окутаны тайной. Предположительно, Сукарно узнал о готовящемся против него заговоре «Совета генералов» и через подставных лиц, связанных с КПИ, попытался предотвратить переворот¹³³. На следующий день участники выступления (впоследствии оно получило название «Движение 30 сентября») сообщили о создании Революционного совета Индонезии, которому передавалась вся власть в стране¹³⁴.

В течение следующих месяцев после 30 сентября 1965 г. фактическая власть в стране перешла к военным, в частности, генералу Сухарто как командующему армией, а авторитет Сукарно был значительно подорван. 11 марта 1966 г. президент подписал указ, наделивший Сухарто чрезвычайными полномочиями в применении «всех необходимых мер по обеспечению безопасности и стабильности»: хотя формально Сукарно оставался президентом, именно Сухарто передавалась реальная власть. На следующий день, 12 марта, КПИ была распущена указом президента¹³⁵, а ее деятельность, как и распространение коммунистической

---

¹³³ Тюрин В. А. История Индонезии. М.: Восточный университет, 2004. С. 448–449.

¹³⁴ В течение следующих дней события разворачивались с невероятной быстротой: в столице было введено военное положение, начались антикоммунистические демонстрации и аресты сторонников КПИ, деятельность партии была приостановлена. Поскольку Сукарно не был включен в Революционный совет, властями было объявлено, что происшедшие события являлись не чем иным, как преступным сговором «Движение 30 сентября» с целью свержения действующего президента. Индонезийское правительство развернула широкую антикоммунистическую кампанию, которая сопровождалась массовыми репрессиями против прокоммунистически настроенных граждан, а также тех, кто подозревался в пособничестве КПИ. Жертвами массовых убийств 1965–1966 гг. стали, по разным оценкам, от 100 тыс. до 2 млн человек. *McGregor K. E. The Indonesian Killings of 1965–1966.* URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/indonesian-killings-1965-1966.html> (дата обращения: 15.09.2024).

¹³⁵ Keputusan Presiden Nomor 1/3/1966 tentang Pembubaran Partai Komunis Indonesia [Указ президента № 1/3/1966 о роспуске Коммунистической партии Индонезии] <https://peraturan.bpk.go.id/Details/151676/keppres-no-1-tahun-1966> (дата обращения: 15.09.2024).

идеологии, запрещены законом и по сей день¹³⁶. События 1965–1966 гг. справедливо признаны одним из самых кровавых и противоречивых периодов в истории независимой Индонезии, который оставил неизгладимый след в жизни местного населения.

Индонезия будто бы оказалась на распутье. За прошедших два десятилетия молодым государством были выработаны ключевые цели и приоритеты стратегического развития, позади остались первые успехи и неудачи. Однако сложившаяся обстановка потребовала переосмысления общей ситуации вокруг роли страны на международной арене и особенно в регионе. Новому руководству предстояло определить, какие из задач, направлений, подходов и инструментов применительно к внешней политике следует «забрать с собой в новую эпоху», а что потеряло прежнюю ценность и актуальность.

Середина 1960-х гг. представляет собой поворотный момент не только в истории Индонезии, но и Малайзии. Тем не менее пройденный ею исторический путь несколько иной. Как и в случае с Индонезией, особенности малайзийского внешнеполитического курса во многом отражают уникальный опыт формирования государственности в 1940–1950-е гг. Нередко в историографии деколонизация Малайзии изображается как довольно планомерный и спокойный процесс передачи власти от британской колониальной администрации национальным политическим силам. Соответственно, можно предположить, что в определенной степени независимая Малайзия переняла принципы внешней политики Великобритании в Юго-Восточной Азии. Хотя во многом данное утверждение вполне справедливо, оно не в полной мере отражает особенности, разворачивавшейся на полуострове Малакка в середине XX в. борьбы за власть при участии различных политических и этнических сил.

Представляется важным более детально рассмотреть особенности внутривнутриполитического процесса для того, чтобы определить, какие факторы могли

---

¹³⁶ *Kompas*, 12.03.2016. URL: <https://nasional.kompas.com/read/2016/03/12/06310001/12.Maret.1966.Socharto.Bubarkan.PKI> (дата обращения: 15.09.2024).

оказать влияние на формирование внешнеполитической стратегии Малайи и впоследствии Малайзии.

В конце Второй мировой войны после капитуляции Японии в 1945 г. контроль над освобожденными территориями Малайи, Сингапура, а также Британского Северного Борнео вновь получила Великобритания в лице Британской военной администрации (БВА, *British Military Administration*)¹³⁷. Тем не менее напряженность в социально-экономической сфере продолжала нарастать, что послужило причиной для усиления старых и новых оппозиционных политических сил¹³⁸. В результате сложилась нестабильная ситуация, которая заложила основу для роста межэтнической напряженности, в первую очередь между китайцами, на долю которых приходилось 38,5 % населения, и титульным населением страны, малайцами, составлявших 44 % населения¹³⁹.

Следует отметить, что традиционно сложные отношения между упомянутыми этническими группами вновь обострились после окончания Второй мировой войны. Японская оккупация (1941–1945 гг.) позволила Коммунистической партии Малайи (КПМ, *Parti Komunis Malaya*), среди членов которой тогда преобладали китайцы, укрепить свои политические позиции ввиду довольно успешной антияпонской партизанской борьбы. В то же время разжиганию межэтнических противоречий способствовала продуманная политика японской администрации, направленная на усиление соперничества и конфликтов между местным населением¹⁴⁰.

В условиях непростой внутривнутриполитической обстановки в апреле 1946 г. по инициативе БВА, желавшей объединить территорию Полуострова, установив в

---

¹³⁷ Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М.: Наука, 1980. С. 190–191.

¹³⁸ Van Tonder G. *Malayan Emergency: Triumph of the Running Dogs, 1948–1960*. Barnsley: Pen & Sword, 2017. P. 63.

¹³⁹ Mitchell D. F. *The Malayan Emergency: How to Fight a Counterinsurgency War*. URL: <https://warfarehistorynetwork.com/2016/10/27/the-malayan-emergency-how-to-fight-a-counterinsurgency-war> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁴⁰ К примеру, японцами были образованы специальные малайские военизированные формирования, основной задачей которых было направлялись для участия в операциях против партизанских отрядов КПМ. Boon B. *Malaysia: 50 Years of Independence – Colonialism at the Root of the National Question*. URL: <https://www.marxist.com/malaysia-fifty-years-independence-part-one.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

стране единое правительство, была образована новая коронная колония Великобритании – Малайский союз¹⁴¹, преемник Британской Малайи¹⁴².

Недовольные сокращением своего политического влияние малайцы были всерьез обеспокоены политикой британского правительства: султаны были вынуждены передать практически всю полноту власти (кроме религиозных вопросов) новой администрации и фактически лишились каких-либо реальных полномочий¹⁴³. В результате 11 мая 1946 г. было образовано первое крупное политическое объединение, объявившее своей главной целью защиту интересов малайцев – Объединенная малайская национальная организация (ОМНО, *Pertubuhan Kebangsaan Melayu Bersatu*)¹⁴⁴. Вместе с тем малайцы были чрезвычайно встревожены упрощенными требованиями для получения гражданства некоренным населением, увидев в новых правилах предпосылки для дальнейшего усиления китайцев и индийцев как доминирующих меньшинств в экономике страны.

Активное протестное движение коренного населения под эгидой ОМНО подтолкнуло колониальную администрацию к поиску компромиссного решения по спорным вопросам для преодоления внутренних разногласий. Как следствие, 31 января 1948 г. Малайский союз был преобразован в Малайскую Федерацию. Султанам была возвращена часть прежних полномочий, хотя следует отметить, что их власть осталась по большей части символической¹⁴⁵.

Одновременно с происходящими внутривластными преобразованиями возмущенная промалайской политикой британских властей КПМ продолжала наращивать свои влияние и силу на территории Полуострова. Разгар конфликта

---

¹⁴¹ В состав нового государственного образования вошли 9 малайских султанатов и британские поселения Малакка и Пинанг.

¹⁴² *Ooi K. G.* Southeast Asia: A Historical Encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. P. 262.

¹⁴³ *Mitchell D. F.* The Malayan Emergency: How to Fight a Counterinsurgency War. URL: <https://warfarehistorynetwork.com/2016/10/27/the-malayan-emergency-how-to-fight-a-counterinsurgency-war> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁴⁴ *Ooi K. G.* Southeast Asia: A Historical Encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. P. 1365.

¹⁴⁵ *Hock S. S.* The Population of Peninsular Malaysia. Singapore: ISEAS, 2007. P. 3.

пришелся на июнь 1948 г., когда коммунисты развернули активные боевые действия. Колониальная администрация была вынуждена ввести по всей стране режим чрезвычайного положения и приступить к реализации всех необходимых мер для подавления очагов антиправительственных выступлений¹⁴⁶. В конечном итоге партизанская война КПК не принесла желаемых результатов. Начавшийся конфликт, впоследствии получивший название войны в Малайе, по большей части был урегулирован к 1953 г., однако официально подошел к концу лишь в июле 1960 г. с отменой военного положения¹⁴⁷.

Преодолев ряд наиболее острых социально-экономических и военных проблем, британцы приступили к постепенной реализации договоренностей о предоставлении стране независимости «в надлежащее время»¹⁴⁸. Первоочередной задачей стало формирование устойчивой партийно-политической и правовой системы, не только практически безоговорочно поддерживаемой местным населением, но и готовой транслировать стратегические интересы Великобритании в регионе. Особую роль в процессе развития демократических институтов и совершенствования механизмов взаимодействия государства и общества сыграла ОМНО как ведущая национальная политическая сила.

Признавая необходимость политической интеграции китайской общины страны и обеспечение ее политического представительства как на региональном, так и на федеральном уровнях, британская администрация поддержала создание Китайской ассоциации Малайи (КАМ, *Malayan Chinese Association*)¹⁴⁹ в качестве альтернативной КПК организации, представляющей интересы китайского населения. Альянс ОМНО – КАМ доказал свою состоятельность и сумел удержать победу на нескольких муниципальных выборах в нескольких крупных городах в 1952 и 1953 гг.¹⁵⁰ На первых всеобщих выборах, состоявшихся в июле 1955 г., к

---

¹⁴⁶ Plant J. P. *Malaya 1948–1960 – Emergency!! Never, Just a Forgotten War*. Trowbridge: Paragon Publishing, 2019. P. 25.

¹⁴⁷ Idrus R. The Discourse of Protection and the Orang Asli in Malaysia // *Kajian Malaysia*. Vol. 29, No. 1 (2011). P. 61.

¹⁴⁸ *Time*, 20.02.1956. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,808165,00.html> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁴⁹ В 1963 г. была переименована в Китайскую ассоциацию Малайзии (*Malaysian Chinese Association*).

¹⁵⁰ *The Star*, 11.07.2007. URL: <https://www.thestar.com.my/opinion/letters/2007/06/11/the-campaign-for-merdeka> (дата обращения: 15.09.2024).

альянсу присоединился Индийский конгресс Малайи (ИКМ, *Malaya Indian Congress*)¹⁵¹, и новообразованная коалиция одержала оглушительную победу, завоевав 51 из 52 мест в Федеральный законодательный совет. В 1957 г. коалиция Союзная партия (*Parti Perikatan*), состоящая из ОМНО, КАМ и ИКМ, была официально зарегистрирована¹⁵². Уже в 1973 г. на ее базе была образована коалиция Национальный фронт (*Barisan Nasional*), которая удерживал власть в Малайзии с момента своего создания и вплоть до 2018 г.¹⁵³ Таким образом, переговоры по условиям предоставления Малайской Федерации суверенитета и сопутствующим правовым вопросам, в том числе по разработке конституции будущего независимого государства, велись непосредственно между Союзной партией и британским правительством.

Несмотря на то, что в 1956 г. Министерство по делам колоний Великобритании предложило предоставить Малайе полное внутреннее самоуправление вместо суверенитета, Союзной партии удалось отстоять обещанное право на независимость¹⁵⁴. Данный вопрос заранее прошел детальное обсуждение на заседании парламента Великобритании¹⁵⁵, а положительное решение было закреплено на законодательном уровне 31 июля 1957 г.¹⁵⁶

Ровно через месяц, 31 августа 1957 г., первый и единственный главный министр страны и второй президент ОМНО Абдул Рахман провозгласил независимость Малайской Федерации¹⁵⁷. В отличие от Индонезии, которой

---

¹⁵¹ В 1963 г. был переименован в Индийский конгресс Малайзии (*Malaysian Indian Congress*).

¹⁵² *PeKhabar*, 27.07.2015. URL: <https://pekhabar.com/h-i-d-s-pilihanraya-persekutuan-yang-pertama> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵³ *The Economist Intelligence Unit*, 18.07.2018. URL: https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=866942270&Country=Malaysia&topic=Politics_1 (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵⁴ *The Star*, 11.07.2007. URL: <https://www.thestar.com.my/opinion/letters/2007/06/11/the-campaign-for-merdeka> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵⁵ Federation of Malaya Independence Act 1957. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1957/60/pdfs/ukpga_19570060_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵⁶ House of Commons Debates, 12 July 1957 (Vol. 573, cc633-715). URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1957/jul/12/federation-of-malaya-independence-bill> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵⁷ Proclamation of Independence of Malaya (Kuala Lumpur, 31 August 1957). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2015/10/20/51eb6525-30ef-4078-8f83-27deec5e8072/publishable_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

потребовалось пройти путь длиной в пять лет для международно-правового признания, уже 5 сентября 1957 г. Федерация была принята в члены ООН¹⁵⁸.

Вопреки распространенному в 1950–1960-х гг. среди индонезийцев мнению, независимость не была получена Малайской Федерацией без лишних сложностей и усилий. Следует признать, что это была с трудом заработанная победа, обеспеченная умелой политикой Союзной партии и мудрой стратегией Абдула Рахмана, «отца независимости», который был назначен первым премьер-министром нового суверенного государства.

Нельзя оставить без внимания межэтнический фактор, который играл существенную и в некотором смысле определяющую роль и в Индонезии, и в Малайзии. Как можно заметить, независимое правительство Индонезии изначально позиционировало все этнические группы, населявшие страну, как единый народ, стараясь не разделять их представителей на политической арене. Тем самым межэтнические противоречия, если и не были нивелированы, то отошли на второй план. В то же время с целью урегулирования текущих и потенциальных конфликтов власти Малайской Федерации предпочли избрать иную стратегию и предоставить каждой из крупнейших этнических группам отдельное политическое представительство.

Многие исследователи сходятся во мнении, что с самого начала пути к обретению независимости и на всем его протяжении малайское правительство проводило прозападную внешнюю политику. На самом деле подобную стратегию можно объяснить тремя основными причинами. Во-первых, КППМ продолжала вести активные боевые действия в джунглях и чрезвычайное положение в Малайе пока не было отменено. Во время заседания парламента 6 декабря 1958 г. Абдул Рахман заявил, что правительство «потратило миллионы долларов и принесло в жертву сотни¹⁵⁹ своих граждан», поэтому «не могло быть и речи о том, чтобы

---

¹⁵⁸ Admission of New Members to the United Nations. 125 (1957). Resolution of 5 September 1957. URL: [https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/125\(1957\)&Lang=E](https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/125(1957)&Lang=E) (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁵⁹ Согласно статистическим данным, в ходе боевых действий во время войны в Малайе, по примерным оценкам, погибло более 11 тыс. человек. *Komer R. W. The Malayan Emergency in Retrospect: Organization of A Successful Counterinsurgency Effort.* Rand: Santa Monica, 1972. P. 22.

перейти к политике нейтралитета, пока Малайя находится в состоянии войны с коммунистами»¹⁶⁰. Таким образом, правительство рассматривало материковый Китай как угрозу состоянию мира и стабильности в Юго-Восточной Азии и считало рискованным проводить нейтральную внешнюю политику в таких обстоятельствах.

Во-вторых, в первые годы после обретения независимости вооруженные силы Малайи не обладали достаточными людскими и техническими ресурсами и в случае необходимости не смогли бы самостоятельно защитить суверенитет, обеспечить национальную безопасность и территориальную целостность. Без внешней поддержки одержать победу над коммунистами не представлялось возможным. Соответственно, в 1957 г. было заключено Англо-малайское оборонное соглашение (*Anglo-Malayan Defence Agreement*), в рамках которого Великобритания обязалась оказать содействие в обеспечении обороны страны и государственной безопасности, а также оказать любую необходимую военную помощь в случае возникновения чрезвычайной ситуации¹⁶¹.

В-третьих, еще до провозглашения независимости Абдул Рахман заявил, что правительство не намерено выделять большой объем средств на оборону страны, так как в приоритете социально-экономическое развитие страны и улучшение уровня благосостояния граждан¹⁶². Впрочем, хотя внутренние факторы способствовали формированию прозападного курса, правительство Малайской Федерации все же рассматривало возможность проведения нейтральной внешней политики. Тем не менее в сложившихся условиях такой вариант пока не представлялся возможным.

Представляется важным упомянуть о посреднических усилиях Малайской Федерации по решению проблемы Западного Ириана. Абдул Рахман был обеспокоен, что создавшаяся нестабильность в регионе позволит

---

¹⁶⁰ Mitsuomi I. The Path to Malaysia's Neutral Foreign Policy in the Tunku Era // Sarjana. Vol. 30, No. 2 (2015). P. 74.

¹⁶¹ Agreement on External Defence and Mutual Assistance. Signed at Kuala Lumpur, on 12 October 1957. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280142086&clang=_en (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁶² Mitsuomi I. The Path to Malaysia's Neutral Foreign Policy in the Tunku Era // Sarjana. Vol. 30, No. 2 (2015). P. 74.

коммунистическим элементам перехватить политическую инициативу в Индонезии. Малайский лидер понимал, что в случае начала активных военных действий последует мобилизация стратегического резерва сил Содружества наций в поддержку голландцев, что могло осложнить развитие индонезийско-малайских отношений, поэтому в 1960 г. он предложил выступить посредником по столь спорному вопросу и выступить от лица Индонезии в переговорах с западными державами. Джакарта с некоторой осторожностью и сомнением приняла помощь соседнего государства¹⁶³.

Несмотря на уверения в поддержке Индонезии, Абдул Рахман все же не всегда был верен данному Сукарно обещанию. К примеру, согласно протоколу встречи с премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом, в частном порядке Абдул Рахман сообщил, что он не намерен гарантировать передачу Западного Ириана под управление Индонезии после временного периода опеки ООН¹⁶⁴. Следовательно, вместо спасения индонезийского правительства от коммунистического влияния, что якобы было исходной мотивацией для посреднических усилий, использованные методы и отсутствие реального намерения обеспечить переход Западного Ириана под индонезийский контроль вполне могли и подорвать позиции Джакарты, и укрепить позиции коммунистов.

Расхождение между публичными и частными высказываниями Абдула Рахмана по вопросам, касавшимся Индонезии, демонстрирует определенные противоречия в избранном им внешнеполитическом курсе и позиции по отношению к стране-соседу. Возможно, подрыв усилий, направленных на обеспечение политического первенства Индонезии в регионе и в определенном смысле ее территориальной целостности, было целью, которую премьер-министр считал ключевой для интересов Малайи. Попытка этого достичь с помощью дуалистической политики и сложной стратегии дипломатической войны, вероятно,

---

¹⁶³ *Tarling N.* Britain, the Tunku and West New Guinea 1957–1963 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 83, No. 1 (2010). P. 82.

¹⁶⁴ *Jones M.* Conflict and Confrontation in South East Asia, 1961–1965: Britain, the United States, Indonesia and the Creation of Malaysia. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 105.

могло свидетельствовать о тонко скрытой неприязни к администрации Сукарно и проводимой им политики. В то же время, несмотря на некоторые противоречия, важным направлением деятельности Абдула Рахмана стало развитие региональной интеграции, в том числе при непосредственном участии Индонезии.

Учитывая центральную роль Индонезии и Малайзии в развитии системы международного сотрудничества между странами Юго-Восточной Азии на протяжении второй половины XX – начала XXI вв., заслуживает отдельного внимания вопрос становления регионального комплекса в 1950-е-гг. и в начале 1960-х гг.

Обращает на себя внимание тот факт, что в некотором смысле первые попытки создания данной системы протекали без содействия Индонезии и Малайзии. В 1954 г. по инициативе США и с целью предотвращения распространения идей коммунизма была создана Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО, *South-East Asia Treaty Organization*)¹⁶⁵, куда вошли Филиппины и Таиланд. Шесть из восьми государств-членов СЕАТО располагались за пределами региона, но проявляли к нему стратегический интерес. Следовательно, нередко СЕАТО обвиняли в продвижении политики неокOLONиализма. В первую очередь договор предусматривал наличие консультативного механизма и не обладал потенциалом для коллективных действий вооруженных сил. Вместе с тем СЕАТО обеспечила США правовую основу для их дальнейшего участия во Вьетнамской войне. Ввиду наличия разных целей и интересов стран-участниц организация была распущена в 1977 г.¹⁶⁶

Отказавшись от идеи присоединения к СЕАТО, Малайя избежала осложнения отношений с Индонезией и КНР. Однако она не планировала полагаться лишь на соглашение об обороне с Великобританией или двустороннее взаимодействие с любым другим государством. Малайя (и Абдул Рахман, в

---

¹⁶⁵ Southeast Asia Collective Defense Treaty. Signed at Manila, on 8 September 1954. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20209/volume-209-i-2819-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁶⁶ Southeast Asia Treaty Organization (SEATO), 1954. URL: <https://history.state.gov/milestones/1953-1960/seato> (дата обращения: 15.09.2024).

частности) выступила с рядом инициатив, направленных на развитие региональной интеграции, объединение экономического, военного и политического потенциала стран Юго-Восточной Азии.

По инициативе Абдула Рахмана с 1958 г. началось обсуждение Договора о дружбе и экономическом сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (*Southeast Asia Friendship and Economic Treaty, SEAFET*), цель которого в первую очередь заключалась в налаживании экономического, торгового и культурного сотрудничества. Малайское правительство решило взять на себя обязательства по разработке проекта договора и проведению дипломатической работы со всеми потенциально заинтересованными сторонами. К участию были приглашены Индонезия, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Южный Вьетнам и Бирма.

Впрочем, предложенный план в целом получил довольно прохладный отклик. Индонезия подвергла сомнению искренность намерений соседнего государства, поскольку оно находилось в союзе с Великобританией, а, к примеру, Филиппины являлись членом СЕАТО. По мнению индонезийских властей, до тех пор, пока все возможные страны-участницы подобной организации не станут по-настоящему независимыми, поставленные цели не смогут быть реализованы. Кроме того, индонезийцы опасались, что подобное сотрудничество ослабит их влияние в других частях афро-азиатского мира¹⁶⁷. Хотя из-за разногласий между странами Юго-Восточной Азии идея создания нового объединения потерпела неудачу, она оказала значительное влияние на дальнейшее усиление региональной интеграции.

Важной вехой в истории межгосударственных отношений двух стран стало подписание Договора о дружбе между Малайской Федерацией и Республикой Индонезия от 1959 г. (*Perdjandjian Persahabatan Antara Persekutuan Tanah Melayu dengan Republik Indonesia, 1959*)¹⁶⁸. Стороны обязались уважать независимость и

---

¹⁶⁷ Tarling N. Southeast Asian Regionalism New Zealand Perspectives. Singapore: ISEAS, 2011. Pp. 2–9.

¹⁶⁸ Perdjandjian Persahabatan Antara Persekutuan Tanah Melayu dengan Republik Indonesia [Договор о дружбе между Малайской Федерацией и Республикой Индонезия]. Pp. 275–281. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20470/v470.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

суверенитет друг друга, а также развивать сотрудничество по различным направлениям на взаимовыгодных условиях. Заключение данного соглашения можно по праву считать основополагающим этапом для развития двусторонних дипломатических связей, во многом оно стало основой для дальнейшего укрепления межполитических контактов и процесса регионализации. Тем не менее, как было отменено выше, построение индонезийско-малайзийских партнерских отношений проходило не без трудностей и внешнеполитической борьбы за доминирующую роль в регионе.

Тридцать первого июля 1961 г., также по инициативе Абдула Рахмана, на встрече министров иностранных дел Малайи, Филиппин и Таиланда была основана Ассоциация Юго-Восточной Азии (*Association of Southeast Asia, ASA*). Основными целями и задачами Ассоциации были объявлены экономическое и социально-культурное сотрудничество, создание эффективных механизмов дружественных консультаций и взаимопомощи, а также содействие работе существующих международных организаций¹⁶⁹. В целом данные устремления во многом отражают идеи, изложенные в другом предложенном Абдулом Рахманом документе – Договоре о дружбе и экономическом сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

В 1966–1967 гг. членами Ассоциации были предприняты шаги по разработке договора по либерализации торговли между Малайей, Филиппинами и Таиландом, что могло стать одним из первых достижений организации. Подобное соглашение предусматривало только создание режима наибольшего благоприятствования, однако это был важный первый этап на пути к раскрытию и росту потенциала объединения и его интеграционной структуры, а также укреплению позиций государств-участников в системе мирохозяйственных связей¹⁷⁰. Во многом данный проект стал отражением модели текущей политики экономической интеграции в АСЕАН, что в определенной степени можно считать примером успешных коллективных действий.

---

¹⁶⁹ Bangkok Declaration (Association of South-East Asia). URL: <https://elibrary.judiciary.gov.ph/thebookshelf/showdocs/36/11080> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁷⁰ Gordon B. K. East Asian Regionalism and United States Security. McLean: Research Analysis Corporation, 1968. P. 45.

Несмотря на некоторые достижения, Ассоциация Юго-Восточной Азии в конце концов была расформирована. Она потерпела неудачу из-за обострения конфликта между странами-членами организации, то есть между Малайей и Филиппинами. Последние выразили протест против включения территории Северного Борнео (Сабаха) в состав будущей Федерации Малайзия и вышли из состава Ассоциации.

Таким образом, нетрудно заметить, что, вопреки ряду сложностей, Малайзия осталась верна избранному курсу по развитию региональной интеграции и предпринятые ей усилия в некоторой мере определили дальнейшую институционализацию отношений между странами Юго-Восточной Азии.

Произведенный обзор особенностей историко-политических процессов, происходивших в Индонезии и Малайе в поздний колониальный и ранний постколониальный периоды, позволяет определить некоторые факторы, оказавшие решающее воздействие на формирование политических приоритетов страны и выработку основополагающих решений. Примечательно, что, в отличие от Джакарты, Куала-Лумпур в большей степени зависел от внешних акторов, в первую очередь стран Запада, сохранявших свое влияние на внутривнутриполитической арене и после провозглашения независимости Малайи. При разработке внешнеполитической стратегии руководство государства во многом ориентировалось на политические интересы и потребности западных союзников.

На рассматриваемом этапе в приоритете для Куала-Лумпура оставалось формирование устойчивой системы обеспечения безопасности и внутривнутриполитической стабильности. Повышенного внимания требовали выработка согласованной государственной национальной политики и формирование механизма гармонизации межэтнических отношений.

В то же время последний вопрос, как было отмечено выше, отошел в Индонезии на второй план, так как стоял не столь остро¹⁷¹. Позиция руководства страны была по большей части единой: важнейшим элементом индонезийской

---

¹⁷¹ Тем не менее в 1950-х гг. сепаратистские настроения обострились и в некоторых регионах Индонезии. Например, была предпринята попытка создания суверенной Республики Южно-Молуккских островов.

идеологии оставался принцип нерушимости национального единства. Соответственно, четкое разграничение тех или иных групп политической элиты по этническому принципу не представлялось целесообразным и в некоторой мере противоречило официальной доктрине, основам государственной политики, национальной идее. Впрочем, в отличие от Малайи, межэтническая напряженность не представляла собой серьезную угрозу для социальной стабильности и безопасности, а попытки их подорвать были успешно предотвращены. По сути, различные этнические группы, населявшие Индонезию, объединились в борьбе против общего врага – колонизаторов, в то время как этнические группы Малайи конкурировали за привилегированное положение внутри нового правящего класса.

В общей сложности для формирования внешней политики Индонезии при Сукарно было характерно сильное влияние идей национализма. Однако с течением времени власти заняли более «воинственную» и даже агрессивную позицию в отношении вопросов безопасности, что во многом повлияло на дальнейшее развитие двусторонних отношений не только с соседними государствами, но и с более отдаленными странами.

Как и Малайзия, в рамках реализации внешнеполитического курса Индонезия уделяла отдельное внимание развитию регионализма, черты которого появились сравнительно рано. Однако, если Куала-Лумпур старался укрепить свои позиции преимущественно в рамках региона, то Индонезия видела себя потенциальным лидером стран Третьего мира, не ограничиваясь государствами Юго-Восточной Азии.

В целом Индонезии удавалось довольно успешно «лабирировать» между странами социалистического и капиталистического лагерей, Малайя же поначалу придерживалась явно прозападного курса. В то же время на внутривнутриполитической арене от малайских властей требовалось не отходить от выверенных, аккуратных и продуманных действий, дабы успешно маневрировать между представителями различных социальных и этнических групп.

Примечательно, что к началу 1960-х гг. теоретические и идеологические основы малайской доктрины еще не получили должного оформления, она не была

принята на общенациональном уровне. В первую очередь новому руководству страны было необходимо выработать общие принципы государственной национальной политики в постколониальных реалиях.

Возможно, приверженцы «легкого пути Малайи к независимости» отчасти правы. Страна прошла относительно более легкий путь, а молодое национальное правительство приложило, по сравнению с Индонезией, меньше усилий в процессе легитимации своей власти, поэтому не было острой необходимости в формировании столь яркой общегосударственной системы социально-политических воззрений, пронизывающей все сферы общественной жизни.

Как можно заметить, в рассматриваемый период комплекс элементов культурного, политического, социально-экономического и внешнеполитического характера оказал воздействие на выбор стратегии государственной политики и Индонезии, и Малайи. Вместе с тем одной из важнейших задач обоих государств стало обеспечение межнационального согласия и укрепление единства как внутри страны, так и на региональной арене. Постепенно был определен новый вектор развития добрососедских отношений, а обсуждение и выработка современных механизмов внутрирегионального сотрудничества начали приобретать все большее значение. Впрочем, данная тенденция в большей степени проявилась несколько позднее, уже после завершения напряженного и тяжелого этапа в истории межгосударственных отношений двух стран – индонезийско-малайзийской конфронтации.

2.2. Индонезийско-малайзийская конфронтация (1963–1966)

Дальнейшему мирному развитию тесного двустороннего сотрудничества между Индонезией и Малайзией помешал конфликт, разгоревшийся на острове Калимантан (Борнео) и впоследствии получивший название индонезийско-малайзийской конфронтации (1963–1966 гг.).

В определенной степени источник конфликта крылся в истории обретения суверенитета каждым из государств. Как было отмечено, опыт Индонезии и Малайзии несколько отличался: если индонезийцы получили независимости в ходе

ожесточенной борьбы с голландцами за бывшие территории Нидерландской Ост-Индии, то малайзийцам (несмотря на многие трудности) удалось достичь, по сути, тех же результатов вследствие сотрудничества с британской колониальной администрацией и заключения взаимовыгодных договоренностей. «Малайзийский эксперимент» можно было бы признать полностью успешным, если бы не резкое несогласие Индонезии с линией государственной границы Федерации Малайзии, сформированной в 1963 г. на основе Малайской Федерации, Сингапура и северной части Борнео, а именно Сабаха и Саравака.

Индонезийское руководство было непоколебимо в своей уверенности, что добровольное предоставление независимости Малайзии со стороны Великобритании являлось не компромиссом или уступкой, а тактическим ходом. Цель этой уловки заключалась в сохранении фактического британского господства в бывшей колонии и усилении влияния и контроля на территории региона в условиях обострения антиколониальной борьбы в странах Азии и Африки. Сукарно нередко отзывался о Малайзии как о «британском марионеточном государстве», «неоколониальном эксперименте», который увековечит доминирование империалистических держав в Юго-Восточной Азии и поставит под угрозу национальную безопасность не только Индонезии, но и других соседних государств¹⁷².

Впрочем, многие исследователи сходятся во мнении, что Сукарно было необходимо сместить фокус внимания ослабленного социально-экономическим кризисом населения Индонезии от внутренних трудностей на внешнеполитические проблемы, поэтому он целенаправленно развязал конфликт с ближайшим соседом. Кроме того, Сукарно стремился включить территорию северного Борнео в состав Индонезии, воодушевленный успешным исходом спора о статусе Западного

---

¹⁷² *Tong G. Y.* Konfrontasi. URL: <https://museumvolunteersjmm.com/2017/11/28/konfrontasi> (дата обращения: 15.09.2024).

Ириана. В результате 20 января 1963 г. министр иностранных дел Индонезии Субандрио провозгласил политику конфронтации по отношению к Малайзии¹⁷³.

В действительности конфронтация началась еще в декабре 1962 г. с попытки государственного переворота в подконтрольном Великобритании султанате Бруней, организованного группой повстанцев, известной как Национальная армия Северного Калимантана (*Tentara Nasional Kalimantan Utara*). Индонезия поддержала лидера восстания, брунейского политического деятеля А. М. Азахари, и даже организовала военную подготовку для его сторонников¹⁷⁴. После спасения нескольких заложников и обеспечения безопасности стратегических особо важных, в том числе режимных, объектов (правительственных зданий, нефтеперерабатывающих заводов и радиостанции) мятеж был довольно быстро подавлен британскими войсками при помощи гуркхов¹⁷⁵. Плохо подготовленные и слабо экипированные участники беспорядков не смогли достичь ключевых целей, таких как пленение султана Брунея и захвата основных нефтяных месторождений. Разбитые стремительным нападением силы повстанческой армии присоединились к индонезийским вооруженным формированиям, которые вошли на территорию северного Борнео¹⁷⁶.

С конца 1962 – начала 1963 гг. в пограничном районе регулярно проводились рейды индонезийских партизан. Первое вторжение индонезийских войск в Восточную Малайзию было зафиксировано 12 апреля 1963 г., когда был атакован полицейский участок в г. Тебеду на юго-западе Саравака¹⁷⁷. В целом на протяжении всего 1963 г. частота вторжений на территорию северного Борнео постепенно увеличивалась. По большей части это были нападения, рейды на полицейские и

---

¹⁷³ Indonesia announces Konfrontasi (Confrontation). URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/history/events/126b6b07-f796-4b4c-b658-938001e3213e> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁷⁴ Poulgrain G. The Genesis of Konfrontasi: Malaysia, Brunei and Indonesia, 1945–1965. London: C. Hurts & Co., 1998. Pp. 256–258, 283.

¹⁷⁵ Наемные солдаты, набирающиеся на службу в британскую армию из числа непальцев с начала XX в.

¹⁷⁶ Kathleen H. The Brunei Rebellion of 1962. Pp. 494–496, 508, 518. URL: https://ris.cdu.edu.au/ws/portalfiles/portal/22703258/Thesis_CDU_55418_Harry_K.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁷⁷ *Free Malaysia Today*, 20.01.2021. URL: <https://www.freemalaysiatoday.com/category/leisure/2021/01/20/remembering-the-malaysia-indonesia-confrontation-58-years-on> (дата обращения: 15.09.2024).

армейские объекты, а также отдельные вооруженные столкновения с малайзийскими и британскими войсками.

Нарастание военно-политической напряженности в Юго-Восточной Азии, одновременно с усилением дипломатической борьбы и свертыванием индонезийско-малайзийских экономических связей, не могло не привлечь внимание мировых и региональных держав. С одной стороны, действия Индонезии вызвали осуждение международного сообщества. На стороне Малайзии выступили, в частности, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, США и Канада. С другой стороны, действия Сукарно поддержали Филиппины, КНР, СССР и Демократическая Республика Вьетнам.

Особенно важно, что Малайзия получила существенную военную помощь от Австралии, Новой Зеландии и, безусловно, Великобритании¹⁷⁸. Британцы отреагировали на конфронтацию сразу по двум направлениям. Во-первых, для того, чтобы удержать индонезийцев от открытого нападения на Малайзию, в Сингапуре были развернуты значительные военно-воздушные и военно-морские силы. Во-вторых, что наиболее важно, главной задачей Великобритании на протяжении всего конфликта было сдерживание общественных движений и мятежей на самом Борнео¹⁷⁹.

На защиту малайзийской границы, которая простиралась на 1,6 тыс. километров по покрытой джунглями горной местности, были направлены пять батальонов британских и гуркхских солдат под командованием генерал-майора Уолтера Уокера, имевшего большой опыт боевых действий в Юго-Восточной Азии, в том числе и в труднопроходимой лесной местности¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Если Великобритания приступила к военной помощи практически сразу после начала конфронтации, Австралия и Новая Зеландия присоединились только в 1964 г. Тем не менее еще в конце 1962 г. они предоставили разрешение Великобритании на использование своих военно-транспортных самолетов для подавления восстания в Брунее. *Suhaini N., Khairunnisa A., Karim A. Konfrontasi Malaysia dan Indonesia Penyelesaian Melalui Pendekatan Malaysia // Jurnal Sains Sosial. Vol. 1, No. 1 (2016). Ms. 82.*

¹⁷⁹ Confrontation in Borneo. URL: <https://nzhistory.govt.nz/war/confrontation-in-borneo> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸⁰ Основная тактика У. Уокера заключалась в активном патрулировании с использованием вертолетов и другой военной техники, сборе разведывательных данных и привлечении к службе малайского населения.

Вместе с тем был запущен ряд социальных программ, в задачи которых входило завоевать доверие и получить поддержку местного сообщества¹⁸¹. Властями предпринимались усилия по предотвращению роста проиндонезийских настроений и распространению идей Сукарно на территории как северного Борнео, так и полуострова Малакка. Нередко военные прибегали к действовавшему тогда Закону о внутренней безопасности 1960 г. (*Internal Security Act 1960*)¹⁸², разрешавшему превентивное задержание лиц, которые могли представлять угрозу национальной безопасности¹⁸³.

В период с 1963 по 1964 гг. стороны конфликта предприняли четыре попытки переговоров на высшем уровне. С 31 мая по 1 июня 1963 г. в г. Токио прошел первый раунд встреч между Абдулом Рахманом и Сукарно. Вопреки стремлению сторон к скорейшему урегулированию противоречий, компромисса достичь не удалось. Фотографии тех дней демонстрируют радостное расположение духа участников делегаций, однако, по свидетельству присутствовавших журналистов, обстановка была довольно напряженной, а лидеры обеих стран практически все время пребывали в мрачном настроении¹⁸⁴. Примечательно, что на переговорах в Токио стороны договорились придерживаться принципов, изложенных в Договоре о дружбе между Малайей и Индонезией от 1959 г.¹⁸⁵

Как можно заметить, достичь договоренностей на двусторонней основе на рассматриваемом этапе не представлялось возможным. Так как доверие между соседями было подорвано, необходимость вмешательства внешних сил стала все более очевидной и в определенной степени неизбежной.

---

¹⁸¹ Indonesian Confrontation. URL: <https://www.nam.ac.uk/explore/indonesian-confrontation> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸² Internal Security Act 1960. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Malaysia/MY_Internal_Security_Act.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸³ За предполагаемую поддержку Сукарно были арестованы, например, крупный политический деятель и основатель ряда политических организаций левого толка Ахмад Бустаман, а также сторонник идеи объединения всего Малайского мира писатель Исхак Хаджи Мухаммад. *Zulqarnain I. Kisah Ahmad Boestaman Dari Tanjung Malim*. URL: <https://www.orangperak.com/kisah-ahmad-boestaman-dari-tanjung-malim.html> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁸⁴ *Maidin Z. Hari itu Sudah Berlalu*. Kuala Lumpur: Utusan Publications & Distributors, 2011. Ms. 115.

¹⁸⁵ *Syarifuddin, Juistha A. A. Bahan Pembelajaran Sejarah Nasional Indonesia VI*. Palembang: Bening Media Publishing, 2022. Hlm. 378.

Летом 1963 г. возникли предпосылки для улучшения ситуации. С 7 по 11 июня в Маниле состоялась серия встреч при участии министра иностранных дел Индонезии Субандрио, вице-премьер-министра Малайской Федерации и по совместительству министра обороны Абдула Разака, вице-президента и министра иностранных дел Филиппин Эммануэля Пелаэса. Участникам переговоров было нелегко достичь взаимопонимания, и вместо первоначально предусмотренных двух дней им потребовалось четыре, чтобы выработать основу для запланированной на конец месяца встречи глав государств¹⁸⁶.

Стороны рассмотрели предложение филиппинского президента Диосдадо Макапагала о создании содружества наций малайского происхождения Мафилиндо (*Maphilindo*)¹⁸⁷ и согласовали первоначальные шаги по реализации данной идеи. В частности, Индонезия, Малайя и Филиппины договорились внести на предстоящие переговоры предложение о создании механизма для проведения регулярных межправительственных консультаций по вопросам, представлявших взаимный интерес, например, в области безопасности, экономического, социокультурного развития¹⁸⁸.

Концепцию создания Мафилиндо по праву можно назвать амбициозной: новообразованная конфедерация стала бы десятым по площади территории государством в мире, а, учитывая ее богатые природные и человеческие ресурсы и геостратегическое положение, в перспективе Мафилиндо вполне могла бы стать по меньшей мере региональной державой и бросить вызов возвышению Китая.

Примечательно, что США под руководством президента Джона Ф. Кеннеди, судя по всему, поддержали Мафилиндо, поскольку надеялись, что это может

---

¹⁸⁶ *Khalid M. B. Whither Maphilindo Mushwara? // Pakistan Horizon. Vol. 18, No. 2 (1965). P. 152.*

¹⁸⁷ Название Мафилиндо образовано из первых букв названий трех стран: «Ма» – Малайя, «Фил» – Филиппин, «Индо» – Индонезии.

¹⁸⁸ *Joint Communique of the Conference of Foreign Ministers of the Federation of Malaya, the Republic of Indonesia, and the Republic of the Philippines, held at Manila from June 7 to 11, 1963 // Summit Conference Between the President of the Republic of Indonesia, the President of the Philippines, and the Prime Minister of the Federation of Malaya, Manila, 1963. Washington: Information Division, Embassy of Indonesia, 1963.*

предотвратить распространение идей коммунизма не только в Индонезии, но и в Юго-Восточной Азии в целом¹⁸⁹.

Как и было запланировано, в конце июля 1963 г. после серии переговоров в г. Манила лидерами Индонезии, Малайи и Филиппин было подписано соглашение о создании Мафилиндо, также известное как Манильское соглашение¹⁹⁰. Тем не менее планам сторон не было суждено сбыться, поскольку ряд инцидентов, произошедших вскоре после упомянутых событий, осложнили дальнейшее развитие дружественных отношений. Хотя официально ни одно из трех государств не денонсировало заключенный договор, его условия не были исполнены.

Представляется необходимым уделить отдельное внимание нарастанию антималайзийских настроений на территории Индонезии и антииндонезийских настроений в Малайзии. Важнейшее значение для назревания кризисных процессов сыграли высказывания президента Сукарно, обвиняемого малайзийской общественностью в националистической и подстрекательской риторике.

Наиболее ярким примером может служить его речь, произнесенная 27 июля 1963 г., буквально за несколько дней до совещания в Маниле. Во время своего эмоционального выступления индонезийский лидер призвал народ буквально сокрушить Малайзию¹⁹¹. Позднее выдвинутый президентом слоган «Сокрушить Малайзию» (*Ganyang Malaysia*) превратился в название националистического движения с использованием антималайзийской риторики.

Интересно, что сложившаяся общественно-политическая обстановка ожидаемо оказала влияние на развитие индонезийской культуры на фоне обострения конфронтации, которая вдохновила авторов на создание большого количества популярных песен. Тот факт, что Малайзии будто бы не пришлось бороться за свою независимость от Великобритании, вызвал недоверие и

---

¹⁸⁹ Sodhy P. Malaysian – American Relations during Indonesia's Confrontation against Malaysia, 1963–66 // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 19, No. 1 (1988). P. 117.

¹⁹⁰ Manila Accord. Signed at Manila, on 31 July 1963. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20550/volume-550-i-8029-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁹¹ Pidato Soekarno «Ganyang Malaysia». URL: <https://www.inilah.com/inilah-pidato-soekarno-ganyang-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

враждебность со стороны многих индонезийцев. Вероятно, это убедило значительную часть населения, что суверенитет Малайзии не был настоящим, а ее создание на самом деле являлось ничем иным, как «неоколониальным заговором»¹⁹².

Идея формирования Федерации Малайзия впервые была выдвинута премьер-министром Малайской Федерации Абдулом Рахманом на пресс-конференции в Сингапуре 27 мая 1961 г., на которой он выступил за объединение Малайи, Сингапура, а также не принадлежавших Индонезии территорий о. Борнео, то есть Саравака, Северного Борнео (Сабаха) и Брунея¹⁹³. Подобное предложение было встречено с немалым интересом, поскольку стороны увидели значительный потенциал для своего дальнейшего политического и социально-экономического развития.

В августе 1961 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю и Абдул Рахман заявили о достижении принципиального согласия об особом автономном статусе Сингапура после объединения¹⁹⁴. Вместе с тем 1 сентября 1962 г. состоялся всеобщий референдум: населению было предложено на выбор три варианта условий, на которых могла быть обеспечена интеграция Сингапура в Федерацию Малайзия. Более 71 % избирателей¹⁹⁵ проголосовали за предоставление Сингапуру автономии¹⁹⁶. Тот факт, что значительная часть сингапурцев отдала свой голос за

---

¹⁹² *Farram S. Ganyang! Indonesian Popular Songs from the Confrontation Era, 1963–1966 // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Vol. 170, No. 1 (2014). Pp. 4–22.*

¹⁹³ *The Straits Times*, 28.05.1961. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19610528-1.1.1> (дата обращения: 15.09.2024).

¹⁹⁴ Федеральному правительству было передано право по регулированию внешней и оборонной политики, вопросы обеспечения внутренней безопасности, в то время как в ведении местного правительства оставались внутривластные функции, в частности, контроль над образовательной политикой и трудовым законодательством.

¹⁹⁵ Примечательно, что, несмотря на кажущуюся свободу выбора, населению не была предоставлена возможность проголосовать «за» или «против» присоединения к Малайзии: каждый из вариантов был «за», единственная разница между ними – политико-правовой статус Сингапура в составе новой федерации. Можно только предположить, какой вариант выбрали бы сингапурцы, если бы у них возможность проголосовать «против».

¹⁹⁶ *The Straits Times*, 03.07.1962. URL: <https://www.straitstimes.com/multimedia/graphics/assets/images/ST175/NewspaperSG/1962-09-03/full.jpg> (дата обращения: 15.09.2024).

вариант, который предоставлял Сингапуру наибольшую самостоятельность, свидетельствует о явном стремлении народа к государственному суверенитету¹⁹⁷.

В то же время султанат Бруней находился в более сложной и трудной ситуации. Одержавшая победу на выборах 1962 г. Народная партия Брунея (*Parti Rakyat Brunei, PRB*) выступала за формирование Федерации Северного Борнео за счет объединения Сабаха, Саравака и Брунея. Во главе нового государства стоял бы султан Брунея. Только при условии реализации данной идеи лидер партии А. М. Азахари был готов поддержать предложение о присоединении к Малайзии.

Впрочем, в конце 1962 г. в жизни страны произошли кардинальные изменения: после неудачного восстания под руководством А. М. Азахари Народная партия Брунея была запрещена, сменился и политический курс. Восьмого февраля 1963 г. правительство султаната выступило в поддержку присоединения к Федерации Малайзия, но на взаимовыгодных условиях и при внедрении новых конституционных механизмов. Тем не менее стороны не смогли прийти к согласию, поэтому Бруней не вошел в состав новообразованного государства¹⁹⁸.

Инициативу по созданию Федерации Малайзия поддержала и Великобритания, однако, прежде чем принимать окончательное решение, представлялось необходимым провести референдум с целью определения общественного мнения. Созданная с этой целью в январе 1962 г. британская королевская комиссия под председательством лорда Кэмерона Кобболда – Комиссия Кобболда – в течение двух месяцев совершала поездки по Сабаху и Сараваку. Члены комиссии опросили более 4 тыс. человек и рассмотрели около 2,2 тыс. письменных обращений от различных учреждений и частных лиц.

Комиссия Кобболда пришла к выводу, что большая часть опрошенных выступает за вступление в состав нового государственного образования.

---

¹⁹⁷ По данным опроса, проведенного Институтом Гэллага (американский институт изучения общественного мнения) вскоре после референдума, 90 % респондентов хотели бы проголосовать против слияния с Малайзией. Gallup Poll in Tanjong Pagar // Fajar. Vol. 4, No. 4 (1962). P. 1. Однако репрезентативность подобных результатов может быть поставлена под серьезное сомнение. Новый опрос был проведен в одном из пятидесяти одного избирательных округов Сингапура, а приняли в нем участие лишь 1,28 % от общего числа граждан, обладавших активным избирательным правом (данные приведены по состоянию на 1963 г.).

¹⁹⁸ *Rehman I. The Making of Malaysia // Pakistan Horizon. Vol. 16, No. 3 (1963). P. 213.*

Подготовленный к июню отчет содержал не только результаты опроса, анализ полученных данных и выработанные экспертами рекомендации, но и подробное описание особенностей политического и социально-экономического развития Сабаха и Саравака, состояние межэтнических отношений, предложения и пожелания населения по различным аспектам правовой интеграции новых субъектов¹⁹⁹.

Таким образом, для создания Федерации Малайзии, казалось, не было серьезных препятствий, и 9 июля 1963 г. Великобритания, Малайская Федерация, Северное Борнео (Сабах) и Сингапур²⁰⁰ подписали Соглашение о Малайзии (*Agreement Relating to Malaysia*), согласно которому, новое государство должно быть образовано 16 сентября 1963 г.²⁰¹ Данное решение было подтверждено принятым парламентом Великобритании 31 июля 1963 г. Законом о Малайзии 1963 г. (*Malaysia Act 1963*)²⁰².

Несмотря на благоприятную обстановку, внешние факторы помешали Малайзии без затруднений достичь поставленной цели. Президент Сукарно обвинил Абдула Рахмана в нарушении июньских договоренностей о создании Мафилиндо. Впрочем, как и было запланировано, 16 сентября 1963 г. на стадионе «Мердека» в г. Куала-Лумпур Абдул Рахман провозгласил создание Федерации Малайзия²⁰³.

В ответ Индонезия разорвала дипломатические отношения с Малайзией, а ее дипломатические представительства в г. Джакарта и г. Медан были подожжены местным населением в знак протеста. На следующий день у посольства Индонезии

---

¹⁹⁹ Report of the Commission of Inquiry, North Borneo and Sarawak, 1962. Singapore: Thor Beng Chong, 1962.

²⁰⁰ Покинул Федерацию в 1965 г.

²⁰¹ Agreement Relating to Malaysia (with annexes, including the Constitutions of the States of Sabah, Sarawak and Singapore, the Malaysia Immigration Bill and the Agreement between the Governments of the Federation of Malaya and Singapore on common market and financial arrangements). Signed at London on 9 July 1963. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20750/volume-750-i-10760-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰² Malaysia Act 1963. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1963/35/pdfs/ukpga_19630035_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰³ *Malay Mail*, 16.09.2018. URL: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2018/09/16/10-things-you-might-not-know-about-malaysia-day-video/1673107> (дата обращения: 15.09.2024).

в Куала-Лумпуре состоялась крупная демонстрация, участники которой атаковали дипломатическое представительство и подняли флаг Малайзии вместо индонезийского²⁰⁴. Особую ярость Сукарно вызвал следующий инцидент: демонстранты разорвали фотографию индонезийского президента и бросили герб Республики к ногам Абдула Рахмана с предложением его растоптать²⁰⁵. Возмущенный происходящим президент Индонезии призвал народ присоединиться к антималайзийскому движению. Многие индонезийцы, воодушевленные выступлением Сукарно, с готовностью откликнулись на призыв к борьбе, записавшись в добровольческий корпус²⁰⁶.

Более того, с сентября в военных операциях стали задействованы подразделения регулярной армии Индонезии. Их тактика заключалась в том, чтобы пересекать границу группами до 200 человек и создавать базы в джунглях. В ответ генерал-майор У. Уокер приказал действовать на опережение и основать ряд оборонительных баз в пограничных районах. Он также получил разрешение на проведение превентивных секретных рейдов и преследование партизан по другую сторону границы²⁰⁷.

Первое крупное столкновение индонезийской и малайзийских армейских сил состоялось 28 сентября 1963 г. в местечке Лонг-Джавай в Сараваке. Хотя тактическая победа осталась за Индонезией, она стоила поддержки и доверия местного населения, пораженного жестокостью индонезийцев. В то же время реакция и действия гуркхов произвели впечатление на малайзийцев, которые с большей готовностью начали помогать солдатам и передавать бесценные сведения о местонахождении индонезийских сил²⁰⁸.

---

²⁰⁴ *Soscili*, 16.09.2016. URL: <https://soscili.my/kisah-konfrontasi-indonesia-ganyang-malaysia/> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰⁵ *Kompas*, 06.03.2020. URL: <https://www.kompas.com/skola/read/2020/03/06/160000769/sejarah-konfrontasi-indonesia-dengan-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰⁶ *Kompas*, 08.09.2010. URL: <https://nasional.kompas.com/read/2010/09/08/08135067/~Nasional> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰⁷ Indonesian Confrontation, 1963–66. URL: <https://www.awm.gov.au/articles/atwar/indonesian-confrontation> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁰⁸ Pertempuran Long Jawai. URL: https://profilbaru.com/Pertempuran_Long_Jawai (дата обращения: 15.09.2024).

Как ни странно, возможности Сукарно были несколько ограничены: несмотря на оснащение современным советским вооружением, индонезийская армия проигрывала в искусстве партизанской войны в экстремальных условиях джунглей. Соответственно, один из тактических инструментов индонезийского лидера заключался в поддержке действующих в северной части Борнео диверсионных групп, способных разжечь сепаратистские настроения. В свою очередь малайзийцы и британцы придерживались похожей тактики борьбы с повстанцами, прибегая к привычным со времен войны в Малайе мелкомасштабным рейдам²⁰⁹.

В 1964 г. Индонезия и Малайзия предприняли ряд попыток к примирению. В феврале и марте состоялись встречи министров иностранных дел, однако, к сожалению, переговоры не принесли желаемых результатов. Уже 3 мая Сукарно объявил о начале операции «Двикора» (*Dwi Komando Rakyat, DWIKORA*), целью которой было объявлено содействие революционной борьбе народов Малайи, Сингапура, Сабаха, Саравака и Брунея, а также «уничтожение марионеточного государства Малайзия». Индонезийский лидер подчеркнул, что «Двикора» была направлена не против малайзийского населения, а против британского неокOLONиализма в Юго-Восточной Азии.

Примечательно, что в 1964 г. Сукарно сформировал правительство, кабинет министров под названием «Двикора»²¹⁰. В целом состав нового кабинета не претерпел серьезных изменений, как и приоритетные направления работы, которые перешли от предыдущего Четвертого рабочего кабинета: обеспечение продовольственной безопасности и всестороннего развития страны, а также претворение в жизнь идеи о «сокрушении Малайзии»²¹¹. Тем не менее данный шаг

---

²⁰⁹ *New Straits Times*, 14.09.2021. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/columnists/2021/09/727310/konfrontasi-was-not-fought-vain> (дата обращения: 15.09.2024).

²¹⁰ Keputusan Presiden Republik Indonesia Nomor 215 Tahun 1964 [Указ президента Республики Индонезия № 215 от 1964]. Hlm. 13-19. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/144833/Keppres%20No%20180%20Tahun%201965.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²¹¹ *Kompas*, 02.04.2021. URL: <https://www.kompas.com/stori/read/2021/04/20/152143979/kabinet-dwikora-i-ii-dan-iii-susunan-kebijakan-kejatuhan> (дата обращения: 15.09.2024).

вновь подчеркнул значимость конфронтации для политического курса страны и стратегических целей индонезийского лидера.

Разочарованный отсутствием какого-либо реального прогресса в проводимой политике конфронтации, к середине 1964 г. Сукарно решил приступить к активной фазе боевых действий. В рамках военной кампании индонезийские войска начали крупномасштабное вторжение на территорию полуостровной Малайзии, Сингапура и северного Борнео. Впрочем, операция не принесла желаемых результатов и повлекла внушительные людские потери, а индонезийские силы были остановлены вооруженными формированиями Содружества наций, в том числе Австралии²¹².

Не желая портить отношения с Индонезией, Австралия изначально неохотно вступила в боевые действия, несмотря на неоднократные просьбы Малайзии и Великобритании. Однако сторонам удалось прийти к соглашению, что австралийские войска, дислоцированные на полуострове Малакка с момента создания Дальневосточного стратегического резерва²¹³, могут быть использованы для отражения индонезийских атак в данном районе. Переход Индонезии к операции «Двикора» убедил австралийское правительство в необходимости выделения дополнительной военной помощи²¹⁴.

Стратегически важное значение для хода развития конфронтации сыграла военная операция под кодовым названием «Кларет», разработанная вышеупомянутым командующим британскими войсками на о. Борнео генерал-майором У. Уокером. Строго говоря, «Кларет» принял форму секретных трансграничных операций, преимущественно рейдов, проведенных в период с

---

²¹² *Fathoni R. S. Dwi Komando Rakyat (Dwikora) 1964 M.* URL: <https://wawasansejarah.com/dwi-komando-rakyat-dwikora> (дата обращения: 15.09.2024).

²¹³ Объединенный контингент военных сил Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, базировавшихся на полуострове Малакка с 1955 по 1971 гг. с целью защиты интересов стран Содружества наций и предотвращения распространения идеологии коммунизма в регионе.

²¹⁴ Всего за период конфронтации (преимущественно в 1965–1966 гг.) Австралия направила в Малайзию 3,5 тыс. военнослужащих. *The Indonesian Confrontation.* URL: <https://digital.collections.slsa.sa.gov.au/nodes/view/3073> (дата обращения: 15.09.2024).

середины 1964 по середину 1966 гг.²¹⁵ Цель операции состояла в перехвате инициативы у противника, выводе его из равновесия и приостановке индонезийских вторжений на территорию Малайзии. Поскольку речь шла о незаконном пересечении границы Индонезии и нарушении государственного суверенитета, практически все детали операции «Кларет» носили и носят по сей день строго засекреченный характер²¹⁶.

Так как конфиденциальность была первостепенным условием, требовалось, чтобы самые ранние миссии были санкционированы лично У. Уокером, участвовать в них могли только опытные военные, как правило, уже служившие на Борнео. Как следствие, на операцию «Кларет» обычно направлялись отдельные пехотные формирования, гуркхи, бойцы подразделений специального назначения Великобритании, а именно Особой воздушной службы (*Special Air Service*) и Особой лодочной службы (*Special Boat Service*)²¹⁷. Кроме того, на последнем этапе проведения операции к Малайзии и Великобритании присоединились военные силы Австралии и Новой Зеландии.

Несмотря на то, что об особенностях проведения операции «Кларет» можно узнать из полковых историй, обзорных отчетов, рассказов очевидцев и иных отрывочных сведений, данные источники, как правило, предоставляют лишь общую информацию, поскольку детали операции и точные статические данные преимущественно содержатся в засекреченных военных документах²¹⁸.

---

²¹⁵ Исследователи расходятся во мнении, в каком именно месяце началась операция «Кларет». Однако скорее всего начало операции все же можно отнести к маю – июню 1964 г.

²¹⁶ Hului P. What You Need to Know About Operation Claret 1964–1966. URL: <https://kajomag.com/what-you-need-to-know-about-operation-claret-1964-1966> (дата обращения: 15.09.2024).

²¹⁷ Claret Operations. URL: <https://anzacportal.dva.gov.au/wars-and-missions/indonesian-confrontation-1963-1966/australian-operations-borneo/claret-operations> (дата обращения: 15.09.2024).

²¹⁸ Избранная стратегия по соблюдению режима секретности оказалась настолько успешной, что новости о проводимых мероприятиях не попадали в информационное поле еще много лет после завершения конфронтации: участие Великобритании было публично подтверждено лишь в 1974 г., а Австралии – в 1996 г. Claret Operations. URL: <https://anzacportal.dva.gov.au/wars-and-missions/indonesian-confrontation-1963-1966/australian-operations-borneo/claret-operations> (дата обращения: 01.09.2023). *The Age*, 23.03.2005. URL: <https://www.theage.com.au/national/truth-still-a-casualty-of-our-secret-war-20050323-gdzu9q.html> (дата обращения: 15.09.2024).

Согласно имеющимся сведениям, в рамках операции проводились мероприятия по довольно широкому кругу направлений: разведывательная деятельность, активное патрулирование, организация засад, психологические операции (к примеру, через распространение в приграничных индонезийских деревнях агитационных материалов), штурмы и огневые налеты (как правило, они осуществлялись вдоль железнодорожных и речных путей сообщения с использованием артиллерии, пулеметов и стрелкового оружия)²¹⁹.

Примечательно, что в большей части историографических материалах, посвященных операции «Кларет», особое внимание уделяется одному из инструментов «мягкой силы», так называемой программе завоевания «сердец и умов», направленной на получение расположения и поддержки местного гражданского населения через ряд социальных и экономических программ. Данная стратегия получила значительное распространение в 1950–1970-е гг. во время Вьетнамской войны и действия Чрезвычайного положения в Малайе, а полученный западными державами опыт был применен и на Борнео.

Кампания по завоеванию «сердец и умов» как малайзийского, так и индонезийского населения, проживающего в северной части Борнео, имела довольно важное стратегическое значение, хотя и не была масштабной. Готовое помочь британским войскам коренное население не только предоставляло ценную информацию, но и порой принимало непосредственное участие в разведывательных операциях в качестве проводников по джунглям и переводчиков. Тем не менее их доля была немногочисленной, бóльшая часть жителей приграничных районов либо не была заинтересована в сотрудничестве с британцами, либо опасалась возмездия индонезийской армии, поэтому нередко занимала позицию относительно незаинтересованных наблюдателей²²⁰. В целом кампания «сердец и умов» не смогла сыграть решающей роли в ходе операции «Кларет», но продемонстрировала определенные успехи.

---

²¹⁹ *Tuck C. Shaping Hearts and Minds: Claret Operations in Borneo, 1965–1966 // Small Wars & Insurgencies. Vol. 34, No. 4 (2023). Pp. 807, 809.*

²²⁰ *Ibid. Pp. 809–810, 820.*

По всей вероятности, «Кларет» в некотором смысле помогла избежать эскалации конфликта и дополнительного внимания к конфронтации со стороны мирового сообщества. Кроме того, по мнению ряда исследователей, например, бывшего американского дипломата Раффи Грегориана, происходящие события усилили раскол между Сукарно и армейским руководством, которое практически не делилось информацией о своих военных неудачах и распространении боевых действий на территорию Индонезии. Довольно длительное время президент был убежден, что война велась только на малайзийской стороне. Отсутствие существенных результатов было расценено политическими оппонентами армии, особенно КПИ, как целенаправленное затягивание конфликта²²¹.

Представляется важным уделить отдельное внимание роли некоторых эпизодов, происходивших в рамках работы межправительственных организаций, на ход конфронтации. В ноябре 1964 г. международная обстановка вновь обострилась после появления новостей о возможном избрании Малайзии в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН. В своей речи 31 декабря президент Сукарно выразил протест против подобного развития событий и объявил, что в таком случае Индонезия покинет организацию²²². Кроме того, неудовольствие президента вызвали регулярные обращения малайзийских властей к Совету Безопасности с информацией о военных операциях Индонезии на территории Малайзии.

Примечательно, что и 31 декабря 1964 г.²²³, и 7 января 1965 г.²²⁴ постоянный представитель Малайзии при ООН направил официальные письма председателю Совета Безопасности, в которых подробно описал «диверсионные попытки высадки индонезийского десанта» на полуострове Малакка и выразил серьезную

---

²²¹ *Gregorian R.* CLARET Operations and Confrontation, 1964–1966 // *Journal of Conflict Studies*. Vol. 11, No. 1 (1991). Pp. 48, 60.

²²² *Irshanto A. B.* Dari Konfrontasi Ke Perdamaian (Hubungan Indonesia – Malaysia 1963–1966) // *Jurnal Pendidikan Sejarah*. Vol. 8, No. 2 (2019). Hlm. 90.

²²³ Letter dated 31 December 1964 from the Permanent Representative of Malaysia addressed to the President of the Security Council. New York: United Nations, 1965.

²²⁴ Letter dated 7 January 1965 from the Permanent Representative of Malaysia addressed to the President of the Security Council. New York: United Nations, 1965.

обеспокоенность усилением концентрации вооруженных сил вдоль межгосударственной границы. По мнению малайзийского правительства, происшедшие события, безусловно, являлись «вестником более решительного и сосредоточенного проведения политики "Сокрушить Малайзию"»²²⁵. Вместе с тем сообщалось, что «в случае, если такие нападения на Малайзию будут продолжаться, правительство немедленно обратится к ООН за помощью для защиты своей территориальной неприкосновенности от ничем не вызванной агрессии»²²⁶.

В ответ на вступление Малайзии в состав Совета Безопасности 20 января 1965 г. министр иностранных дел Индонезии Субандрио направил официальное письмо на имя генерального секретаря ООН. После тщательного обсуждения, полностью осознавая возможные последствия, правительство Республики приняло решение о выходе из состава ООН с 1 января 1965 г., поскольку «сформированные колониальными державами обстоятельства прямо противоречат установкам антиколониальной борьбы и высоким принципам и целям Устава ООН»²²⁷. Министр назвал создание «Малайзии»²²⁸ и буквально «проталкивание» ее в ООН «маневром неоколониальных сил и издевательством над здравым смыслом». Он отдельно подчеркнул, что Индонезия продолжает придерживаться постулатов международного сотрудничества, закрепленных в Уставе. Однако их реализация может быть обеспечена и вне системы ООН, так как в силу упомянутых причин и в сложившихся условиях оставаться в составе организации не представлялось возможным²²⁹.

Помимо официального письма генеральному секретарю ООН, Сукарно также направил несколько писем главам дружественных государств, в которых обозначил

---

²²⁵ Ibid. P. 2.

²²⁶ Ibid. P. 3.

²²⁷ Letter of Indonesia on Withdrawal from United Nations // International Legal Materials. Vol. 4, No. 2 (1965). P. 364.

²²⁸ В официальной документации правительства Индонезии, выпущенной в рассматриваемый период, топоним «Малайзия» преимущественно выделен кавычками, что, вероятно, свидетельствует об отказе признать данное государство.

²²⁹ Letter of Indonesia on Withdrawal from United Nations // International Legal Materials. Vol. 4, No. 2 (1965). P. 364–365.

причины выхода Индонезии из объединения²³⁰. Следует признать, что данное событие не привнесло радикальных изменений в баланс сил на мировой арене и не помешало государствам Азии и Африки сохранить дружественные отношения с Индонезией, а также принять участие в праздновании десятой годовщины Бандунгской конференции в апреле 1965 г.²³¹

Между тем 27 апреля 1965 г. состоялось кульминационное сражение конфронтации – битва при местечке Пламан-Мапу в Сараваке. Это стало последней попыткой индонезийских войск совершить крупный рейд на территорию Малайзии и штурмовать британскую военную базу после того, как Индонезия несколько раз потерпела поражение из-за операции «Кларет». После ожесточенной двухчасовой перестрелки индонезийским войскам пришлось отступить, что фактически положило конец битве²³². Поражение осложнило внутривнутриполитическую ситуацию в Республике и способствовало росту напряженности в правительственных кругах²³³.

К концу 1965 г. Индонезии окончательно утратила тактическую и стратегическую инициативу. Охваченная внутривнутриполитическим и экономическим кризисом, республика осуществила переход к новому этапу своего исторического развития, а внешнеполитические проблемы временно отошли на второй план. После передачи власти от Сукарно к генералу Сухарто в марте 1966 г. индонезийские военные подразделения были выведены из пограничных районов. И Индонезия²³⁴, и Малайзия²³⁵ публично заявили о готовности к мирным переговорам, но состоялись они не сразу. Хотя формально индонезийско-

---

²³⁰ Green L. C. Indonesia, the United Nations and Malaysia // Journal of Southeast Asian History. Vol. 6, No. 2 (1965). Pp. 84–85.

²³¹ *New Straits Times*, 18.04.1965. URL: <https://www.nytimes.com/1965/04/18/archives/sukarno-tightens-tie-to-asian-reds-in-bandung-talk-indonesian.html> (дата обращения: 15.09.2024).

²³² В результате столкновения с британской стороны два человека погибли, шесть были ранены, Индонезия же потеряла по меньшей мере тридцать солдат.

²³³ The True Facts of The Battle for Plaman Mapu, Borneo 27 April 1965 and the Men Who Fought It. URL: <https://www.paradata.org.uk/article/true-facts-battle-plaman-mapu-borneo-27-april-1965-and-men-who-fought-it> (дата обращения: 15.09.2024).

²³⁴ *The Straits Times*, 06.04.1966. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19660406-1.1.1> (дата обращения: 15.09.2024).

²³⁵ Konfrontasi (Confrontation) ends. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/history/events/f950e04d-44d7-47ad-a10c-16dfb0cc9ce3> (дата обращения: 15.09.2024).

малайзийская конфронтация подошла к концу только в августе 1966 г., вопреки возражениям Сукарно, весной вооруженный конфликт в целом уже был завершен.

По результатам переговоров на конференции в г. Бангкок, состоявшейся 28 мая 1966 г., было достигнуто соглашение об урегулировании конфликта между Индонезией и Малайзией²³⁶. Стороны договорились о восстановлении дипломатических, политических, социально-культурных и экономических связей и, что не менее важно, уважении национального суверенитета друг друга. После конференции был также проведен ряд неофициальных встреч для уточнения достигнутых договоренностей и подготовки подписания мирного договора. К примеру, 10 июня 1966 г. в Джакарте состоялись переговоры между генеральным секретарем Министерства иностранных дел Малайзии Газали Шафи и генералом Сухарто²³⁷.

Интересно, что ввиду внутривластных перемен в первой половине 1966 г. состав индонезийского кабинета министров «Двिकора» дважды обновлялся, и в конце концов он был распущен 25 июля 1966 г.²³⁸ По поручению Временного народного консультативного конгресса Сухарто был сформирован новый кабинет министров, получивший название «Ампера»²³⁹. Хотя формально во главе правительства оставался Сукарно, фактическая власть в стране уже находилась в руках Сухарто. Роспуск кабинета «Двикора» во многом ознаменовал следующий этап смещения Сукарно с поста президента Индонезии. Меньше, чем через год, Сухарто был назначен исполняющим обязанности президента, а Сукарно был окончательно лишен полномочий. Учитывая не только провал операции «Двикора», но и основных индонезийских целей в конфронтации роспуск

²³⁶ *The Straits Times*, 28.05.1966. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19660528-1.1.1> (дата обращения: 15.09.2024).

²³⁷ *Fathoni R. S. Dwi Komando Rakyat (Dwikora) 1964 M.* URL: <https://wawasansejarah.com/dwi-komando-rakyat-dwikora> (дата обращения: 15.09.2024).

²³⁸ *Kompas*, 02.04.2021. URL: <https://www.kompas.com/stori/read/2021/04/20/152143979/kabinet-dwikora-i-ii-dan-iii-susunan-kebijakan-kejatuhan> (дата обращения: 15.09.2024).

²³⁹ *Elshinta*, 25.07.2023. URL: <https://elshinta.com/news/309313/2023/07/25/25-juli-1966-presiden-soekarno-menyusun-kabinet-ampere-i> (дата обращения: 15.09.2024).

одноименного кабинета министров имел символическое значение, а также подчеркнул, что противостояние уже позади.

Одиннадцатого августа 1966 г. было подписано Соглашение о нормализации отношений между Республикой Индонезией и Малайзией (*Agreement to Normalise Relations between the Republic of Indonesia and Malaysia*). Обе стороны пришли к следующим договоренностям: прекратить враждебные действия; немедленно восстановить двусторонние дипломатические отношения и содействовать укреплению дружбы и сотрудничества; предоставить жителям Сабаха и Саравака возможность определить свой статус в составе Малайзии путем всеобщих выборов²⁴⁰.

Несмотря на официальное прекращение огня и провозглашение курса на расширение межгосударственных связей, сторонам не сразу удалось восстановить атмосферу мира и взаимопонимания на северном Борнео: вплоть до сентября между партизанскими формированиями Индонезии и Малайзии не прекращались столкновения.

Нельзя не признать, что с момента подписания мирного соглашения индонезийско-малайзийские отношения получили возможность для гармоничного развития в различных областях. Однако в некоторых весьма немногочисленных случаях (в первую очередь касающихся территориального вопроса) дружественные связи оказывались под угрозой, и лозунг «Сокрушить Малайзию» вновь появлялся в публичном пространстве. Хотя он утратил свой первоначальный смысл, во многом все еще выражал позицию и правительства, и общественности к шагам, предпринятым Малайзией по спорным вопросам.

Таким образом, в период индонезийско-малайзийской конфронтации накопленный ранее опыт функционирования независимых государств и проводимая лидерами внешнеполитическая стратегия не только раскрылись в полной мере, но и получили существенное развитие. Надо полагать, что оба государства имели примерно одинаковое влияние и силу на мировой и

---

²⁴⁰ Agreement to Normalise Relations between the Republic of Indonesia and Malaysia. August 11, 1966 // International Legal Materials. Vol. 5, № 5 (1966). P. 867.

региональной аренах, что подтвердила переходящая инициатива на различных этапах конфликта. Хотя Индонезия и Малайзия были заинтересованы в завершении конфронтации в кратчайшие сроки, они не были готовы пойти на уступки, поступиться своими внешнеполитическими интересами и положением в глазах международного сообщества.

Примечательно, что даже с нарастанием напряженности расстановка сил на мировой арене в целом осталась прежней: союзники Индонезии и Малайзии не сменили своих ориентиров и оказывали военное и дипломатическое содействие тому или иному государству в соответствии с избранным ранее курсом. Соответственно, в данном контексте внешнеполитические предпочтения Индонезии и Малайзии также остались по большей части неизменными.

Конфронтация во многом обнажила структурные проблемы и вызовы развитию внутрирегионального сотрудничества, зависимость стран Юго-Восточной Азии от политических и экономических целей мировых держав и их ближайших партнеров. Стало вполне очевидно, что на данном этапе Индонезия и Малайзия были не в состоянии выработать решение для столь сложного спора в двустороннем формате, потребовалась помощь третьих сил. Необходимость формирования эффективного механизма урегулирования межгосударственных конфликтов стала как никогда насущной и даже неизбежной. Вероятно, сложившаяся ситуация могла создать предпосылки и стать немаловажным фактором для усиления процессов региональной интеграции с середины 1960-х гг.

Подводя итоги главы, хотелось бы отметить, что ранний постколониальный период в истории Индонезии и Малайзии оказал решающее воздействие на дальнейшее формирование внешнеполитического курса обоих государств, особую роль в данном процессе сыграли внутривнутриполитические, внешнеполитические, социально-экономические и культурные факторы. Пройденный странами исторический путь во многом схож, что определило общие черты в избранной ими стратегии, к которым можно отнести стремление к регионализации, внимание к вопросу национальной безопасности и сохранению суверенитета и

территориальной целостности, расширение сотрудничества с крупными внешнеполитическими игроками, укрепление своих позиций на мировой арене.

В то же время наполнение упомянутых направлений несколько различилось. В значительной степени на это оказали влияние выбранные новыми независимыми государствами союзники. Хотя Индонезия старалась «лабиринтировать» между капиталистическим и социалистическим лагерями, она в большей степени тяготела ко второму блоку. Ближайшими партнерами Малайзии стали преимущественно страны Западного мира, что, как и в случае с Индонезией, было во многом определено внутривнутриполитическими особенностями развития.

Представляется важным подчеркнуть, что ключевой частью внешнеполитической стратегии Индонезии стали принципы ее национальной идеологии, проникающей во все сферы жизни общества. В Малайзии же, как можно будет заметить, она оформилась несколько позднее.

В целом к середине 1960-х гг. Индонезия и Малайзия будто бы оказались в равных условиях: независимые государства, преодолевшие серьезную угрозу региональной безопасности, свободные от колониального влияния, получившие возможность для формирования самостоятельного политического курса и расширения межгосударственных связей. Хотя данное утверждение во многом можно назвать справедливым, к завершению конфронтации в обеих странах накопился комплекс проблем различного характера, несколько затруднявший переход к крепкому двустороннему сотрудничеству. Индонезия была сосредоточена на разрешении внутривнутриполитических трудностей, а Малайзия находилась под значительным влиянием стран Запада. Для преодоления политических последствий конфронтации и перехода к всеобъемлющему и устойчивому партнерству потребовалось некоторое время. Подробнее об особенностях формирования внешней политики каждой из стран после 1966 г., как и о расширении двустороннего и многостороннего сотрудничества, будет рассказано в следующей главе представленной работы.

ГЛАВА III. НА ПУТИ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Индонезия и Малайзия – члены АСЕАН (1967–2003)²⁴¹

После окончания Второй мировой войны структура международных отношений претерпела серьезные изменения, и сформированная биполярная система мира не могла не оказать влияние на международное сообщество, в частности, на развитие внешней политики стран Юго-Восточной Азии. Конкурентная борьба сверхдержав буквально вынудила государства региона трансформировать программу внешнеполитического курса с учетом актуальных требований по обеспечению национальных интересов. Одновременно с периодической сменой векторов международной напряженности новые независимые страны Юго-Восточной Азии столкнулись со значительной внутренней политической нестабильностью, межэтническими и межрелигиозными конфликтами, проблемой сохранения единства и территориальной целостности, слабой системой национальной безопасности.

Данные проблемы побудили государства Юго-Восточной Азии рассмотреть вопрос о создании конфедерации наций или организации, которая могла бы стать альтернативой региональному фонду мира и платформой для обсуждения и урегулирования проблем. Формирование подобного объединения способствовало бы развитию регионализма, укреплению межгосударственных связей и объединению усилий в противодействии как внешним, так и внутренним вызовам путем выработки совместной политики.

Поскольку к 1950–1960-х гг. молодые государства Юго-Восточной Азии оказались в высшей степени уязвимы, в приоритете при подготовке их правительственных программ развития было укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого экономического роста. В этой связи история формирования и становления АСЕАН как одной из крупнейших региональных организаций мира начинается с нескольких двусторонних и

---

²⁴¹ Раздел основан на материалах авторской статьи – Календарь О. К. *Индонезия в АСЕАН: историческая ретроспектива и современные реалии* // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) (2024). – С. 168–175.

многосторонних соглашений. Не последнюю роль в данном процессе сыграли Индонезия и Малайзия.

С завершением периода конфронтации индонезийско-малайзийские отношения вступили на новый этап своего исторического развития, сопровождавшийся укреплением двустороннего сотрудничества в политической, социально-экономической и культурной областях.

Со стороны представителей Министерства иностранных дел Малайзии все чаще звучала мысль, что федерации необходимо обратить более пристальное внимание на тенденции политического развития региона и в кратчайшие сроки установить тесные и отношения с Индонезией, как и поддержать дружественные стремления другого соседнего государства, с которым у Малайзии уже успели сложиться довольно теплые отношения – Таиланда²⁴².

Таким образом, вопреки некоторой напряженности на внутрорегиональной арене, к концу 1966 г. вновь наметилась устойчивая тенденция к интеграции стран Юго-Восточной Азии. Малайзия и Индонезия продемонстрировали явный интерес к участию в данном процессе, тем самым подтвердив приверженность своим внешнеполитическим приоритетам, сформированным еще до начала конфронтации.

К середине 1960-х гг. попытки создания региональных организаций потерпели неудачу, однако после урегулирования индонезийско-малайзийского конфликта и по мере укрепления политической стабильности в Юго-Восточной Азии государства попытались возродить идею создания стратегического альянса. Во многом страны региона обратились к уже обретенному и частично успешному опыту, полученному при создании Ассоциации Юго-Восточной Азии (*Association of Southeast Asia*). По всей видимости, основанная в 1967 г. АСЕАН стала преемницей Ассоциации Юго-Восточной Азии как по долгосрочным целям, используемым методам и подходам, так и по идеологической составляющей.

---

²⁴² Liow J. C. Tunku Abdul Rahman and Malaya's Relations with Indonesia, 1957–1960 // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 36, No. 1 (2005). Pp. 93–94.

Согласно наиболее распространенной версии, инициатором создания АСЕАН выступил Таиланд²⁴³. С одной стороны, данное утверждение вполне справедливо, так как именно министр иностранных дел Таиланда Танат Хоман выдвинул идею формирования еще одной организации для укрепления регионального сотрудничества и предложил Малайзии и Филиппинам рассмотреть данное предложение. Однако, по другой версии, идею создания новой ассоциации стран Юго-Восточной Азии приписывают правительству Индонезии, состав которого был обновлен после прихода к власти второго президента Республики генерала Сухарто. В частности, с инициативой выступил новый министр иностранных дел Адам Малик, который был настроен на довольно резкую смену политического курса. Одним из элементов его политики стало изменение имиджа страны в глазах мирового сообщества посредством прекращения конфронтации и усиления регионального сотрудничества при непосредственном участии Индонезии²⁴⁴.

В то же время кажется маловероятным, что индонезийские власти, которые рассматривали свою страну как потенциального регионального лидера могли бы попросить принять ее в члены Ассоциации Юго-Восточной Азии. Вполне возможно, в глазах индонезийцев такая просьба была бы слишком унижительной, особенно учитывая неутраченное соперничество между Индонезией и Малайзией до 1966 г.

По итогам двусторонних переговоров, состоявшихся в августе 1966 г. между Адамом Маликом и Танатом Хоманом, были обозначены возможные формы региональной интеграции и пути решения проблемы продвижения представленной Индонезией концепции. Стороны договорились, что от лица правительства Таиланда, но с учетом предложений Адама Малика, Малайзии и Филиппинам будет направлен официальный запрос о формировании новой организации. Подобная процедура позволила бы Индонезии избежать необходимости просить

---

²⁴³ The Founding of ASEAN. URL: <https://asean.org/the-founding-of-asean> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁴⁴ Gordon B. K. East Asian Regionalism and United States Security. McLean: Research Analysis Corporation, 1968. Pp. 50–51

членство в Ассоциации Юго-Восточной Азии и тем самым ставить себя в неловкое положение²⁴⁵.

Условия предложенного проекта Совместной декларации Ассоциации регионального сотрудничества Юго-Восточной Азии (*Southeast Asian Association for Regional Cooperation, SEAARC*) во многом были схожи с положениями как Бангкокской декларации 1961 г. о создании Ассоциации Юго-Восточной Азии, так и Манильского соглашения 1963 г. о создании Мафилиндо. К примеру, в тексте документа упоминались «укрепление мира и безопасности в регионе», «сотрудничество в деле продвижения исследований Юго-Восточной Азии» и «сотрудничество в области профессиональной подготовки и исследований с целью активизации внутрирегиональной торговли». В целом были использованы общие положения, во многом повторяющие пункты других соглашений.

И Филиппины, и Малайзия с настороженностью отреагировали на инициативу Таиланда. Особое недовольство президента Филиппин Фердинанда Маркоса вызвало наличие в проекте упоминания вопросов международной безопасности. Например, в нем говорилось, что «механизмы коллективной безопасности не должны служить интересам какой-либо из крупных держав», а «наличие иностранных военных баз должно носить лишь временный характер». Президент Маркос увидел в данных формулировках явный намек (или, скорее, обвинение) на членство Филиппин в СЕАТО, а также тесные двусторонние отношения Манилы с Вашингтоном²⁴⁶.

На начальном этапе Абдул Рахман также высказался против формирования новой организации, структура и задачи которой во многом повторяли оные Ассоциации Юго-Восточной Азии, хотя и с расширенным составом. Премьер-министр Малайзии подчеркнул, что «нет необходимости создавать другую организацию для замены уже существующей, тем более что все три страны-члена уже приложили много усилий и вложили немало денежных средств». Кроме того,

---

²⁴⁵ Ibid. P. 52.

²⁴⁶ Jones L. ASEAN Intervention in Cambodia: from Cold War to Conditionality // *The Pacific Review*. Vol. 20, No. 4 (2007). P. 528.

малайзийцы были убеждены, что, если Индонезия хочет принимать участие в программах регионального сотрудничества и совместных инициативах, то ей следует просто принять решение о присоединении к объединению²⁴⁷. Подобное высказывание нельзя назвать неожиданным, учитывая тот факт, что Малайзия сыграла ключевую роль в формировании Ассоциации Юго-Восточной Азии и в некотором роде выступала в качестве ее неофициального лидера. Соответственно, даже после образования новой организации длительное время Абдул Рахман продолжал рассматривать АСЕАН как старую ассоциацию, только сформированную под другим названием.

Изначально планировалось, что в АСЕАН войдут только прежние члены Ассоциации Юго-Восточной Азии и Индонезия, однако Сингапур также выразил желание вступить в новую организацию²⁴⁸. Премьер-министр Ли Куан Ю увидел в ней определенный потенциал при условии, что АСЕАН не превратилась бы в исключительно прозападную или антикоммунистическую платформу. Он был убежден, что в приоритете должна стоять реализация задач по развитию социально-экономического и культурного сотрудничества²⁴⁹.

Представляется важным подчеркнуть, что страны-основатели АСЕАН недвусмысленно заявили о стремлении к укреплению стабильности в регионе и защите от внешнего вмешательства, как от «коммунистической угрозы», которая обострилась на фоне Вьетнамской войны, так и от западного влияния²⁵⁰. По словам министра иностранных дел Сингапура Синнатамби Раджаратнама, Таиланд и Индонезия были больше остальных заинтересованы в создании АСЕАН, поскольку оказались чрезвычайно встревожены распространением коммунистической идеологии в Юго-Восточной Азии и, соответственно, расширением влияния КНР и СССР²⁵¹.

---

²⁴⁷ *Chua D.* ASEAN 50: Regional Security Cooperation through Selected Documents. Singapore: World Scientific, 2018. P. 4.

²⁴⁸ The Founding of ASEAN. URL: <https://asean.org/the-founding-of-asean> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁴⁹ *Chee C. H., Ul Haq O. S.* Rajaratnam: The Prophetic and the Political. Singapore: ISEAS, 2007. Pp. 480–481.

²⁵⁰ Telegram From the Embassy in Laos to the Department of State. June 27, 1966. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v28/d238> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁵¹ *Chee C. H., Ul Haq O. S.* Rajaratnam: The Prophetic and the Political. Singapore: ISEAS, 2007. P. 489.

Восьмого августа 1967 г. министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда подписали Декларацию о создании АСЕАН (*ASEAN Declaration*), также известную как Бангкокская декларация²⁵². Стороны взяли на себя обязательства содействовать укреплению мира и стабильности в регионе, осуществлять взаимодействие в области экономического, социального и культурного развития, продвигать тесное и взаимовыгодное сотрудничество с существующими международными и региональными организациями²⁵³.

Таким образом, на фоне формирования контуров нового биполярного мироустройства к середине 1960-х гг. в Юго-Восточной Азии наметилась устойчивая тенденция к региональной интеграции. Отмечается расширение усилий стран региона, не в последнюю очередь Индонезии и Малайзии, по институционализации межправительственного сотрудничества. Однако следует отметить, что к данному этапу они подошли на разных позициях. Если Малайзия уже имела релевантный опыт участия в региональных организациях, то Индонезия была в этом плане новичком, который увидел потенциал и даже необходимость в укреплении межгосударственных связей. Несмотря на растущую положительную политическую динамику стратегического партнерства, позиция стран Юго-Восточной Азии по некоторым сложным вопросам, например, проблеме зарубежного военного присутствия, различалась. Государствам еще только предстояло найти компромисс и преодолеть препятствия на пути дальнейшей интеграции.

Поворот внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии в сторону расширения регионального сотрудничества проходил в условиях преобразований внутриполитической среды после окончания конфронтации.

Действительно, 1966 г. по праву считается переломным, он ознаменовал начало нового этапа в истории Малайзии и сдвиг от прозападной политики к

---

²⁵² *The Straits Times*, 08.08.1967. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19670808-1.1.1> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁵³ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), 8 Agustus 1967. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

позиции нейтралитета, что в определенной степени могло быть связано с процессом вывода вооруженных сил Великобритании из Малайзии и Сингапура, который был завершен к концу 1971 г.

В частности, в переходный период с 1966 по 1970 гг. правительство Малайзии перешло к установлению дипломатических и торговых связей с социалистическими странами: сначала с Югославией как одной из крупнейших стран-основательниц Движения неприсоединения, а позднее с Советским Союзом, Румынией и Болгарией²⁵⁴. Другим важным шагом на пути к укреплению нейтралитета во внешней политике стало присоединение Малайзии к Движению неприсоединения в 1970 г.²⁵⁵

Одновременно с упомянутыми событиями к концу 1960-х гг. Малайзия столкнулась со внутривнутриполитическими вызовами. Британское колониальное правление и японская оккупация усилили напряженность внутри страны и стали причиной регулярных межэтнических столкновений. Буквально через несколько дней после проведения всеобщих выборов, в ходе которых победу одержала Союзная партия (как было отмечено выше, в нее входили Объединенная малайская национальная организация, Китайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии), в Куала-Лумпуре разразились массовые протесты и беспорядки, которые сопровождались столкновениями между малайской и китайской этническими общинами. События 13 мая 1969 г. привели к гибели сотен человек, отставке премьер-министра Абдула Рахмана и в конце концов развитию промалайского политического курса²⁵⁶.

Одним из первых шагов нового правительства во главе с премьер-министром Абдулом Разаком был переход к Новой экономической политике (1971–1990 гг.), основными целями которой были повышение уровня благосостояния малайцев, увеличение их роли в экономической жизни страны и укрепление их правовых

---

²⁵⁴ Mitsuomi I. The Path to Malaysia's Neutral Foreign Policy in the Tunku Era // Sarjana. Vol. 30, No. 2 (2015). Pp. 76–77.

²⁵⁵ Lusaka Declaration on Peace, Independence, Development, Cooperation and Democratisation of International Relations, 1970. URL: <https://www.ris.org.in/sites/default/files/NAM%20Summit-3-Sep%208-10-1970-FinalDocument-LusakaDeclaration-min.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁵⁶ *Malaysiakini*, 13.05.2019. URL: <https://pages.malaysiakini.com/may13> (дата обращения: 15.09.2024).

позиций. Именно в рассматриваемый период особенно заметно развитие политики позитивной дискриминации в отношении малайского населения и предоставление ему существенных привилегий²⁵⁷.

Кроме того, 31 августа 1970 г. была провозглашена официальная идеология страны Рукунегара (*Rukun Negara*²⁵⁸), включившая в себя пять принципов: вера в Бога, верность королю и стране, верховенство Конституции, верховенство закона, вежливость и порядочность²⁵⁹.

Нетрудно заметить, что принципы Рукунегары и Панчасилы во многом схожи по своей сути и играют большую роль в формировании как идеологической основы государства, так и национального характера. Что немаловажно, данные принципы универсальны, они отражают общечеловеческие ценности и убеждения и могут быть признаны любым гражданином Индонезии или Малайзии вне зависимости от его этнической и религиозной принадлежности. Вместе с тем общие особенности данных концепций свидетельствуют о том, что население обеих стран разделяет схожие цели, мировоззрение и исторические корни.

Именно с 1970 г. политика Малайзии в отношении Индонезии претерпела фундаментальные изменения. Между странами наметилось сближение на основании общего малайско-индонезийского культурного наследия. В частности, в 1972 г. была проведена совместная реформа письменности²⁶⁰. Кроме того, в том же году был создан Совет по языку Индонезии и Малайзии (*Majlis Bahasa Indonesia – Malaysia*)²⁶¹.

Риторика о «кровном братстве», этнокультурном единстве индонезийского и малайзийского народов получила большую поддержку в обоих государствах, которые проводили регулярные двусторонние консультации по ключевым вопросам и согласовывали некоторые аспекты политических курсов, что нашло

²⁵⁷ Aun L. H. Fifty Years of Malaysia's New Economic Policy: Three Chapters with No Conclusion // ISEAS Economics Working Paper. No. 7 (2021). P. 1.

²⁵⁸ Перевод с малайзийского языка – «Основы государства».

²⁵⁹ Rukun Negara. URL: https://pmr.penerangan.gov.my/?page_id=1144 (дата обращения: 15.09.2024).

²⁶⁰ Omar A. J. The Malay Spelling Reform // Journal of the Simplified Spelling Society. Vol. 2. (1989). Pp. 9–13.

²⁶¹ В 1985 г. к Индонезии и Малайзии присоединился Бруней. Совет был переименован в Совет по языку Брунея-Даруссалама, Индонезии и Малайзии.

отражение на различных уровнях межгосударственного сотрудничества. В целом, по мнению ряда исследователей, период с 1970 по 1975 гг. по праву считается «золотым» в истории индонезийско-малайзийских отношений²⁶².

В то же время процесс сближения между государствами происходил и на региональном уровне. На второй конференции стран-членов АСЕАН, состоявшейся в г. Куала-Лумпур в ноябре 1971 г., по инициативе Малайзии²⁶³ была принята Декларация о зоне мира, свободы и нейтралитета (*Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration, ZOPFAN*)²⁶⁴. Страны договорились придерживаться принципа нейтралитета, а также защищать регион от внешнеполитического воздействия²⁶⁵. В определенной мере государства подтвердили решение, ранее обозначенное в Бангкокской декларации – избегать внешнего вмешательства.

Во многом предложенная концепция представляла собой компромисс между интересами стран-членов АСЕАН. В 1970 г. правительство Малайзии впервые предложило проработать вопрос перехода к политике нейтрализации, подчеркнув необходимость выполнения двух ключевых условий. Во-первых, требовалось получить гарантии от США, СССР и КНР в том, что они откажутся от военно-политического противостояния и соперничества на территории стран Юго-Восточной Азии. Во-вторых, странам АСЕАН надлежало проводить политику невмешательства во внутренние дела друг друга и вместе с тем не допускать вмешательства в проблемы внутрирегионального характера извне²⁶⁶.

Несмотря на определенные преимущества, предложение Малайзии, хотя и было поддержано Индонезией, не получило ожидаемого отклика. С одной стороны, США, СССР и КНР стремились к укреплению своих позиций в регионе и расширению военного присутствия²⁶⁷. В то же время развитие оборонных связей с

²⁶² Yong J. L. C. 'Visions of Serumpun': Tun Abdul Razak and the Golden Years of Indo – Malay Blood Brotherhood, 1967–75 // South East Asia Research. Vol. 11, No. 3 (2003). P. 350.

²⁶³ Tarling N. Southeast Asian Regionalism New Zealand Perspectives. Singapore: ISEAS, 2011. P. 38.

²⁶⁴ Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. URL: <https://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2019/07/ZOPFAN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁶⁵ См. подробнее: Hanggi H. ASEAN and the ZOPFAN Concept. Singapore: ISEAS, 1991.

²⁶⁶ Narine S. ASEAN and the Management of Regional Security // Pacific Affairs. Vol. 71, No. 2 (1998). P. 198.

²⁶⁷ Leifer M. ASEAN and the Security of South-East Asia. London: Routledge, 1989. P. 56.

США для Таиланда, Филиппин и Сингапура было важным звеном в стратегии национальной безопасности²⁶⁸. Таким образом, в итоговую версию документа был внесен смягченный вариант формулировки схожей идеи: «страны Юго-Восточной Азии полны решимости обеспечить стабильность и безопасность от внешнего вмешательства в любых формах и проявлениях»²⁶⁹.

Идея о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира, свободы и нейтралитета возникла как реакция на произошедшие в 1971 г. изменения в геополитической структуре мирового сообщества. Члены АСЕАН были обеспокоены, что укрепление американско-китайских связей приведет к разделению Юго-Восточной Азии на сферы влияния двух держав²⁷⁰.

Вторым фактором, вызвавшим тревогу стран АСЕАН, стала обстановка на фронте второй Индокитайской войны (1959–1975 гг.). К 1970-х гг. наметилась явная тенденция к усилению просоциалистических позиций. Приближение США к поражению изменило расстановку сил внутри региона и сформировало новую геополитическую реальность, что вызвало острую необходимость в выработке новых контуров международного сотрудничества и укреплении внутрирегионального потенциала без опоры на внешних партнеров²⁷¹.

В июле 1971 г. премьер-министр Малайзии Абдул Разак подчеркнул, что мир и безопасность в Юго-Восточной Азии могут быть обеспечены только благодаря «политике нейтрализации, которая гарантирует, что регион перестанет быть ареной конфликта конкурирующих крупных держав»²⁷².

Нельзя сказать, что положения принятой в 1971 г. декларации были реализованы на практике полностью, ведь и по сей день странам АСЕАН нередко

²⁶⁸ Southgate L. ASEAN: Still the Zone of Peace, Freedom and Neutrality? // *Political Science*. Vol. 73, No. 1 (2021). P. 33.

²⁶⁹ Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. URL: <https://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2019/07/ZOPFAN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁷⁰ Emmers R. Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 40, No. 3 (2018). P. 357.

²⁷¹ Nugroho M. S. E. ASEAN and Security in Southeast Asia. Pp. 23-24. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36735063.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁷² Emmers R. Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 40, No. 3 (2018). P. 357.

приходится приспособливаться к быстро меняющейся военно-политической реальности. Влияние внешних сил на современные внутрирегиональные процессы²⁷³ ставит под вопрос независимость государств в том смысле, который вкладывали создатели Декларации. Вместе с тем, как отмечают исследователи, например, британский политолог Лора Саутгейт, провозглашение постоянного нейтралитета подчеркивает отсутствие созвучия стратегических интересов и общей внешнеполитической концепции стран региона²⁷⁴.

Следует признать, что подписание Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета стало следующим шагом на пути к региональной интеграции с момента формирования АСЕАН. Хотя до середины 1970-х гг. уже были проведены несколько крупных совещаний, актуальные вопросы дальнейшей работы Ассоциации, в том числе построения организационной структуры, оставались открытыми²⁷⁵.

Неожиданная смерть Абдула Разака в 1976 г. и назначение на пост премьер-министра Малайзии Хуссейна Онна по большей части не оказали существенного воздействия на формирование дальнейшего курса страны. Относительная неопытность нового главы государства в вопросах внешней политики побудила Министерство иностранных дел Малайзии придерживаться разработанной в начале 1970-х гг. уже устоявшейся концепции. Основопологающим принципом было объявлено соблюдение доктрины неприсоединения и содействие созданию нейтральной зоны в Юго-Восточной Азии²⁷⁶.

С одной стороны, при Хуссейне Онне внешнеполитический курс Малайзии стабилизировался, но, с другой стороны, страна не могла не предпринять ряд инициатив. События, происходившие в регионе в середине 1970-х гг., осложнили

---

²⁷³ См., например, Решение Международного суда ООН по делу о храме Прэахвихеа от 15 июня 1962 г. International Court of Justice. Case Concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Judgment of 15 June 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁷⁴ Southgate L. ASEAN: Still the Zone of Peace, Freedom and Neutrality? // Political Science. Vol. 73, No. 1 (2021). P. 12.

²⁷⁵ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), 8 August 1967. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁷⁶ Saravanamuttu J. Malaysia's Foreign Policy, the First Fifty Years: Alignment, Neutralism, Islamism. Singapore: ISEAS, 2010. Pp.167, 178–181

сближение стран АСЕАН²⁷⁷ и расположенных на полуострове Индокитай государств. В частности, к обострению международной обстановки привели война во Вьетнаме. Соответственно, в условиях меняющейся действительности от стран АСЕАН потребовалось разработать ряд ответных мер. Особое внимание государств было уделено такому актуальному и важному направлению, как формирование архитектуры безопасности на фоне интенсификации военных конфликтов.

Представляется важным отметить, что к 1980-е гг. некоторые программы АСЕАН по развитию экономического сотрудничества во многом отошли на второй план и были временно приостановлены. Первоочередное внимание объединения было сосредоточено на урегулировании «кампучийской проблемы», связанной с введением вьетнамских войск на территорию возглавляемой Пол Потом Демократической Кампучии, свержением режима «красных кхмеров» и образованием на политической карте мира нового государства – Народной Республики Кампучия²⁷⁸. События конца 1978 – начала 1979 гг. привели к затяжному вьетнамо-кампучийскому конфликту, который был урегулирован лишь десятилетие спустя²⁷⁹.

Хотя на момент конфликта ни одна из стран-участниц не входила в состав АСЕАН, обеспокоенные дальнейшим увеличением военного присутствия СССР в регионе и укреплением позиций СРВ члены Ассоциации предприняли шаги по

---

²⁷⁷ По состоянию на 1976 г. в состав АСЕАН входили ее основатели: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд. География АСЕАН со временем расширилась, к организации постепенно присоединились практически все страны Юго-Восточной Азии. В 1984 г. в АСЕАН вошел Бруней. По политическим и экономическим соображениям, желая воспользоваться возможностями, открывшимися с окончанием холодной войны, к АСЕАН присоединились материковые страны Юго-Восточной Азии: в 1995 г. – Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, 1999 г. – Камбоджа. ASEAN Member States. URL: <https://asean.org/member-states> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁷⁸ Jones L. ASEAN Intervention in Cambodia: from Cold War to Conditionality // *The Pacific Review*. Vol. 20, No. 4 (2007). Pp. 524–526.

²⁷⁹ В 1989 г. под международным давлением Вьетнам вывел войска (*Charadine P. Cambodia within ASEAN: Twenty-Years in the Making*. Phnom Penh: Institute for Cooperation and Peace, 2020. P. 11.), а в 1991 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании Камбоджийского конфликта, согласно которому власть была передана Временному органу ООН в Камбодже. Comprehensive Cambodian Peace Agreement. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KH_911023_FrameworkComprehensivePoliticalSettlementCambodia.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

достижению всеобъемлющего и устойчивого мира, устранению угроз национальной и региональной безопасности.

Среди прочего, они вынесли на рассмотрение ООН ряд предложений по разрешению проблемы, в том числе посредством проведения международной конференции по Кампучии, применения консенсусного подхода в урегулировании конфликта и создания нейтрального государства, внутри которого был бы обеспечен баланс сил между противоборствующими сторонами²⁸⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что подход Индонезии и Малайзии к разрешению «кампучийской проблемы» несколько отличался от позиции остальных стран АСЕАН. Обеспокоенные возросшим влиянием Советского Союза и Китая в Юго-Восточной Азии президент Сухарто и премьер-министр Хусейн Онн в 1980 г. провозгласили приверженность так называемому принципу Куантана, признававшему законные интересы Вьетнама в Камбодже в обмен на мирную обстановку вдоль тайско-камбоджийской границы²⁸¹.

Примечательно, что Индонезия и Малайзия по большей части были единственными странами АСЕАН, которые проявили готовность оказать прямое содействие Вьетнаму в поисках пути мирного урегулирования. Впрочем, такое развитие событий угрожало сплоченности АСЕАН, поэтому Малайзия и Индонезия все же отказались от этой идеи.

Таким образом, разногласия, связанные с принципом Куантана, во многом «разделили» страны АСЕАН на две группы: сторонников жесткой линии в международной политике и сторонников умеренного подхода. Вновь это разделение проявилось в 1983 г., когда Куала-Лумпур предложил провести переговоры в формате «пять плюс два», то есть при участии стран АСЕАН, а также еще не присоединившихся к организации Вьетнама и Лаоса. Данное предложение поддержали, однако, как и в случае с принципом Куантана, из-за сопротивления других стран, в частности, Таиланда, инициатива была отвергнута. Кроме того,

---

²⁸⁰ Малетин Н. П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 73–81.

²⁸¹ Van der Kroef J. M. ASEAN, Hanoi, and the Kampuchean Conflict: Between "Kuantan" and a "Third Alternative" // Asian Survey. Vol. 21, No. 5 (1981). Pp. 516–517.

позднее, в 1984 г., премьер-министр Индонезии Мохтар Кусумаатмаджа выступил с заявлением, что Индонезия готова «пойти навстречу Вьетнаму» в попытке найти выход из тупиковой ситуации с Камбоджей²⁸².

В целом в 1980-е гг. дальнейшее оформление получила политика нейтрализации, во многом направленная на сдерживание военных действий. В определенном смысле АСЕАН выступила в качестве посредника, предотвращая развитие и эскалацию конфликта как между странами региона, так и между мировыми державами, но на территории Юго-Восточной Азии.

Несмотря на стремление АСЕАН к мирному урегулированию, ее дипломатических усилий оказалось недостаточно для обеспечения вывода вьетнамских войск из Камбоджи. Вполне возможно, стабилизации ситуации во многом способствовали нормализация советско-китайских отношений и окончание холодной войны²⁸³.

Между тем процесс трансформации внешнеполитических курсов Малайзии и Индонезии в рассматриваемый период во многом находился во взаимосвязи с избранными АСЕАН стратегиями и подходами к реализации сотрудничества на международной арене и развитию механизмов стратегического партнерства. Хотя порой данная тенденция могла отойти на второй план, в целом с течением времени она стала прослеживаться все более четко и неизменно проявлялась в различных гранях малайзийской и индонезийской внешней политики.

Четвертым премьер-министром страны был избран Махатхир Мохамад, занимавший пост с 1981 по 2003 гг. Это самый продолжительный срок нахождения на посту премьер-министра в Малайзии и в странах Юго-Восточной Азии в целом. Махатхир Мохамад по праву считается «отцом национальной модернизации»: благодаря его комплексной и последовательной политике Малайзия превратилась

---

²⁸² *Caballero-Anthony M.* Regional Security in Southeast Asia: Beyond the ASEAN Way. Singapore: ISEAS, 2005. Pp. 93–95.

²⁸³ *Southgate L.* ASEAN Resistance to Sovereignty Violation: Interests, Balancing and the Role of the Vanguard State. Bristol: Bristol University Press, 2019. P. 72.

в одну из самых процветающих и динамично развивающихся экономик мира и получила международное признание как ведущий промышленный центр²⁸⁴.

Целью внешнеполитического курса Махатхира было закрепление лидирующей роли Малайзии на мировой и региональной аренах. Основными компонентами его активной политики стали расширение отношений с развивающимися странами, антизападная риторика и поддержка солидарности народов Азии и Африки. Примечательно, что Махатхир не только рассматривал соседнюю Индонезию как важнейшего стратегического партнера, но и хотел положить конец восприятию Малайзии как «младшего брата» Индонезии²⁸⁵.

В то же время ключевыми задачами нового премьер-министра стали обеспечение устойчивого экономического развития страны и повышение ее конкурентоспособности на мировой арене за счет проведения импортозамещающей индустриализации, расширения экспорториентированного производства и его диверсификации, что предполагало либерализацию внешней торговли²⁸⁶. Поиск пути к решению поставленных задач не мог пройти изолированно от внешнеполитической линии Малайзии.

Примечательно, что при выработке решения по тому или иному вопросу и на национальном, и на международном уровнях Махатхир, как правило, выносил окончательный вердикт без предварительной консультации со своими ближайшими коллегами или другими национальными лидерами. Не вызывает сомнений, политический курс Малайзии с 1981 по 2003 гг. носит «личный отпечаток» Махатхира²⁸⁷. При этом премьер-министр отрицал идеологическую составляющую государственной политики, называя Рукунегара сводом общих

---

²⁸⁴ Perdana Leadership Foundation. Tun Dr Mahathir Mohamad. URL: <https://www.perdana.org.my/pms-of-malaysia/tun-dr-mahathir-mohamad> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁸⁵ *Dosch J.* Mahathirism and Its Legacy in Malaysia's Foreign Policy // *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 13, No. 1 (2014). P. 19.

²⁸⁶ *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: ИВ РАН. 2007. С. 85–87.

²⁸⁷ *Khalid K. M.* Malaysia's Foreign Policy under Najib: A Comparison with Mahathir // *Asian Survey*. Vol. 51, No. 3 (2011). P. 431.

ценностей, основанных на принципах прагматизма, которые могут способствовать достижению национальных интересов²⁸⁸.

Обнаруживается, что националистические нарративы доминировали в идиополитическом дискурсе Махатхира еще на раннем этапе его политического пути²⁸⁹. Впоследствии данная позиция нашла свое отражение в антизападной риторике во внешнеполитической стратегии четвертого премьер-министра страны.

Несмотря на периодически возникающие разногласия и решительное противодействие расширению экономического влияния Запада на территории Малайзии, отношения между странами оставались по-прежнему довольно крепкими. Махатхир Мохамад не отрицал определенный потенциал сотрудничества со странами Запада, однако, как можно заметить, это направление в его политике во многом отошло на второй план²⁹⁰.

Приоритетное внимание было уделено развитию связей с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии: обмену опытом, передаче технологических возможностей, реализации совместных инвестиционных проектов с целью развития экономического потенциала и продвижения национальных интересов Малайзии. Переориентация внешнеполитического курса Малайзии с Запада на Восток стала важной предпосылкой для активизации новой стратегии.

Ярким примером может служить представленная в 1982 г. политика «Взгляд на Восток» (*Look East Policy*), направленная на расширение сотрудничества с Японией, а также частично с Республикой Корея, чьи экономические успехи продолжали впечатлять мировое сообщество с середины 1950-х гг.²⁹¹

---

²⁸⁸ Махатхир бин Мохамад о современном мире (беседа с Виталием Наумкиным). М.: ИВ РАН, 2013. С. 54.

²⁸⁹ *Soh B. Mahathir's Anti-Western World View: An Intellectual Origin of Malaysian Reactions to the Economic Crisis in the Late 1990s // International Area Studies Review. Vol. 3, No. 2 (2000). P. 5.*

²⁹⁰ Виток напряженности между Малайзией и Великобританией произошел в 1981 г., когда была объявлена общенациональная кампания по бойкоту британских товаров и услуг, предлагающая их приобретение лишь в случае крайней необходимости (*Buy British Last*). После того, как Великобритания предприняла ряд шагов с целью восстановления прежних довольно близких и взаимовыгодных двусторонних связей, уже в 1983 г. Махатхир Мохамад отказался от избранного курса. *Daud M. A. Buy British Last // SEJARAH: Journal of the Department of History. Vol. 24, No. 1 (2015). Ms. 83–85.*

²⁹¹ Embassy of Japan in Malaysia. The Malaysian Look East Policy. URL: <https://www.my.emb-japan.go.jp/English/JIS/education/LEP.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

Первоочередной целью малайзийского правительства были объявлены обеспечение стабильного промышленного роста, внешнеэкономического равновесия и достижение нового уровня эффективности экономики, при этом «японское экономическое чудо» должно было выступать в качестве образца для подражания.

На новом направлении внешней политики Малайзии удалось достичь значительных успехов. Реализованные программы не только способствовали развитию экономического сотрудничества и торговых связей между Малайзией и Японией²⁹², но и позволили наладить взаимодействие в дипломатической и социально-культурной сферах²⁹³. Между тем упомянутые процессы оказали позитивное влияние на наращивание экономического потенциала Юго-Восточной Азии в целом. Впрочем, несмотря на некоторые позитивные результаты новой экономической стратегии и совместные японско-малайзийские проекты, нельзя утверждать, что все поставленные цели были достигнуты.

Хотя укрепление отношений с КНР не было объявлено частью политики «Взгляд на Восток», из крупного геополитического игрока в АТР, государства, к которому Куала-Лумпур привык относиться с некоторой осторожностью, КНР превратилась в надежного торгового и экономического партнера Малайзии. Переход Китая к политике реформ и открытости совпал с малайзийской политикой экспортоориентированного развития, что послужило активному формированию двусторонних связей в сфере торговли и инвестиций²⁹⁴.

С нарастанием напряженности вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море²⁹⁵ в 1990-х гг. Малайзия приняла так называемую

---

²⁹² Тюрин В. А., Цыганов В. А. История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. С. 527–528.

²⁹³ Примечательно, что, по мнению Махатхира, одним из наиболее эффективных способов перенять японский опыт являлось направление молодых малайзийских специалистов в Японию с целью обретения знаний навыков в местных высших учебных заведениях и полного погружения в местную рабочую среду и корпоративную культуру в процессе производственной стажировки на японских предприятиях. Embassy of Japan in Malaysia. The Malaysian Look East Policy. URL: <https://www.my.emb-japan.go.jp/English/JIS/education/LEP.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁹⁴ Fook L. L. Mahathir's China Visit and Malaysia-China Relations: The View from China. Pp. 2–3. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/pdfs/ISEAS_Perspective_2018_53@50.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

²⁹⁵ См. подробнее про проблему Южно-Китайского моря: Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы // отв. ред. и сост. Е. М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020.

«трехстороннюю стратегию», которая включала следующие компоненты: защита суверенитета и территориальной целостности страны, в том числе своих прав на исключительную экономическую зону; балансирование между отстаиванием своей позиции и стремлением к сохранению и развитию прочных, стабильных и взаимовыгодных связей между Малайзией и КНР в экономической сфере; участие в процессе урегулирования конфликтов и разногласий между АСЕАН и КНР²⁹⁶.

Таким образом, приход к власти Махатхира и последующий поворот в сторону восточноазиатских партнеров ознаменовал собой новое направление во внешней политике Малайзии, отход от традиционной стратегии ориентации на страны Запада, развития по его образцу и, что немаловажно, поиск новых союзников и форм сотрудничества. Как представляется, избранный путь позволил Малайзии укрепить позиции и повысить свой геополитический статус в АТР.

Тем не менее, несмотря на изменения в повестке молодого государства, до 1990-х гг. страны США и Западной Европы оставались для Малайзии одним из ведущих экспортных рынков²⁹⁷. Хотя внешнеэкономическая стратегия Махатхира по диверсификации национальной экономики через установление новых торговых связей и укрепление текущих партнерств со странами Азии в целом увенчалась успехом, прежние тенденции не потеряли силу.

Особое внимание четвертый премьер-министр Малайзии также уделял и развитию сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что внутрирегиональная политика страны во многом осталась неизменной. На протяжении последней трети XX в. сохранение добрых двусторонних и многосторонних связей с ближайшими соседями, главным образом посредством расширения взаимодействия через АСЕАН, оставалось в приоритете.

---

²⁹⁶ Storey I. Malaysia and the South China Sea Dispute: Policy Continuity amid Domestic Political Change. Pp. 2–4. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ISEAS_Perspective_2020_18.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

²⁹⁷ В разные годы доля стран Организации экономического сотрудничества в экспорте Малайзии превышала 50 % или приближалась к данному показателю. См. подробнее: Lim C. P. Changes in the Malaysian Economy and Trade Trends and Prospects // Bradford C. I. Jr., Branson W. H. (eds.). Trade and Structural Change in Pacific Asia. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 458.

С 1980-х гг. отмечалось формирование всеобъемлющего экономического партнерства в рамках региона, что сопровождалось подписанием ряда соглашений²⁹⁸. Не последнее место в происходящих процессах заняла Малайзия, ключевым направлением в политическом курсе которой было объявлено развитие сбалансированной экономической политики и укрепление потенциала страны. Хотя Малайзия не являлась крупным игроком на мировой арене, в некоторых случаях она выступала не только как активный участник, а даже инициатор межправительственных объединений, что во многом отражало ее позицию по развитию многосторонней торговли²⁹⁹. Благодаря последовательной и решительной политике как внутри страны, так и на международной арене, Махатхиру удалось не только закрепить позиции Малайзии в глазах мирового сообщества, но достичь впечатляющих результатов, ярким примером которых может служить «малайзийское экономическое чудо».

Другим важным направлением внешней политики Малайзии в период пребывания у власти Махатхира Мохамеда стало развитие двусторонних и многосторонних связей с арабскими странами, в том числе в рамках Организации исламского сотрудничества (ОИС, *Organisation of Islamic Cooperation*). Данные процессы во многом были обусловлены активизацией движения исламского возрождения и усилением исламского фактора во внутривнутриполитической жизни страны³⁰⁰. Как правило, в научной литературе указанную тенденцию связывают с именем преемника Махатхира, пятого премьер-министра Малайзии Абдуллы

---

²⁹⁸ См., например, Базовое соглашение по промышленным объектам АСЕАН от 1980 г. Basic Agreement on ASEAN Industrial Projects. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119162416.pdf> (дата обращения: 15.09.2024); Базовое соглашение о промышленном взаимодействии АСЕАН от 1981 г. Basic Agreement on the ASEAN Industrial Complementation. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140422150300.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

²⁹⁹ Малайзия была одной из шести стран региона, кто первым подписал Соглашение о создании зоны свободной торговли стран АСЕАН в 1992 г., а также выступила с инициативой о формировании Восточноазиатской экономической группы (*East Asia Economic Group*) при участии КНР и Японии. Agreement on the Common Effective Preferential Tariff Scheme for the ASEAN Free Trade Area. URL: <https://asean.org/agreement-on-the-common-effective-preferential-tariff-scheme-for-the-asean-free-trade-area-afta> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁰⁰ Khalid K. M. Malaysian Foreign Policy Orientation and Relations in the Post-Mahathir Years. P. 312. URL: https://eprints.um.edu.my/10906/1/11_Malaysian_Foreign_Policy_Orientation_and_Relations_in_the_Post-Mahathir_Years.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

Ахмада Бадави. Конечно, при Абдулле Бадави религиозный фактор приобрел особое значение, однако нельзя оставить без внимания роль Махатхира в области укрепления устоев политического ислама и развития исламской государственной идентичности. В частности, проникновение религии на все уровни государственной системы стало заметно ввиду интенсификации политики позитивной дискриминации в отношении малайского населения.

С момента формирования ОИС в 1969 г. Малайзия, будучи одной из стран-основательниц, по большей части придерживалась нейтральной позиции при обсуждении чувствительных и спорных вопросов. Столь осторожный подход был вызван необходимостью сохранения дружественных отношений в том числе и с западными партнерами. Стратегия претерпела изменения при Махатхире, который осудил государствоцентричное видение глобальных проблем и призвал к консолидации не только мусульманских стран, но и Глобального Юга в целом. Кроме того, по мнению Махатхира, приоритетного внимания заслуживало укрепление экономических связей между всеми членами ОИС, что могло способствовать повышению эффективности деятельности содружества³⁰¹. Как следствие, развитие экономической интеграции в рамках организации стало неотъемлемым элементом внешнеполитического курса четвертого премьер-министра Малайзии.

С момента обретения независимости Малайзия выступала на стороне Палестины в конфликте с Израилем. Поддержав повестку своих предшественников, Махатхир напоминал мировому сообществу о необходимости скорейшего разрешения затянувшегося спора. Однако он стал первым из руководителей страны, кто многократно и открыто поднимал эту тему в своих выступлениях на крупных международных площадках и призывал к объединению усилий стран мусульманского мира «по восстановлению исторической справедливости для палестинского народа» и «возвращению ему исконных

---

³⁰¹ Ibid. Pp. 312–313.

земель»³⁰². Кроме того, премьер-министр утверждал, что причина, по которой конфликт затянулся и принял большие масштабы, на самом деле кроется в стремлении западных государств доминировать на международной арене, используя «любые ухищрения»³⁰³. Несмотря на то, что участие Малайзии в урегулировании проблемы не принесло существенных результатов, оно позволило привлечь более пристальное внимание к вопросу широкой общественности.

Немаловажно, что в поисках пути к разрешению палестинской проблемы Махатхир преследовал и другие, более глобальные цели. И в своих публичных выступлениях, и в личной переписке с главами других государств он регулярно подчеркивал, что исламофобия и общее негативное отношение к мусульманам (особенно на фоне неутраченной террористической угрозы) в странах Запада стремительно растут, что оказывает непосредственное влияние на формирование единого внешнеполитического курса западных держав³⁰⁴.

В этой связи достоин упоминания тот факт, что после очередного витка обострения палестино-израильского конфликта в конце 2023 г. Махатхир Мохаммад вновь подверг резкой критике руководство как арабских стран, так и западных государств за недостаточную эффективность реализации мер по решению палестинской проблемы, а также отсутствие существенного успеха на данном направлении. Согласно мнению Махатхира, поддерживаемые Западом «варварство и колоссальное пренебрежение человеческими ценностями, которые продемонстрировал Израиль, не менее чудовищны, чем злодеяния европейских колониальных держав»³⁰⁵.

---

³⁰² CNN, 16.10.2003. URL: <https://www.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/southeast/10/16/oic.mahathir> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁰³ Наумкин В. В. Махатхир бин Мохаммад о современном мире (беседа с Виталием Наумкиным). М.: ИВ РАН, 2013. С. 74.

³⁰⁴ Haque M. S., Khan M. H. Muslim Identity in the Speeches of Mahathir Mohamad // Intellectual Discourse. Vol. 12, No. 2 (2004). Pp. 185–189.

³⁰⁵ New Straits Times, 09.10.2023. URL: <https://www.nst.com.my/news/nation/2023/10/965045/tun-m-criticises-western-nations-and-media-biased-response-palestine> (дата обращения: 15.09.2024).

MalaysiaNow, 17.11.2023. URL: <https://www.malaysianow.com/news/2023/11/17/mahathir-muslim-leaders-stripped-of-dignity-culpable-for-genocide-of-palestinians> (дата обращения: 15.09.2024).

Обеспокоенность Махатхира Мохамада положением мусульман нашла отражение в официальной позиции Малайзии относительно войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.). Премьер-министр заявил о поддержке боснийских мусульман, выразил озабоченность по поводу отсутствия значимого участия ООН в урегулировании конфликта, особенно на фоне массового преследования мусульманского населения³⁰⁶.

Внимание Малайзии к Боснийскому конфликту, участие малайзийского контингента в операциях ООН и НАТО, оказание военной и гуманитарной помощи местному населению укрепили позиции государства на международной арене и открыли путь к интенсификации сотрудничества с европейскими странами³⁰⁷.

В 1991 г. Махатхир объявил о переходе к реализации стратегического плана развития Малайзии «Видение 2020» (*Wawasan 2020*). Ключевыми целями концепции были объявлены достижение национального единства, социальной справедливости и благополучия, обеспечение экономического процветания и построение демократического общества к 2020 г. Для осуществления поставленных целей правительство должно было сосредоточить свое внимание на проектах комплексного национального развития, включая, но не ограничиваясь вопросами экономики³⁰⁸. Внешнеполитический курс государства рассматривался по большей части в общем контексте укрепления экономического потенциала и национальной стабильности. Соответственно, в приоритете оставалось развитие внешнеэкономического направления.

Хотя из-за непрекращающейся внутривластной борьбы и хронической институциональной коррупции до 2020 г. большинства поставленных целей добиться не удалось, и они не потеряли свою актуальность, некоторые успехи в

---

³⁰⁶ *Enh A. M.* Malaysia's Foreign Policy towards Bosnia-Herzegovina 1992–1995 // *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*. Vol. 18, No. 2 (2010). Pp. 314, 318–319.

³⁰⁷ *Harun R.* Beyond the UK: Looking at Contemporary Malaysian-European Relations // *Marcinkowski C.* (ed.). *Malaysia and the European Union: Perspectives for the Twenty-first Century*. Munster: LIT Verlag, 2011. Pp. 41–42.

³⁰⁸ *Ucapan Tun Dr Mahathir: Wawasan 2020*. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Merdeka_Ed/Koleksi_Merdeka/Ucapan_Tun_Dr_Mahathir.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

См. подробнее: *Wawasan 2020*. Kuala Lumpur: Institut Kajian Dasar, 1993. *Mohamad M.* *The Way Forward: Growth, Prosperity and Multiracial Harmony in Malaysia*. London: Winsor & Newton, 1998.

области социально-экономического развития, в том числе в системе внешнеполитических связей, все же были достигнуты³⁰⁹.

Представляется важным уделить отдельное внимание опыту Малайзии по выходу из Азиатского финансового кризиса. Оставаясь верным прежнему курсу, Махатхир отказался от помощи Международного валютного фонда (МВФ, *International Monetary Fund*), обвинив его в спекуляции и желании взять малайзийскую экономику под полный контроль. Элементы преемственности политики Махатхира и его приверженность националистической риторике можно обнаружить и в антикризисной программе³¹⁰.

Центральную роль в формировании модели государственного реагирования на кризис сыграл ближайший сподвижник Махатхира Мохаммад министр финансов Анвар Ибрагим, который в 2022 г., пройдя длинный и сложный жизненный и политический путь, занял пост премьер-министра Малайзии. Благодаря мудрой кредитно-денежной политике и реструктуризации банковской системы вскоре Малайзии удалось стабилизировать финансовый рынок и восстановить динамичный докризисный рост экономики.

Азиатский финансовый кризис продемонстрировал неспособность некоторых специализированных международных организаций оперативно отреагировать на внезапные критические ситуации, а также выявил потребность в учреждении внутрирегиональных институтов взаимоподдержки, в том числе в рамках АСЕАН.

С одной стороны, нарушение принятого принципа невмешательства представляло угрозу независимому развитию стран Юго-Восточной Азии. Однако, с другой стороны, отказ от выработки антикризисной стратегии и поддержки пострадавших государств мог подорвать статус АСЕАН как центрального игрока на политической арене региона. В качестве альтернативы Анвар Ибрагим

---

³⁰⁹ Xu J. The Economic Impact of Malaysia's Institution on the Failure of the Wawasan 2020 // E3S Web of Conferences. Vol. 214 (2020). Pp. 1–3.

³¹⁰ Meesook K., Lee I. H., Liu O., Khatri Y., Tamirisa N., Moore M., Krysl M. H. Malaysia: From Crisis to Recovery. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/nft/op/207/index.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

предложил новую концепцию – принцип «конструктивного участия», позволивший проводить совещания по внутривластным событиям, которые могут представлять угрозу региональной безопасности³¹¹. С целью оздоровления экономической ситуации и совершенствования механизмов взаимодействия между странами АСЕАН был предпринят ряд шагов, которые тем не менее раскрыли фундаментальные слабости в ее структуре и принципах функционирования.

Наиболее успешная попытка устранения негативных последствий кризиса относится к реформированию валютно-финансовых операций в системе внешнеэкономической деятельности. В декабре 1997 г. на полях Второго неофициального саммита АСЕАН в г. Куала-Лумпур было принято решение об ускорении процесса создания Зоны свободной торговли АСЕАН, что позволило бы восстановить и стимулировать внешние инвестиции в страны Юго-Восточной Азии. Вместе с тем тогда же начался процесс сотрудничества в рамках АСЕАН+3 (то есть постоянных членов ассоциации, а также КНР, Японии и Республики Корея), который был официально оформлен в ноябре 1999 г.³¹² Инициатива была направлена на укрепление политического диалога, межправительственной координации и сотрудничества в сфере финансовой, монетарной и фискальной политики³¹³.

В целом Азиатский финансовый кризис проявил зависимость стран АСЕАН друг от друга и от внешней помощи и подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления валютно-финансового сотрудничества внутри Юго-Восточной Азии. Стало очевидно, что каждая отдельная страна не в состоянии самостоятельно справиться с кризисом и должна учитывать его воздействие не только на свою собственную экономику, но и на состояние региона в целом. Одновременно с этим, хотя кризис выявил недостатки организационной структуры региональных объединений, в том числе АСЕАН, он раскрыл их потенциал к институциональным

---

³¹¹ Thayer C. A. Southeast Asia: Challenges to Unity and Regime Legitimacy // Southeast Asian Affairs (1999). P. 3.

³¹² Joint Statement on East Asia Cooperation, 28 November 1999. URL: <https://asean.org/joint-statement-on-east-asia-cooperation-28-november-1999> (дата обращения: 15.09.2024).

³¹³ ASEAN Plus Three Finance Cooperation (ASEAN+3). URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/finance-integration/asean-plus-three-finance-cooperation-asean-3> (дата обращения: 15.09.2024).

преобразованиям, которые могли бы создать опору для экономического роста. Особое значение в данном контексте приобрело развитие механизмов диалоговых партнерств как важного элемента создания региональной архитектуры и интеграции в рамках АТР³¹⁴.

В то же время нельзя не признать, что решающее значение для преодоления финансового кризиса имели усилия, предпринятые для стабилизации макроэкономических показателей на уровне национальных экономик, хотя сущность и формы проводимой политики, а также показатели эффективности отличаются в каждом конкретном случае. Несмотря на определенные успехи, ни МВФ, ни АСЕАН не смогли предложить надлежащие оперативные меры антикризисного реагирования, и в некоторых случаях их действия носили больше превентивный характер.

В итоге рассмотрения тенденций в малайзийской внешней политике за два десятилетия пребывания Махатхира Мохамеда у власти следует подчеркнуть, что данный период ознаменовал новую эру в истории страны. Ее отличительной особенностью стал решительный переход к многовекторной, активной и независимой внешней политике, отход от избранного первыми премьер-министрами осторожного подхода и ориентации на страны Запада. Более того, личность и мировоззрение Махатхира сыграли значительную роль при выработке решений и формировании внешнеполитической идентичности Малайзии в целом.

Как можно заметить, основные направления международного сотрудничества по большей части находились в прямой зависимости от внутривнутриполитических реалий и были призваны служить приоритетной цели Махатхира – обеспечению устойчивой и динамичной национальной экономики. Таким образом, отмечается определенная двойственность позиции в отношении западных стран. С одной стороны, Махатхир выступал с критикой прежних союзников и объявил о «повороте на Восток», что регулярно подчеркивалось

---

³¹⁴ Программы сотрудничества АСЕАН с внешними партнерами опираются на механизмы диалогового партнерства, которые реализуются в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, преимущественно посвященных вопросам безопасности и экономики. См. подробнее: *Колдунова Е. В.* «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // *Международные процессы*. Том 15, № 3 (50) (2017).

премьер-министром публично. С другой стороны, США и страны Западной Европы оставались важными торговыми партнерами Малайзии. Вероятно, Махатхир не видел оснований для полного отказа от давнего сотрудничества, ведь это могло нанести непоправимый вред национальной экономике и отсрочить решение поставленных задач, поэтому зависимость Малайзии от традиционных партнеров сохранялась. По всей видимости, премьер-министр был против не сотрудничества с Западом, а против его господства, внешнеполитической логики, пережитков колониальной эпохи, ущемления стран Востока. В очередной раз приверженность решительному и независимому курсу проявилась в период Азиатского финансового кризиса, когда Куала-Лумпур отверг помощь МВФ и предпочел пойти по альтернативному и, как оказалось, более эффективному пути.

Неотъемлемой частью внешней политики Малайзии стало расширение всеобъемлющего сотрудничества со странами Востока по трем основным направлениям³¹⁵: развитие двусторонних отношений с государствами Восточной Азии, укрепление региональной интеграции в рамках АСЕАН, поворот в сторону мусульманского мира. Хотя основной акцент новой внешней политики был смещен в сторону межгосударственного экономического партнерства и создания новых рынков сбыта на Востоке, отдельное внимание Куала-Лумпура было также уделено вопросам безопасности, приобретающим все большие масштабы и остроту.

Третье же направление не было ограничено странами Ближнего Востока и выражалось, например, в поддержке мусульман, проживавших на территории европейских стран. Эта иллюстрация проявления амбиций Махатхира может говорить о его намерении позиционировать Малайзию как посредника между Востоком и Западом и союзника мусульман из различных уголков мира. Избранная стратегия послужила расширению малайзийского влияния на Запад не только за

---

³¹⁵ Среди прочих направлений также можно назвать, например, расширение сотрудничества со странами Центральной Азии, поскольку с 1990-х гг. Малайзия стала уделять внимание развитию экономических связей с некоторыми бывшими советскими республиками. Одним из ее новых партнеров стала Республика Казахстан. См. подробнее: *Khalid K. M. Malaysian Foreign Policy Orientation and Relations in the Post-Mahathir Years*. Pp. 313–314. URL: https://eprints.um.edu.my/10906/1/11_Malaysian_Foreign_Policy_Orientation_and_Relations_in_the_Post-Mahathir_Years.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

счет экономической составляющей, но и участия в процессах международного сотрудничества в области безопасности, урегулирования серьезных международных конфликтов и привлечения внимания мирового сообщества к проблемам мусульман.

Неудивительно, что за целых двадцать два года пребывания у власти Махатхира Мохамата постигли некоторые неудачи. Однако не вызывает сомнений, что благодаря его умелой, последовательной, гибкой и в то же время решительной политике к 2003 г. Малайзии удалось выйти на следующий этап своего независимого развития и содействовать активизации многостороннего межгосударственного диалога в новую эпоху.

Схожие процессы происходили и в Республике Индонезия. Последняя треть XX в. стала важным этапом эволюции индонезийской внешней политики, характерной чертой которого было движение в сторону расширения участия в региональной интеграции. Несмотря на то, что 1966 г. по праву можно назвать переломным в истории страны, в отличие от Малайзии, сложившаяся там к середине 1960-х гг. внутривнутриполитическая обстановка была все же иной.

Вступление в силу указа Сукарно от 11 марта 1966 г. ознаменовало переход Индонезии к следующей вехе ее внутривнутриполитического и внешнеполитического пути – эпохе «Нового порядка». Хотя Сухарто был официально избран на пост президента лишь в 1968 г., уже в 1966 г. он практически стал главой государства, поскольку исполнял обязанности президента и получил право действовать от его имени. Как и в период «Старого порядка», в «Новый порядок» принципы Панчасилы лежали в основе государственной доктрины. Однако если прежде ее основной целью было примирять разнообразные концепции ради национального единства на основе обсуждения и консенсуса, то отныне Панчасила больше рассматривалась как независимая идеология, отдельная от других³¹⁶.

Одной из существенных особенностей нового государственного устройства стало усиление роли армии практически во всех сферах жизни страны.

---

³¹⁶ *Kompas*, 06.11.2021. URL: <https://www.kompas.id/baca/opini/2021/11/06/pancasila-sejak-orde-baru> (дата обращения: 15.09.2024).

Вооруженные силы Республики Индонезия выполняли «двойную функцию» (*dwifungsi*): с одной стороны, в их ведении находилось обеспечение национальной безопасности, а, с другой, военные были наделены полномочиями по регулированию общественно-политических и экономических процессов³¹⁷. Таким образом, со второй половины 1960-х гг. разработка и реализация внешнеполитического курса осуществлялись не только Министерством иностранных дел, но армейским руководством, представленным в первую очередь Министерством обороны. Хотя вопросы безопасности находились в фокусе внимания военных, большое внимание уделялось идеологии как ценному инструменту внешней политики. Вместе с тем был практически закрыт путь к обеспечению политического плюрализма: деятельность политических партий и общественных организаций была значительно ограничена³¹⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что к середине 1960-х гг. экономика Индонезии находилась в крайне плачевном состоянии³¹⁹. И, хотя в первые годы после обретения независимости Индонезия испытала незначительное экономическое развитие, из-за нестабильной политической обстановки ситуация изменилась. Немаловажно, что скорейший экономический подъем представлял исключительную важность для обеспечения легитимации власти нового правительства и повышения его авторитета в глазах населения страны.

С целью преодоления кризиса и дальнейшего развития национальной экономики Сухарто было принято решение об отказе от механизмов социалистической модели, переходе к экономике рыночного типа, увеличении роли частного сектора и привлечении к работе группы индонезийских технократов

---

³¹⁷ Harisanto E. S. The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI). Monterey: Naval Postgraduate School, 1993. P. 120.

³¹⁸ Была разрешена деятельность Партии функциональных групп (*Partai Golongan Karya, Golkar*), Демократической партии Индонезии (*Partai Demokrasi Indonesia, PDI*) и Партии единства и развития (*Partai Persatuan Pembangunan, PPP*).

³¹⁹ Показатель годовой инфляции составил 165 % в 1962 г. и достиг пика в 600 % в 1965 г. Доход на душу населения в Индонезии резко упал, индонезийскому правительству пришлось провести девальвацию в декабре 1965 г. и снизить курс национальной валюты с 1000 рупий до 1 рупии. *CNN Indonesia*, 03.10.2022. URL: <https://www.cnnindonesia.com/ekonomi/20221003184819-532-855867/mengenal-hiperinflasi-ancaman-usai-inflasi-september-nyaris-6-persen> (дата обращения: 15.09.2024).

(так называемой «берклийской мафии»), получивших образование в Калифорнийском университете в г. Беркли³²⁰.

Ввиду необходимости восстановления экономического потенциала Индонезии правительство взяло курс на установление крепких связей с развитыми странами. Как и в случае Малайзии, основными партнерами стали США, западноевропейские государства и Япония. На фоне преобразований в социально-экономической сфере Сухарто перешел к политике открытых дверей, в рамках которой поощрялись иностранные инвестиции, а самой Индонезии выделялись кредиты³²¹.

С целью оказания содействия в данном процессе и обеспечения устойчивого социально-экономического развития в 1967 г. была создана Межправительственная группа по Индонезии (*Inter-Governmental Group on Indonesia*), наиболее активными участниками которой стали США, Япония, Нидерланды и Германия. Формы оказания помощи включали предоставление инвестиций, ссуд и кредитов, техническую поддержку³²². Предпринятые меры способствовали финансовой стабилизации и оживлению индонезийской экономики и буквально определили дальнейший путь страны.

В контексте рассмотрения внешнеполитического курса в период президентства Сухарто нельзя не упомянуть о тенденциях в индонезийско-американских отношениях, учитывая их тесное двустороннее партнерство. Несмотря на довольно крепкие связи в торгово-экономической сфере, Индонезия придерживалась верности принципу нейтралитета и не планировала входить в военно-политический союз под руководством США. Присутствие иностранных военных баз на территории Юго-Восточной Азии рассматривалось как временное явление, ограничивавшее потенциал и суверенитет расположенных здесь государств. Джакарта не выступала против размещения американского военного

---

³²⁰ Baswir R. Mafia Berkeley dan Krisis Ekonomi Indonesia. Yogyakarta: Pustaka Pelajar, 2006. Hlm. 17–18.

³²¹ James W. E. Lessons from Development of the Indonesian Economy // Education about Asia. Vol. 5, No. 1 (2000). P. 33.

³²² Suryadinata L. Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. P. 139.

контингента публично, принимая ситуацию и позицию соседних стран, в особенности ближайшего союзника США в регионе – Филиппин³²³.

Активное сотрудничество Индонезии со странами Западного мира дало позитивные результаты: в 1966–1970-е гг. правительству удалось сдержать инфляцию³²⁴ и восстановить международные связи таким образом, что в Индонезию вновь стала поступать столь необходимая иностранная помощь³²⁵. Международная торговля и инвестиции сыграли заметную роль в долгосрочном развитии страны, превратив ее в одну из самых быстрорастущих экономик Азии.

Сложившаяся к началу 1990-х г. глобальная политическая динамика потребовала от Индонезии смены внешнеполитических ориентиров и смещения стратегического фокуса в сторону расширения всестороннего регионального и международного сотрудничества. Не последнюю роль сыграл тот факт, что крупные зарубежные партнеры неустанно продвигали свои внешнеполитические и преимущественно внешнеэкономические интересы за счет Индонезии. В 1992 г. Сухарто принял решение о выходе из Межправительственной группы по Индонезии, что, несмотря на неоднозначную реакцию со стороны западных партнеров, в итоге оказало благоприятное влияние на расширение межгосударственных связей в различных областях и послужило усилению позиций республики на мировой арене.

Вышесказанное позволяет заключить, что в эпоху «Нового порядка» в качестве основных факторов влияния на государственную внешнеполитическую линию на передний план вышли внутренние нужды страны. Они потребовали от Сухарто трансформации существовавшей стратегии и ее комплексной адаптации к новым стратегическим целям, направленным на оздоровление социально-

---

³²³ Ibid. P. 140.

³²⁴ Уже к 1971 г. уровень инфляции снизился до 2,5 %. Примечательно, что в период с 1977 по 1997 гг. среднегодовой прирост зарубежных инвестиций в экономику Индонезии достиг 42 %, для внутренних инвестиций этот показатель составлял 50 %. Попов А. В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М.: ИВ РАН, 2010. С. 29.

³²⁵ Sejarah Indonesia: Politik dan Ekonomi di Bawah Sukarno. URL: <https://www.indonesia-investments.com/id/budaya/kolom-budaya/sejarah-indonesia-politik-dan-ekonomi-di-bawah-sukarno/item5271?> (дата обращения: 15.09.2024).

экономической обстановки. Тенденции глобализации мировой экономики подвели Индонезию к расширению сотрудничества со странами Запада и диверсификации экономических связей. Необходимость поддержания стабильных и крепких отношений с зарубежными партнерами в торгово-экономической сфере в некоторой мере определила осторожную позицию руководства страны по спорным региональным вопросам, и в целом оно последовательно придерживалось избранного курса на поддержание нейтралитета. По мере укрепления экономической устойчивости интересы Индонезии сместились в сторону осуществления более независимой и самостоятельной внешнеэкономической деятельности.

К одному из приоритетных направлений внешней политики Сухарто следует отнести развитие взаимовыгодного многовекторного сотрудничества с соседними странами с целью постепенного закрепления лидерской роли Индонезии в регионе. Наглядным примером стремлений нового правительства стало активное участие Индонезии в создании АСЕАН как центральной межправительственной организации в Юго-Восточной Азии. Должно быть, преодоление угроз региональной безопасности и поддержание стабильности представляли исключительную важность для национальных интересов Индонезии, поскольку успешная реализация программ по восстановлению экономики могла быть возможна лишь в случае обеспечения инвестиционной привлекательности страны³²⁶.

Сухарто был серьезно обеспокоен внешним военным присутствием в Юго-Восточной Азии и влиянием военного фактора на международно-политическую систему региона. В отличие от некоторых других членов АСЕАН, Индонезия открыто провозгласила политику неприсоединения и выступила за автономный порядок, при котором каждое отдельное государство несло бы ответственность за свою собственную оборону. Как утверждалось, региональная безопасность могла

---

³²⁶ *Wardhani B. L. S. W. Trends in Indonesia – Malaysia Bilateral Relations in Post-Suharto Period // Journal Unair. Vol. 1, No. 1 (2009). P. 3.*

быть обеспечена только путем обретения каждой из стран полной независимости и искоренения внешнего контроля³²⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что после длительных переговоров по просьбе Индонезии³²⁸ в Бангкокскую декларацию 1967 г. было добавлено положение, предусматривавшее, что «иностранные базы являются временными и сохраняются только с согласия со стороны непосредственно затронутых государств, они не предназначены для прямого или косвенного использования с целью подрыва национальной независимости и свободы стран региона или нанесения ущерба упорядоченным процессам национального развития»³²⁹. Таким образом, нейтралитет и свобода стран АСЕАН были напрямую связаны с необходимостью ограничения внешнего вмешательства в дела региона, что, впрочем, не налагало запрет на отдельные государства прибегать к военной помощи зарубежных стран для обеспечения собственной национальной безопасности.

Индонезийская внешняя политика в Юго-Восточной Азии была также направлена на наращивание позитивной динамики двусторонних связей с другими основателями АСЕАН – Малайзией, Таиландом, Сингапуром и Филиппинами – и присоединившимся к ним позднее Брунеем. К середине 1960-х гг. отношения Индонезии с упомянутыми государствами, если и не находились на кризисном этапе, то переживали не лучший период. Соответственно, для решения поставленных Сухарто задач требовалось установление доверительного диалога в духе стратегического партнерства и союзничества. На протяжении «Нового порядка» дипломатические отношения с соседними странами переживали взлеты и падения, однако в целом сохранялись положительные тенденции развития

---

³²⁷ *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. P. 140.

³²⁸ *Ibid.* Pp. 34–36.

³²⁹ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), 8 Agustus 1967. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

межгосударственных связей, в частности, в области безопасности и торгово-экономической сфере³³⁰.

Особое место в упомянутых процессах заняло укрепление сотрудничества с Малайзией. Как было отмечено выше, в первой половине 1970-х гг. индонезийско-малайзийские отношения пережили расцвет. Вместе с тем приоритетное внимание обеих сторон было уделено выработке и внедрению механизмов обеспечения региональной безопасности.

Наглядной иллюстрацией общего видения ситуации и единства целей служит поддержка Индонезией и Малайзией Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета 1971 г. Кроме того, для борьбы с коммунистической угрозой в 1972 г. в Восточной Малайзии был создан Объединенный пограничный комитет, в ведение которого позднее стали входить обмен информацией и разведывательными данными, проведение совместной военной подготовки, учений, морского и воздушного пограничного патрулирования, а также борьба с преступлениями международного характера³³¹.

В условиях геополитической трансформации в Индокитае в середине 1970-х гг. страны АСЕАН обнаружили необходимость во всеобъемлющем углублении связей и выработке координирующего механизма в согласовании интересов государств для поддержания международного мира и безопасности. О повышении статуса Индонезии на региональной арене свидетельствует тот факт, что Первый саммит АСЕАН состоялся на о. Бали. С целью закрепления принципов функционирования ассоциации 24 февраля 1976 г. в рамках саммита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (*Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia*), также известный как Балийский договор. В соглашении содержатся фундаментальные принципы мирного сосуществования, добрососедства и регулирования межгосударственного сотрудничества в регионе. Особо подчеркивается приверженность взаимному уважению суверенитета и

---

³³⁰ Suryadinata L. Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. Pp. 69–84.

³³¹ Ibid. P. 71.

равенства, невмешательству во внутренние дела друг друга, разрешению споров мирными средствами, отказу от применения силы или угрозы применения силы³³². Данный договор и по сей день составляет юридическую основу взаимоотношений членов АСЕАН³³³.

Примечательно, что с 1976 г. страны АСЕАН взяли на вооружение концепцию «национальной устойчивости» (*ketahanan nasional*), сформированную в Индонезии в 1960-х гг. Подразумевается, что «национальная устойчивость» – это способность страны защитить свои национальные интересы как от внутренних, так и внешних угроз. Однако для обеспечения безопасности необходимы эффективная организационная структура, основанная на сотрудничестве между государством и элементами гражданского общества, и комплексная устойчивая стратегия по преодолению кризисных ситуаций³³⁴.

Участники Первого саммита сошлись во мнении, что безопасность каждого государства Юго-Восточной Азии является важным вкладом в международные мир и стабильность. Предпринимая усилия по укреплению «национальной устойчивости», социально-экономического, природно-ресурсного, технологического и культурного потенциала, страны АСЕАН формируют столь критически важную «региональную устойчивость» (*ketahanan regional*)³³⁵.

Представляется необходимым подчеркнуть, что еще при основании ассоциации ее члены договорились придерживаться ряда принципов, которые впоследствии получили название «пути АСЕАН» (*ASEAN Way*) и отчасти нашли отражение в Договоре 1976 г. В соответствии с «путем АСЕАН» приоритетным подходом к плодотворному и эффективному сотрудничеству является проведение открытой дискуссии и консультаций, выработка справедливого и согласованного

³³² Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³³³ См. подробнее: Малетин Н. П. Долгая жизнь Балийского договора // Международная жизнь. № 10 (2010).

³³⁴ Ketahanan Nasional: Pengertian, Fungsi, Ciri, dan Contoh. URL: <https://pasla.jambiprov.go.id/ketahanan-nasional-pengertian-fungsi-ciri-dan-contoh> (дата обращения: 15.09.2024).

³³⁵ Speech by Mr. S. Pushpanathan, Deputy Secretary-General of ASEAN at the National Resilience Institute of Republic of Indonesia “Building Regional Resilience: ASEAN Charter, ASEAN Community Blueprints and ASEAN Community” Jakarta, 20 May 2009. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/Speech-DSG-AEC-SP-NationalResilienceInstitute.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

решения, взаимное уважение и терпимость, невмешательство АСЕАН во внутреннюю политику стран-членов и двусторонние конфликты между ними³³⁶.

Принцип невмешательства часто рассматривается как краеугольный камень «пути АСЕАН» и фактор сохранения обстановки относительной международно-политической стабильности в Юго-Восточной Азии. Соблюдение данного подхода позволило членам организации сконцентрироваться на решении внутривластных задач, не теряя при этом возможности для развития дружественных связей с соседними государствами.

С определенной долей уверенности можно предположить, что истоки «пути АСЕАН» берут начало из традиционных принципов жизни яванской деревни – обсуждения (*musyawarah*) и консенсуса (*mufakat*), которые заложили основы политической культуры Индонезии, что может быть ярким подтверждением индонезийского влияния на идеологические основы АСЕАН. В пользу данной версии отчасти говорит и то, что впервые термин был применен индонезийским генералом Али Муртопо в контексте рассуждения о принятых в ассоциации подходах к урегулированию межгосударственных противоречий³³⁷.

Тем не менее некоторые исследователи, например, индийский политолог Амитаб Ачарья, не согласны с тем, что дипломатические нормы таких крупных региональных организаций, как АСЕАН, происходят из локальной политической и социально-культурной среды. Он утверждает, что, хотя среда традиционно оказывает влияние на формирование дипломатической доктрины, все же оно не определяющее, а принципы «пути АСЕАН» являются фундаментальными и носят универсальный, глобальный характер. Например, они во многом перекликаются с содержанием Устава ООН. В то же время само применение этих принципов на практике следует рассматривать уже в контексте реалий стран Юго-Восточной Азии³³⁸.

---

³³⁶ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³³⁷ Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problem of Regional Order. London: Routledge, 2001. P. 63.

³³⁸ Ibid. Pp. 48, 64.

С одной стороны, «путь АСЕАН» действительно основан на культурных элементах, которые соответствуют ценностям и государств-членов организации, и многих других стран, поэтому по своей сути не являются уникальными. С другой стороны, принципы невмешательства во внутренние дела и разрешения разногласий путем консенсуса получили известность и вышли на первый план прежде всего как инструменты внешней политики и сотрудничества в рамках АСЕАН, то есть представляют особую ценность непосредственно для этих стран (и не в последнюю очередь для Индонезии), что неизменно подчеркивается в выступлениях представителей организации.

Нельзя не уделить внимание другому важному документу, заложившему юридическую основу функционирования Ассоциации – Декларации согласия АСЕАН (*Declaration of ASEAN Concord*), также принятой на Саммите в 1976 г. В документе были отображены ключевые принципы, направленные на обеспечение безопасности и политической стабильности, как на национальном, так на региональном уровнях. Государства обязались принять решительные меры на индивидуальной и коллективной основе по устранению угроз международному миру и скорейшему созданию зоны мира, свободы и нейтралитета. Кроме того, были определены программы и механизмы сотрудничества стран АСЕАН в политической, экономической, социальной и культурной сферах³³⁹.

Изначально Индонезия выступала за включение в раздел о сотрудничестве в области безопасности пункта о регулярных встречах министров обороны и старших должностных лиц, совместных учениях, программах обмена военнослужащими и создании военного колледжа АСЕАН. Однако в итоговую версию документа вошло только положение «о сотрудничестве вне рамок АСЕАН между государствами-членами в вопросах безопасности в соответствии с их взаимными потребностями и интересами».

Отказ от более развернутого плана действий в области безопасности отражал определенную настороженность других стран АСЕАН, особенно Малайзии и

---

³³⁹ 1976 Declaration of ASEAN Concord. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/1976-Declaration-of-ASEAN-Concord.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

Сингапура, которые опасались, что после вывода американских войск из Юго-Восточной Азии Индонезия попытается претендовать на роль региональной державы³⁴⁰.

На полях саммита на о. Бали был сделан большой шаг в оформлении механизмов функционирования АСЕАН. В частности, было не только заключено Соглашение о создании Секретариата АСЕАН (*Agreement on the Establishment of the ASEAN Secretariat*)³⁴¹, но и принято решение о пересмотре организационной структуры ассоциации с целью повышения ее эффективности. Индонезия выдвинула свою кандидатуру в качестве принимающей стороны, и с тех пор Секретариат АСЕАН располагается в Джакарте.

Таким образом, с 1976 г. страны АСЕАН встали на путь тесного сотрудничества и взаимной помощи по вопросам, представлявшим общий интерес, что в значительной степени способствовало нормализации обстановки, укреплению стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии, а впоследствии – превращению АСЕАН в одну из самых успешных региональных организаций в мире. Благодаря инициативе Индонезии в известной мере были определены ключевые элементы нового этапа развития АСЕАН, оформление получили институциональные, правовые и идеологические основы ее функционирования. Хотя формально Индонезия не была объявлена лидером ассоциации, ей удалось закрепить свой статус как влиятельного регионального игрока, с которым следует считаться, «первой среди равных», что проявилось все с большей силой и позднее.

В рамках рассмотрения внешней политики Сухарто нельзя не затронуть один из наиболее острых и противоречивых вопросов – спор о статусе Восточного Тимора (Тимор-Лесте³⁴²). После бескровной «революции гвоздик», произошедшей в Португалии в 1974 г., к власти пришли военные, которые встали на путь

---

³⁴⁰ Koh T., Seah S. L. L., Chang L. L. 50 Years of ASEAN and Singapore. Singapore: World Scientific, 2017. P. 29.

³⁴¹ 1976 Agreement on the Establishment of the ASEAN Secretariat. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1976-Agreement-on-the-Establishment-of-the-ASEAN-Secretariat-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁴² Дословный перевод с португальского языка – «Восточный Тимор».

демократических реформ и взяли курс на ускоренную деколонизацию португальских владений. Тем не менее планам Лиссабона о мирной и постепенной передаче власти местному населению не было суждено сбыться.

Двадцать восьмого ноября 1975 г. Революционный фронт за независимость Восточного Тимора (*Frente Revolucionária de Timor-Leste Independente, FReTiLIIn*), также известный как ФРЕТИЛИН, провозгласил независимость Демократической Республики Восточный Тимор в одностороннем порядке. Усиление политических сил левого толка, нарастание антииндонезийской риторики, а также крайне напряженная внутривнутриполитическая обстановка вызвали оправданное беспокойство индонезийских властей. Правительство Сухарто заявило о намерении принять все необходимые меры, которые могут потребоваться для обеспечения государственной безопасности. Тем временем ФРЕТИЛИН постепенно взял под контроль большую часть территории Восточного Тимора, а Индонезия обвинила новые власти в нападении на приграничные деревни индонезийской части острова, Западного Тимора³⁴³.

Обращает на себя внимание тот факт, что еще в 1974 г. Сухарто интересовался точкой зрения лидеров стран АСЕАН по Восточному Тимору для оценки потенциальной возможности Индонезии распространить свое влияние в данной зоне. Особое беспокойство вызывала позиция Малайзии: период конфронтации завершился относительно недавно, и страна еще испытывала справедливые опасения по поводу возможного индонезийского экспансионизма. Любая попытка Индонезии взять под контроль Восточный Тимор без одобрения Малайзии могла нанести ущерб восстанавливавшимся двусторонним отношениям. Вопреки опасениям, Сухарто удалось получить поддержку премьер-министра Малайзии Абдула Разака³⁴⁴.

---

³⁴³ Lawless R. The Indonesian Takeover of East Timor // *Asian Survey*. Vol. 16, No. 10 (1976). P. 953.

³⁴⁴ Примечательно, что индонезийское руководство волновала позиция не только государств Юго-Восточной Азии, но и стран Запада, Южной Америки, Ближнего Востока и Африки. Хотя не все опрошенные лидеры выразили согласие с устремлениями администрации Сухарто, он, казалось бы, получил желаемое основание для продолжения избранного политического курса. *Fibiger M. A Diplomatic Counter-Revolution: Indonesian Diplomacy and the Invasion of East Timor // Modern Asian Studies*. Vol. 55, No. 2 (2021). Pp. 609–611.

Седьмого декабря 1975 г., всего через несколько дней после провозглашения независимости Восточного Тимора, в ходе операции «Лотус» туда были введены индонезийские вооруженные силы, которые вскоре оккупировали всю территорию страны³⁴⁵. Несмотря на призыв³⁴⁶ Генеральной Ассамблеи ООН к незамедлительному выводу войск и освобождению Португальского Тимора³⁴⁷, Индонезия не отошла от начатого курса. Позиция страны осталась практически неизменной на не один десяток лет³⁴⁸.

Закрепление власти индонезийских сил происходило в Восточном Тиморе довольно быстро, и уже в 1976 г. было принято постановление о включении его территории в состав Республики Индонезия как двадцать седьмой провинции³⁴⁹. Безусловно, переход Восточного Тимора под юрисдикцию Индонезии не означал, что все накопившиеся проблемы и трудности, с которыми столкнулась администрация Сухарто как на международной арене, так и на аннексированной территории, были незамедлительно разрешены. Присоединение Восточного Тимора вызвало решительное осуждение со стороны международного сообщества и существенно подорвало престиж Индонезии, особенно на фоне сообщений о многочисленных человеческих жертвах³⁵⁰.

Впрочем, некоторые государства посчитали предпринятые шаги вполне оправданными, хотя далеко не всегда лидеры этих стран открыто поддерживали

³⁴⁵ *Ervanda B. Y., Fakhurroji A., Zulkarnain* The Role of Indonesian National Air Force (TNI-AU) in Seroja Operation in East Timor (1975–1979) // *International Journal of Culture and History*. Vol. 3, No. 1 (2017). P. 44.

³⁴⁶ Question of Timor // Resolutions Adopted by the General Assembly during its 30th session, 16 September – 17 December 1975. New York: United Nations, 1976.

³⁴⁷ Согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, Португалия была утверждена как управляющая держава.

³⁴⁸ В последующие годы Генеральная Ассамблея неоднократно, но безуспешно выражала протест против оккупации Индонезией территории Восточного Тимора и лишения его народа права на самоопределение. ООН так и не признала суверенитет Индонезии над Восточным Тимором, однако организация не смогла (или не посчитала необходимым) защитить или гарантировать правовой статус аннексированных территорий.

³⁴⁹ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 7 Tahun 1976 tentang Pengesahan Penyatuan Timor-Timur ke Dalam Negara Kesatuan Republik Indonesia dan Pembentukan Propinsi Daerah Tingkat I Timor-Timur [Закон № 7 от 1976 г. Республики Индонезия о присоединении Восточного Тимора к унитарному государству Республика Индонезия и создании провинции первого уровня Восточный Тимор]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/36145/UU%20Nomor%207%20Tahun%201976.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁵⁰ В 1975 г. в восточной части острова Тимор проживали 600 тыс. человек, только за 1976 г. погибли, по разным оценкам, от 60 тыс. до 100 тыс. тиморцев. К 1999 г. 200 тыс. человек не стало в результате военных действий, голода или различных болезней. Timor-Leste (East Timor). URL: <https://cja.org/where-we-work/archives/timor-leste-east-timor> (дата обращения: 15.09.2024).

Индонезию и заявляли о своей позиции³⁵¹. Среди союзников Индонезии по вопросу Восточного Тимора были США³⁵², Великобритания, Австралия, Япония и, как было отмечено выше, Малайзия. Жесткую позицию Индонезии и некоторых ее сторонников против укрепления ФРЕТИЛИН во многом можно расценить как сопротивление усилению влияния коммунистических настроений в Восточном Тиморе и, вполне возможно, укреплению в регионе социалистических стран³⁵³.

Довольно активная внешняя политика Сухарто проистекала из ряда благоприятных внутренних факторов: растущей уверенности президента в поддержке как со стороны населения, так и ведущих политических сил страны, роста индонезийской экономики и, наконец, способности Джакарты контролировать проблему Восточного Тимора.

В то же время, безусловно, существенную роль сыграли и внешние факторы. Индонезия хотела избавиться от чрезмерной зависимости от Запада в сферах инвестиций и экспорта посредством выхода на новые рынки сбыта в развивающихся странах. Решимость администрации Сухарто усилила нарастающая напряженность в отношениях с США и Европейским союзом, не раз публично осуждавших³⁵⁴ Индонезию, в том числе за вторжение в Восточный Тимор и за нарушение прав и свобод тиморского и индонезийского населения³⁵⁵.

После длительного перерыва с середины 1980-х гг. отношения Индонезии с Советским Союзом вышли на новый этап постепенного восстановления и

---

³⁵¹ Согласно рассекреченным после падения режима Сухарто документам, Белый дом был осведомлен о скором начале операции «Лотус», в ходе проведения которой индонезийские вооруженные силы оккупировали всю территорию Восточного Тимора. Более того, во время встречи с президентом Джеральдом Фордом и Генри Киссинджером в начале декабря 1975 г. индонезийский лидер заручился поддержкой США, которые не стали бы возражать, если бы в случае необходимости Индонезия перешла «к решительным действиям» в Восточном Тиморе. Embassy Jakarta Telegram 1579 to Secretary State. 6 December 1975. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB62/doc4.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁵² Porter A. L. *Windows of Opportunity: East Timor and Australian Strategic Decision Making (1975–1999)*. Maxwell AFB: Air University Press, 216. P. 24.

³⁵³ Lawless R. The Indonesian Takeover of East Timor // *Asian Survey*. Vol. 16, No. 10 (1976). P. 953.

³⁵⁴ Yaakub A. N. *Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations*. Perth: University of Western Australia, 2009. P. 39.

³⁵⁵ Anwar D. F. *Indonesia at Large: Collected Writings on ASEAN, Foreign Policy, Security, and Democratisation*. Jakarta: Habibie Center, 2005. P. 87.

потепления³⁵⁶, однако значительное внимание Джакарта уделяла развитию сотрудничества с другой крупнейшей страной социалистической ориентации – КНР.

В августе 1990 г. Республика Индонезия и КНР подписали соглашение о возобновлении дипломатических отношений³⁵⁷, которые были приостановлены еще в 1967 г. Как представляется, у Сухарто было по меньшей мере две причины пойти на сближение с Пекином. Возникла довольно острая необходимость в масштабировании позиций Индонезии на международной политической арене и распространении ее влияния в АТР. Кроме того, республика была заинтересована в налаживании прямой торговли с Китаем, так как предыдущие двадцать три года она велась через Сингапур и Гонконг³⁵⁸.

Другой важнейшей задачей внешней политики Индонезии в 1990-х гг. стало восстановление имиджа как страны-основателя Движения неприсоединения. Тесные экономические связи Индонезии со странами Запада вызвали недовольство и сомнения относительно искренности намерений Сухарто просоветски настроенных стран-участниц. Впрочем, Индонезии удалось закрепить свои позиции: она была избрана очередным председателем организации на период с 1992 по 1995 гг.³⁵⁹, а в Джакарте состоялся Десятый саммит Движения неприсоединения. Первостепенное внимание в повестке встречи было уделено проблемам и перспективам функционирования объединения в условиях новой геополитической реальности³⁶⁰. В качестве председателя Индонезия сыграла ключевую роль в активизации новых программ и проектов Движения, что укрепило

---

³⁵⁶ Малетин Н. П., Хохлова Н. И. Россия и Индонезия: прошлое и настоящее двусторонних отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 4, № 4 (2022). С. 202.

³⁵⁷ Memorandum of Understanding Between the Government of the Republic of Indonesia and the Government of the People's Republic of China on the Resumption of Diplomatic Relations. URL: <https://treaty.kemlu.go.id/apisearch/pdf?filename=CHN-1990-0022.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁵⁸ *The Jakarta Post*, 02.11.2020. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2020/11/02/commentary-1989-when-soeharto-totally-changed-his-mind-on-china.html> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁵⁹ Non-Aligned Movement. Previous Chairmanship & Documents. URL: <https://nam.go.ug/previous-chairmanship-documents> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁶⁰ *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. P. 51.

ее положение в мировом сообществе³⁶¹. Кроме того, в 1994 г. в индонезийском г. Богор состоялся Саммит АТЭС, в рамках которого были определены дальнейшие шаги по ускорению процессов экономической интеграции³⁶².

Не вызывает сомнений, что в период «Нового порядка» Индонезия стремилась расширить свое влияние, в том числе за пределы региона. В данном контексте представляется важными уделить некоторое внимание исламскому фактору во внешнеполитическом курсе страны.

Будучи государством с самым многочисленным мусульманским населением в мире, Индонезия, безусловно, принимала участие в работе Организации исламского сотрудничества (ОИС) и стояла у истоков ее создания. Однако изначально Индонезия не позиционировала себя ни как мусульманская страна (в отличие от остальных основательниц ОИС), ни как потенциальный лидер среди мусульманских государств. Подобный подход проявлялся и в сравнительно пассивном участии в жизни исламского мира.

С одной стороны, в своих выступлениях индонезийские политики открыто выражали поддержку как Организации освобождения Палестины, так и мусульманам, пострадавшим в годы войны в Боснии и Герцеговине. С другой стороны, Индонезия нередко будто бы уклонялась от участия в операциях по урегулированию упомянутых конфликтов, например, в миротворческих миссиях ООН. В свете ситуации на Ближнем Востоке и в Боснии и Герцеговине индонезийские политики регулярно упоминали Движение неприсоединения как объединение, в сферу внимания которого вошли данные территории³⁶³. Индонезия, по-видимому, не хотела вмешиваться в зону этнических и религиозных конфликтов, причины которых выходили за рамки ее внешнеполитических

---

³⁶¹ *Yaakub A. N.* Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations. Perth: University of Western Australia, 2009. P. 39.

³⁶² 1994 APEC Ministerial Meeting, 11–12 November 1994. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/annual-ministerial-meetings/1994/1994_amm (дата обращения: 15.09.2024).

³⁶³ *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. Pp. 159–169.

интересов, поскольку она видела себя как потенциальный лидер не только мусульманских государств, но и всего развивающегося мира.

Относительно небольшая роль исламского фактора в индонезийском внешнеполитическом курсе была отражением продуманной стратегии военных на ограничение исламизации политической жизни страны. Они опасались усиления мусульманских организаций и рассматривали религиозных лидеров как серьезных соперников, сферу влияния которых требуется ограничить и взять под контроль³⁶⁴.

Динамика развития Индонезии в период «Нового порядка» наглядно свидетельствует о том, что Сухарто продолжил заложенный первым президентом страны курс на независимую и активную внешнюю политику, оставаясь верным национальным интересам при некоторой смене ключевых направлений внешнеполитической деятельности. Изменения во внутренней структуре государственной власти и «поворот на Запад» с целью укрепления торгово-экономических и инвестиционных связей сопровождались охлаждением отношений Индонезии со странами социалистического лагеря.

Тем не менее нельзя говорить о кардинальном изменении внешнеполитической парадигмы. Отчетливо заявила о себе прежняя тенденция к сохранению нейтралитета, региональной интеграции и расширению межгосударственного диалога со странами Юго-Восточной Азии. Амбициозная цель Индонезии завоевать прочную лидерскую позицию на практике оказалась вполне реалистичной, поскольку ей в немалой степени удалось заложить траекторию развития АСЕАН, в том числе как участника мировых политических процессов и международного сотрудничества.

В то же время, несмотря на преимущественно аккуратный и сдержанный внешнеполитический курс, в зависимости от обстоятельств Джакартой мог быть применен более жесткий и даже силовой подход, например, в целях обеспечения территориальной ценности и суверенитета. При этом следует подчеркнуть, что в случае возникновения ситуаций, которые потенциально могли нанести удар по

---

³⁶⁴ *Ефимова Л. М.* Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // *Международные процессы.* № 1 (2019). С. 82.

авторитету Индонезии, она занимала гибкую позицию и считала существенным заручиться поддержкой ближайших союзников прежде, чем перейти к более решительным действиям.

Кроме того, с 1990-х гг. наблюдались отдаление от западных стран и постепенное сближение с Москвой и Пекином. Подобная тенденция может говорить о том, что Индонезия достигла своих первостепенных стратегических целей, в том числе по «западному направлению», заняла достаточно прочные позиции и не видела существенных рисков в выходе на новых партнеров. Конечно, как и прежде, непосредственное влияние на выработку внешнеполитических решений оказывала геополитическая обстановка в мире, не только внутренняя ситуация и тактические планы Индонезии.

Эпоха «Нового порядка» подошла к концу в 1998 г. с отставкой Сухарто с поста президента. Данному знаковому событию предшествовали серьезные социально-экономические и политические трудности. Страна была потрясена последствиями Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., что обнажило давние системные проблемы. Усиление политической нестабильности, рост безработицы, тяготы военно-авторитарного режима, повальная коррупция и nepotизм – все это стало причиной массовых беспорядков, разразившихся почти на всей территории Индонезии в 1998 г. Правительство подверглось мощному давлению как внутри страны, так из-за рубежа³⁶⁵, власть и влияние Сухарто уже не были столь нерушимы, как прежде, и в результате он передал пост вице-президенту Бухаруддину Юсуфу Хабиби³⁶⁶.

Всего за полтора года пребывания в должности Хабиби успел провести ряд важных политических мероприятий, которые определили исторический путь страны на следующие годы и ознаменовали переход от «Нового порядка» к эпохе реформ (*Reformasi*). Хотя прежде Хабиби неоднократно публично заявлял, что

---

³⁶⁵ К примеру, Белый дом открыто призвал индонезийского президента уйти в отставку в кратчайшие сроки. *The Washington Post*, 21.05.1998. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1998/05/21/albright-encourages-suharto-to-leave-office/34ac10ad-03d4-45fd-93c1-3007581f7964> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁶⁶ *CNN*, 20.05.1998. URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/asiapcf/9805/20/indonesia.suharto/index.html> (дата обращения: 15.09.2024).

считает президента Сухарто своим наставником и учителем, после вступления в новую должность он предпочел избрать иной подход к политико-управленческим процессам и встал на путь либеральных преобразований. Во многом это было связано с тем, что к концу 1990-х гг. выросли и окрепли социальные силы, выступающие за проведение институциональных реформ (в том числе студенческие движения и мусульманские объединения), что потребовало от Хабиби более внимательного и даже чуткого отношения к призывам оппозиции³⁶⁷. Одним из ключевых элементов новой реальности стал Закон № 2 от 1999 г. о политических партиях (*Undang-Undang Nomor 2 Tahun 1999 tentang Partai Politik*)³⁶⁸, положивший начало реструктуризации партийной системы страны³⁶⁹.

Впрочем, первоочередной задачей нового президента стало преодоление Азиатского финансового кризиса, который имел далеко идущие экономические, политические и социальные последствия³⁷⁰. С целью стабилизации экономической ситуации и снижения напряженности в обществе руководство страны решилось использовать не только внутренние ресурсы, но и обратиться за поддержкой и помощью мировых игроков.

Как отмечают некоторые эксперты, Азиатский финансовый кризис сильнее всего ударил по Индонезии из всех затронутых стран, поскольку, хотя он начался лишь как экономический спад, он также сопровождался глубоким социальным

---

³⁶⁷ *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. P. 52.

³⁶⁸ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 2 Tahun 1999 tentang Partai Politik [Закон Республики Индонезия № 2 от 1999 г. о политических партиях]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/33760/UU%20Nomor%202%20Tahun%201999.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁶⁹ С вступлением в силу нового закона многие препятствия исчезли (впрочем, идеология коммунизма так и осталась под запретом), и индонезийское население с готовностью откликнулось на предоставленную возможность. Новообразованные политические партии отличались не только своей многочисленностью (по сравнению с периодом «Нового порядка»), но своеобразием их идеологической составляющей. См. подробнее: *Другов А. Ю.* Религия и власть в современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 13 (2009). С. 164–165.

³⁷⁰ См., например, *Ketetapan Majelis Permusyawaratan Rakyat Tahun 1998 tentang Pokok Pokok Reformasi Pembangunan dalam Rangka Penyelamatan dan Normalisasi Kehidupan Nasional Sebagai Haluan Negara* [Постановление Народного консультативного конгресса от 1998 г. об основных направлениях реформы в области развития с целью спасения и нормализации национальной жизни как государственного курса]. URL: <https://peraturan.go.id/id/tap-mpr-no-x-mpr-1998-tahun-1998> (дата обращения: 15.09.2024); *Ketetapan Majelis Permusyawaratan Rakyat Nomor XVI/1998 tentang Politik Ekonomi dalam Rangka Demokrasi Ekonomi* [Постановление Народного консультативного конгресса № XVI от 1998 г. о политической экономии в контексте экономической демократии]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/210109/tap-mpr-no-xvimpr1998> (дата обращения: 15.09.2024).

кризисом. В то же время в приоритете у правительства была не реализация столь необходимых реформ, а сохранение власти в условиях острейшей политической напряженности³⁷¹.

Важно, что с начала кризиса до середины 1998 г. между Индонезией и МВФ трижды были заключены соглашения о программе мер по обеспечению реструктуризации экономики и восстановлению докризисного потенциала республики³⁷². Несмотря на достигнутые договоренности, ввиду как внешних, так и внутренних факторов поставленные задачи не были достигнуты. Причина крылась в довольно неудачном подходе к антикризисной программе и даже некоторой невнимательности к особенностям функционирования индонезийской финансовой системы, чье развитие и прежде во многом сдерживали высокий уровень коррупции и распространение nepotизма.

Четвертое соглашение между индонезийским правительством и МВФ было заключено уже после прихода к власти Хабиби – в июне 1998 г. Был пересмотрен пакет экономических мер, и отныне фокус внимания был смещен на возобновление притока частного иностранного капитала в Индонезию, что, следует признать, наряду с сотрудничеством в рамках АСЕАН, принесло определенные результаты³⁷³.

В условиях нарастающего кризиса сложившая обстановка не могла не оказать воздействие на внутривнутриполитические и внешнеполитические стратегии в каждой отдельной стране Юго-Восточной Азии, некоторые из которых особенно сильно почувствовали свою зависимость от крупнейших игроков на мировой арене.

---

³⁷¹ Asian Financial Crisis in Indonesia. URL: <https://www.indonesia-investments.com/culture/economy/asian-financial-crisis/item246> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁷² В обмен на осуществление антикризисных рекомендаций МВФ обязался выплатить Индонезии экстренную помощь в размере 43 миллиардов долларов США. IMF and Indonesia Agree on Accelerated Economic Reforms // IMF Survey. Vol. 27, No. 2 (1998). P. 18.

³⁷³ Хотя экономическая ситуация по-прежнему оставалась хрупкой, смена подхода дала свои плоды. По данным МВФ, если в 1998 г. уровень инфляции достигал 58,4 %, то к 1999 г. данный показатель снизился до 20,5 %, а в 2000 г. до 3,7 %. International Monetary Fund. Inflation Rate, Average Consumer Prices (Annual Percent Change). URL: <https://www.imf.org/external/datamapper//export/excel.php?indicator=PCPIPCN> (дата обращения: 15.09.2024). Кроме того, наблюдалось укрепление национальной валюты: в период с июня 1998 г. по июнь 1999 г. курс индонезийской рупии опустился с 14,85 тыс. до 7,3 тыс. за 1 доллар США. Indonesian Rupiah Exchange Rates URL: <https://countryeconomy.com/currencies/indonesia?dr=1999-03> (дата обращения: 15.09.2024).

В частности, для того, чтобы заручиться зарубежной поддержкой в целях восстановления экономики страны, администрации Хабиби было принципиально важно сохранить дружественные отношения с МВФ и коллективным Западом в целом³⁷⁴.

Таким образом, основная задача третьего президента Индонезии заключалась в обеспечении устойчивого развития, внутренних потребностей страны и поддержании социально-политической стабильности, наряду с укреплением сотрудничества с крупнейшими державами, в частности, с США. Как можно заметить, индонезийская внешняя политика в эпоху Хабиби во многом сохранила ориентиры «Нового порядка», хотя и отличалась некоторой сдержанностью.

Вскоре после вступления в должность Хабиби выступил с предложением о наделении Восточного Тимора статусом автономной территории в составе Республики Индонезия. Данное решение по большей части было продиктовано политическими амбициями Хабиби, который хотел легитимировать свою власть не только в глазах народа, но и мирового сообщества, а также укрепить свои позиции как лидера, придерживавшегося принципов демократии³⁷⁵.

В ходе референдума, состоявшегося в августе 1999 г., 78,5 % тиморцев проголосовали за предоставление Восточному Тимору суверенитета. Несмотря на некоторое сопротивление индонезийских властей, его территория была передана под управление Временной администрации ООН. В мае 2002 г. Восточный Тимор был объявлен независимым государством³⁷⁶.

Индонезия потерпела поражение в давнем споре о статусе Восточного Тимора, а ее авторитет несколько пошатнулся. В то же время попытка Хабиби убедить зарубежных партнеров в том, что он действительно является сторонником демократических преобразований, отчасти увенчалась успехом. Однако он оставался давним сподвижником Сухарто, представителем старой политической

---

³⁷⁴ *Yani Y. M.* Change and Continuity in Indonesian Foreign Policy // *Sosiohumaniora*. Vol. 11, No. 1 (2009). P. 10.

³⁷⁵ *He K.* Indonesia's Foreign Policy after Soeharto // *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 8, No. 1 (2008). Pp. 57–58.

³⁷⁶ Timor-Leste (East Timor). URL: <https://cja.org/where-we-work/archives/timor-leste-east-timor> (дата обращения: 15.09.2024).

элиты, который, несмотря на шаги в сторону либерализации политической системы, не сумел полностью отступить от прежних устоев.

На первый взгляд ввиду острой необходимости преодоления экономического и социального кризиса внешнеполитические задачи частично отошли на второй план. С одной стороны, данное утверждение вполне справедливо, однако, с другой, в период президентства Хабиби произошли поворотные события, во многом определившие дальнейшее развитие региона.

В октябре 1999 г. НКК избрал президентом Индонезии Абдурахмана Вахида, потомственного мусульманского религиозного деятеля. Поскольку Вахид был в некотором роде лидером оппозиции в эпоху Сухарто, в начале XXI в. он стал символом демократических перемен. По крайней мере именно такие надежды изначально были на него возложены. Тем не менее новый внешнеполитический курс Индонезии не претерпел колоссальных изменений, во многом правительство шло по проложенному предыдущим президентом пути. Как и прежде, задачи властей в первую очередь были связаны с преодолением последствий экономического кризиса при содействии стран Запада. Впрочем, политику Вахида можно назвать несколько непоследовательной и даже противоречивой, что нашло отражение в предпринятым им шагах.

Абдурахман Вахид выразил готовность наладить более крепкие отношения с соседней Малайзией, в том числе в сфере экономического сотрудничества. Предложения были положительно восприняты, и на встрече с Махатхиром Мохамадом стороны обсудили возможности для развития, например, совместного автомобильного производства³⁷⁷.

Тем не менее возникли определенные разногласия по поводу судебного процесса над бывшим заместителем премьер-министра Малайзии Анваром Ибрагимом. Абдурахман Вахид открыто заявил о своей поддержке Анвара Ибрагима и встретился с его женой, что вызвало возмущение малайзийской

---

³⁷⁷ *Yaakub A. N. Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations.* Perth: University of Western Australia, 2009. P. 78.

правлящей верхушки и послужило нарастанию напряженности³⁷⁸. Впрочем, в конце концов Индонезия продемонстрировала солидарность и, как и другие страны АСЕАН, не высказала осуждения окончательному приговору сроком на 15 лет заключения.

Вместе с тем наблюдался некоторый поворот внимания администрации Абдурахмана Вахида в сторону Ближнего Востока. Примечательно, что Индонезия выступила с предложением о рассмотрении вопроса признания Израиля, что вызвало возмущение мусульманского населения³⁷⁹. Власти объяснили свое заявление тем, что установление торговых отношений с Израилем могло бы помочь укреплению связей Индонезии с деловыми кругами США. Кроме того, отмечалось, что, признав Израиль, Индонезия сможет оказывать большее влияние в рамках проведения переговоров по вопросу палестинского государства³⁸⁰.

Другим ярким примером постепенного перехода страны к новому политическому курсу стало потепление межгосударственных отношений с КНР, которые фактически были приостановлены в период с 1965 по 1990 гг.³⁸¹

Несмотря на ряд немаловажных шагов, в целом политика Абдурахмана Вахида не отличалась решительностью и последовательностью. Нельзя сказать, что возложенные на него надежды полностью оправдались, и по большей части Вахид считается переходной фигурой на пути Индонезии к демократии.

Представляется необходимым отметить, что и в период президентства Хабиби, и при Вахиде наблюдалось усиление роли исламских сил на внутривнутриполитической арене. Данная тенденция не нашла отражение в характере новой внешней политики, и исламских фактор, как и прежде, продолжают играть

---

³⁷⁸ *The New York Times*, 23.05.2000. URL: <https://www.nytimes.com/2000/05/23/INT-forced-smiles-in-southeast-asia-as-relations-turn-sour.html> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁷⁹ *The Jerusalem Post*, 02.05.2016. URL: <https://www.jpost.com/opinion/indonesia-israel-should-formalize-diplomatic-ties-452811> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁸⁰ *Smith A. L.* Indonesia's Foreign Policy under Abdurrahman Wahid: Radical or Status Quo State? // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 22, No. 3 (2000). P. 520.

³⁸¹ 65 Years of Bilateral Relations Between Indonesia and China: Strengthening and Building Constructive Relations Through people-to-People. URL: <https://politik.brin.go.id/kolom/politik-internasional/65-years-of-bilateral-relations-between-indonesia-and-china-strengthening-and-building-constructive-relations-through-people-to-people-relations> (дата обращения: 15.09.2024).

второстепенную роль. Хотя оба лидера заявили о намерении развивать сотрудничество со странами Ближнего Востока, в их внешней политике все же доминировал прозападный курс, что сохранилось и при следующем президенте Индонезии.

В июле 2001 г. дочь первого президента страны Мегавати Сукарнопутри сменила Абдурахмана Вахида на посту президента страны после того, как ему был объявлен импичмент в связи с обвинениями в коррупции и nepотизме, неудачах в проведении экономических преобразований и обеспечении национальной безопасности³⁸².

В период пребывания Мегавати у власти внешнеполитический курс вновь претерпел определенные изменения. На новое правительство легло тяжелое бремя по восстановлению имиджа и авторитета в глазах других стран АСЕАН, деятельность в рамках которой Индонезия считала и продолжает считать краеугольным камнем своей внешней политики.

После окончания холодной войны и сдвига от биполярной к многополярной системе Индонезия продемонстрировала приверженность стратегическому партнерству с Западным блоком, в первую очередь с США, отойдя от принципов Движения неприсоединения³⁸³. Тем не менее отмечалось расширение сотрудничества и по другим направлениям, например, развитие получили российско-индонезийские межгосударственные отношения³⁸⁴, что может говорить о многовекторности внешнеполитического курса Джакарты.

В целом Мегавати придерживалась концепции активной и свободной внешней политики, ориентированной на защиту национальных интересов, укрепление государственного суверенитета и международного сотрудничества в различных областях.

---

³⁸² Jatuhnya Presiden Gus Dur. URL: <https://kesbangpol.kulonprogotkab.go.id/detil/816/jatuhnya-presiden-gus-dur> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁸³ Priangani A., Harimurti S. *Dinamika Politik Luar Negeri Indonesia Pasca Orde Baru*. Bandung: Ceplas, 2004. Hlm. 57.

³⁸⁴ Декларация об основах дружественных и партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Индонезией в XXI веке. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/id/1678480> (дата обращения: 15.09.2024).

Несмотря на определенные успехи, Мегавати столкнулась с рядом трудностей и препятствий. К примеру, правительство Индонезии прекратило сотрудничество с МВФ из-за растущего внешнего долга. Особое беспокойство вызывало снижение международного доверия к Индонезии как крупнейшей мусульманской стране из-за роста террористической угрозы в мире, наряду с террористической атакой в США 11 сентября 2001 г. и с серией терактов на о. Бали в 2002 г. Мегавати обвиняли в недостаточно жестком и решительном подходе и призывали отойти от сотрудничества с США, которые, как утверждалось, использовали борьбу с терроризмом и экстремизмом в качестве предлога для продвижения своих геостратегических интересов³⁸⁵.

Начало 2000-х гг. отмечено охлаждением индонезийско-малайзийских отношений. Некоторую слабость внешней политики Индонезии продемонстрировала победа Малайзии в споре о принадлежности расположенных в море Сулавеси небольших островов Сипадан и Лигитан. Кроме того, обострилась проблема Южно-Китайского моря. Малайзия отошла от принципов АСЕАН, начав самостоятельное освоение части спорных территорий и отказавшись от обсуждения вопроса в рамках регулярных встреч министров иностранных дел³⁸⁶.

На первый план вышли не только территориальные проблемы, но и вопрос нелегальной индонезийской миграции в Малайзию, который приобрел еще более сложный характер из-за ужесточения малайзийского законодательства, а также последовавших массовых арестов и депортации мигрантов в Индонезию³⁸⁷.

Как можно заметить, внешнеполитический курс Сухарто, направленный на решение национальных целей и стратегических задач развития Индонезии, по большей части сохранился и в последующий переходный период реформ. Преемственность прослеживалась в уделении пристального внимания нерешенным при Сухарто проблемам. Особенно остро стоял вопрос преодоления последствий

---

³⁸⁵ *Wibisono A. T. M.* Political Elites and Foreign Policy: Democratization in Indonesia. Pp. 207–210. URL: <https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/access/item%3A2954081/view> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁸⁶ *Ibid.* P. 224.

³⁸⁷ *The Guardian*, 01.09.2002. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/sep/01/johnaglionby.theobserver> (дата обращения: 15.09.2024).

Азиатского финансового кризиса. Индонезия в очередной раз продемонстрировала твердую приверженность усилению сотрудничества внутри АСЕАН и поддержку выдвигаемым на уровне организации инициативам. В то же время отмечались постепенный отход от прежнего активного участия в Движении неприсоединения и смещение интересов Джакарты в сторону расширения партнерских отношений со странами Запада. Данный процесс сопровождался попытками укрепления позиций Индонезии как крупного демократического государства и союзника развитых стран на фоне расширения конфликтного пространства в мировой политике.

Таким образом, в первые годы после режима «Нового порядка» внешняя политика Индонезии объединила в себе черты традиционной приверженности к активной и независимой стратегии и многосторонний осторожный подход к решению споров и конфликтных ситуаций. О преемственности курса говорит и нерелигиозный характер индонезийской внешней политики и уделение второстепенного внимания исламскому вектору. Несмотря на то, что общее видение руководства касательно внешнеполитических задач страны осталось преимущественно неизменным, наблюдалась поэтапная смена приоритетов в условиях существовавших геополитических реалий, примером чего могут служить не только развитие межгосударственных отношений с Западом, но и постепенное сближение с КНР.

Подводя итоги представленного раздела, представляется важным подчеркнуть, что период с 1967 по 2003 гг. по праву можно назвать знаковым этапом в истории Индонезии и Малайзии. Были установлены не только принципы дальнейшего развития стран на долгие годы, но и заложена внешнеполитическая стратегия, основы которой сохраняют актуальность и по сей день и являются важнейшим направлением планирования стратегического партнерства в новую эпоху.

Ключевым событием, определившим будущее всей Юго-Восточной Азии, стало создание АСЕАН в 1967 г. Непосредственное участие Индонезии и Малайзии в процессе развития региональной интеграции подтверждает единство их целей по созданию общерегиональной коллективной системы безопасности и

сотрудничества и говорит о схожем видении дальнейшей судьбы Юго-Восточной Азии. Как нетрудно заметить, предпринятые обеими странами усилия немало способствовали повышению геостратегического значения региона. В свою очередь ассоциация стала системообразующим элементом формирования внешнеполитического курса Индонезии и Малайзии. Наглядным подтверждением служит то, что они учитывали позицию стран АСЕАН по тому или иному вопросу, представлявшему важность для процесса принятия решений, а также руководствовались общими утвержденными принципами развития международного сотрудничества.

Единство подходов двух государств особенно ярко проявилось в восприятии проблем безопасности, которые красной нитью прошли через историю Юго-Восточной Азии в рассматриваемый период и осложнялись геополитической турбулентностью в Индокитае и в мире в целом. Не меньшую важность для решения как внутривосточных, так и внешнеполитических задач представляло наращивание экономического потенциала посредством диверсификации связей и последовательной интеграции в мировую экономику.

Несмотря на схожие цели, составные части стратегии внешней политики стран несколько различались и во многом зависели от внутренних факторов. К примеру, более отчетливо прослеживается роль конфессионального элемента в содержании внешней политики Малайзии, которая, в отличие от Индонезии, придавала особое значение налаживанию и поддержанию контактов с исламским миром и иначе видела свое место в нем.

Укрепление внутривосточных связей и межнационального согласия в рамках АСЕАН позволили Индонезии и Малайзии выйти на качественно новый уровень развития межгосударственного сотрудничества, обеспечения добрососедства и равноправного и взаимовыгодного стратегического партнерства. Между тем часть приоритетных для Джакарты и Куала-Лумпура направлений в отношениях с другими странами осталась на периферии внимания в процессе выработки двусторонней повестки, да и ряд острых проблем, затрагивавших, например, сферу безопасности, до сих пор далеки от разрешения. Несмотря на

сохраняющиеся трудности, продемонстрированная устойчивая положительная тенденция к активизации межгосударственного диалога Индонезии и Малайзии сохранилась и на следующем этапе их исторического пути.

3.2. Региональное сотрудничество в новую эпоху (2004–2023)

Заложенный в последней трети XX в. курс на интенсификацию региональной интеграции укрепился с течением времени. Дальнейшее расширение экономических, политических и культурных связей между странами Юго-Восточной Азии, становление тесного и активного трансрегионального сотрудничества и межправительственного взаимодействия с крупнейшими мировыми игроками стали ключевыми факторами утверждения статуса АСЕАН как влиятельной международной организации. Данные процессы не могли происходить изолированно от политического развития стран региона и стали как причиной, так и следствием формирования некоторых структурных элементов во внешней политике Индонезии и Малайзии в новый период их независимого существования. В каждом конкретном случае можно констатировать связь и влияние внутривнутриполитической ситуации на внешнеполитическую.

Почти сразу после вступления в должность в октябре 2003 г. следующий малайзийский премьер-министр Абдулла Бадави приступил к реализации умеренного внешнеполитического курса, отойдя от активной и порой бескомпромиссной линии Махатхира. Что примечательно, с конца 2003 г. развитие получили процессы институционализации политики Малайзии, роль отдельной личности уже не имела прежнего значения, а решения стали приниматься в рамках коллективного процесса³⁸⁸.

Вместе с тем, что первостепенно важно, Абдуллой Бадави была разработана и в 2005 г. выдвинута политическая и социально-экономическая концепция Ислама Хадхари («Цивилизационный ислам»), представляющая собой комплексный подход к развитию мусульманской цивилизации, основанный на ценностях и

---

³⁸⁸ *Saravanamuttu J. Malaysia's Foreign Policy, the First Fifty Years: Alignment, Neutralism, Islamism. Singapore: ISEAS, 2010. Pp. 289–290.*

идеалах ислама³⁸⁹. Пользуясь большим авторитетом в Организации исламского сотрудничества, Абдулла Бадави содействовал распространению концепции цивилизованного ислама в других мусульманских странах³⁹⁰.

Вполне ожидаемо, что Махатхира Мохамада и Абдуллу Бадави как его преемника непрерывно сравнивали. Сравнивали их подходы, стили, успехи и неудачи. Бадави главным образом перенял внешнеполитическое наследие Махатхира и пытался соответствовать «великому предшественнику», однако все же нередко его критиковали и обвиняли в слабой линии.

Действительно, приоритетные цели премьер-министров несколько различались. Если Махатхир стремился превратить Малайзию в экономически развитую мусульманскую страну, которая занимает ведущее место на мировой арене, то Бадави было важно утвердить образ Малайзии как государства, продвигающего прогрессивные и умеренные идеалы ислама, воплощением которых и являлся Ислам Хадхари.

Будучи активным членом ОИС, Малайзия продолжила принимать участие в жизни мусульманского мира, в том числе в рамках региона. К примеру, она стала посредником в переговорах по урегулированию территориального конфликта на юге Филиппин между правительством и сепаратистским движением мусульман³⁹¹.

Последовательность и непрерывность малайзийского курса прослеживалась и в укреплении экономических связей с США. Однако существенным отличием от предыдущей эпохи стало потепление отношений с Западным миром. Во многом данное изменение проявлялось в дипломатическом стиле: прямолинейность Махатхира и усиленная антизападная риторика сменились осмотрительностью и осторожностью Бадави, что с благодарностью отмечалось американскими

---

³⁸⁹ *Bashir M. S.* Islam Hadhari: Concept and Prospect. URL: <https://www.islamawareness.net/Asia/Malaysia/hadhari.html> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁹⁰ *Ефимова Л. М.* Ислам Хадхари в современной Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 11 (2008). С. 133.

³⁹¹ *Saravanamuttu J.* Malaysia's Foreign Policy, the First Fifty Years: Alignment, Neutralism, Islamism. Singapore: ISEAS, 2010. Pp. 241–242.

партнерами³⁹². Изменения в подходе способствовали развитию сотрудничества по проблемным направлениям, например, в сфере борьбы с международным терроризмом и по ситуации на Ближнем Востоке³⁹³.

В то же время Абдулла Бадави уделял особое внимание укреплению и наращиванию динамики двустороннего партнерства с Сингапуром, Австралией и КНР, в отношении с которыми наблюдалась некоторая напряженность на протяжении предыдущих двадцати лет³⁹⁴. Кроме того, неоднократно подчеркивалась необходимость развития межгосударственного сотрудничества на платформе АСЕАН. В частности, малайзийский премьер-министр призвал как к расширению внутрорегиональной интеграции, так и к усилению взаимодействия АСЕАН с внешним миром³⁹⁵. Наблюдалось и сближение позиций с Индонезией, хотя ряд сложных ситуаций в территориальной³⁹⁶ и миграционной сферах³⁹⁷ могли привести к обострению напряженности.

Между тем в обстоятельствах нарастающей внутривластной борьбы со временем фокус внимания Абдуллы Бадави сместился в сторону удержания своей власти и стабилизации обстановки. Разгоревшиеся скандалы, связанные со случаями коррупции и nepотизма³⁹⁸, имели неблагоприятные последствия для малайзийского руководства и подорвали авторитет страны на международной арене.

---

³⁹² В рассекреченной телеграмме из Посольства США в Куала-Лумпуре в Министерство обороны США подчеркивалось, что «премьер-министр Абдулла Бадави – это глоток свежего воздуха после долгого пребывания на этом посту вспылчивого Махатхира Мохамеда». *Sodhy P.* Malaysia – US Relations 2000–2011. Kuala Lumpur: Institute of Strategic and International Studies (ISIS) Malaysia, 2012. P. 25.

³⁹³ *Ibid.* Pp. 25–28.

³⁹⁴ *Saravanamuttu J.* Malaysia's Foreign Policy, the First Fifty Years: Alignment, Neutralism, Islamism. Singapore: ISEAS, 2010. Pp. 245–246.

³⁹⁵ См., например, Speech by the Honourable Abdullah Ahmad Badawi, Prime Minister of Malaysia. Creating a Better Understanding of ASEAN-United States Relations, 15.09.2005. URL: <https://asiasociety.org/new-york/creating-better-understanding-asean-united-states-relations> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁹⁶ *Fox News*, 07.03.2005. URL: <https://www.foxnews.com/story/indonesia-and-malaysia-reach-agreement-on-oil> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁹⁷ *AsiaNews*, 02.03.2005. URL: <https://www.asianews.it/news-en/Badawi-too-soft-on-illegal-immigration,-say-critics-2491.html> (дата обращения: 15.09.2024).

³⁹⁸ *The New York Times*, 28.03.2009. URL: <https://www.nytimes.com/2009/03/29/world/asia/webmalaysia.html> (дата обращения: 15.09.2024). *Malaysia Today*, 05.07.2011. URL: <https://www.malaysia-today.net/2011/07/05/bribe-probe-hits-former-malay-pm> (дата обращения: 15.09.2024).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что Абдулла Бадави стал проводником политических изменений в новую эпоху в истории Малайзии. Несмотря на то, что в значительной мере пятый премьер-министр предпочел пойти по сформированному ранее пути, ему удалось преодолеть ряд проблем во внешней политике и укрепить международный потенциал страны. Относительно мягкий и гибкий подход, продвижение мировоззренческих основ цивилизованного ислама способствовали формированию образа Малайзии как страны умеренного ислама и надежного партнера, принимающего активное участие в развитии международного сотрудничества.

Столкнувшись с ростом напряженности и неопределенности, сменой международной обстановки в условиях разразившегося в 2008 г. мирового экономического кризиса, правительству Малайзии потребовалось разработать внешнеполитическую стратегию, которая смогла бы обеспечить стабильность в государстве и обществе.

Шестой премьер-министр Малайзии Наджиб Разак, занимавший пост с 2009 по 2018 гг., уделял значительное внимание привлечению внешних инвестиций в экономику страны³⁹⁹. Наблюдалось явное стремление как Малайзии, так и соседних стран активизировать межгосударственное сотрудничество и ослабить внутрирегиональную напряженность⁴⁰⁰.

С одной стороны, подобно Абдулле Бадави, Наджиб Разак продолжил реализацию стратегий и программ Махатхира, и первостепенная цель – продвижение национальных экономических интересов – осталась неизменной. С другой стороны, отличались избранные главой государства принципы и подходы на пути к достижению поставленной цели.

Существенно укрепилось многоплановое партнерство между Малайзией и КНР, в том числе в финансовой, торговой и оборонной сферах. Наджиб Разак с

---

³⁹⁹ East Asia Forum. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/07/28/foreign-policy-concerns-swayed-malaysias-voters> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁰⁰ Johnson J. R. Cooperation and Pragmatism: Malaysian Foreign Policy Under Najib // Asia Pacific Bulletin. № 63 (2010). P. 1.

готовностью поддержал инициативу КНР «Один пояс, один путь» по формированию новой всеобъемлющей стратегии международного развития и принял активное участие в разработке крупных инфраструктурных и промышленных проектов. При этом сохранялась и даже усилилась некоторая напряженность в Южно-Китайском море. Стараясь балансировать между своими стратегическими интересами, Малайзия предпочла проводить сдержанную политику по данному направлению и не допускать эскалации конфликта. В целом администрацией Наджиба был задан явный прокитайский вектор внешнего курса Малайзии⁴⁰¹.

Наряду с развитием восточноазиатского направления, отдельное внимание было уделено расширению малайзийско-американских связей. Хотя в начале 2010-х гг. объемы взаимной торговли испытали снижение, дипломатические отношения пережили подъем, укрепилось сотрудничество в оборонной сфере⁴⁰².

В целом, как можно заметить, на фоне геополитического соперничества и перехода к многополярному миру Малайзия сделала выбор в пользу политики «балансирующей равноудаленности», углубляя связи с «центрами силы», чтобы уравновесить доминирование Запада в глобальной системе.

Между тем работа в рамках АСЕАН осталась краеугольным камнем внешней политики Малайзии. Помимо участия в приоритетных региональных программах, Наджиб Разак попытался снизить градус разногласий в Юго-Восточной Азии через двусторонние и многосторонние каналы. Особый интерес для Малайзии представляло усиление взаимодействия с Индонезией, Сингапуром и Таиландом. Несмотря на некоторые противоречия, наблюдалась устойчивая тенденция к повышению уровня сотрудничества⁴⁰³.

---

⁴⁰¹ *Chow-Bing N.* Malaysia – China Cooperation on the Belt and Road Initiative under the Pakatan Harapan Government: Changes, Continuities, and Prospects // National Institute for Defense Studies ASEAN Workshop 2019 “China's BRI and ASEAN”. NIDS Joint Research Series. No. 17 (2019). P. 24.

⁴⁰² *Noor E., Qistina, T. N.* Great Power Rivalries, Domestic Politics and Malaysian Foreign Policy // *Asian Security*. Vol. 13, No. 3 (2017). Pp. 207–210.

⁴⁰³ *Khalid K. M.* Malaysia's Foreign Policy under Najib: A Comparison with Mahathir // *Asian Survey*. Vol. 51, No. 3 (2011). Pp. 433–446.

Интересно, что, в отличие от своих предшественников, Наджиб будто бы отошел от идеи занять лидирующую позицию в ОИС. С целью обеспечения долгосрочной экономической устойчивости он направил свое внимание на развитие тесного торгового и инвестиционного двустороннего сотрудничества с мусульманскими странами⁴⁰⁴.

Хотя нельзя назвать внешнюю политику Малайзии в период Наджиба Разака пассивной, можно отметить, что сам премьер-министр избрал несколько осторожный подход, не выдвигая серьезных инициатив, но адаптируясь к новым реалиям и существующей геополитической обстановке. В то же время был взят курс на сохранение независимой, сбалансированной и прагматичной внешней политики, направленной на поддержание глобальных партнерских отношений и поиск перспективных областей для дальнейшего сотрудничества.

Девятого мая 2018 г. произошел переломный момент в истории Малайзии: на всеобщих выборах политическая коалиция Альянс Надежды (*Pakatan Harapan*) одержала победу над Национальным фронтом, который удерживал власть в Малайзии на протяжении более сорока лет. Махатхир Мохамад вновь занял пост премьер-министра Малайзии⁴⁰⁵.

Во многом внешнеполитический курс Махатхира оставался прежним, однако в него были привнесены новые элементы. Правительство вновь обратилось к программе «Взгляд на Восток», в которую теперь стал входить и Китай, наблюдался отход от стран Запада, активизировалась деятельность Малайзии в АТР⁴⁰⁶. Несмотря на некоторую критику Наджиба Разака, а именно обвинения в усилении китайского фактора в политике страны, Махатхир не отошел от инициативы «Один пояс, один путь» и поддержал участие Малайзии в осуществляемых проектах.

---

⁴⁰⁴ Ibid. P. 437.

⁴⁰⁵ *Free Malaysia Today*, 10.05.2018. URL: <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2018/05/10/pakatan-wins-the-impossible-dream> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁰⁶ *Noor E.* Foreign and Security Policy in the New Malaysia. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/foreign-security-policy-new-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

Как и прежде, Махатхир придерживался антизападной риторики, которая усилилась в связи с обострением геополитической напряженности вокруг ситуации в Израиле и Иране. Махатхир обвинял США в лицемерии, нарушении основ международного права, подрыве интересов других стран и раскритиковал политику санкций, охарактеризовав ее как «противозаконную», «недемократичную» и буквально «издевательскую»⁴⁰⁷.

В 2019 г. был опубликован программный документ «Концепция внешней политики Новой Малайзии» (*Foreign Policy Framework of the New Malaysia*), осветивший политическую основу «Новой Малайзии» и особенности становления и реализации внешнеполитического курса страны⁴⁰⁸. Было отмечено, что общая стратегия и фундаментальные принципы не претерпят коренных изменений, поскольку национальные интересы остаются неизменными, однако предполагалась смена подходов и акцентов в реализации внешней политики. Приоритетными направлениями были объявлены не только экономическое развитие с упором на экономическую дипломатию и урегулирование проблем безопасности, подрывавших обстановку стабильности и безопасности в регионе, но и защита прав человека, равенства и справедливости, верховенство закона, борьба с дискриминацией⁴⁰⁹. Это принципиально новое направление в малайзийской внешнеполитической стратегии, которое прежде проявлялось, например, в рамках общей структуры защиты мусульманского населения.

Интересно, что правительство не скрывало, что избранный путь во многом направлен на восстановление положительного международного имиджа Малайзии, который сильно пошатнулся из-за крупных коррупционных скандалов, связанных с Наджибом Разаком и его ближайшим окружением.

---

⁴⁰⁷ Ibid.

Tehran Times, 14.12.2019. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/443016/Mahathir-Mohamad-says-U-S-sanctions-on-Iran-violate-international> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁰⁸ *Foreign Policy Framework of the New Malaysia: Change in Continuity*. Putrajaya: Ministry of Foreign Affairs of Malaysia, 2019.

⁴⁰⁹ Ibid. Pp. 19–25.

Вместе с тем была опубликована «Концепция всеобщего процветания – 2030» (*Wawasan Kemakmuran Bersama 2030*)⁴¹⁰. Хотя она в первую очередь является государственным проектом внутриэкономического развития, в ней отдельно упоминаются особенности политики страны по отношению к внешним мигрантам.

Как бы то ни было, пребывание Махатхира Мохамеда в должности премьер-министра в этот раз было довольно кратким, он не успел реализовать все намеченные планы. Политический кризис в Малайзии начался 22 февраля 2020 г., когда несколько партий объединили свои усилия и попытались сформировать новое правительство, претендуя на большинство мест в нижней палате парламента Малайзии, не проходя через выборы. Соответственно, Альянс Надежды потерял большинство в парламенте, а Махатхиру Мохамеда пришлось подать в отставку с поста премьер-министра⁴¹¹.

Затянувшийся кризис завершился лишь 24 ноября 2022 г. По итогам всеобщих выборов победу одержала входящая в состав Альянса Надежды Партия народной справедливости (*Parti Keadilan Rakyat*), во главе которой стоит Анвар Ибрагим, занявший пост десятого премьер-министра страны⁴¹². Общество, утомленное тяготами пандемии *COVID-19* и обстановкой неопределенности и напряженности ввиду кризиса власти, отчаянно нуждалось в сильном лидере, восстановлении мира и стабильности. Символом новой надежды стал Анвар Ибрагим.

Новым правительством был выдвинут девиз «Малайзия Мадани» (*Malaysia Madani*)⁴¹³, согласно которому страна вышла на путь к устойчивому развитию, благополучию и процветанию с фокусом на национальные ценности⁴¹⁴. Хотя

⁴¹⁰ Wawasan Kemakmuran Bersama 2030 [Концепция всеобщего процветания – 2030]. Putra Permai: Attin Press, 2019.

⁴¹¹ *Astro Awani*, 24.02.2020. URL: <http://www.astroawani.com/berita-malaysia/semua-jawatan-menteri-kabinet-timbangan-menteri-dan-setiausaha-politik-dihentikan-231598> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹² *Liputan6*, 25.11.2022. URL: <https://www.liputan6.com/bisnis/read/5134871/anwar-ibrahim-dilantik-jadi-pm-malaysia-hari-ini-intip-hartanya> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹³ Название образовано из слов, отражающих фундаментальные малайзийские ценности: *keMampanan* (устойчивать), *kesejahteraan* (благополучие), *Daya cipta* (инновации), *hormat* (уважение), *keyakinan* (уверенность), *Ihsan* (милосердие).

⁴¹⁴ Malaysia MADANI. URL: <https://malaysiamadani.gov.my/soalan-lazim> (дата обращения: 15.09.2024).

сначала в приоритете внимания Анвара Ибрагима было восстановление политической стабильности, к концу 2023 г. активизировалась и международная деятельность Малайзии. Как можно заметить, сформировались три основных направления государственной внешней политики: развитие региональной интеграции в рамках АСЕАН, укрепление связей с исламским миром и поддержание отношений с крупными державами⁴¹⁵.

Если первоначальной целью Анвара Ибрагима, вероятно, было расширение экономического сотрудничества со странами Ближнего Востока, то в связи с гуманитарным кризисом в Газе акцент внешней политики несколько сместился. Малайзия продемонстрировала поддержку палестинскому населению, решительно осудила действия Израиля и стала первой азиатской страной, принявшей палестинских беженцев⁴¹⁶.

С одной стороны, категоричность суждений Анвара Ибрагима, который еще со студенческих времен был ярким сторонником признания независимой Палестины, могла обострить отношения с США. С другой стороны, тенденция на охлаждение дипломатических отношений между Малайзией и США и снижение двустороннего товарооборота оформилась еще прежде, до очередной эскалации палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. Вероятно, подобная устойчивая динамика говорит о том, что на данном этапе стратегические приоритеты обоих государств лежат в разных плоскостях.

Как и Махатхир, новый премьер-министр не только продолжил политику «Взгляд на Восток», но и подтвердил, что ее цели будут достигаться за счет сближения с КНР⁴¹⁷. За 2023 г., несмотря на сохранявшиеся разногласия по Южно-Китайскому морю, наблюдались значительное потепление и уверенный рост

---

⁴¹⁵ *The Diplomat*, 18.12.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/12/recapping-the-first-year-of-malaysias-foreign-policy-under-anwar-ibrahim> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹⁶ *Malay Mail*, 17.08.2024. URL: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2024/08/17/told-to-be-palestinian-pm-instead-anwar-says-malaysia-brought-injured-gazans-here-for-treatment-out-of-compassion/147321> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹⁷ Pejabat Perdana Menteri Malaysia, 16.12.2023. URL: <https://www.pmo.gov.my/ms/2023/12/dasar-pandang-ke-timur-kini-termasuk-china-pm-anwar> (дата обращения: 15.09.2024).

межгосударственного сотрудничества, что свидетельствует о некоторой смене геополитических ориентиров Малайзии.

Вместе с тем постепенное расширение масштабов дипломатической деятельности и укрепление дипломатических связей внутри Юго-Восточной Азии демонстрируют усиление роли Малайзии в деле поддержания стратегической стабильности и безопасности в регионе, а также утверждение этого направления как одного из приоритетных во внешнеполитическом курсе страны.

Несмотря на определенные успехи АСЕАН, ряд событий последних лет способны омрачить теплые и крепкие межгосударственные связи. На самом деле на практике странам Юго-Восточной Азии не всегда удается строго придерживаться принятой концепции «пути АСЕАН». Ярким примером может служить следующий инцидент. В октябре 2021 г. страны АСЕАН предприняли беспрецедентный шаг, исключив нового премьер-министра Мьянмы Мин Аун Хлайна, пришедшего к власти в результате военного переворота в феврале того же года, из списка участников Шестнадцатого Восточноазиатского саммита. Лидеры ассоциации предложили направить от Мьянмы представителя, не имевшего прямого отношения к политической деятельности. Подобное решение вызвало возмущение правительства Мьянмы, отказавшегося от участия в саммите при сложившихся обстоятельствах⁴¹⁸. В ответ на кризисную ситуацию министр иностранных дел Малайзии Сайфуддин Абдулла заявил о необходимости провести некоторую «переоценку ценностей» в отношении политики невмешательства в рамках деятельности АСЕАН и предложил перейти к политике конструктивного взаимодействия и получившему распространение в последние годы принципу небезразличия⁴¹⁹.

В марте 2023 г. с похожим высказыванием и также в контексте обсуждения военного переворота в Мьянме выступил Анвар Ибрагим. Хотя премьер-министр

---

⁴¹⁸ *Reuters*, 16.10.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/asean-chair-brunei-confirms-junta-leader-not-invited-summit-2021-10-16/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴¹⁹ *The Star*, 21.10.2021. URL: <https://www.thestar.com.my/aseanplus/aseanplus-news/2021/10/21/asean-should-rethink-non-interference-policy-amid-myanmar-crisis-malaysia-fm> (дата обращения: 15.09.2024).

встал на защиту принципа невмешательства АСЕАН, он добавил, что не следует воспринимать данный подход как «лицензию на безразличие» к нарушениям стран-членов ассоциации⁴²⁰.

Впрочем, несмотря на периодические высказывания официальных представителей стран АСЕАН (преимущественно малайзийских политиков) с предложением об отходе от принципа невмешательства, в краткосрочной перспективе серьезных предпосылок для осуществления подобной идеи пока не наблюдается. Вероятно, отсутствие интереса к отмене одного из основополагающих принципов «пути АСЕАН» объясняется ценностью данного подхода для реализации политического курса каждой из стран региона.

Критики «пути АСЕАН» отмечают, что стремление к достижению консенсуса и невмешательство во внутренние дела стран-соседей делает организацию фактически бессильной и не приносит явных результатов⁴²¹. Однако в целом позитивный опыт АСЕАН в решении внутрирегиональных конфликтов говорит об обратном. Вопреки слабости отдельных членов организации удалось достичь устойчивого развития и сохранить политическую стабильность, обеспечив сплоченность Юго-Восточной Азии.

Подводя итоги, следует отметить, что формирование малайской, а затем и малайзийской внешней политики традиционно определяется не лишь набором внешнеполитических факторов, сформированных меняющимся мировым порядком. Внешняя политика Малайзии развивалась в зависимости от национальных интересов и стратегических приоритетов, установленных руководством страны, исходя из социально-экономических и политических показателей, определенных на национальном, региональном и даже общемировых уровнях. Таким образом, с конца 1950-х – начала 1960-х гг. внешнеполитический

---

⁴²⁰ *CNN Philippines*, 02.03.2023. URL: <http://www.cnnphilippines.com/news/2023/3/2/malaysia-asean-non-interference-indifference.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴²¹ *Rabel R., Ireland K.* Regionalism in the Balance: Reflections on ASEAN at Fifty from a Liberal Perspective // *International Relations*. Vol. 54, No. 2 (2018). P. 12.

курс государства претерпел ряд изменений, каждое из которых отражало дух времени.

За последние шесть десятилетий наблюдалась определенная преемственность по общим вопросам, включая расширение внутрорегионального сотрудничества, укрепление роли страны на ключевых международных форумах, попытка сохранить нейтралитет, определенная исламизация политики, наряду с ростом экономического потенциала за счет привлечения внешних инвестиций.

Назначение Анвара Ибрагима на пост премьер-министра страны поставило под сомнение сохранение данной тенденции. Тем не менее, как можно заметить, он продолжает придерживаться политики нейтралитета, выступает за развитие межгосударственного партнерства в рамках АСЕАН и расширение инвестиционной деятельности со странами, занимающими ведущее положение в мировой экономике, главным образом с Китаем.

Хотя контуры внешнеполитических ориентиров «Новой Малайзии» оформились довольно четко, предпринятых шагов пока недостаточно для успешной реализации всех поставленных целей. К концу 2023 г. не было выдвинуто значимых инициатив, что вызвало разочарование у некоторых сторонников нового премьер-министра⁴²². Многие ожидают, что, будучи успешным реформатором, Анвар Ибрагим сможет укрепить позиции Малайзии на региональном и глобальном уровнях посредством выдвижения новых внешнеполитических программ. Однако, как представляется, потребуются сделать шаги в сторону более активного и решительного комплексного подхода.

Подобно Малайзии, к 2004 г. Индонезия также вышла на новый этап своего исторического пути. По итогам первых прямых президентских выборов к власти пришел лидер Демократической партии отставной генерал Сусило Бамбанг Юдойоно. В некоторой мере его внешняя политика напоминала курс правительства предыдущего президента: как и прежде, основное внимание уделялось укреплению связей с АСЕАН и странами Запада. Тем не менее принципиальное отличие от

---

⁴²² *Aliran*, 10.06.2023. URL: <https://aliran.com/newsletters/foreign-policy-under-anwar-b-minus-at-best> (дата обращения: 15.09.2024).

Мегавати Сукарнопутри состояло в активизации внешней политики и значительном усилении исламского фактора, который прежде, как правило, играл второстепенную роль.

Другой характерной чертой президентства Юдойоно стало развитие демократических принципов на всех уровнях власти на фоне усиления процессов глобализации, что нашло отражение и во внешнеполитической стратегии Индонезии. Провозглашенная Юдойоно концепция «миллион друзей, ноль врагов» предполагала расширение дружественных связей, укрепление взаимопонимания с другими странами путем применения механизмов «мягкой силы», а также отражала стремление Индонезии к срединному, нейтральному стратегическому положению между странами Востока и Запада и закреплению ее роли как страны-миротворца. Конечной целью стратегии было усиление имиджа государства на мировой арене и наращивание политической капитализации. Во многом внешнеполитический курс Индонезии и его ориентация на содействие развитию принципов демократии, достижению справедливости на международном уровне были направлены на привлечение зарубежных инвестиций для дальнейшего экономического развития страны⁴²³.

Как и Сухарто, Юдойоно уделял внимание Движению неприсоединения как эффективной платформе для повышения престижа и восстановления авторитета Индонезии среди стран развивающегося мира. В апреле 2005 г. в пятидесятилетнюю годовщину Бандунгской конференции в индонезийской столице прошла Азиатско-африканская конференция, по итогам которой ее участники приняли Декларацию о новом азиатско-африканском стратегическом партнерстве (*Declaration on the New Asian-African Strategic Partnership*). Среди прочего страны подтвердили приверженность общим целям и принципам, заложенным в 1955 г., договорились о содействии устойчивому сотрудничеству, выразили решимость предотвращать и разрешать возникшие конфликтные

---

⁴²³ Utari S. M., Wardhani B. National Identity and Foreign Policy: Indonesia Million Friends Zero Enemy under Yudhoyono Regime. Pp. 582–583. URL: <https://www.scitepress.org/Papers/2018/102806/102806.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

ситуации мирными средствами⁴²⁴. Если в середине XX в. фактор сближения и объединения стран Движения неприсоединения состоял в антиколониальной борьбе, то к началу XXI в. он стал выражаться в борьбе с глобальной несправедливостью и неравенством.

Несмотря на то, что участие в работе Движения неприсоединения оставалось неотъемлемой частью интересов Индонезии, трудно не признать, что все же к началу XX в. организация потеряла былой авторитет и вес на международной арене. Конечно, будучи неформальным лидером объединения, Индонезия не могла (скорее всего и не хотела) отойти от данного направления, однако, вполне вероятно, Юдойоно не возлагал много надежд на Движение и большее внимание уделял другим механизмам для продвижения своей внешнеполитической повестки.

Внутриполитический кризис, наступивший в Индонезии после падения режима Сухарто, отвлек внимание правительства от внешнеполитических задач, в частности, от прежнего активного участия в деятельности АСЕАН. Однако с приходом к власти президента Сусило Бамбанг Юдойоно намеченная тенденция претерпела изменения, а вопросы регионального развития восстановили свое прежнее значение. Впрочем, прежний статус регионального лидера, хотя и несколько спорный, сразу восстановить не удалось.

Отдельное внимание президент уделял повышению уровня участия Индонезии в работе АСЕАН. Стремясь предоставить организации более широкие полномочия, в том числе правовые основания для применения санкций в случае возникновения проблемных ситуаций, Юдойоно выступал за коренной пересмотр учредительных документов. Хотя в эпоху «Нового порядка» Индонезия играла ведущую роль в разработке руководящих принципов функционирования ассоциации, Юдойоно поставил под сомнение некоторые из принятых норм

---

⁴²⁴ Declaration on the New Asian-African Strategic Partnership. URL: <https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6608/Declaration> (дата обращения: 15.09.2024).

(например, принцип невмешательства), поскольку в ряде случаев их применение могло бы помешать реализации прав и свобод человека⁴²⁵.

Либеральный поворот во внешней политике Индонезии встретил некоторое сопротивление внутри АСЕАН. Джакарте было нелегко убедить другие государства Юго-Восточной Азии провести реформирование структурных особенностей организации и подходов к решению тех или иных задач⁴²⁶. И все же некоторые усилия Индонезии нашли отражение в принятой 2003 г. Второй декларации согласия АСЕАН (*Declaration of ASEAN Concord II*)⁴²⁷, в которой были описаны основы формирования так называемых Сообществ АСЕАН⁴²⁸.

Принятый в 2007 г. Устав АСЕАН (*ASEAN Charter*)⁴²⁹, определивший правовой статус организации и модернизировавший ее институциональную структуру, отразил немногие из предложений Джакарты и в целом не полностью устраивал Индонезию. Парламент республики отложил ратификацию документа до октября 2008 г.⁴³⁰

Устав подтвердил устоявшийся принцип невмешательства во внутренние дела других стран региона, но также и обозначил два новых принципа: «коллективная ответственность в укреплении регионального мира, безопасности и процветания» и «проведение расширенных консультаций по вопросам, оказывающим серьезное воздействие на общие интересы стран АСЕАН»⁴³¹. Как можно заметить, принцип невмешательства постепенно отошел на второй план, уступив место механизмам коллективной ответственности и расширенных консультаций.

---

⁴²⁵ *Fionna U., Negara S., Simandjuntak D. Aspirations with Limitations: Indonesia's Foreign Affairs under Susilo Bambang Yudhoyono.* Singapore: ISEAS, 2018. P. 39.

⁴²⁶ *Ibid.* P. 40.

⁴²⁷ 2003 Declaration of ASEAN Concord II. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_2003Declaration.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁴²⁸ Сообщество АСЕАН состоит из трех основных элементов, то есть сообществ со значительным потенциалом и широкими возможностями, позволяющими эффективно реагировать на внешние и внутренние вызовы: Экономическое сообщество (*Economic Community*), Сообщество в сфере политики и безопасности (*Political-Security Community*) и Социокультурное сообщество (*Socio-Cultural Community*).

⁴²⁹ *The ASEAN Charter.* Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008.

⁴³⁰ *Mietzner M. Indonesia in 2008: Democratic Consolidation in Soeharto's Shadow // Southeast Asian Affairs (2009).* P. 120.

⁴³¹ *The ASEAN Charter.* Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008. P. 6.

С целью продемонстрировать свое лидерство Индонезия выступала в качестве посредника в урегулировании ряда региональных конфликтов, например, в территориальном споре между Таиландом и Камбоджей о принадлежности храма Прэахвихеа, расположенного буквально на линии межгосударственной границы, а также в спорах по Южно-Китайскому морю. Другой иллюстрацией укрепления позиций Индонезии может служить тот факт, что в 2007–2008 гг. она была избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Кроме того, в 2006–2007 гг., 2007–2010 гг. и 2011–2014 гг. республика входила в состав Совета по правам человек ООН⁴³².

Как было отмечено выше, особое значение в формировании внешней политики при Юдойоно приобрел исламский фактор. Президент отмечал, что Индонезия должна играть более активную роль в исламском мире и помочь установить крепкое сотрудничество между мусульманскими странами. В то же время он регулярно подчеркивал, что ислам и демократия дополняют друг друга и служат процветанию и благополучию индонезийского населения⁴³³.

Влияние ислама на внешнюю политику Индонезии также проявлялось в ее стремлении к урегулированию ближневосточного конфликта. Юдойоно не раз выдвигал предложения о посредничестве в переговорах, открыто осуждал международные организации за бездействие в отношении затянувшейся ситуации и последовательно выражал твердую поддержку стремлениям палестинского народа к независимости⁴³⁴.

Продвижение политики умеренного ислама являлось одним из стратегических подходов Индонезии к повышению ее авторитета на международной арене. В то же время Индонезия не только, как и Малайзия,

---

⁴³² *Antara News*, 21.05.2011. URL: <https://www.antaranews.com/berita/259546/indonesia-terpilih-kembali-sebagai-anggota-dewan-ham-pbb> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴³³ *Songbatumis A. M.* The Role of Islam in Indonesian Foreign Policy: A Case of Susilo Bambang Yudhoyono // *Polish Political Science Yearbook*. Vol. 50, No. 2 (2021). Pp. 95–96.

⁴³⁴ *Antara News*, 04.08.2014. URL: <https://en.antaranews.com/news/95149/yudhoyono-urges-world-leaders-to-pursue-peace-making-for-palestine> (дата обращения: 15.09.2024). <https://en.antaranews.com/news/95149/yudhoyono-urges-world-leaders-to-pursue-peace-making-for-palestine>. *Global Times*, 02.03.2014. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/845567.shtml> (дата обращения: 15.09.2024).

активизировала свою деятельность в рамках ОИС⁴³⁵, но и призвала страны Движения неприсоединения и ОИС объединить усилия и через каналы многосторонней дипломатии перейти к укреплению сотрудничества для поиска мирного решения спорных вопросов на полях Совета Безопасности ООН⁴³⁶.

В целом растущий международный авторитет Индонезии как крупнейшей мусульманской демократии свидетельствует о довольно успешном подходе к реализации внешнеполитического курса. Достижения администрации Юдойоно в укреплении демократических ценностей и структур, верховенства закона и прав человека способствовали превращению Индонезии в сильное мусульманское государство, где ислам и демократия идут рука об руку.

Несмотря на безусловные успехи, Индонезия столкнулась с рядом трудностей на международной арене. Хотя двусторонние отношения между Индонезией и Малайзией несколько улучшились, ряд эпизодов, главным образом связанных с территориальными спорами⁴³⁷ и положением индонезийских мигрантов в Малайзии⁴³⁸, поставили под угрозу межгосударственные связи и дипломатические усилия по укреплению сотрудничества.

Примечательно, что стиль руководства Сусило Бамбанга Юдойоно и Абдуллы Бадави несколько схож. Для обоих лидеров были характерны размеренный, спокойный и аккуратный подход, стремление к нейтралитету, укрепление исламского фактора и, как порой отмечали СМИ, отсутствие значимых инициатив и решительных шагов во внешней политике.

Впрочем, такую, казалось бы, противоречивую оценку работе Юдойоно отчасти можно объяснить следующим. С одной стороны, президенту удалось добиться заметных успехов во внутренней политике и превратить Индонезию в процветающее демократическое государство. Заслуги Юдойоно трудно

---

⁴³⁵ *Fanani A. F.* SBY and the Place of Islam in Indonesian Foreign Policy. Adelaide: Flinders University, 2012. Pp. 91–94.

⁴³⁶ Sekretariat Kabinet Republik Indonesia, 14.07.2014. URL: <https://setkab.go.id/en/president-sby-and-chairman-of-namiran-president-rouhani-coordinate-efforts-to-rally-support-for-palestine> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴³⁷ *Al Jazeera*, 07.03.2005. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2005/3/7/malaysia-indonesia-to-discuss-dispute> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴³⁸ *OANA News*, 24.02.2014. URL: <https://www.oananeews.org/index.php//node/318721> (дата обращения: 15.09.2024).

недооценить. С другой стороны, индонезийское население нередко критиковало его за нерешительность по ряду ключевых вопросов, требовавших пристального внимания и даже реформирования и, что немаловажно, за концентрирование на вопросах внешней политики и повышения международного авторитета страны в ущерб некоторым внутренним проблемам (например, коррупции)⁴³⁹.

Таким образом, во внешнеполитическом курсе Индонезии периода 2004–2014 гг. можно обнаружить традиционные черты национальной стратегии, ориентированной на независимость, активность и нейтралитет. Приоритетной целью Юдойоно стало восстановление полученной за период «Нового порядка» неоднозначной репутации и потускневшего имиджа страны в глазах международного сообщества. Ему удалось добиться поистине впечатляющих результатов, завоевать для Индонезии статус влиятельного мирового игрока и повысить ее дипломатическую роль в решении многосторонних вопросов. На следующего, седьмого, президента страны была возложена большая ответственность по сбережению и приумножению достижений предшественника.

В 2014 г., по истечению двух последовательных пятилетних сроков, Сусило Бамбанг Юдойоно передал полномочия новоизбранному президенту, представителю Демократической партии Индонезии (борющейся) Джоко Видодо (Джокови)⁴⁴⁰.

Внешняя политика Джокови была основана на пяти основных принципах: поддержание мира и безопасности, успешная экономическая дипломатия, защита индонезийских граждан и юридических лиц за рубежом, реализация сотрудничества в рамках АСЕАН и использование механизмов морской дипломатии⁴⁴¹.

По мнению ряда исследователей, в том числе индонезийского политолога Асера Сетиавана, в отличие от Сусило Бамбанга Юдойоно, курс Джокови был

---

⁴³⁹ *Aspinall E., Mietzner M., Tomsa D. The Yudhoyono Presidency: Indonesia's Decade of Stability and Stagnation. Singapore: ISEAS, 2015. Pp. 87–88.*

⁴⁴⁰ *BBC, 22.07.2014. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-28415536> (дата обращения: 15.09.2024).*

⁴⁴¹ *Politik Luar Negeri Joko Widodo Periode 2014-2019. P. 1. URL: <https://eprints2.undip.ac.id/id/eprint/8443/3/BAB%202.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).*

ориентирован преимущественно на решение задач внутреннего развития через привлечение внешних инвестиций и расширение торгового сотрудничества. Как нетрудно заметить, приверженность подобным механизмам индонезийские лидеры демонстрировали и прежде. В приоритет поставлены получение реальной экономической пользы и выгоды, максимизация прибыли, а не главным образом активное участие в международных процессах для упрочнения позиций страны на мировой политической арене (по крайней мере нельзя назвать это первоочередной задачей). Вместе с тем внешняя политика Джокови была по-прежнему направлена на удержание положения Индонезии как «средней державы»⁴⁴².

В последние годы в центре внимания индонезийских властей находятся задачи по развитию многостороннего сотрудничества в рамках крайне привлекательного с геополитической точки зрения АТР и формированию стратегий по поддержанию в нем обстановки мира, стабильности и безопасности.

Одна из ключевых внешнеполитических целей Джокови заключалась в превращении страны в «морскую ось мира», то есть в стратегический транспортно-логистический хаб глобального значения, расположенный на границе Тихого и Индийского океанов, сильную и влиятельную морскую державу⁴⁴³. В целях реализации проекта правительство приняло решение об инвестировании в создание объектов морской инфраструктуры, развитие рыбохозяйственного комплекса, модернизацию портов и торгового флота, а также в укрепление морской оборонной мощи для обеспечения безопасности мореплавания в акватории⁴⁴⁴. Разработка и утверждение данной доктрины стали переломным моментом в дипломатической истории Индонезии, поскольку прежде программы национального роста в сфере транспортной инфраструктуры были ориентированы в основном на сушу, а морские ресурсы отходили на второй план.

---

⁴⁴² *Setiawan A., Pallaguna A., Montratama I.* Concentric Circle Strategy in Indonesian Foreign Policy // *Southeast Asian Studies*. No. 4 (2020). P. 8.

⁴⁴³ Indonesia Has Enormous Potential to Become Global Maritime Axis, President Jokowi Says. URL: <https://setkab.go.id/en/indonesia-has-enormous-potential-to-become-global-maritime-axis-president-jokowi-says> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁴⁴ *Connelly A. L.* Sovereignty and the Sea: President Joko Widodo's Foreign Policy Challenges // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 37, No. 1 (2015). Pp. 7–8.

Ряд государств, в том числе Индия и Республика Корея, выразили интерес к присоединению к международному партнерству в рамках выдвинутой программы и укреплению взаимодействия с Индонезией в сфере морской деятельности. Как инициатор проекта «Морской шелковый путь XXI века», который, по предварительным оценкам, должен стать главной транспортной артерией, соединяющей Восток и Запад, КНР был привлечен отрывающимися инвестиционными и торговыми возможностями и принял наиболее активное участие в осуществлении сотрудничества с Индонезией в морском секторе⁴⁴⁵.

Несмотря на критику, во многом связанную с медленными темпами осуществления проектов, Джокови удалось достичь обнадеживающего прогресса. Ожидается, что и при следующем президенте страны концепция «морской оси» сохранит свое прежнее значение, а формирование региональных и трансрегиональных механизмов по ее реализации будет сопровождаться более высокими темпами⁴⁴⁶.

Вскоре после повторного избрания Джокови президентом в 2019 г. была выдвинута концепция «Видение Индонезии – 2045» (*Visi Indonesia 2045*). Она была разработана в преддверии столетия независимости страны и отражает стремление правительства ускорить достижение стратегических целей, превратить Индонезию в «процветающее, развитое и социальное» государство. Согласно национальной концепции, Индонезия продолжает «проводить активную внешнюю политику, направленную на достижение национальных интересов и построение справедливого мирового порядка в соответствии с возрастающей ролью Индонезии в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Вместе с тем подчеркивается, что одним из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии страны остаются реализация проекта «Индонезия – морская ось мира» и сохранение центральной роли АСЕАН на политической карте региона⁴⁴⁷.

---

⁴⁴⁵ Ефимова Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО-Университета. Том 6, № 45 (2015). С. 199–200.

⁴⁴⁶ *Antara News*, 02.08.2024. URL: <https://en.antaranews.com/news/320907/minister-upbeat-about-sea-toll-program-continuing-in-new-government> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁴⁷ *Visi Indonesia 2045* [Видение Индонезии – 2045]. Jakarta: Kementerian PPN, 2019. Hlm. 25.

Соответственно, отмечается приоритет внутренних задач развития государства при определении национальных интересов и выработке внешнеполитического курса. Хотя данный подход применялся индонезийскими лидерами и прежде, Джокови были определены его новые формы и переосмыслено содержание. Кроме того, наблюдается еще больший поворот в сторону Восточной Азии, который проявляется в активном развитии связей с КНР и ее превращении в основного торгового партнера Индонезии⁴⁴⁸.

Результатом активизации деятельности Индонезии стали последовательный рост ее влияния и укрепление международного авторитета. Подтверждением может служить тот факт, что в ноябре 2022 г. Индонезия приняла на о. Бали участников саммита «Большой двадцатки» (*Group of 20, G20*). Следует отметить, что Индонезия вновь продемонстрировала преданность свободной и активной внешней политике: Джокови отказался исключить Россию от участия в саммите, несмотря на давление стран Запада⁴⁴⁹.

Кроме того, в 2023 г. Республике Индонезия перешло председательство в АСЕАН. В долгосрочной перспективе целью индонезийской программы стало превращение Юго-Восточной Азии в исключительно мирный регион, опору мировой стабильности и демократии. Как утверждается, для реализации поставленных задач АСЕАН необходимо проводить независимую политику в соответствии с принципами международного права и принять все необходимые меры для дальнейшего укрепления своего положения на мировой арене⁴⁵⁰.

В сентябре 2023 г. в Джакарте состоялся Сорок третий саммит стран АСЕАН. С целью «усиления позиций Юго-Восточной Азии как эпицентра экономического роста и расширения региональных связей на пути к устойчивому будущему» на полях саммита была принята Четвертая декларация согласия АСЕАН (*Declaration*

---

⁴⁴⁸ The Observatory of Economic Complexity. Indonesia. URL: <https://oec.world/en/profile/country/idn> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁴⁹ Reuters, 14.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/host-indonesia-g20-summit-dogged-by-russia-ukraine-rancour-2022-11-14> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁵⁰ Indonesia's Chairmanship of ASEAN 2023. URL: <https://www.kemlu.go.id/buenosaires/en/news/23982/indonesias-chairmanship-of-asean-2023> (дата обращения: 15.09.2024).

of *ASEAN Concord IV*)⁴⁵¹. Документ должен стать основой для разработки программы «Видение АСЕАН – 2045» (*ASEAN Vision 2045*), в которой будут освещены принципы функционирования и развития организации на период с 2025 по 2045 гг. с учетом не только новых вызовов, стоящих перед странами АСЕАН, но и меняющихся ожиданий и потребностей населения Юго-Восточной Азии⁴⁵². Современная геополитическая и геоэкономическая динамика, которая проявляется в стремительном научно-техническом прогрессе, проблемах обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, конкуренции за ресурсы, нестабильном и постоянно меняющемся финансовом ландшафте, изменении климата – все эти глобальные тенденции должны быть учтены при разработке и реализации проекта.

Как отметил президент Джоко Видодо в своей заключительной речи, несмотря на определенные сложности и препятствия, в качестве председателя АСЕАН Индонезии удалось добиться заметных успехов в стремлении к миру, стабильности и региональному процветанию⁴⁵³. Действительно, амбициозный девиз индонезийского председательства «АСЕАН имеет значение: эпицентр роста» во многом был оправдан. Хотя немало проблем в социально-экономической и гуманитарной сферах остались не решены, за 2023 г. был продемонстрирован заметный прогресс и подтверждена приверженность стран АСЕАН к общим ценностям и видению своего совместного будущего, что подтвердило ее центральную роль в жизни региона⁴⁵⁴. Передавая эстафету председательства в АСЕАН Лаосу, Джокови выразил уверенность, что за 2024 г. ассоциация выйдет на

---

⁴⁵¹ Jakarta Declaration on ASEAN Matters: Epicentrum of Growth (ASEAN Concord IV). URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/DECLARATION-OF-ASEAN-CONCORD-IV.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁵² *Bangkok Post*, 15.08.2023. URL: <https://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/2629593> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴⁵³ *Detik Finance*, 07.09.2023. URL: <https://finance.detik.com/berita-ekonomi-bisnis/d-6919272/tutup-ktt-asean-jokowi-alhamdulillah-konsensus-tercapai> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁵⁴ The ASEAN Secretariat, 18.12.2023. URL: <https://theaseanmagazine.asean.org/article/ascc-outcomes-under-indonesias-2023-asean-chairmanship> (дата обращения: 15.09.2024).

новый уровень международного сотрудничества и приблизится к построению устойчивого и динамично развивающегося региона⁴⁵⁵.

Таким образом, за период президентства Джокови Индонезия как активный и даже системообразующий член АСЕАН подтвердила свое ведущее место в укреплении процессов региональной интеграции и стремление к выработке новых стратегических подходов по общерегиональным вопросам перед лицом глобальных вызовов. Вместе с тем вновь проявились амбиции Индонезии по выходу на лидирующие позиции за пределы Юго-Восточной Азии. Подобная цель в той или иной мере определялась всеми индонезийскими президентами, но содержала различные элементы и достигалась за счет разноплановых механизмов. Для Джокови таким механизмом стала концепция «морской оси». Как представляется, в обозримом будущем тенденция к повышению авторитета Индонезии на международной арене сохранится и, возможно, несколько усилится.

По мнению экспертов, по всей видимости, при следующем президенте страны Прабово Субианто будет сделан выбор в пользу преемственности, а не резких перемен, поэтому общая концепция внешней политики Индонезии по большей части останется прежней. Впрочем, учитывая военное прошлое Прабово и его политические предпочтения, ожидается сдвиг в сторону активизации дипломатических усилий и развития партнерств в области оборонно-промышленного комплекса⁴⁵⁶.

Составить представление о возможном характере внешнеполитической стратегии восьмого президента Индонезии позволяет его специальное выступление на Двадцать первом саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла», который состоялся 31 мая – 2 июня 2024 г. в Сингапуре. В своей речи Прабово Субианто отметил, что рост геополитической напряженности, которая нередко переходит в затяжные конфликты и, как следствие, к «вопиющим нарушениям международного

---

⁴⁵⁵ Sekretariat Kabinet Republik Indonesia, 15.09.2023. URL: [https://setkab.go.id/asean-concord-iv-legacy-indonesia-pada-keketuaan-asean-2023](https://setkab.go.id/asean-concord-iv-legacy-indonesia-pada-keketuaaan-asean-2023) (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁵⁶ *The Strategist*, 16.09.2024. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/how-prabowo-will-likely-manage-indonesias-defence-and-foreign-policy> (дата обращения: 15.09.2024).

права» вызывает серьезное беспокойство Индонезии, особенно в свете событий, происходящих в Палестине и Украине. Прабово призвал стороны к незамедлительному прекращению огня и подчеркнул, что для разрешения столь острых и сложных проблем, обеспечения международного мира, безопасности и стабильности сторонам требуется выйти на путь углубления всеобъемлющего диалога и поиска компромисса, а Индонезия готова оказать всяческую поддержку и содействие в данном процессе⁴⁵⁷.

Вполне вероятно, при Прабово не только будет обеспечена преемственность независимой и активной индонезийской внешней политики, но и раскроются ее новые грани, а двустороннее и многостороннее межгосударственное сотрудничество обретет новый импульс.

Саммит подтвердил приверженность Индонезии и Малайзии к обеспечению международной солидарности, взаимного уважения национальных интересов и развитию дипломатического диалога как, по их мнению, наиболее эффективного инструмента мирного урегулирования современных международных споров, в том числе палестинской проблемы⁴⁵⁸. Страны выступили единым фронтом, что может говорить об общности их стратегических целей и заинтересованности к расширению сотрудничества в области безопасности.

Подводя итоги данной главы, следует отметить, что для внешнеполитических стратегий Индонезии и Малайзии характерны следующие общие черты: многовекторность, активность, нейтралитет, невмешательство, последовательность, стремление к региональной интеграции и закреплению международного авторитета, сильная роль лидера. Они не определяются лишь набором внешнеполитических факторов, сформированных меняющимся мировым порядком, а также развиваются в зависимости от национальных интересов и стратегических приоритетов, установленных высшим руководством, исходя из

---

⁴⁵⁷ The International Institute for Strategic Studies. Special Address, 01.06.2024. URL: <https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2024/plenary-sessions/special-address> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁵⁸ Center for Strategic & International Studies, 01.06.2024. URL: <https://www.csis.org/blogs/latest-southeast-asia/latest-southeast-asia-asean-21st-shangri-la-dialogue> (дата обращения: 15.09.2024).

социально-экономических и политических показателей, определенных на национальном, региональном и даже общемировых уровнях.

Несмотря на то, что обе страны прошли разный путь к обретению независимости, склонялись к разным политическим полюсам и изначально занимали различное положение на международной арене, постепенно они пришли к близким по содержанию внешнеполитическому курсу, целям и задачам, подходам и приоритетам. Подобный результат не вызывает удивление, поскольку молодые государства не только разделяли идеологические установки и столкнулись со схожими внутренними трудностями, но и испытали сильнейшее воздействие стремительно меняющейся геополитической реальности, региональных интеграционных процессов и институционального строительства. Наглядной иллюстрацией является общий подход к решению острого вопроса обеспечения безопасности в Юго-Восточной Азии, а также к сотрудничеству с мировыми державами. И Индонезии, и Малайзии удалось умело балансировать между сохранением нейтралитета, продвижением национальных интересов и поддержанием своего международного влияния.

Хотя в первые годы после провозглашения странами независимости динамика их отношений отличалась некоторой турбулентностью, впоследствии упомянутые выше факторы послужили основой для укрепления межгосударственного сотрудничества. С завершением индонезийско-малайзийской конфронтации и формированием АСЕАН был взят курс на последовательное сближение, и, несмотря на периодически возникающие сложности, заложенная тенденция к укреплению добрососедских отношений демонстрирует высокую устойчивость.

Исключительную значимость сохраняет фактор нейтралитета во внешней политике обеих стран, что не могло не оказать положительное влияние и на двусторонние связи. Независимость индонезийской и малайзийской политики во многом продиктована национальными интересами, что позволяет правительству расширять сотрудничество с различными государствами вне зависимости от их идеологической доктрины. Тем не менее формат и особенности реализации

внешней политики менялись с течением времени в зависимости не только от внутривластных и внешнеполитических факторов, но и от личных убеждений государственных лидеров. Хотя нельзя утверждать, что на протяжении последних десятилетий внешнеполитический курс обеих стран неизменно был совершенно нейтральным, особенно в первые годы их суверенного пути, они остаются не связанными обязательствами с мировыми державами в рамках военно-политических пактов.

Традиционно Индонезия и Малайзия стремились к укреплению своего авторитета на международной, в том числе региональной, политической арене, что могло послужить причиной для появления разногласий. Однако перехода к открытому и полномасштабному соперничеству за лидерство удалось избежать: если целью Малайзии можно назвать по большей части закрепление господствующего влияния в мусульманском мире, то внимание Индонезии преимущественно обращено в сторону Глобального Юга. Впрочем, к концу 2023 г. данная цель, как видится, потеряла прежнюю актуальность и проявляется скорее опосредованно, как составная часть программ, направленных на эффективную реализацию национального потенциала и построение многополярного мира.

Одним из приоритетных компонентов внешнеполитических курсов Индонезии и Малайзии остается развитие регионального сотрудничества и углубление интеграции в рамках АСЕАН. Данный аспект является принципиально важным для успешного и всестороннего взаимодействия стран Юго-Восточной Азии на современном этапе и для развития межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии, в частности.

Проходившая на протяжении второй половины XX в. красной нитью в истории Юго-Восточной Азии проблема построения регионального комплекса безопасности сохраняется и в XXI в. Индонезия и Малайзия принимают непосредственное участие в данном процессе и, что немаловажно, нередко, в противовес некоторым другим странам региона, придерживаются схожих взглядов по тому или иному вопросу и выступают единым фронтом перед лицом глобальных угроз. Как активные члены АСЕАН Малайзия и Индонезия по-прежнему намерены

наращивать сотрудничество и прилагать совместные усилия в целях развития стратегического партнерства как в двустороннем, так и многостороннем формате.

В этой связи следует отметить, что Индонезия заняла прочные позиции как претендент на неформальное лидерство в АСЕАН, что подтверждается в том числе и внешними атрибутами. Хотя время от времени ее завоеванное влияние ослабевало, в целом оно оставалось достаточно сильным, а к 2010-х гг. подтвердилась утраченная ранее тенденция к росту международного авторитета Индонезии. В то же время Малайзия продемонстрировала твердую политическую волю, не раз выдвигала новые инициативы и программы для решения общих региональных проблем, ее слово, безусловно, имеет вес в АСЕАН.

С начала XXI в. на передний план стали выходить такие острые, осложняющие двусторонние отношения проблемы безопасности, как территориальный вопрос, индонезийская трудовая миграция в Малайзию, а также нарастающая террористическая угроза. Их истории, особенностям и специфике развития будут посвящены следующие главы представленной работы.

ГЛАВА IV. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИНДОНЕЗИЙСКО-МАЛАЙЗИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

4.1. История и специфика формирования пограничных споров между Индонезией и Малайзией⁴⁵⁹

Одним из наиболее острых вопросов, серьезно осложнивших отношения двух государств, является проблема делимитации границ, зародившаяся в колониальном прошлом региона. Основа для нынешней индонезийско-малайзийской границы была заложена еще в колониальный период. Ее сухопутный отрезок проходит по северной части острова Калимантан, также известному как остров Борнео. Морская граница между странами начинается в Малаккском проливе и продолжается в Южно-Китайском море и море Сулавеси.

Примечательно, что, хотя Индонезии и Малайзии удалось достичь согласия относительно части спорных вопросов, линия межгосударственной границы окончательно не определена по сей день. Серьезным препятствием на пути к разрешению противоречий являются различия в интерпретации обеими сторонами некоторых положений заключенных между Великобританией и Нидерландами соглашений. Необходимо отметить, что камнем преткновения остаются вопросы, затрагивающие уточнение линии морской границы как в Малаккском и Сингапурском проливах, так и в Южно-Китайском море и море Сулавеси, а также делимитации ряда районов, расположенных на острове Калимантан и прилегающем к нему острове Себатик. Длительная отсрочка обстоятельных и углубленных переговоров уже привела к серии конфликтных ситуаций и оказала негативное воздействие на развитие индонезийско-малайзийских отношений.

До недавних пор наиболее серьезные разногласия касались принадлежности расположенных в море Сулавеси близ северо-восточного побережья Калимантана островов Сипадан и Лигитан. Острова находятся около юго-восточного побережья острова Калимантан. Сипадан – густо поросший лесом коралловый остров

---

⁴⁵⁹ Раздел основан на материалах авторской статьи – Календарь О. К. *Исторические предпосылки формирования территориальной проблемы в индонезийско-малайзийских отношениях* // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. Том 67, № 1 (2023). – С. 72–81.

вулканического происхождения площадью около 0,13 квадратных километров, он располагается на расстоянии примерно 15 морских миль от Калимантана. В 15,5 морских миль к востоку от него лежит Лигитан, песчаный остров площадью 0,079 квадратных километров, не имеющий постоянно проживающего населения. Как и Лигитан, Сипадан не был заселен на постоянной основе, однако в 1980-х гг. ситуация изменилась, поскольку он был превращен в туристический курорт.

Спор о статусе Сипадана и Лигитана осложнил отношения двух стран на долгие годы. Хотя он был разрешен в 2002 г., о чем будет подробно рассказано в следующем разделе данной работы, его отголоски слышны и по сей день. Истоки и особенности конфликта связаны с другими территориальными спорами между Индонезией и Малайзией как напрямую, так и косвенно. В связи с этим в представленном разделе первоочередное внимание будет уделено историческим предпосылкам возникновения столь сложного и серьезного вопроса.

Поскольку Индонезия и Малайзия основывали свои притязания главным образом на договоренностях, достигнутых между Нидерландами и Великобританией в колониальную эпоху, представляется необходимым рассмотреть основные соглашения и сопутствующие документы данного периода, в которых в той или иной степени затрагивается вопрос о статусе территорий, позднее обозначенных как спорные.

На протяжении веков Малаккский пролив был и остается одним из основных водных путей, облегчавших торговлю между Востоком и Западом и обеспечивавших основы социально-экономического и политического взаимодействия полуострова Малакка с островами Малайского архипелага. В первой четверти XIX в. Малаккский пролив фактически превратился в границу между сферами влияния господствующих в Нусантаре колониальных держав, Великобритании и Нидерландов. Территории к северу и северо-востоку от пролива попали под власть британцев, а земли к югу и юго-востоку находились под контролем голландцев.

С целью предотвращения напряженности, которая могла бы повлечь за собой возникновение открытого вооруженного конфликта, Великобритания и

Нидерланды приняли решение о разделе Малайского архипелага и полуострова Малакка на сферы влияния посредством заключения Лондонского договора (*The Treaty of London*) в 1824 г.⁴⁶⁰ Данное соглашение определило основные принципы политико-правового и торгово-экономического сотрудничества двух держав в регионе. Согласно Лондонскому договору, стороны обязались не препятствовать укреплению политического и экономического влияния друг друга на подвластной каждой из них территории, а также предоставить возможность для осуществления торговой деятельности на основании принципа наибольшего благоприятствования. Важнейшим итогом подписания Лондонского договора стало окончательное установление власти Великобритании и Нидерландов в Западной Нусантаре и снижение вероятности для проникновения в регион других европейских держав.

Соответственно, заключение соглашения имело определяющее значение для последующего исторического развития Нусантары. С одной стороны, Малаккский пролив разделил ее на независимо развивавшихся друг от друга Британскую Малаю и Нидерландскую Ост-Индию и закрепил основы для формирования будущей индонезийско-малайзийской границы. С другой стороны, соглашение выступило в качестве некой объединяющей силы: была урегулирована часть противоречий, обозначены пути для дальнейшего сотрудничества, а также фактически установлен совместный контроль над Проливом. Впоследствии договоренности о разделе сфер влияния были повторно утверждены Суматранским договором 1871 г., в котором Великобритания подтвердила, что не имеет возражений против распространения влияния Нидерландов на о. Суматра⁴⁶¹.

В 1840-х гг. сохранение дружественных и партнерских отношений между Нидерландами и Великобританией в регионе вновь оказалось под угрозой. В 1842 г. султан Брунея передал британцу Джеймсу Бруку небольшую область на реке Саравак на северо-западе острова Калимантан в качестве награды за военную

---

⁴⁶⁰ The Treaty of London, 1824 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). *Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo*. London: Jas. Truscott & Son Ltd., 1924. Pp. 8–11.

⁴⁶¹ Traktat Sumatera, Salah Satu Penyebab Terjadinya Perang Aceh. URL: <https://www.merdeka.com/pendidikan/traktat-sumatera-salah-satu-penyebab-terjadinya-perang-aceh.html> (дата обращения: 15.09.2024).

и дипломатическую помощь при подавлении восстания даякских племен⁴⁶². Джеймс Брук основал династию Белых раджей, правившую королевством Саравак, территория которого была впоследствии значительно расширена, вплоть до середины XX в.

Необходимо отметить, что, согласно статье 12 Лондонского договора 1824 г., Великобритания не могла проводить политику экспансии на «острова к югу от Сингапура». Однако, по мнению британцев, упомянутое положение никоим образом не могло быть истолковано как препятствующее образованию британских поселений на Калимантане, несмотря на попытки Нидерландов оспорить позицию Великобритании по данному вопросу⁴⁶³.

Несмотря на то, что до 1840-х гг. интерес к Калимантану со стороны Нидерландов был незначительным и распространялся в основном на его южные области, голландцы выступили против расширения британского влияния на севере Калимантана и предприняли ряд шагов, направленных на укрепление своего присутствия. В частности, Нидерланды уделяли особое внимание развитию связей с местными правителями и созданию системы административного управления в подконтрольных областях. Например, в 1849 г. управляемая голландцами территория была разделена на две административные единицы – Южный и Восточный Борнео (*Zuider-en Oosterafdeeling van Borneo*) и Западный Борнео (*Westerafdeeling van Borneo*).

К в той или иной степени зависимым от них территориям относились, в числе прочих, расположенный на севере-востоке остров Тидунг и лежащий к югу от него султанат Булунган. В марте 1850 г. голландцами было установлено, что северная граница подконтрольных им земель простиралась до точки с координатами 4° 20' с. ш.⁴⁶⁴ Тем не менее принятый подход к делимитации и ее результаты встретили сопротивление со стороны Великобритании, и

---

⁴⁶² Leigh R. W. Raja James Brooke and Sarawak: An Anomaly in the 19th Century British Colonial Scene // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 12 (1972). Pp. 31–32.

⁴⁶³ Graham I. Nineteenth-Century Borneo: A Study in Diplomatic Rivalry. Leiden: Brill, 1955. Pp. 105–108.

⁴⁶⁴ Haller-Trost R. The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // Boundary & Territory Briefings. Vol. 2, No. 2 (1995). P. 7.

колониальным державам удалось прийти к согласию лишь нескольких десятилетий спустя.

В 1889 г. была создана совместная Комиссия по разграничению сфер влияния Великобритании и Нидерландов на Калимантане. В ходе переговоров по разделу территорий Комиссией были рассмотрены различные варианты проведения границы между реками Атас и Сугут на участке шириной более 340 километров⁴⁶⁵. Более того, из-за отсутствия фиксированных границ между местными государственными образованиями, с которыми взаимодействовали голландцы и британцы, возникла некоторая путаница, которая позднее привела к неточной демаркации. Например, территория подконтрольного голландцам султаната Булунган простиралась на северо-восток до местечка Бату-Тинагат, и, таким образом, частично совпадала с территорией Сабаха, находившегося под контролем британцев.

Во избежание дальнейших разногласий по итогу работы Комиссии по разграничению территорий было принято решение, что разделительная линия должна проходить от лежащего к востоку от Калимантана острова Себатик⁴⁶⁶. Данная договоренность была зафиксирована в подписанной 20 июня 1891 г. в Лондоне Конвенции между Великобританией и Нидерландами об определении границ на Борнео (*Convention between Great Britain and the Netherlands Defining Boundaries in Borneo*)⁴⁶⁷.

В соответствии с Конвенцией граница между владениями Нидерландов и Великобритании на Калимантане начиналась в точке с координатами 4° 10' с. ш. на восточном побережье острова и продолжалась до местечка Танджунг-Дату на западе⁴⁶⁸. Кроме того, прямая линия границы из этой же точки проходила на восток,

---

⁴⁶⁵ Singh D. S. R. The Indonesia – Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands. Singapore: ISEAS, 2020. Pp. 8–17.

⁴⁶⁶ International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment of 17 December 2002. Herndon: United Nations Publications, 2004. Pp. 654–655.

⁴⁶⁷ Convention between Great Britain and the Netherlands Defining Boundaries in Borneo, 1891 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo. London: Jas. Truscott & Son Ltd., 1924. Pp. 215–216.

⁴⁶⁸ Статьи № 1–3 Конвенции 1891 г.

разделяя остров Себатик на северную, британскую, и южную, нидерландскую, части⁴⁶⁹. Из-за определенных трудностей в интерпретации данных положений впоследствии возник спор о делимитации индонезийско-малайзийской морской границы в море Сулавеси.

По мнению индонезийской стороны, нет никаких оснований полагать, что, согласно Конвенции, линия границы должна остановиться на восточном побережье острова Себатик и не может идти дальше на восток⁴⁷⁰. Действительно, в тексте соглашения упоминание островов, лежащих к востоку от Себатика, не встречается, не уточняется и конечная восточная точка границы. Возможно, линия могла быть продолжена настолько далеко, насколько это было необходимо для достижения целей Конвенции. Тем не менее некоторые исследователи, например, британский специалист по истории Юго-Восточной Азии Рената Халлер-Трост, отмечают, что, если бы Великобритания и Нидерланды полагали, что граница должна проходить за пределами острова Себатик, данный вопрос был бы обговорен более четко или уточнен в более поздних документах⁴⁷¹. Поскольку конечная восточная точка не была обозначена, а острова Сипадан и Лигитан располагаются южнее указанной параллели, между Индонезией и Малайзией возникли разногласия относительно их принадлежности.

Вместе с тем наблюдаются расхождения в пунктуации составленных на английском и нидерландском языках текстов договоров. Несоответствие можно обнаружить в статье № 4, в которой говорится следующее: «Из точки с координатами 4° 10' с. ш. на восточном побережье [острова Калимантан] через остров Себатик тянется прямая линия границы: часть острова, расположенная к северу от этой параллели, полностью принадлежит Компании Британского Северного Борнео, часть, лежащая к югу от этой параллели – Нидерландам». В английской версии документа между двумя частями бессоюзного сложного

---

⁴⁶⁹ Статья № 4 Конвенции 1891 г.

⁴⁷⁰ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Memorial Submitted by the Government of the Republic of Indonesia. Vol. 1. Pp. 80, 109, 114. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/102/8558.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁷¹ *Haller-Trost R.* The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // *Boundary & Territory Briefings*. Vol. 2, No. 2 (1995). P. 10.

предложения стоит двоеточие. Таким образом, предположительно, в данном случае вторая часть поясняет, дополняет содержание первой части, но не искажает основную мысль предложения: линия границы проходит по острову Себатик и тянется дальше на восток.

В документе на нидерландском языке вместо двоеточия стоит иной знак препинания – точка с запятой. Можно допустить, что точкой с запятой разделены две равнозначные части сложного предложения, тесно связанные между собой по смыслу и грамматически. Следовательно, указанное положение может относиться исключительно к острову Себатик, и линия границы продолжается лишь до его восточного побережья.

Наряду с этим расхождения присутствуют и в переводе используемого в одном из случаев предлога. В английской версии Конвенции отмечается, что граница проходит «через остров Себатик» («*across the Island of Sebittik*»), в нидерландской – «по острову Себатик» («*over het eiland Sebittik*»). Смысл словосочетания и, соответственно, всего предложения зависит от конкретной трактовки: установленная договором граница может как проходить только по острову, так выходить за его пределы.

Важно отметить, что на географических картах рассматриваемого периода Сипадан и Лигитан изображены не были. Кроме того, в ходе переговоров стороны использовали различные эскизы карт для иллюстрации своих предложений. На некоторых из них изображены линии, нарисованные карандашом вдоль определенных параллелей и продолжающиеся до края карты. Поскольку отчеты, прилагавшиеся к эскизам, не содержат никаких дополнительных объяснений или изображений спорных островов, маловероятно, что длина проведенных линий имела решающее значение.

В период с 8 июня 1912 г. по 30 январь 1913 г. были предприняты попытки детального исследования приграничных районов на Калимантане и Сипадане для размещения специальных знаков там, где не было предусмотрено естественных

преград⁴⁷². Как следствие, линия границы между владениями Великобритании и Нидерландов была уточнена в соглашениях от 1915 г.⁴⁷³ и 1928 г.⁴⁷⁴ Впрочем, в данных договорах острова к востоку от Себатика также не упоминаются.

По мнению ряда исследователей, весьма сомнительно, что существуют какие-либо дополнительные или более ранние соглашения между Нидерландами и местными правителями, согласно которым Сипадан и Лигитан, вне всяких сомнений, относятся к Нидерландам, и которые явно бы противоречили положениям Конвенции 1891 г. По всей вероятности, к 1882 г. Великобритания располагала копиями всех соответствующих договоров, и ни в одном из них Сипадан и Лигитан не были указаны⁴⁷⁵.

Необходимо отметить, что еще в ноябре 1850 г. между Нидерландами и султанатом Булунган было заключено соглашение, по которому султанат признавал свою зависимость от колониальной державы. В статье № 2 были перечислены острова, которые считались частью Булунгана, и, следовательно, находились под юрисдикцией Нидерландов: Таракан, Нунокан и Себатик⁴⁷⁶. К территориям Булунгана также относились не названные в договоре многочисленные небольшие острова, лежавшие между Себатиком и расположенным к югу от него Тараканом: Тина-Басан, Синелек, Букат, Ахус, Мандул, Бару, Тибби и Бангкудулис. В их число Сипадан и Лигитан, безусловно, не входили, поскольку находились на расстоянии 40 морских миль и 55 морских миль, соответственно, от восточного побережья острова Себатик. Кроме того, как было отмечено выше, согласно заключенному соглашению, крайней восточной точкой

---

⁴⁷² 1915 Agreement Between Great Britain and the Netherlands // *Singh D. S. R.* The Indonesia – Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands. Singapore: ISEAS, 2020. P. 201.

⁴⁷³ *Ibid.* Pp. 200–205.

⁴⁷⁴ Convention between Great Britain and the Netherlands, 1928. URL: https://www.bailii.org/uk/other/UKTS/1928/TS003_2_A.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁷⁵ *Haller-Trost R.* The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // *Boundary & Territory Briefings*. Vol. 2, No. 2 (1995). Pp. 13–14.

⁴⁷⁶ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Volume I: Special Agreement; Memorial of Indonesia. P. 265. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067101> (дата обращения: 15.09.2024).

султаната являлось местечко Бату-Тинагат в 39 морских милях к западу от Сипадана⁴⁷⁷.

Договоренности 1850 г. были подтверждены схожим соглашением 1878 г., в статье № 2 которого отмечено, что территория Булунгана состоит из «земель и островов», описанных в приложении к договору⁴⁷⁸. Данный список практически полностью совпадает с перечнем территорий, изложенным в статье № 2 соглашения 1850 г.

Тем не менее, чтобы привести данное положение в соответствие с Конвенцией 1981 г., в 1893 г. в него были внесены правки следующего содержания: «Острова Таракан и Нунукан и часть острова Себатик, расположенная к югу от установленной пограничной линии, принадлежат Булунгану, как и небольшие острова, лежащие к югу от границы»⁴⁷⁹.

Нельзя не упомянуть и о том, что с 1914 г. британцами стали предприниматься меры по регулированию и контролю сбора яиц морских черепах на Лигитане и Сипадане, деятельности, которая долгое время имела довольно важное экономическое значение в данном районе. Именно колониальной администрации Северного Борнео направлялись просьбы о разрешении споров, касавшихся сбора черепаших яиц⁴⁸⁰.

В 1917 г. было принято Постановление об охране черепах (*The Turtle Preservation Ordinance*)⁴⁸¹, действовавшее, в том числе в районе оспариваемых островов, вплоть до 1950-х гг. Сипадан и Лигитан были признаны охранной зоной, на сбор черепаших яиц были наложены ограничения, а сборщики отныне были

---

⁴⁷⁷ *Haller-Trost R.* The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // *Boundary & Territory Briefings*. Vol. 2, No. 2 (1995). P. 9.

⁴⁷⁸ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Volume I: Special Agreement; Memorial of Indonesia. P. 287. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067101> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁷⁹ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Counter-Memorial of Malaysia. P. 13. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/8564.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁸⁰ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Memorial of Malaysia. Vol. 1. Pp. 65, 69. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/8560.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁸¹ The Turtle Preservation Ordinance, 1917. URL: <https://asiadivingvacation.com/blog/6-facts-about-sipadan/1024-official-gazette-ordinance-no-5-of-1917-1-june> (дата обращения: 15.09.2024).

обязаны получать специальные разрешения. Кроме того, британцы установили строгий контроль за рыбным промыслом с помощью системы лицензирования. В 1933 г. остров Сипадан получил статус природного заповедника⁴⁸².

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что, несмотря на длительные и порой ожесточенные споры о делимитации сфер влияния колониальных держав на Калимантане, на урегулирование которых потребовалось около сорока лет, вопрос о принадлежности столь небольших островов, как Сипадан и Лигитан, не был поводом для разногласий. Должно быть, по мнению обеих сторон, территории относились к Великобритании.

Тем не менее с течением времени, уже в постколониальный период, сохранявшаяся неопределенность превратилась в источник напряженности в отношениях между государствами-правопреемниками. Учитывая сложность территориального вопроса и его возможные последствия для дальнейшего развития двусторонних связей между Индонезией и Малайзией, продолжительное время стороны не стремились к ускорению переговорного процесса по окончательной делимитации межгосударственной границы, и конфликт затянулся на несколько десятилетий.

4.2. Индонезийско-малайзийская граница: особенности делимитации в постколониальный период⁴⁸³

После обретения Индонезией и Малайзией независимости заложенные в колониальный период линии морской и сухопутной границ были сохранены. Однако, как было упомянуто выше, по сей день существуют серьезные разногласия касательно интерпретации сторонами некоторых положений заключенных между Великобританией и Нидерландами соглашений, что в определенной степени

---

⁴⁸² *Haller-Trost R. The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // Boundary & Territory Briefings. Vol. 2, No. 2 (1995). Pp. 3, 65, 69.*

⁴⁸³ Раздел основан на материалах авторских статей:

Календарь О. К. *Проблема делимитации индонезийско-малайзийской границы в море Сулавеси // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 4, № 4 (53) (2021). – С. 92–106.*

Календарь О. К. *Острова Сипадан и Лигитан: камень преткновения между Индонезией и Малайзией // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. Том 68, № 1 (2024). – С. 5–14.*

привело к нарастанию конфликтного потенциала в индонезийско-малайзийских отношениях.

В 1969 г. правительства Малайзии и Индонезии начали переговоры по установлению границы континентального шельфа. Данный вопрос имел важное значение, поскольку оба государства разделяли обширные территории континентальных шельфов в Малаккском проливе, Южно-Китайском море и море Сулавеси, а также потому, что Конвенция ООН о континентальном шельфе от 1958 г. (*Convention on the Continental Shelf, 1958*), которую обе страны подписали и ратифицировали, предоставила прибрежным государствам «суверенные права» на свои континентальные шельфы «с целью разведки и разработки природных ресурсов»⁴⁸⁴. И для Малайзии, и для Индонезии наибольший интерес представляли месторождения нефти и газа, которые, насколько известно, располагались по меньшей мере на нескольких из разделяемых ими участков.

Конвенция предоставила переговорным группам от обоих государств только приблизительные ориентиры по определению границ континентального шельфа. Статья № 6 лишь оговаривала, что «если один и тот же континентальный шельф примыкает к территориям двух соседних государств, граница континентального шельфа определяется соглашением между ними».

Несмотря на наличие разногласий, переговоры по установлению границ в Малаккском проливе и Южно-Китайском море успешно завершились в короткие сроки. В 1969 г. между Индонезией и Малайзией было подписано соглашение о делимитации границ континентального шельфа в Малаккском проливе и Южно-Китайском море⁴⁸⁵. Согласно данному договору, индонезийско-малайзийская морская граница разделена на три основных сегмента и состоит из двадцати двух

---

⁴⁸⁴ Convention on the Continental Shelf, 1958. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁸⁵ Agreement between the Government of Malaysia and the Government of Indonesia on the Delimitation of the Continental Shelves Between the Two Countries, 27 October 1969 // The United Nations. URL: <https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/MYS-IDN1969CS.PDF> (дата обращения: 15.09.2024).

прямых морских участков, определяемых двадцати пяти отдельными координатными точками⁴⁸⁶.

Первый из них, длиною в 339 морских миль, состоит из девяти прямых морских участков, определяемых десятью отдельными координатными точками и проходит Малаккском проливе между полуостровом Малакка и островом Суматра.

Вскоре, уже в 1971 г., между Индонезией, Малайзией и Таиландом было подписано трехстороннее Соглашение о делимитации границ континентального шельфа в северной части Малаккского пролива (*Agreement between the Government of the Republic of Indonesia, the Government of Malaysia and the Government of the Kingdom of Thailand Relating to the Delimitation of the Continental Shelf Boundaries in the Northern Part of the Strait of Malacca*). Договор установил место пересечения морских границ трех государств, и, кроме всего прочего, определенная в 1969 г. индонезийско-малайзийская граница в Малаккском проливе была продлена до указанной точки⁴⁸⁷.

Второй сегмент установленной в 1969 г. межгосударственной границы представляет собой срединную линию, каждая точка которой находится на равном расстоянии от ближайшей точки прямых исходных линий Полуостровной Малайзии и индонезийских островов в Южно-Китайском море. Этот участок границы берет начало в восточной части Сингапурского пролива и простирается на восток в Южно-Китайское море. Сегмент состоит из девяти прямых морских участков, определяемых десятью отдельными координатными точками, и имеет длину 310 морских миль. Конечная точка этого отрезка расположена на равном удалении от исходных линий Малайзии, Индонезии и Вьетнама.

Третий сегмент границы континентального шельфа состоит из пяти поворотных точек и достигает длины в 264 морских миль. Он берет начало в конечной точке индонезийско-малайзийской сухопутной границы в Танджунг-

---

⁴⁸⁶ Статья № 1 Соглашения между правительством Малайзии и правительством Индонезии о делимитации континентальных шельфов между двумя странами.

⁴⁸⁷ *Agreement between the Government of the Republic of Indonesia, the Government of Malaysia and the Government of the Kingdom of Thailand Relating to the Delimitation of the Continental Shelf Boundaries in the Northern Part of the Strait of Malacca // Limits in the Seas. Maritime Boundaries: Indonesia – Malaysia – Thailand. No. 81 (1978).*

Дату на острове Калимантан. Делимитации третьего сегмента, в отличие от двух предыдущих, проходила без применения метода срединной линии. Граница континентального шельфа была проведена в пользу Малайзии и прошла к западу от равноудаленной линии. Если бы при делимитации морской границы на данном участке был использован метод срединной линии, территория, относящаяся к Индонезии, могла быть расширена на 24 тыс. квадратных километров. Есть основания полагать, что в этом случае роль сыграли политические, а не географические факторы. Хотя индонезийским правительством не было сделано официальных заявлений по данному вопросу, согласно некоторым исследователям, например, индонезийскому ученому И. М. А. Арсана, согласие Индонезии с принятым вариантом делимитации морской границы было связано с ожиданием поддержки от Малайзии на международной арене⁴⁸⁸. В частности, на тот момент особенно остро стоял вопрос о признании мировым сообществом утвержденных правительством в 1960 г. границ территориальных вод Индонезии⁴⁸⁹.

В 1970 г. страны заключили Соглашение о морской границе, уточнившее ее линию в Малаккском проливе⁴⁹⁰. Сегмент морской индонезийско-малайзийской границы в рассматриваемом районе определен восемью отдельными координатными точками и имеет длину 174 морских миль. Необходимо отметить, что, согласно данному договору, «точка № 6 не относится к Малайзии, поскольку она лежит за пределами ее территориальных вод», ширина которых, как и в случае с Индонезией, составляет 12 морских миль. Соответственно, со стороны Малайзии утвержденная линия границы разделена лишь на шесть, а не семь сегментов и проходит от точки № 5 до точки № 7, соответственно, образуя участок в 39 морских миль. Таким образом, точки № 5, № 6 и № 7 образуют треугольник площадью 25

---

⁴⁸⁸ *Arsana I. M. A. Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach.* Wollongong: UOW, 2014. Pp. 153–155.

⁴⁸⁹ Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 4 Tahun 1960 tentang Perairan Indonesia [Постановление Правительства, заменяющее закон, № 4 от 1960 г. о границах территориальных вод Индонезии]. URL: <https://jdih.mahkamahagung.go.id/legal-product/perpu-nomor-4-tahun-1960/detail> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁹⁰ Treaty between the Republic of Indonesia and Malaysia Relating to the Delimitation of the Territorial Seas of the Two Countries in the Strait of Malacca // *International Boundary Study. Series A. Limits in the Seas: Indonesia and Malaysia Territorial Sea Boundary.* No. 50 (1973).

квадратных морских миль, обозначенный в Соглашении как «зона открытого моря».

После ратификации обеими странами, Индонезией – в 1985 г., Малайзией – в 1996 г.⁴⁹¹, Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г. (*The United Nations Convention on the Law of the Sea*)⁴⁹² данный район получил статус исключительной экономической зоны. Вместе с тем вопрос об окончательной делимитации этого относительно небольшого участка до сих пор не урегулирован.

В 1973 г. Индонезия и Малайзия приняли решение о проведении совместных исследований с целью дальнейшей редемаркации межгосударственной границы на острове Калимантан и острове Себатик. В том же году был заключен Меморандум о взаимопонимании относительно проверки и демаркации пограничных линий (*Memorandum of Understanding concerning Survey and Demarcation of Border Lines*), подтвердивший достигнутые между Нидерландами и Великобританией договоренности. Следует отметить, что, согласно нормам международного права, данный документ носит временный характер, и предполагается, что его положения должны быть уточнены в будущем⁴⁹³.

В ходе проведения картографических исследований обнаружили некоторые несоответствия, связанные с разницей в интерпретации заключенных в колониальный период соглашений и вызвавшие нерешенные по сей день пограничные проблемы. В 1982–1983 гг. индонезийскими и малайзийскими исследовательскими группами были осуществлены повторные измерения на острове Себатик, и в 1987 г. Индонезия объявила о наличии пограничных проблем⁴⁹⁴.

---

⁴⁹¹ United Nations Treaty Collection. Chapter XXI. Law of the Sea. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=en (дата обращения: 15.09.2024).

⁴⁹² United Nations Convention on the Law of the Sea. Hauppauge: Nova Science Publishers, 2013.

⁴⁹³ *Sahyana Y.* Settlement of Land Boundary Disputes Between Indonesia with Malaysia // *Jurnal Konstituen*. Vol. 3, No. 2 (2021). Pp. 76–77.

⁴⁹⁴ *Kadarsih D. A. R., Kurnia M. P., Hidayatullah S.* Legal Status of MoU Determining the Limits of The Territory Area Between Indonesia and Malaysia // *Mulawarman Law Review*. Vol. 5, No. 2 (2020). P. 130.

В ходе проведения картографических исследований было обнаружено, что расположение семнадцати из восемнадцати пограничных столбов, установленных на острове Себатик, не соответствует утвержденному: все они находятся к югу от прямой пограничной линии, берущей свое начало в точке с координатами 4° 10' с. ш. Так как это нарушает положения Конвенции 1891 г., Индонезия настаивает на необходимости переустановки пограничных знаков. Тем не менее малайзийская сторона выступает за сохранение существующей расстановки, поскольку статья № 3 (1) Соглашения 1915 г. подтвердила расположение пограничных знаков, установленных после заключения Конвенции 1891 г.

Для урегулирования возникших противоречий в 2002 г. Индонезией и Малайзией была создана Совместная рабочая группа по нерешенным пограничным проблемам (*Joint Working Group on Outstanding Boundary Problems*), однако ее деятельность началась лишь в 2012 г. Некоторые исследователи полагают, что встречи Рабочей группы во многом носят формальный характер, и, несмотря на определенные успехи, вопрос о расположении семнадцати демаркационных точек на острове Себатик до сих пор остается открытым⁴⁹⁵.

Хотя в 1969 г. стороны достигли ряда договоренностей, переговоры о границе в море Сулавеси вскоре зашли в тупик из-за проблемы принадлежности островов Сипадан и Лигитан. Как было отмечено выше, в Конвенции 1891 г. и договорах 1915 г. и 1928 г. не были упомянуты территории, расположенные к востоку от Себатика. Отсутствие необходимых уточнений впоследствии привело к спору между Индонезией и Малайзией относительно принадлежности этих двух островов.

Несмотря на малые размеры, острова представляют ценность при рассмотрении их как составной части единой и неделимой территории государства и могут служить исходной точкой при осуществлении делимитации морских границ. Государство, которому принадлежат острова, обладает суверенитетом над окружающими их территориальными водами шириной 12 морских миль. Кроме

---

⁴⁹⁵ Ibid. Pp. 130–132.

того, согласно статье № 1 (b) Конвенции о континентальном шельфе, при определении границы континентального шельфа остров имеет такой же статус, как и другие участки суши.

Хотя статья № 6 дала возможность участникам переговоров не учитывать Сипадан и Лигитан при определении линии межгосударственной границы, ни одна из сторон не была готова умалить важность статуса островов, поскольку владение ими усиливало позицию государства на переговорах по делимитации. На карту была поставлена не только национальная гордость, но и исключительное право на добычу нефти и газа, в том числе право на запасы, которые могут быть обнаружены на шельфе в будущем.

По словам Хаджима Джалала, высокопоставленного чиновника Министерства иностранных дел Индонезии и специалиста в сфере морского права, принимавшего участие в переговорах, индонезийцы ссылались на малайзийскую карту, на которой два острова не относились к территории Малайзии, тогда как малайзийцы – на индонезийскую карту, на которой не было указано, что острова принадлежат Индонезии⁴⁹⁶.

Процесс был приостановлен, когда представители индонезийской стороны заявили, что они не уполномочены вести переговоры о принадлежности Сипадана и Лигитана. Согласно индонезийским отчетам, обе стороны согласились, что правительства государств рассмотрят вопрос о праве собственности на территорию островов позднее, «сохранив статус-кво, с учетом того, что проблема остается неурегулированной». Однако, по версии малайзийской стороны, подобной договоренности не было, поскольку «острова принадлежат именно Малайзии». В любом случае, по всей видимости, в течение следующих десяти лет правительства двух стран не проводили переговоры по поиску вариантов выхода из тупиковой ситуации⁴⁹⁷.

---

⁴⁹⁶ *Butcher J. G.* The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 35, No. 2 (2013). P. 238.

⁴⁹⁷ *Ibid.*

Впервые данный конфликт привлек внимание общественности в декабре 1979 г., когда правительство Малайзии опубликовало «Новую карту с указанием территориальных вод и границы континентального шельфа Малайзии» (*Peta Baru Menujukkan Sempadan Perairan dan Pelantar Benua Malaysia*), которая также часто упоминается как «Новая карта» (*Peta Baru*). На ней Сипадан и Лигитан были обозначены как часть Малайзии. Кроме того, на карте была отражена граница континентального шельфа страны в данном районе⁴⁹⁸.

С одной стороны, это привлекло внимание к островам и легитимизировало их как часть «континентального» Сабаха, а с другой, как представляется, ряд небольших островов, принадлежавших Индонезии, был проигнорирован. В результате граница проходила по линии, идущей на юго-восток из крайней восточной точки сухопутной границы, разделяющей Себатик.

Спустя несколько недель, в феврале 1980 г., правительство Индонезии «выразило официальный протест против “Новой карты”». Переговоры между президентом Сухарто и премьер-министром Хусейном Онном, состоявшиеся на следующий месяц, оказались безуспешными и не привели к разрешению вопроса⁴⁹⁹. Однако обсуждение «проблемы границы двух островов» министром иностранных дел Малайзии Газали Шафи во время его визита в Джакарту с президентом Сухарто в октябре 1982 г. подтвердило готовность обеих сторон решить конфликт путем переговоров и с помощью компромисса⁵⁰⁰.

Подписание Конвенции ООН по морскому праву в декабре 1982 г. привнесло в затянувшийся спор новую составляющую. Согласно статье № 56 Конвенции, прибрежное государство обладает суверенными правами на природные ресурсы как в водной толще, так и на морском дне и под ним в районе, известном как исключительная экономическая зона. Данный район простирается на 200 морских

---

⁴⁹⁸ Peta Baru Menujukkan Sempadan Perairan dan Pelantar Benua Malaysia [Новая карта с указанием территориальных вод и границы континентального шельфа Малайзии]. Kuala Lumpur: Pengarah Pemetaan Negara, 1979.

⁴⁹⁹ Salleh A. Dispute Resolution through Third Party Mediation: Malaysia and Indonesia // Intellectual Discourse. Vol. 15, No. 2 (2007). P. 153.

⁵⁰⁰ Butcher J. G. The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea // Contemporary Southeast Asia. Vol. 35, No. 2 (2013). P. 239.

миль от тех же исходных линий, которые используются для определения границы территориального моря (статья № 57).

Для введения в силу положений Конвенции ООН по морскому праву Индонезия и Малайзия приняли законы о создании своих исключительных экономических зон в 1983 г.⁵⁰¹ и в 1984 г.⁵⁰², соответственно. Это привело к тому, что в результате предметом конфликта стали не только месторождения нефти и газа, но и рыбные запасы спорного района. Кроме того, для разрешения спора обоим государствам было необходимо согласовать границы между их континентальными шельфами и исключительными экономическими зонами в этом районе или, возможно, обозначить отдельные границы для двух типов юрисдикции. В краткосрочной перспективе это не являлось проблемой главным образом потому, что правительство Индонезии не объявляло точные линии границы своей исключительной экономической зоны в спорном районе, однако урегулировать вопрос стало еще труднее, чем прежде. Такое положение вещей сохранилось на несколько лет, пока, наконец, не превратилось чуть ли не в главный источник напряженности в индонезийско-малайзийских отношениях.

Кризис возник в 1991 г., когда Индонезия обратила внимание на то, что еще в 1988 г. малайзийской частной компанией на острове Сипадан был построен курорт, ориентированный на любителей дайвинга⁵⁰³. По словам министра иностранных дел Индонезии Али Алатаса, правительство Индонезии направило правительству Малайзии «напоминание» о необходимости поддержания статуса-кво до разрешения вопроса о принадлежности островов и обратилось с просьбой о прекращении деятельности на Сипадане⁵⁰⁴.

---

⁵⁰¹ Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1983 tentang Zona Ekonomi Eksklusif Indonesia [Закон № 5 от 1983 г. об исключительной экономической зоне Индонезии]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/35802/UU%20Nomor%205%20Tahun%201983.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁰² Exclusive Economic Zone Act 1984 (Act No. 311). URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mal3732.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁰³ Salleh A. Dispute Resolution through Third Party Mediation: Malaysia and Indonesia // Intellectual Discourse. Vol. 15, No. 2 (2007). P. 153.

⁵⁰⁴ *The Straits Times*, 12.10.1991. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19911012-1.1.19> (дата обращения: 15.09.2024).

К тому времени индонезийцы были еще более, чем в 1969 г., убеждены, что на самом деле эти два острова принадлежат Индонезии. Их главный аргумент касался границы, проведенной через Себатик в соответствии с заключенной между Великобританией и Нидерландами Конвенцией 1891 г. По утверждению индонезийской стороны, эта прямая линия с координатами 4° 10' с. ш. простирается на восток в море Сулавеси, таким образом обозначая сначала границу между голландскими и британскими колониальными владениями, а затем между территориями Индонезии и Малайзии. Поскольку Сипадан и Лигитан лежат к югу от данной линии, правом на них обладает именно Индонезия.

Президент Сухарто и премьер-министр Махатхир Мохамад обсудили вопрос принадлежности островов в ходе встреч в 1992 г., 1993 г., 1994 г. На второй из них, двусторонней встрече на малайзийском острове Лангкави, лидеры стран договорились «избегать интернационализации своих частично совпадающих требований и разрешить проблему путем добрососедских двусторонних переговоров»⁵⁰⁵. Впоследствии была проведена серия переговоров с участием Совместной рабочей группы (*Joint Working Group*), старших должностных лиц и Совместной комиссии (*Joint Commission*)⁵⁰⁶. Впрочем, особых результатов, как видится, им достичь не удалось.

Вместе с тем необходимо отметить, что со временем позиции обеих сторон еще больше укрепились. В октябре 1993 г. газеты сообщили, что военно-морские силы Индонезии начали патрулирование вокруг островов, а командующий военно-морскими силами заявил следующее: «Мы полны решимости защищать острова от любых внешних угроз. Острова Сипадан и Лигитан являются неотъемлемой частью нашей территории»⁵⁰⁷.

---

⁵⁰⁵ Salleh A., Razali C. H. C. M., Jusoff K. Malaysia's Policy Towards its 1963–2008 Territorial Disputes // *International Journal of Law and Legal Studies*. Vol. 8, No. 2 (2020). P. 4.

⁵⁰⁶ Novitasari C. N. Analisis Putusan Mahkamah Internasional dalam Kasus Sengketa Indonesia-Malaysia Mengenai Pulau Sipadan dan Ligitan // *The Digest: Journal of Jurisprudence and Legisprudence*. Vol. 2, No. 2 (2021). Hlm. 239.

⁵⁰⁷ *The Straits Times*, 14.10.1993. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/article/straitstimes19931014-1.2.20.5> (дата обращения: 15.09.2024).

Когда спустя пару недель после этого заявления Министерство туризма Малайзии издало путеводитель, рекламировавший Сипадан как место для дайвинга, Али Алатаас заявил, что правительство Индонезии «незамедлительно отреагирует и направит ноты протеста», если Малайзия не будет соблюдать «договоренность о статусе-кво»⁵⁰⁸.

В декабре 1993 г. министр обороны Индонезии генерал Эди Судраджат выступил перед участниками парламентских слушаний и заявил, что Сипадан «полностью принадлежит» Индонезии «до тех пор, пока не заключено межправительственное соглашение» о его статусе⁵⁰⁹.

В январе 1994 г. конфликт казался совершенно неразрешимым, встреча официальных делегаций Индонезии и Малайзии прервалась через полчаса, едва начавшись.

В том же году стороны попытались ускорить ход переговорного процесса путем внесения значительных корректив в состав переговорных групп. Государственный секретарь Мурдиано был назначен представителем правительства Индонезии на переговорах. Со стороны Малайзии аналогичное назначение получил заместитель премьер-министра Анвар Ибрагим. Мурдиано и Анваром Ибрагимом было проведено четыре встречи: 17 июля и 6 сентября 1995 г. в Джакарте, 22 сентября 1995 г. и 21 июля 1996 г. в Куала-Лумпуре⁵¹⁰.

После многолетних переговоров в октябре 1996 г. обе стороны пришли к выводу, что спор не может быть разрешен на двусторонней основе, и 2 ноября 1998 г. он был передан на рассмотрение в Международный суд ООН (*International Court of Justice, ICJ*). Следует отметить, что 31 мая 1997 г. было заключено Специальное соглашение о передаче в Международный суд спора между Индонезией и Малайзией в отношении суверенитета над островами Сипадан и

---

⁵⁰⁸ Butcher J. G. The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 35, No. 2 (2013). P. 240.

⁵⁰⁹ *The Straits Times*, 14.12.1993. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/newspapers/digitised/page/straitstimes19931214-1.1.17> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵¹⁰ Novitasari C. N. Analisis Putusan Mahkamah Internasional dalam Kasus Sengketa Indonesia-Malaysia Mengenai Pulau Sipadan dan Ligitan // *The Digest: Journal of Jurisprudence and Legisprudence*. Vol. 2, No. 2 (2021). Hlm. 239.

Лигитан (*Special Agreement for the Submission to the ICJ the Dispute between Indonesia and Malaysia concerning the Sovereignty over Pulau Sipadan and Ligitan*), в котором стороны подтвердили, что примут вынесенное решение Суда как окончательное и имеющее для них обязательную силу⁵¹¹.

К 1996 г. созданный в соответствии с Уставом ООН в 1945 г. Международный суд уже вынес решения по множеству дел, связанных с проблемой суверенитета. Примечательно, что Международный суд стал совершенно новым действующим лицом в области обеспечения морской безопасности в Юго-Восточной Азии. Как правило, страны региона неохотно передают право на урегулирование споров внешней инстанции, в том числе Международному суду.

До середины 1990-х гг. страны Юго-Восточной Азии лишь однажды направили спор на рассмотрение в Международный суд. Это произошло в 1959 г., когда Таиланд и Камбоджа заявили о своих конкурирующих претензиях на храм Прэахвихеа⁵¹². Однако решение Международного суда не способствовало появлению желания у государств региона передавать свои споры на рассмотрение сторонней организации: когда в 1962 г. Суд вынес решение в пользу Камбоджи, первой реакцией правительства Таиланда стало объявление о намерении «защищать храм до последней капли крови»⁵¹³.

Следует упомянуть об эффективной оккупации, понятии международного права и принципе, которым может руководствоваться суд при выработке решения касательно принадлежности, как правило, *terrae nullius* («ничьей земли»), т. е. территорий, которые не находятся под суверенитетом определенного государства и не входят в состав государственных территорий. Данным принципом

---

⁵¹¹ Special Agreement for Submission to the International Court of Justice of the Dispute between Indonesia and Malaysia Concerning Sovereignty over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/102/7177.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵¹² International Court of Justice. Case Concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Judgment of 15 June 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵¹³ *Kyaw M. T. Towards a Peaceful Settlement of the Preah Vihear Temple Dispute*. Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2011. P. 20.

руководствовался Международный суд ООН при вынесении итогового решения касательно принадлежности островов Лигитан и Сипадан.

Спорные территории, как было отмечено выше, лежат к югу от параллели 4° 10' с. ш., которая, по мнению индонезийской стороны, согласно Конвенции 1891 г., является разделительной линией между британскими и голландскими владениями в районе, где расположены Лигитан и Сипадан. В соответствии с Конвенцией право собственности на острова прежде принадлежало Нидерландам, а теперь – Индонезии⁵¹⁴. Другой аргумент Индонезии был связан с постоянным присутствием голландских и индонезийских военно-морских сил в окрестностях Лигитана и Сипадана. Более того, индонезийские рыбаки традиционно занимались промыслом в прибрежных водах островов⁵¹⁵.

В подтверждение легитимности своих территориальных претензий Малайзия привела в качестве доказательства свидетельства о принятых британцами мерах по нормативно-правовому регулированию сбора яиц морских черепах и рыбного промысла на Лигитане и Сипадане. Вместе с тем властями Северного Борнео были установлены один маяк на Сипадане в 1962 г., а другой – на Лигитане в 1963 г.⁵¹⁶ Данные маяки действуют и по сей день, а обеспечение их функционирования с сентября 1963 г. находится в ведении Малайзии.

Принимая во внимание представленные сторонами документы, свидетельства и картографические материалы, Международный суд принял решение в пользу Малайзии и постановил, что суверенитет над Сипаданом и Лигитаном принадлежит ей на основании принципа эффективной оккупации, а именно эффективного использования ресурсов и управления островами Великобританией и впоследствии Малайзией. Суд отметил, что «перечень видов деятельности, приведенных Малайзией для защиты своей позиции, довольно

---

⁵¹⁴ Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Memorial Submitted by the Government of the Republic of Indonesia. Vol. 1. Chapter V. P. 98. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/102/8558.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵¹⁵ Ibid. Pp. 104, 180.

⁵¹⁶ *Salleh A.* Dispute Resolution through Third Party Mediation: Malaysia and Indonesia // *Intellectual Discourse*. Vol. 15, No. 2 (2007). P. 160.

скромны, однако разнообразны и включают законодательные, административные и иные меры. Они охватывают значительный период времени и носят систематический характер, что свидетельствует о намерении осуществлять элементы государственной власти в отношении рассматриваемых территорий». Соответственно, согласно постановлению Международного суда от 17 декабря 2002 г. острова Сипадан и Лигитан являются частью территории Малайзии⁵¹⁷.

Данное решение было признано Индонезией: в 2008 г. было принято Постановление Правительства № 37 (*Peraturan Pemerintah Nomor 37*), по которому точки для проведения исходных линий расположены не на острове Лигитан, а на острове Себатик и риф Каранг-Унаранг⁵¹⁸.

Следует отметить, что международные суды и трибуналы нередко руководствуются принципом эффективной оккупации при рассмотрении дел о территориальных спорах. Например, ранее данный принцип был использован при урегулировании споров между США и Нидерландам касательно острова Пальмас в 1928 г.⁵¹⁹ и между Францией и Мексикой касательно острова Клиппертон в 1931 г.⁵²⁰, что могло послужить прецедентом для Международного суда при выработке решения по вопросу принадлежности островов Сипадан и Лигитан.

Один из наиболее острых до сих пор неразрешенных территориальных вопросов в индонезийско-малайзийских отношениях связан с разграничением богатого природными ресурсами участка континентального шельфа в море Сулавеси района Амбалат. Деятельность по разведке и добыче нефти и газа здесь началась в 1960-х гг., когда Индонезия предоставила концессии на разработку

---

⁵¹⁷ International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment of 17 December 2002. Herndon: United Nations Publications, 2004. Pp. 685–686.

⁵¹⁸ Peraturan Pemerintah Nomor 37 Tahun 2008 tentang Perubahan Atas Peraturan Pemerintah Nomor 38 Tahun 2002 tentang Daftar Koordinat Geografis Titik-Titik Garis Pangkal Kepulauan Indonesia [Постановление Правительства № 37 от 2008 г. о внесении изменений в Постановление Правительства № 38 от 2002 г. о перечне географических координат исходных линий Индонезийского архипелага]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/4851/pp-no-37-tahun-2008> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵¹⁹ Reports of International Arbitral Awards. Island of Palmas case (Netherlands, USA). P. 839. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_II/829-871.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁵²⁰ Arbitral Award on the Subject of the Difference Relative to the Sovereignty over Clipperton Island // The American Journal of International Law. Vol. 26, No. 2 (1932). Pp. 393–394.

месторождений нескольким компаниям. Первое разрешение было выдано японской нефтегазовой компании *JAPEX (Japan Petroleum Exploration Co.)* в 1966 г.⁵²¹, за ним последовали и другие концессии⁵²².

Спорный участок континентального шельфа располагается на глубине 500–4 тыс. метров. Поскольку современные технологии геологоразведки позволяют вести разработку месторождений на глубине 2 тыс. метров, район Амбалат приобрел важное стратегическое значение⁵²³.

В целом устойчивый интерес со стороны крупных нефтегазовых компаний к данной зоне свидетельствует о ее значительном природно-ресурсном потенциале. Согласно оценкам, объем запасов блока Амбалат составляет около 62 млн баррелей нефти и 9,5 миллиардов кубометров природного газа⁵²⁴. Однако, по словам сотрудника Исследовательского аналитического центра Индонезии Анданга Бахтияра, в реальности показатели значительно выше: каждое из девяти месторождений, расположенных в районе Амбалат, содержит 764 млн баррелей нефти и 1,4 трлн кубических футов газа. Кроме того, по данным отчета, опубликованного индонезийским журналом *Gatra* в 2009 г., при существующем на тот момент уровне развития технологий извлекаемых запасов нефти «хватит на тридцать лет, а доход Индонезии составит около 4 млрд долларов США»⁵²⁵. Тем не менее некоторые исследователи, в том числе вышеупомянутый И. М. А. Арсана, указывают на то, что приведенные в отчете показатели являются более чем спорными и носят спекулятивный характер⁵²⁶.

---

⁵²¹ *Hirakawa S., Kato M., Minamikawa K.* Petroleum Production Industry and Engineering in Japan: Past and Present // Bulletin of The Japan Petroleum Institute. Vol. 10 (1968). P. 69.

⁵²² *Hananto P. W., Lumbanraja A. D., Prananda R. R., Musyafah A. A.* Legal Scenario Towards the Policy of Marine Natural Resources on the Continental Shelf: Ambalat Case Study // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 530 (2020). P. 2.

⁵²³ *Hendrapati M., Ashri M., Ruslan A., Muchtar S., Patittingi F., Noor S. M., Hambali R., Sumardi J.* Today's Ambalat: Neglecting the Basepoints of Sipadan and Ligitan Islands for Maintaining the Equidistance Principle in the Disputed Area // East Asian Observer. Vol. 10, No. 1 (2017). P. 286.

⁵²⁴ *The Jakarta Post*, 06.06.2009. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2009/06/06/ambalat-dispute-a-spat-between-neighbors.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵²⁵ *Rahman M.* Sengketa US \$ 40 Milyar Ambalat // GATRA. Vol. 15, No. 31, 2009. Hlm. 18.

⁵²⁶ *Arsana I. M. A.* Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach. Wollongong: UOW, 2014. P. 235.

Необходимо отметить, что морской рыбный промысел всегда имел исключительно важное значение для Индонезии и Малайзии. Следовательно, его бесспорный потенциал в море Сулавеси является одной из причин заинтересованности обеих стран в Амбалате. Однако отсутствие соглашения о окончательной делимитации морских границ не только значительно затрудняет развитие рыболовства в данном районе, но и наносит ему некоторый ущерб.

Как было отмечено выше, спор о делимитации индонезийско-малайзийской границы в море Сулавеси имеет давнюю историю и впервые возник после публикации «Новой карты» в 1979 г., согласно которой большая часть территории Амбалата принадлежит Малайзии. Однако как до публикации Карты, так и долгое время после вопрос о разграничении района Амбалат стоял не столь остро и обсуждался, как правило, в общем контексте установления окончательных межгосударственных морских границ. Однако ситуация существенно изменилась в 2005 г., когда произошло обострение конфликта.

Шестнадцатого февраля 2005 г. малайзийская нефтегазовая компания *Petronas* выдала одной из своих дочерних компаний концессию на разработку двух глубоководных месторождений в море Сулавеси, блока *ND-6* и блока *ND-7*, территория которых частично совпадает с территорией участков, на которые претендует Индонезия, Амбалат и Восточный Амбалат. Несколько ранее индонезийская государственная нефтегазовая компания *Pertamina* выдала лицензии на разведку американской нефтедобывающей компании *UNOCAL (Union Oil Company of California)* в районе Восточный Амбалат (2001 г.) и крупнейшей итальянской нефтегазовой компании *ENI* в районе Амбалат (2004 г.)⁵²⁷. Данные события вызвали напряженность между странами и способствовали значительной, впрочем, по мнению многих экспертов, все же недостаточной, интенсификации переговорного процесса⁵²⁸.

---

⁵²⁷ Warsito T., Maksum A., Surwandono, Herningtyas R. Indonesia's Foreign Policy Towards Malaysia in the Post Soeharto Era: A Case Study of Ambalat Dispute // Revista UNISCI. No. 53 (2020). P. 98.

⁵²⁸ Arsana I. M. A. Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach. Wollongong: UOW, 2014. P. 252.

Заслуживает упоминания тот факт, что и Индонезия, и Малайзия имеют некоторый опыт в создании зон совместной разработки с другими государствами. В 1989 г. был подписан договор о создании зоны сотрудничества для разведки и разработки нефтяных месторождений на континентальном шельфе, расположенном в Тиморском море между Северной Австралией и Восточным Тимором, который был признан Австралией частью Индонезией (*Timor Gap Treaty*)⁵²⁹. Впрочем, после обретения Восточным Тимором независимости в 2002 г. данное соглашение утратило свою юридическую силу, и в том же году между новым суверенным государством и Австралией был заключен договор о развитии района совместного освоения запасов нефти и газа в Тиморском море (*Timor Sea Treaty*)⁵³⁰.

Несмотря на наличие прецедентов, в 2006 г. Индонезия отклонила предложение Малайзии о создании совместного предприятия компаний *Petronas* и *Pertamina* по разведке нефтегазовых ресурсов в определенной части блока Амбалат. Министерство иностранных дел Индонезии отказалось от предложения о сотрудничестве, мотивируя свое решение тем, что Индонезия придает первоочередное значение окончательной делимитации морских границ и не заинтересована в совместном освоении спорных территорий⁵³¹.

Тем не менее позднее Индонезия выступила в качестве инициатора создания совместных с Малайзией предприятий по разработке месторождений полезных ископаемых. По мнению ряда исследователей, таким образом правительство Индонезии попыталось снизить риск дальнейшего роста разногласий касательно делимитации границ в море Сулавеси⁵³².

---

⁵²⁹ 1989 Treaty Between Australia and the Republic of Indonesia on the Zone of Cooperation in an Area Between the Indonesian Province of East Timor and Northern Australia. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1989-Australia-Indonesia-Timor-Gap-Treaty.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁰ Timor Sea Treaty between the Government of Australia and the Government of East Timor. URL: http://timor-leste.gov.tl/wp-content/uploads/2010/03/R_2003_2-Timor-Treaty.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³¹ Hendrapati M., Ashri M., Ruslan A., Muchtar S., Patittingi F., Noor S. M., Hambali R., Sumardi J. Today's Ambalat: Neglecting the Basepoints of Sipadan and Ligitan Islands for Maintaining the Equidistance Principle in the Disputed Area // East Asian Observer. Vol. 10, No. 1 (2017). P. 287.

⁵³² Hendrapati M. Implication of the ICJ Decision Respecting Sipadan – Ligitan Case towards Base Points and Maritime Delimitation // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research. Vol. 14, No. 1 (2014). P. 378.

К примеру, в 2010 г. по предложению индонезийской государственной компании *Pertamina* малайзийская компания *Petronas* присоединилась к проекту по разработке газового месторождения Восточная Натуна, расположенного в Южно-Китайском море близ индонезийских островов Бунгуран. Однако уже в 2012 г. Малайзия вышла из соглашения, так как развитие данного направления перестало быть для *Petronas* приоритетным, что было связано с падением цены на нефть на мировом рынке и сравнительно высокими производственными затратами, поскольку месторождение расположено в глубоководном районе⁵³³.

Затяжной спор способствовал росту напряженности в индонезийско-малайзийских отношениях и стал причиной нескольких инцидентов. В июне 2009 г. Индонезия обвинила военно-морские силы и морскую полицию Малайзии в многократном нарушении морской границы и вторжении в индонезийские территориальные воды в районе Амбалат⁵³⁴. Главнокомандующий ВМС Малайзии адмирал Абдул Азиз Джаафар принес официальные извинения и уверил, что в отношении нарушителей будут приняты самые суровые меры наказания⁵³⁵.

По словам шестого президента Индонезии Сусило Бамбанга Юдойоно, рост числа инцидентов, связанных с нарушением Малайзией морской границы в районе Амбалат, являлся серьезным поводом для возобновления двусторонних переговоров и скорейшего урегулирования индонезийско-малайзийских противоречий⁵³⁶. Тем не менее значительных подвижек в направлении улучшения перспектив развития ситуации не последовало.

В июне 2015 г. стало известно о девяти случаях незаконного пересечения малайзийскими военными кораблями и беспилотными летательными аппаратами границы Индонезии в районе Амбалат, недалеко от побережья острова

---

⁵³³ 2B1st Consulting, 13.11.2012. URL: <https://2b1stconsulting.com/pttep-to-replace-petronas-in-indonesia-east-natuna-project> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁴ *Republika*, 02.06.2009. URL: <https://republika.co.id/berita/breaking-news/nasional/09/06/02/53907-tni-al-siaga-penuh-di-ambalat> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁵ *Detik News*, 10.06.2009. URL: <https://news.detik.com/berita/d-1145445/malaysia-minta-maaf-jika-tentaranya-meledak-tni-al> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁶ *Kontan*, 04.06.2009. URL: <https://nasional.kontan.co.id/news/sby-minta-pertemuan-ambalat-dipercepat> (дата обращения: 15.09.2024).

Калимантан⁵³⁷. В своем официальном заявлении министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди подчеркнула, что в отношении данных обвинений должно быть проведено тщательное расследование и, «если информация подтвердится, правительство Индонезии незамедлительно направит правительству Малайзии ноту протеста». Прежний вице-президент Индонезии Юсуф Калла высказал аналогичную точку зрения, указав на необходимость скорейшего прояснения ситуации и важность урегулирования пограничных проблем мирным путем с помощью двусторонних переговоров⁵³⁸.

Тем не менее, как сообщил в данном в том же месяце интервью посол Малайзии в Индонезии Датук Сери Захрейн Мохамед Хашим, соответствующие ноты направлены не были. Кроме того, он опроверг обвинения в нарушении Вооруженными силами Малайзии границ Индонезии, отметив, что они совершенно не соответствуют действительности. Датук Сери Захрейн Мохамед Хашим также добавил, что в случае, если бы ноты были действительно направлены, данная проблема была бы урегулирована дипломатическим путем⁵³⁹.

Одной из особенностей спора о делимитации морских границ в море Сулавеси является фокус ее освещения в индонезийских средствах массовой информации. Сообщения СМИ и транслируемые по телевидению дискуссии, посвященные рассмотрению данного вопроса, главным образом сосредоточены на важности одержания Индонезией победы за право собственности на энергетические ресурсы. В определенной степени это отвлекает общественность от комплексного рассмотрения проблемы и в особенности от ее правовых и геотехнических аспектов.

Проблема довольно предвзятого освещения событий в индонезийских СМИ была отмечена не только малайзийскими, но и индонезийскими исследователями и

---

⁵³⁷ *The Star*, 17.06.2015. URL: <https://www.thestar.com.my/news/nation/2015/06/17/indonesia-demands-malaysia-explain-intrusion-in-ambalat> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁸ *The Jakarta Post*, 16.06.2015. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2015/06/16/ri-query-malaysian-manuevers-near-ambalat.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵³⁹ *The Borneo Post*, 25.06.2015. URL: <https://www.theborneopost.com/2015/06/25/ambassador-denies-receiving-7-protest-notes-on-ambalat> (дата обращения: 15.09.2024).

официальными лицами. Некоторые отмечают, что средства массовой информации, безусловно, играют важную роль в формировании общественного мнения об особенностях и развитии межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии. Можно заметить, что значительная часть заголовков сообщений индонезийской прессы носила несколько провокационный характер, звучала националистическая риторика, что стало одной из причин нарастания антималайзийских настроений в Индонезии и повлекло за собой серию уличных демонстраций, например, в 2005 г.⁵⁴⁰

Согласно посвященному реакции индонезийских СМИ на события 2005 г. исследованию малайзийских ученых Лая Че Чинга, Абдулы Латифы и Ли Куок Тиунга, в опубликованных сообщениях в непропорционально большей степени изложена позиция обывателей, а не официальных лиц. Большая часть поделившихся своим мнением людей были резко негативно и даже агрессивно настроены по отношению к Малайзии. Между тем позиция индонезийского правительства, которое выступало за дипломатический подход к решению проблемы, не была должным образом освещена⁵⁴¹.

Кроме того, по мнению ряда исследователей, например, М. Хендрапати, победа в деле Сипадан – Лигитан стала для Малайзии поводом о заявлении своих прав на территорию блока Амбалат, учитывая, что Малайзия предпринимает «все возможные шаги» для распространения своего контроля над данной частью моря Сулавеси⁵⁴².

Сложившаяся обстановка привела к усилению негативного восприятия Малайзии в глазах индонезийского населения, а также способствовала созданию искаженного впечатления о намерениях индонезийского правительства относительно урегулирования спора.

---

⁵⁴⁰ *The New York Times*, 09.03.2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/03/09/world/asia/indonesians-protest-malay-claim.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁴¹ *Lai C. C., Latif A., Lee K. T.* Kasus Ambalat-Reaksi Media Indonesia: Framing dan Komunikasi Antarabangsa // *Jurnal Komunikasi, Malaysian Journal of Communication*. Vol. 23 (2007). P. 24.

⁵⁴² *Hendrapati M., Ashri M., Ruslan A., Muchtar S., Patittingi F., Noor S. M., Hambali R., Sumardi J.* Today's Ambalat: Neglecting the Basepoints of Sipadan and Ligitan Islands for Maintaining the Equidistance Principle in the Disputed Area // *East Asian Observer*. Vol. 10, No. 1 (2017). P. 288.

Необходимо упомянуть, что ситуацию несколько осложняло неточность освещения самих событий в средствах массовой информации, а также некорректное использование некоторых терминов. Например, в сообщениях того периода слова «*kedaulatan*» (суверенитет) и «*hak berdaulat*» (суверенные права) нередко использовались как взаимозаменяемые.

Несмотря на то, что события 2005 г., 2009 г. и 2015 г. получили широкое освещение в индонезийских СМИ и вызвали резкую негативную реакцию со стороны индонезийского населения, они не стали поводом для дальнейшего развития конфликта и были урегулированы мирным путем.

Хотя рост числа инцидентов в районе Амбалат, безусловно, является серьезным основанием для возобновления переговоров и скорейшего урегулирования межгосударственных противоречий, значительных подвижек в направлении улучшения перспектив развития ситуации до недавнего времени не наблюдалось. Вероятно, так как обе стороны опасаются эскалации конфликта и его дестабилизирующего воздействия на обстановку в регионе в целом и на индонезийско-малайзийские отношения в частности, они предпочли отложить активную стадию переговорного процесса, решение спора и, соответственно, объявление условий договора на более поздний срок.

Если все окончательные попытки урегулирования конфликта посредством двусторонних переговоров потерпят неудачу, Индонезия и Малайзия могут вновь обратиться к помощи международного сообщества. Однако вмешательство третьей стороны приведет к потере возможности для выработки компромиссного решения, поэтому не является предпочтительным вариантом для обеих стран.

Значительное продвижение вопроса делимитации моря Сулавеси в 2023 г., о чем будет рассказано в следующем разделе представленной главы, подтверждает, что Индонезия и Малайзия намерены наращивать совместные усилия, направленные на развитие дипломатического диалога на двусторонней основе. Как представляется, данная тенденция получит дальнейшее развитие. Впрочем, этот и многие другие вопросы, которые касаются, например, принципов нормативно-правового и технического регулирования, которыми руководствуются Индонезия

и Малайзии во время переговоров по делимитации, до сих пор остаются открытыми.

4.3. Международно-правовые и технические аспекты разграничения морских пространств⁵⁴³

Основным документом международного значения, устанавливающим нормативно-правовой режим в сфере использования морских территорий, является принятая в 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву (*The United Nations Convention on the Law of the Sea*). Ввиду того, что и Индонезия⁵⁴⁴, и Малайзия⁵⁴⁵ ратифицировали Конвенцию, они, вероятно, должны руководствоваться соответствующими положениями данного документа при проведении делимитации границы в море Сулавеси.

В соответствии со статьей № 280 Конвенции государства-участники могут договориться об урегулировании противоречий, касающихся в том числе делимитации морских пространств, любыми мирными средствами по их выбору. Статья № 287 документа предусматривает два основных пути разрешения конфликта: достижение соглашения в результате мирных переговоров между заинтересованными государствами либо привлечение третьей стороны в качестве арбитра⁵⁴⁶, в роли которого, как правило, выступает Международный суд ООН (*International Court of Justice*) либо Международный трибунал по морскому праву (*International Tribunal for the Law of the Sea*).

Первый вариант представляется наиболее предпочтительным, и государства чаще всего прибегают именно к этому способу разрешения пограничных споров.

---

⁵⁴³ Раздел основан на материалах авторской статьи – Календарь О. К. *Международно-правовые аспекты делимитации морских пространств между Индонезией и Малайзией* // Вестник ученых-международников. Том 1, № 1 (23) (2023). – С. 65–73.

⁵⁴⁴ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 17 Tahun 1985 tentang Pengesahan United Nations Convention on The Law of The Sea (Konvensi Perserikatan Bangsa-Bangsa tentang Hukum Laut) [Закон Республики Индонезия № 17 от 1985 г. о ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву]. URL: https://pih.kemlu.go.id/files/UU_NO_17_TH_1985.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁴⁵ *Ramil J. A New Maritime Legal Regime for Malaysia Within the Context of Ocean Governance*. URL: <https://mdc.mima.gov.my/id/eprint/47/1/47%20%285%20pages%29.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). P. 1.

⁵⁴⁶ *United Nations Convention on the Law of the Sea*. Науппаге: Nova Science Publishers, 2013.

Осуществление делимитации путем дипломатических переговоров имеет больше преимуществ для сторон, чем передача дела на рассмотрение третейского суда, поскольку не налагает существенных ограничений на процедуру примирения. В ходе переговорного процесса участниками конфликта может быть принят во внимание ряд географических, исторических, политических, экономических и иных факторов, независимо от их юридической значимости, что не всегда возможно в рамках судебного разбирательства. Не менее важно отметить, что государства могут прибегнуть к такому количеству аргументов, которое считают необходимым для обоснования своей позиции и выработки обоюдовыгодного соглашения.

Морскими зонами, делимитация которых предусмотрена Конвенцией, являются территориальное море⁵⁴⁷, прилежащая зона⁵⁴⁸, исключительная экономическая зона (ИЭЗ)⁵⁴⁹ и континентальный шельф⁵⁵⁰. Каждая из обозначенных зон имеет свой правовой статус, определяемый Конвенцией, наряду с особыми правовыми нормами, применимыми к установлению их внешней границы, в том числе в случае их расположения между государствами с противоположными или смежными побережьями. Кроме того, при рассмотрении проблемы делимитации морских пространств между Индонезией и Малайзией в море Сулавеси необходимо учитывать и другие положения Конвенции, которые могут оказать влияние на исход спора, в частности статьи, посвященные определению расположения нормальных исходных линий⁵⁵¹ и условию проведения архипелажных исходных линий⁵⁵².

Статья № 15 Конвенции устанавливает, что метод срединной или равноудаленной линии является основным принципом определения морской границы между государствами со смежными или противоположными побережьями,

---

⁵⁴⁷ Ibid. Article 15.

⁵⁴⁸ Ibid. Article 33.

⁵⁴⁹ Ibid. Article 74.

⁵⁵⁰ Ibid. Article 83.

⁵⁵¹ Ibid. Article 5.

⁵⁵² Ibid. Article 47.

если не заключено соглашение об ином. Однако это положение может не применяться в силу «исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств». Наличие малых островов и других географических объектов близ зоны делимитации может рассматриваться как особое обстоятельство.

Хотя, согласно Конвенции, метод срединной линии является предпочтительным при проведении делимитации территориального моря, документом не устанавливаются какие-либо конкретные или приоритетные принципы, применимые к разграничению ИЭЗ и континентального шельфа. В прецедентном праве, практике государств, международных судов и трибуналов, встречается ряд основных подходов, которые могут быть применены в целях наиболее быстрого достижения справедливого результата. Порой стороны обращаются, например, к методу модифицированной (упрощенной) срединной линии⁵⁵³, линия морской границы также может быть проведена как продолжение линии сухопутной границы⁵⁵⁴ или определена с учетом протяженности береговых линий заинтересованных государств⁵⁵⁵. Кроме того, границей может служить любая согласованная сторонами линия, в том числе параллельная линиям широты и долготы⁵⁵⁶. Впрочем, согласно сложившейся практике, метод срединной линии остается наиболее распространенным вариантом осуществления делимитации морских пространств.

Прежде в случае возникновения разногласий между государствами касательно определения морских границ наиболее часто делимитация осуществлялась на основе принципа двухэтапного подхода, который предусматривает установление предварительной срединной (равноудаленной) линии и ее последующее уточнение или смещение в случае выявления

---

⁵⁵³ Handbook on the Delimitation of Maritime Boundaries. New York: United Nations, 2000. P. 50.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 56.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 29.

⁵⁵⁶ Ibid. P. 57.

соответствующих обстоятельств⁵⁵⁷. Данный подход был избран Международным судом, например, при разрешении дела о делимитации границы в районе между Гренландией и норвежским островом Ян-Майен в 1993 г.⁵⁵⁸ и в деле о морской делимитации между Катаром и Бахрейном в 2001 г.⁵⁵⁹

Несмотря на то, что двухэтапный подход обладает рядом преимуществ, например, он относительно легок в применении и на первый взгляд вполне справедлив, все же он не лишен некоторых недостатков. В связи с этим в последние годы широкое распространение получил подход трехэтапной делимитации морских пространств. Впервые он был применен Международным судом в 2009 г. в деле об установлении границы между Румынией и Украиной в Черном море⁵⁶⁰. При вынесении решения по делу о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе в 2012 г. Международный трибунал по морскому праву также руководствовался принципом трехэтапной делимитации⁵⁶¹.

Трехэтапный подход схож с двухэтапным: его первый шаг предусматривает определение предварительной срединной линии границы на рассматриваемом участке, второй – внесение соответствующих изменений в случае необходимости. Новым, третьим, шагом стало проведение проверки на соразмерность с целью подтверждения справедливости распределения затрагиваемых территорий. На данной стадии суд должен удостовериться, что в результате корректировки линии границы не появилось значительной диспропорции между соотношением

---

⁵⁵⁷ *Arsana I. M. A. Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach.* Wollongong: UOW, 2014. P. 89.

⁵⁵⁸ International Court of Justice. Case Concerning Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgment of 14 June 1993. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁵⁹ International Court of Justice. Case Concerning Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain), Judgment of 16 March 2001. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/87/087-20010316-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁶⁰ International Court of Justice. Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine), Judgment of 3 February 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁶¹ International Court of Justice. Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh/Myanmar), Judgment of 12 March 2012. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_16/published/C16-J-14_mar_12.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

протяженности соответствующих береговых линий каждого государства и прилегающих к ним морским районам относительно делимитационной линии⁵⁶².

Существует ряд факторов, которые необходимо учитывать при установлении линии морской границы. Наличие малых островов близ рассматриваемой зоны может стать одним из них и оказать существенное влияние на итоги делимитации. В деле Индонезии и Малайзии таким определяющим элементом могут оказаться Сипадан и Лигитан.

Хотя решение вопроса о принадлежности Сипадана и Лигитана может служить прецедентом и прямым или косвенным образом повлиять на возможный исход других территориальных споров как в регионе, так и в мире в целом его значение в контексте спора относительно моря Сулавеси довольно спорно.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с опубликованными Малайзией картографическими материалами, а также отдельными законодательными актами прямая исходная линия проходит от острова Себатик до небольших островов Сипадан и Лигитан, определяя таким образом территориальные воды и ИЭЗ Малайзии, в которую входит спорный участок в районе Амбалат⁵⁶³. Однако, согласно статье № 47 Конвенции ООН по морскому праву, Малайзия не имеет право использовать прямую исходную линию для делимитации собственных границ, поскольку проведение прямых архипелажных исходных линий возможно только государством-архипелагом, которым Малайзия не является.

В то же время, будучи государством-архипелагом, Индонезия использует Каранг-Унаранг в качестве конечной точки при проведении своих исходных линий. Каранг-Унаранг является небольшим рифом, преимущественно находящимся под водой и появляющимся на поверхности только во время отливов. По утверждениям Малайзии, Каранг-Унаранг не мог считаться одной из точек при делимитации индонезийской границы, поскольку по сути является подводной скалой,

---

⁵⁶² *Arsana I. M. A. Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach.* Wollongong: UOW, 2014. P. 90.

⁵⁶³ *Torla A., Yusof S., Kamal M. H. M. The Dispute between Malaysia and Indonesia over the ND6 and ND7 Sea Blocks: A Malaysian Perspective // Journal of East Asia and International Law.* Vol. 8, No. 1 (2015). P. 193.

непригодной для проживания человека и осуществления им экономической деятельности⁵⁶⁴. С целью обойти спорный вопрос в 2005 г. Индонезией был возведен маяк на рифе Каранг-Унаранг.

Таким образом, в соответствии со статьей № 47 Конвенции исчезли правовые основания для оспаривания утвержденных Индонезией исходных линий в районе Амбалат. Каранг-Унаранг был признан частью провинции Северный Калимантан и стал одной из точек исходных линий⁵⁶⁵.

Поскольку в 2002 г. острова Сипадан и Лигитан были признаны территорией Малайзии, граница и площадь зоны, на которую претендует Индонезия, все же должны быть пересмотрена. Несмотря на это, как было отмечено ранее, с правовой точки зрения Малайзия все же находится в более уязвимом положении. Поскольку позиции сторон значительно различаются, достичь консенсусного решения в короткие сроки не представляется возможным, а альтернативное решение данного вопроса может быть достигнуто лишь при согласии обеих сторон.

Как показывает практика, наличие небольших островов близ района делимитации может служить фактором, который принимается во внимание Международным судом. Например, при вынесении решений по делу «Морская делимитация в Черном море (Румыния против Украины)» от 2009 г.⁵⁶⁶ и по делу «Территориальный и морской спор (Никарагуа против Колумбии)» от 2012 г.⁵⁶⁷ вопрос о статусе островов, находящихся около пограничной зоны, и их значении для делимитации соответствующих морских территорий был рассмотрен самым тщательным образом. Тем не менее данный фактор не оказал непосредственного

---

⁵⁶⁴ Ibid. P. 189.

⁵⁶⁵ Peraturan Pemerintah Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 2008 tentang Perubahan Atas Peraturan Pemerintah Nomor 38 Tahun 2002 tentang Daftar Koordinat Geografis Titik Titik Garis Pangkal Kepulauan Indonesia [Постановление Правительства Республики Индонезия № 37 от 2008 г. о внесении изменений в Постановление Правительства № 38 от 2002 г., касающееся перечня географических координат исходных линий Индонезийского архипелага]. URL: <https://peraturan.go.id/common/dokumen/ln/2008/pp37-2008.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁶⁶ International Court of Justice. Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine), Judgment of 3 February 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁶⁷ International Court of Justice. Case Concerning the Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia), Judgment of 13 December 2007. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/124/124-20121119-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

влияния на итоговое решение Суда о расположении границ между упомянутыми государствами.

Хотя каждый случай уникален и не исключено, что схожие обстоятельства могут оказаться ключевыми при определении окончательной пограничной линии между Индонезией и Малайзией, представляется маловероятным, что столь небольшие острова как Сипадан и Лигитан будут признаны элементами общей конфигурации побережья Малайзии и наделены полным потенциальным правом на морские зоны.

Нельзя не затронуть несколько принятых АСЕАН документов, где содержатся основные принципы урегулирования конфликтов в рамках деятельности организации. Согласно Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 г. (*Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia*), спор между странами-членами организации может быть разрешен при участии Высшего совета АСЕАН, в сферу компетенции которого входят посреднические функции и выработка рекомендаций по предотвращению дальнейшего ухудшения ситуации⁵⁶⁸.

В этом контексте следует упомянуть восьмую главу Устава организации (*ASEAN Charter*), посвященную основополагающим принципам разрешения споров внутри АСЕАН⁵⁶⁹, в особенности диалогу, консультациям и переговорам. Вместе с тем в 2010 г. был принят Протокол к Уставу АСЕАН о механизме урегулирования споров (*2010 Protocol to the ASEAN Charter on Dispute Settlement Mechanism*). Протокол охватывает широкий круг вопросов, касающихся, например, консультирования, медиации и арбитража в рамках преодоления конфликтов⁵⁷⁰.

Важно вновь подчеркнуть, что принципы «пути АСЕАН» во многом являются основополагающими при формировании внешней политики государств Юго-Восточной Азии. Страны АСЕАН, как правило, воздерживаются от

---

⁵⁶⁸ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁶⁹ The ASEAN Charter. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008. Pp. 23–25.

⁵⁷⁰ 2010 Protocol to the ASEAN Charter on Dispute Settlement Mechanism. URL: https://www.dol.go.th/legal/Documents/4Protocol_to_the_ASEAN.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

публичной критики своих соседей и стараются не допустить перерастания напряженности в открытый конфликт и дестабилизации обстановки в регионе. Как отмечает индонезийский исследователь И. Б. Р. Супанчана, данный подход преследует стратегическую цель не допустить, чтобы двусторонние споры между членами АСЕАН (как и между членами АСЕАН с внешними государствами) стали угрозой региональной стабильности и безопасности, а также устойчивому функционированию самой АСЕАН⁵⁷¹.

В то же время, как представляется, основной недостаток дискуссии как метода урегулирования конфликтных ситуаций заключается в том, что это довольно длительный и трудоемкий процесс, и вынесение окончательного решения в большинстве случаев откладывается на продолжительный срок. Затянувшийся процесс переговоров по морю Сулавеси между Индонезией и Малайзией стал яркой иллюстрацией этого недостатка.

В июне 2023 г. произошло эпохальное событие в истории межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии, которое подтвердило, что они вышли на исключительно высокий уровень взаимного доверия и взаимопонимания. Джоко Видодо и Анвар Ибрагим объявили, что спустя почти два десятилетия переговоров были подписаны Договор о делимитации территориальных вод Индонезии и Малайзии в море Сулавеси (*Treaty between Malaysia and the Republic of Indonesia Relating to the Delimitation of the Territorial Seas of the Two Countries in the Sulawesi Sea*) и Договор о делимитации территориальных вод Индонезии и Малайзии в южной части Малаккского пролива (*Treaty between Malaysia and the Republic of Indonesia Relating to the Delimitation of the Territorial Seas of the Two Countries in the Southernmost Part of the Straits of Melaka*)⁵⁷².

---

⁵⁷¹ Supancana I. B. R. Maritime Boundary Disputes between Indonesia and Malaysia in the Area of Ambalat Block: Some Optional Scenarios for Peaceful Settlement // Journal of East Asia and International Law. Vol. 8, No. 1, 2015. P. 202.

⁵⁷² Joint Statement by the Honourable Prime Minister of Malaysia and His Excellency President of the Republic of Indonesia, 8 June 2023. URL: <https://demaribus.net/wp-content/uploads/2023/06/joint-statement-8-june-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

Несмотря на призыв общественности, на некоторое время достигнутые результаты должны остаться засекречены ввиду необходимости ратификации документов обеими сторонами в соответствии с внутренним законодательством⁵⁷³. Как сообщается, в соглашениях не затрагивается вопрос делимитация ИЭЗ, континентального шельфа и района Амбалат, соответственно. По словам малайзийского депутата Датука Мохамеда Аламина, в процессе переговоров по морю Сулавеси данные вопросы даже не обсуждались⁵⁷⁴. Кроме того, осталась нерешенной проблема определения сухопутной границы на острове Себатик.

Индонезия и Малайзия свободны в выборе методов и принципов, которыми они могут руководствоваться в своей работе по делимитации межгосударственной границы, а также факторов, которые стороны должны принять во внимание в процессе совместного обсуждения. Данные вопросы, как и вопрос о возможной роли Сипадана и Лигитана в деле по разграничению моря Сулавеси, до сих пор остаются открытыми.

Могло создаться впечатление, что переговоры между Индонезией и Малайзией по территориальному вопросу приостановлены или проходят практически безрезультатно. Действительно, отчасти данное замечание вполне справедливо: предыдущее двустороннее соглашение о делимитации границ было заключено в 1970 г.⁵⁷⁵ С другой стороны, процесс переговоров продолжается, хотя до недавних пор он шел довольно медленно ввиду сложности рассматриваемых вопросов.

Немаловажным фактором, в значительной степени осложнившим процесс мирного урегулирования ситуации и отложившим заключение окончательного договора, стало соблюдение Индонезией и Малайзией принципа «ничего не согласовано, пока все не согласовано». Предполагается, что всем пограничным

---

⁵⁷³ *Malay Mail*, 19.09.2023. URL: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2023/09/19/deputy-foreign-minister-pending-ratification-sulawesi-sea-treaty-not-ready-for-public-sharing/91695> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁷⁴ *Bernama*, 15.08.2023. URL: <https://www.bernama.com/en/news.php?id=2216498> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁷⁵ Treaty between the Republic of Indonesia and Malaysia Relating to the Delimitation of the Territorial Seas of the Two Countries in the Strait of Malacca // *International Boundary Study. Series A. Limits in the Seas: Indonesia and Malaysia Territorial Sea Boundary. No. 50* (1973).

вопросам необходимо уделить одинаково приоритетное внимание и каждый отдельный спор может считаться решенным лишь после достижения взаимопонимания относительно всех имеющихся разногласий⁵⁷⁶.

Существенным недостатком упомянутого принципа является то, что любые промежуточные договоренности не имеют силы до завершения всего переговорного процесса, который может затянуться на весьма длительный срок. Не менее важно и то, что даже после достижения консенсуса по тому или иному вопросу Индонезия и Малайзия, как правило, не делятся подробностями принятого ими решения с широкой общественностью. Отказ от соответствующего утверждения достигнутых результатов и их обнародования нередко создает трудности и порождает поводы для обострения конфликта. Вместе с тем подобная обстановка неопределенности вызывает серьезную обеспокоенность простых граждан и является основанием для возникновения новых инцидентов⁵⁷⁷.

Несмотря на довольно медленный темп переговорного процесса по блоку Амбалат, Индонезия и Малайзия осознают необходимость поддержания теплых добрососедских отношений, непременным условием сохранения которых является преодоление давних противоречий. В своих выступлениях официальные должностные лица регулярно упоминают о безусловной важности интенсификации двусторонних переговоров и скорейшего разрешения проблемы.

Принимая во внимание опыт обеих стран в области урегулирования территориальных споров, можно предположить, что до утверждения всех достигнутых договоренностей и окончательного решения территориального вопроса Индонезии и Малайзии предстоит пройти долгий путь. Далеко не всегда стороны сразу готовы пойти на уступки и пренебречь национальными интересами ради скорейшего устранения противоречий, поэтому, например, процесс делимитации столь ценного района как Амбалат может затянуться на долгие годы.

---

⁵⁷⁶ *Arsana I. M. A.* Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach. Wollongong: UOW. 2014. P. 405.

⁵⁷⁷ *Druce S. C., Baikoeni E. Y.* Circumventing Conflict: The Indonesia – Malaysia Ambalat Block Dispute. Berlin: Springer, 2016. P. 144.

В отдельных случаях на преодоление разногласий потребовались десятилетия. Ярким примером может служить не только заключение индонезийско-малайзийских договоров по морю Сулавеси и южной части Малаккского пролива, но и подписание итогового соглашения о делимитации континентального шельфа между Индонезией и Вьетнамом, которое произошло почти через тридцать лет после начала переговоров⁵⁷⁸.

Важно учитывать, что делимитация границ – сложный и чувствительный процесс, который оказывает непосредственное и нередко значительное влияние на права заинтересованного государства в области разведки и добычи природных ресурсов, судоходства и прочих видов использования морских пространств.

Одним из путей решения проблемы делимитации межгосударственных границ в районе Амбалат может стать заключение соглашения о сотрудничестве и совместной разработке ресурсов в спорном районе. Несмотря на то, что прежде подобное предложение уже было отвергнуто, вполне возможно, стороны могут вернуться к рассмотрению данного варианта мирного урегулирования спора.

Велика вероятность, что, исходя из принципа невмешательства, роль АСЕАН в урегулировании территориальной проблемы в индонезийско-малайзийских отношениях останется невелика. Как и в случае с делимитацией территориальных вод в море Сулавеси, несмотря на наличие возможности для обращения к третьей стороне, скорее всего вопрос блока Амбалат будет разрешен дипломатическим путем на основе двусторонних переговоров.

Как отмечено выше, Конвенция ООН по морскому праву предусматривает, что делимитация ИЭЗ и континентального шельфа между государствами с противоположащими или смежными побережьями может осуществляться «путем соглашения на основе международного права в целях достижения справедливого решения». Данное положение не обязывает придерживаться принципа срединной линии, но и не запрещает этого: решение остается на усмотрение сторон. Тем не

---

⁵⁷⁸ Agreement between the Government of the Socialist Republic of Vietnam and the Government of the Republic of Indonesia Concerning the Delimitation of the Continental Shelf Boundary. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/no%20volume/part/i-44165.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

менее, исходя из опыта других стран, применение принципа равноудаленности, а также последующая корректировка полученной на первом этапе границы являются приоритетным способом построения морской делимитационной линии в соответствующей зоне.

В то же время существует вероятность, что Индонезия и Малайзия предпочтут иной способ мирного разрешения спора. В ходе переговоров каждая сторона свободна предлагать любой метод разграничения, который будет считаться приемлемым до тех пор, пока все заинтересованные государства согласны на его применение. Вместе с тем в данном контексте критически важное и даже решающее значение вполне может оказать итоговая линия границы территориальных вод Индонезии и Малайзии в море Сулавеси.

Соответственно, какой вариант ни был бы выбран, можно с определенной долей уверенности утверждать, что одобрение сторонами конкретного принципа делимитации убедительно свидетельствует о том, что каждая из них считает полученную в результате линию морской границы справедливой. Достижение компромисса является неотъемлемым элементом мирного урегулирования конфликта во внесудебном порядке.

Таким образом, к середине 2023 г. Индонезия и Малайзия достигли нового уровня развития двусторонних отношений. Совместное заявление о завершении заключительного этапа затянувшихся переговоров по делимитации территориальных вод в море Сулавеси и южной части Малаккского пролива позволяет надеяться на скорое разрешение и остальных территориальных разногласий, обеспечивает прочную основу для предстоящих переговоров и устраняет потенциальный источник обострения территориальных конфликтов. Эта крайне положительная тенденция является как устойчивым фактором сближения государств и усиления политического взаимодоверия, так и закономерным следствием длительного процесса укрепления межгосударственных связей и расширения многовекторного сотрудничества.

ГЛАВА V. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

5.1. Индонезия и Малайзия в борьбе с международным терроризмом

На протяжении последних лет обстановка в Юго-Восточной Азии в области безопасности характеризуется стабильностью и устойчивостью, что свидетельствует об эффективности, предпринятой АСЕАН комплексной стратегии по формированию региональной архитектуры безопасности. Несмотря на достигнутые успехи, и по сей день остается актуальной угроза локальных конфликтов. За видимым многонациональным единством нередко скрываются многочисленные этнорелигиозные противоречия, нерешенные территориальные споры, затянувшиеся экономические и социокультурные проблемы. Как правило, периодические вспышки конфликтов удается успешно купировать, и представляется маловероятным, что в обозримом будущем геополитическая напряженность перерастет в открытый военный конфликт. Тем не менее в последние годы особую угрозу стабильности и миру представляют такие нетрадиционные угрозы безопасности и глобальные проблемы современности, как экстремизм и терроризм как его крайнее проявление.

Юго-Восточная Азия является не только регионом-реципиентом боевиков, прибывающих преимущественно из стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и регионом-донором радикально настроенных элементов, покидающих родину с целью присоединения к крупным международным террористическим организациям. Причины, способствующие успешной вербовке в ряды экстремистских группировок, охватывают широкий спектр факторов: от культурно-ценностных и религиозных мотивов до политических и социально-экономических трудностей. Примечательно, что жертвой вербовщиков могут стать как представители беднейших и наиболее уязвимых слоев населения, так и выходцы из среднего класса.

Отличительной особенностью группировок радикальных исламистов, действующих на территории Юго-Восточной Азии, стала сетевая структура, получившая значительное развитие в условиях глобализации. Основным

преимуществом и одновременно недостатком подобных организаций является отсутствие единого идеологического и командного центра. С одной стороны, деятельность сетевых террористических групп сопряжена с возникновением разного рода рисков и препятствий. Поскольку отдельные ячейки регулярно сталкиваются с организационными проблемами, они могут быть недостаточно защищены и больше подвержены риску быть полностью ликвидированными. С другой стороны, эффективность таких организаций, как правило, выше, а особенности их функционирования позволяют обеспечить определенную анонимность и безопасность отдельных элементов разветвленной сети, зачастую покрывающей различные регионы планеты⁵⁷⁹.

На современном этапе основной целью радикальных экстремистских группировок Юго-Восточной Азии признано формирование в регионе единого исламского государства как части всемирного халифата, к созданию которого стремятся крупнейшие террористические организации мира. Местные боевики поддерживают длительные и довольно близкие дружеские отношения с представителями террористического подполья из других стран, с которыми нередко знакомятся в период прохождения подготовки на тренировочных базах на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В частности, на данный момент многие экстремисты Юго-Восточной Азии аффилированы с наиболее мощной террористической организации мира – «Исламским государством»⁵⁸⁰ – которая продолжает расширять зону своего контроля⁵⁸¹.

В то же время еще полвека назад тенденция была несколько иной. Деятельность местных террористических групп была преимущественно ограничена отдельным регионом страны, со временем оформлялись организационная и идеологическая основы. Структуризация и активизация

---

⁵⁷⁹ *Ефимова Л. М.* Невоенные угрозы безопасности в ЮВА. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/nevoennye-ugrozy-bezopasnosti-v-yuva> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁸⁰ Организация запрещена в России.

⁵⁸¹ *Spooner J.* Assessing ISIS Expansion in Southeast Asia: Major Threat or Misplaced Fear? URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/assessing-isis-expansion-southeast-asia-major-threat-or-misplaced-fear> (дата обращения: 15.09.2024).

деятельности радикальных ячеек в странах Юго-Восточной Азии особенно заметны с 1980-х гг., в то время как прежде террористическая деятельность, в том числе в колониальный период, по большей части носила спорадический характер.

В 1981 г. боевики захватили самолет авиакомпании «*Garuda Indonesia*», что стало первым крупным террористическим ударом, который был нанесен джихадистами в Юго-Восточной Азии⁵⁸². С 1990-х гг. постепенно укрепляли позиции крупные международные террористические организации, в первую очередь «Аль-Каида»⁵⁸³. Данные экстремистские объединения содействовали созданию первых крупных террористических сетей в регионе таких, как индонезийская организация «Джемаа Исламия» и филиппинская «Абу Сайяф». Как отмечают эксперты, и по сей день им оказывается существенная финансовая, материальная и техническая поддержка со стороны «Аль-Каиды» и сформированного позднее «Исламского государства». Кроме того, именно с тех пор молодые боевики получили возможность пройти подготовку в зарубежных тренировочных лагерях, что оказало решающее влияние на дальнейшее развитие радикальных объединений в Юго-Восточной Азии⁵⁸⁴.

Таким образом, международные тенденции развития современного терроризма стали явно прослеживаться в странах рассматриваемого региона, и с конца XX в. они стали немаловажной частью общемировой террористической сети. Несмотря на то, что, будучи элементом международной системы, террористические ячейки на территории Юго-Восточной Азии не функционируют изолированно, им присущи некоторые особенности, которые определяют их цели и характер деятельности. Между тем относительная политическая стабильность и достигнутый гражданский мир в большинстве стран региона позволяют сдерживать рост экстремистских настроений⁵⁸⁵.

---

⁵⁸² *Bakhshi U., Rousselle A.* The History and Evolution of the Islamic State in Southeast Asia. URL: <https://www.hudson.org/terrorism/history-evolution-islamic-state-southeast-asia#footNote1> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁸³ Организация запрещена в России.

⁵⁸⁴ *Terrorism in Southeast Asia.* URL: <https://www.history.navy.mil/research/library/online-reading-room/title-list-alphabetically/t/terrorism-in-southeast-asia.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁸⁵ *Лобач Д. В.* Современные террористические угрозы в Юго-Восточной Азии // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* 2017. № 2–3. С. 186.

В связи с сохранением террористической угрозы в Юго-Восточной Азии⁵⁸⁶ государства уделяют особое внимание антитеррористической политике, что проявляется в том числе в выдвижении двусторонних и многосторонних инициатив в рамках деятельности ООН и АСЕАН. Наблюдаемая на современном этапе последовательная модернизация национальных и международных правовых инструментов в области обеспечения безопасности говорит о некотором расширении и укреплении влияния крупных террористических группировок по всему миру.

Представляется важным проследить и выделить некоторые общие ключевые характеристики и тенденции в развитии антитеррористической политики стран Юго-Восточной Азии и программ комплексного сотрудничества на примере таких крупных региональных игроков и активных членов АСЕАН, как Индонезия и Малайзия.

В данном контексте нельзя не отметить, что в настоящее время различные формы и проявления терроризма представляют особую угрозу обстановке мира и безопасности на территории Индонезии. Исламистский терроризм и радикализм не являются здесь новыми явлениями. Первые регулярные вспышки террористической активности в постколониальный период приходятся на 1950-е гг. и связаны с деятельностью экстремистского движения «Даруль Ислам» («Земля Ислама»), идеология которого была основана на исламском фундаментализме. Одной из целей группировки было объявлено создание исламского государства на территории Индонезии, средством достижения которого должна была стать «священная война» (джихад). Хотя к середине 1960-х гг. основные ячейки «Даруль Ислам» были вскрыты и уничтожены правительственными силами, подпольная деятельность приверженцев движения продолжается и по сей день⁵⁸⁷. Необходимо

---

⁵⁸⁶ Согласно Глобальному индексу терроризма за 2023 г., Мьянма, Филиппины, Индонезия и Таиланд входят в первую «тридцатку» стран мира по уровню террористической активности. Global Terrorism Index 2023. P. 8. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2023/12/GTI-2023-web.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁸⁷ Van Bruinessen M. Genealogies of Islamic Radicalism in Post-Suharto Indonesia // South East Asia Research. Vol. 10, No. 2 (2002). Pp. 119–128.

отметить, что радикалы стояли у истоков создания упомянутой выше организации «Джемаа Исламия».

Остается актуальной и проблема «спящих террористических ячеек» «Исламского государства», разбросанных по всему региону. По словам индонезийских властей, подобные боевые группы в той или иной степени представлены «почти в каждой провинции» страны. Опасность во многом состоит в том, что «спящие ячейки» могут войти в контакт и впоследствии объединиться с другими радикальными группировками⁵⁸⁸.

Несмотря на периодические всплески террористической активности в Индонезии на протяжении второй половины XX в., нетрудно заметить, что внимание правительства не было обращено в сторону развития законодательства по антитеррористической защищенности. Как правило, ответственность за совершение преступлений, которые на современном этапе относятся к категории экстремистских и террористических актов, устанавливалась в рамках действовавшего уголовного права, а борьба с террористическими проявлениями не носила системный характер. Профильное законодательство и соответствующие механизмы регулирования были выработаны только в начале XXI в.

В течение двух десятилетий после падения режима «Нового порядка», сопровождавшегося отставкой президента Сухарто в 1998 г., в Индонезии были зафиксированы около двадцати относительно крупных террористических актов, большинство из которых произошли при участии смертников⁵⁸⁹.

Правительство Индонезии предпринимает активные усилия по предупреждению террористической деятельности. Работа в данном направлении особенно заметна с 2002 г. после серии терактов на о. Бали, которые стали крупнейшими в истории страны по количеству жертв и пострадавших (погибли 202

---

⁵⁸⁸ *Time*, 13.06.2017. URL: <https://time.com/4816005/indonesia-islamic-state-isis> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁸⁹ *Satria A.* Two Decades of Counterterrorism in Indonesia: Successful Developments and Future Challenges // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 14, No. 5 (2022). P. 7.

человека, 164 из которых являлись иностранцами, 209 человек получили ранения)⁵⁹⁰.

После этих трагических событий Индонезия приступила к постепенному расширению своих возможностей по противодействию распространению экстремисткой деятельности: ужесточено законодательство, а сам формат работы институционализирован. В 2002 г. вступило в силу Постановление Правительства, заменяющее закон, № 1 об искоренении терроризма (*Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme*), что является важной вехой в истории антитеррористической борьбы в Индонезии⁵⁹¹. Впоследствии в 2002–2003 гг., 2013 г., 2018 г. были приняты ряд законов, уточнивших государственную стратегию по укреплению национальной безопасности путем борьбы с терроризмом по различным направлениям, в том числе Закон № 15 от 2003 г. о противодействии терроризму (*Undang-Undang Nomor 15 Tahun 2003 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme*)⁵⁹² и Закон № 9 от 2013 г. о предотвращении и искоренении финансирования терроризма (*Undang-Undang Nomor 9 Tahun 2013 tentang Pencegahan dan Pemberantasan Tindak Pidana Pendanaan Terorisme*)⁵⁹³.

Закон № 5 от 2018 г. о внесении изменений в Закон № 15 от 2003 г. о противодействии терроризму (*Undang-Undang Nomor 5 Tahun 2018 tentang Perubahan atas Undang-Undang Nomor 15 Tahun 2003 tentang Pemberantasan Tindak*

---

⁵⁹⁰ *Deutsche Welle*, 12.10.2012. URL: <https://www.dw.com/en/bali-bombings-remembered-10-years-on/a-16301013> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹¹ Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme [Постановление Правительства, заменяющее закон, Республики Индонезия № 1 от 2002 г. об искоренении терроризма]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Download/42482/2002PP_Pengganti_UU_No_1_th_2002.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹² Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 15 Tahun 2003 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme, Menjadi Undang-Undang [Закон Республики Индонезия № 15 от 2003 г. о введении в действие Постановления Правительства, заменяющего закон, № 1 от 2002 г. о противодействии терроризму и признании его законом]. URL: <https://www.balitbangham.go.id/po-content/peraturan/17.%20uu%20no%2015%20tahun%202003%20teroris.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹³ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 9 Tahun 2013 tentang Pencegahan dan Pemberantasan Tindak Pidana Pendanaan Terorisme [Закон Республики Индонезия № 9 от 2013 г. о предотвращении и искоренении финансирования терроризма]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/28197/UU%20Nomor%209%20Tahun%202013.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

Pidana Terorisme) ужесточил уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистского и террористического характера⁵⁹⁴. Ряд положений данного закона вызвали обеспокоенность гражданского общества в связи с возможностью превышения должностных полномочий и совершения неправомερных действий сотрудниками правоохранительных органов из-за недостаточно четких формулировок. Кроме того, защитники прав человека выразили озабоченность в связи с ужесточением порядка содержания подозреваемых под стражей⁵⁹⁵. В то же время закон определил механизмы защиты жертв террористических актов и укрепил роль программ дерадикализации как неотъемлемого компонента системы противодействия современному терроризму.

В рамках борьбы с терроризмом индонезийские власти применяют инструменты как «жесткой», так и «мягкой» силы при привлечении Национального контртеррористического агентства Индонезии, Национальной армии и сил Национальной полиции. Военные и правоохранительные органы успешно ликвидировали несколько террористических сетей, и власти продолжают укреплять свой потенциал. Например, в 2003 г. был сформирован «Специальный отряд по борьбе с терроризмом 88» (*Detasemen Khusus 88 Antiteror, Densus 88*), который является контртеррористическим отрядом первого уровня Национальной полиции Индонезии⁵⁹⁶.

Поскольку терроризм является одной из форм преступной деятельности, которая касается не только национальной, но и региональной, и мировой безопасности, одним из направлений контртеррористической стратегии Индонезии стало развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества. Представители

---

⁵⁹⁴ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 5 Tahun 2018 tentang Perubahan atas Undang-Undang Nomor 15 Tahun 2003 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme Menjadi Undang-Undang [Закон Республики Индонезия № 5 от 2018 г. о внесении изменений в Закон № 15 от 2003 г. о введении в действие Постановления Правительства, заменяющего закон, № 1 от 2002 г. о противодействии терроризму и признании его законом]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/82689/uu-no5-tahun-2018> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹⁵ Amnesty International, 25.05.2018. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/05/indonesia-newly-amended-anti-terror-law-threatens-to-undermine-human-rights> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹⁶ *Detik News*, 25.08.2023. URL: <https://news.detik.com/berita/d-6895891/sejarah-pembentukan-densus-88-antiteror-tanggal-26-agustus> (дата обращения: 15.09.2024).

страны принимают участие в работе профильных комитетов и межправительственных комиссий, в том числе при ООН, АСЕАН, АТЭС, например, в специальных встречах министров обороны АСЕАН, Рабочей группе АТЭС по борьбе с терроризмом.

О положительных результатах проводимого курса свидетельствуют и статистические данные. Например, в 2021 г. было объявлено о задержании 370 подозреваемых в терроризме в течение года, 13 из которых погибли, оказывая сопротивление при аресте или находясь под стражей⁵⁹⁷. По данным Национального контртеррористического агентства, в 2020 г. полиция задержала около 260 подозреваемых в терроризме и убила не менее 10 человек, оказывавших сопротивление аресту⁵⁹⁸. В то же время с января по декабрь 2019 г. полиция арестовала около 296 подозреваемых и убила по меньшей мере шестерых за сопротивление аресту⁵⁹⁹.

Необходимо отметить, что в 2017 г. совместно с Малайзией и Филиппинами Индонезия приняла участие в Трехсторонней конференции по безопасности. На конференции были обсуждены такие вопросы, как сохранение безопасности в пограничной зоне, проблема похищения людей в открытом море, текущая тактика, используемая террористическими группировками, инициативы и усилия правительства, а также пробелы и проблемы в данной области. По итогам встречи Индонезия, Малайзия и Филиппины заключили трехстороннее соглашение о сотрудничестве в области безопасности, важным условием которого стало развитие морского патрулирования⁶⁰⁰. В целом представители Индонезии, Малайзии и Филиппин регулярно проводят совместные встречи с целью обсуждения

---

⁵⁹⁷ Country Reports on Terrorism 2021: Indonesia. URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2021/indonesia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹⁸ Country Reports on Terrorism 2020: Indonesia. URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2020/indonesia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁵⁹⁹ Country Reports on Terrorism 2019: Indonesia. URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2019/indonesia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰⁰ The Trilateral Cooperative Arrangement (TCA) // Maritime Malice in Malaysia, Indonesia and the Philippines: The Asymmetric Maritime Threat at the Tri-Border Area. 2021. Pp. 3–5.

перспектив развития долгосрочного сотрудничества по поддержанию международного мира и безопасности⁶⁰¹.

Представляется важным подчеркнуть, что одним из традиционных партнеров Индонезии в сфере безопасности является Российская Федерация. Еще в 2007 г. между нашими странами был подписан Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества в борьбе с терроризмом⁶⁰². С целью реализации условий Меморандума была создана российско-индонезийская рабочая группа по противодействию международному терроризму⁶⁰³. По итогам четырех заседаний рабочей группы сторонами были установлены общие принципы работы и взаимодействия в данной сфере, а также достигнуты договоренности о наращивании двустороннего и многостороннего контртеррористического сотрудничества, в том числе в рамках работы ООН, АТЭС, Регионального форума АСЕАН по безопасности, Диалогового партнерства Россия – АСЕАН⁶⁰⁴. Хотя Россия принимает активное участие в области реализации стратегического партнерства со странами АСЕАН, например, регулярно проходят Международные встречи по безопасности России и АСЕАН⁶⁰⁵, как представляется, именно с Индонезией ее связывают наиболее давние и тесные отношения в данной сфере.

Проблема терроризма в Малайзии стоит относительно менее остро, чем в Индонезии. Об этом свидетельствуют и статистические данные. Хотя за последние несколько лет в Малайзии не было совершено крупных террористических атак, она остается важным источником, транзитным пунктом и, в меньшей степени, страной

---

⁶⁰¹ *The Star*, 16.01.2022. URL: <https://www.thestar.com.my/aseanplus/aseanplus-news/2022/01/16/trilateral-cooperative-arrangement-defence-ministers-of-malaysia-indonesia-and-philippines-on-jan-27> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰² Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45778 (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰³ Там же. Статья № 4.

⁶⁰⁴ Министерство иностранных дел Российской Федерации, 29.01.2016. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1521694 (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰⁵ *РИА Новости*, 28.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211028/terroristy-1756692050.html> (дата обращения: 15.09.2024).
Общественное телевидение России, 26.04.2024. URL: <https://otr-online.ru/news/v-peterburge-proshel-forum-po-bezopasnosti-rossii-i-asean-237861.html> (дата обращения: 15.09.2024).

назначения для членов террористических групп, включая «Исламское государство»⁶⁰⁶, «Абу Сайяф», «Аль-Каида» и «Джемаа Исламия»⁶⁰⁷.

Ситуацию осложняет тот факт, что в пограничных районах с Таиландом, Индонезией и Филиппинами сохраняется довольно слабый уровень контроля. Из-за своего стратегического расположения восточномалайзийский штат Сабах зачастую выступает в качестве перевалочной и опорной базы для террористов. В постпандемийный период обстановка обострилась: с 2022 г. членами «Исламского освободительного фронта моро» (*Moro Islamic Liberation Front*) периодически совершаются атаки близ границ Сабаха⁶⁰⁸.

Борьба с терроризмом при помощи правоохранительных органов является приоритетной стратегией Малайзии. Специальное подразделение по борьбе с терроризмом (*Special Actions Unit*) Королевской полиции Малайзии играет ведущую роль в данном процессе. Отдельное внимание уделяется профилактике, а именно превентивному задержанию, аналогичному сингапурскому, и так называемой «программе реабилитации»⁶⁰⁹.

После серии террористических актов в США, осуществленных членами «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г., малайзийские власти обратили более пристальное внимание к обеспечению реализации государственной политики в области противодействия экстремистской и террористической деятельности. Хотя работа в данном направлении осуществлялась и прежде, с этого времени стала заметна активизация усилий Малайзии в области антитеррористической безопасности на международном уровне. Развитие также получила национальная законодательная и нормативная база⁶¹⁰.

---

⁶⁰⁶ Организация запрещена в России.

⁶⁰⁷ *Aslam M. M. M. Malaysian Terrorist Organizations and Potential Involvement in Criminal Activities // Journal of Al-Tamaddun. Vol. 15, No. 2 (2020). Pp. 15–16.*

⁶⁰⁸ *9DashLine*, 28.04.2023. URL: <https://www.9dashline.com/article/sabah-is-a-flashpoint-for-islamist-extremism-and-separatism-in-southeast-asia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰⁹ *Aziz W. A. D. A. The Role and Initiaves of Malaysian Government Agencies in Countering Violent Extremism and Terrorism. Pp. 4-9. URL: https://www.moha.gov.my/images/maklumat_bahagian/ipsom/jurnal/volume11/edisi_khas_num_1.pdf* (дата обращения: 15.09.2024).

⁶¹⁰ *Patterns of Global Terrorism 2002 – Malaysia. URL: https://www.refworld.org/reference/annualreport/usdos/2003/en/44687* (дата обращения: 15.09.2024).

В своих выступлениях в первые годы XXI в. премьер-министр Махатхир Мохамад нередко обращался к вопросу нарастающей террористической угрозы как одной из наиболее острых проблем, вызывавших большую тревогу мирового сообщества. Впрочем, ни в кой мере не оправдывая случившиеся, он отчасти рассматривал активизацию исламистских экстремистских группировок как реакцию на недалёковидную политику Запада на Ближнем Востоке⁶¹¹.

Малайзийские власти убеждены, что правильное мусульманское воспитание и, в частности, корректное объяснение концепции священной войны мусульман, джихада, может оказать крайне благоприятное воздействие на противодействие распространению идеологии терроризма и экстремизма. Примечательно, что подобный подход отражает позицию и других государств региона, например, Индонезии⁶¹².

Необходимо уделить несколько слов законодательной базе Малайзии. Первостепенную роль в сдерживании роста террористических элементов в стране сыграли Закон о специальных мерах против преступлений в области безопасности от 2012 г. (*Security Offences (Special Measures) Act 2012*)⁶¹³ и Закон о предотвращении терроризма от 2015 г. (*Prevention of Terrorism Act 2015*)⁶¹⁴. Они стали продолжением, дополнением и в некоторой степени даже заменой Закону о внутренней безопасности 1960 г. (*Internal Security Act 1960*)⁶¹⁵, направленного на

⁶¹¹ Ucapan Dato' Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad. The Conference on Terrorism, 16.11.2001. URL: <https://www.pmo.gov.my/ucapan/?m=p&p=mahathir&id=1055> (дата обращения: 15.09.2024).

Islam, Terrorism and Malaysia's Response. Remarks by The Honorable Dato Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad, Prime Minister of Malaysia, 04.02.2002. URL: <https://asiasociety.org/islam-terrorism-and-malaysias-response> (дата обращения: 15.09.2024).

China Daily, 23.10.2003. URL: https://global.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-10/23/content_274769.htm (дата обращения: 15.09.2024).

⁶¹² Кутюва Е. А. ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 34, № 34 (2017). С. 110.

⁶¹³ Security Offences (Special Measures) Act 2012. URL: https://lom.agc.gov.my/ilims/upload/portal/akta/outputaktap/20120622_747_BI_Act%20747%20BI.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁶¹⁴ Prevention of Terrorism Act 2015. URL: [http://www.federalgazette.agc.gov.my/outputaktap/aktaBI_20150604_Act769\(BI\).pdf](http://www.federalgazette.agc.gov.my/outputaktap/aktaBI_20150604_Act769(BI).pdf) (дата обращения: 15.09.2024).

⁶¹⁵ Internal Security Act 1960. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Malaysia/MY_Internal_Security_Act.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

борьбу с подрывными элементами и устранением угроз национальной безопасности.

Вместе с тем в 2016 г. был принят Закон о Совете национальной безопасности (*National Security Council Act*). Одним из существенных нововведений стало расширение полномочий властей в области борьбы с терроризмом, в частности, предубеждения преступлений террористического характера. Например, прежде, согласно Закону о внутренней безопасности 1960 г., район мог быть объявлен зоной особого контроля в случае насильственного преступления, совершаемого организованной и многочисленной группой лиц. Новый законодательный акт предусматривал, что опасность представляют любые действия, которые могут потенциально поставить под угрозу безопасность страны, в том числе в пределах конкретного района. При подобных обстоятельствах федеральные власти наделяются теми полномочиями, которые объявлены как необходимые и целесообразные для обеспечения национальной безопасности⁶¹⁶. В числе прочего такие полномочия могут включать широкий круг уголовно-процессуальных функций, касающихся следственных мероприятий, действий по проведению обыска и наложению ареста на подозреваемых в совершении противоправных деяний⁶¹⁷. Принятый закон также наделяет властей правом временного пользования недвижимым и движимым имуществом населения или любыми другими ресурсами по мере необходимости⁶¹⁸.

Вышеупомянутые законодательные акты подверглись критике со стороны оппозиции в связи с печальным опытом, связанным с неправомерным использованием их положений. Например, Закон от 2012 г. позволяет властям Малайзии задерживать подозреваемых в терроризме без суда на период до двадцати восьми дней⁶¹⁹. Хотя в Уголовном кодексе Малайзии есть специальный

---

⁶¹⁶ Laws of Malaysia. Act 776. National Security Council Act 2016. Part IV, Article 18. URL: <https://asset.mkn.gov.my/web/wp-content/uploads/sites/3/2019/08/Akta-MKN-2016-BI.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶¹⁷ Ibid. Articles 25–28.

⁶¹⁸ Ibid. Articles 29–31.

⁶¹⁹ *Free Malaysia Today*, 17.12.2022. URL: <https://www.freemalaysiatoday.com/category/nation/2022/12/17/explained-the-controversial-sosma-law> (дата обращения: 15.09.2024).

раздел, криминализирующий терроризм, наиболее часто полицией используется Закон от 2015 г., который, по мнению властей, эффективно пресекает любой экстремизм, поскольку в нем содержится положение о превентивном задержании.

Изменения в законодательстве в 2012, 2015, 2016 гг. также вызвали определенный международный резонанс. Региональное отделение Управления Верховного комиссара ООН по правам человека для Юго-Восточной Азии и правозащитная организация *Human Rights Watch* выразили обеспокоенность последствиями принятия законов для соблюдения прав человека, так как «в руках правительства сосредоточилась огромная власть», что могло привести к злоупотреблениям и произволу⁶²⁰. Несмотря на резкую критику общественности, со стороны правительства реакции не последовало, и законы вступили в силу. Вероятно, вопреки определенным сомнениям и опасениям, впоследствии новая стратегия доказала свою эффективность⁶²¹. Безусловно, немаловажное значение имели укрепление сотрудничества и координации между правоохранительными органами Малайзии, а также расширение государственно-частного партнерства в области предотвращения и ликвидации террористической деятельности. Тем не менее, как представляется, прогресса было бы сложнее добиться без внесения изменений в профильное законодательство.

О снижении уровня и масштаба террористической угрозы в Малайзии свидетельствует тот факт, что за 2023 г. на территории страны не было произведено ни одного ареста по делу, связанного с терроризмом. Нельзя не отметить, что такой результат во многом объясняется не только эффективной государственной политикой и ограничениями, вызванными последствиями пандемии коронавирусной инфекции, но и, что не менее важно, сокращением активности, по

---

⁶²⁰ Human Rights Watch, 02.08.2016. URL: <https://www.hrw.org/news/2016/08/02/malaysia-new-law-gives-government-sweeping-powers> (дата обращения: 15.09.2024).

Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 09.12.2016. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2016/12/un-experts-call-malaysia-stop-targeting-human-rights-defenders-under> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶²¹ Если в 2011 г. 16 человек были арестованы по подозрению в совершении преступлений террористической направленности, то в 2017 г. данный показатель увеличился до 109 человек. Country Reports on Terrorism 2011 – Malaysia. URL: <https://www.refworld.org/reference/annualreport/usdos/2012/en/87910> (дата обращения: 15.09.2024). Dass R., Samuel T. K. Terrorism and Counter Terrorism in Malaysia in a Post-Pandemic Environment // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 15, No. 3 (2023). P. 22.

сравнению с 2010-х гг., таких крупных террористических группировок, как «Исламское государство» и «Аль-Каида»⁶²².

Как и Индонезия, Малайзия предпринимает усилия по борьбе с терроризмом в рамках работы в региональных и международных организациях. Представители Малайзии участвуют в многочисленных мероприятиях, организованных ООН, АСЕАН, АТЭС, Глобальным контртеррористическим форумом и Восточноазиатским саммитом.

Целью профильных правовых документов, принятых до настоящего момента АСЕАН, является обеспечение всеобъемлющей основы для координации политики стран-членов организации в области борьбы с терроризмом. Центральное место в этой структуре занимает Конвенция АСЕАН о противодействии терроризму 2007 г. (*ASEAN Convention on Counter Terrorism*)⁶²³. Трудно отрицать, что внутренние правовые ограничения каждого государства неизбежно сдерживают возможности АСЕАН по расширению антитеррористического сотрудничества в Юго-Восточной Азии. Однако эти ограничения все же следует понимать не как препятствие на пути к достижению целей АСЕАН, а, скорее, как социально-политические структуры, в рамках которых возможно наладить более глубокое взаимодействие. Таким образом, предпринятые АСЕАН шаги должны дополнять и подкреплять национальные усилия по разработке правовых и политических мер реагирования на террористические акты и угрозы в сочетании с развивающимся международным законодательством по борьбе с терроризмом.

На современном этапе одним из важнейших направлений государственной политики стран АСЕАН, в том числе Индонезии и Малайзии, в области противодействия терроризму является реализация комплекса мер, направленных на дерадикализацию, разобщение, реабилитацию и реинтеграцию лиц, причастных к экстремистской или террористической деятельности. Ключевой целью подобных

---

⁶²² Dass R. Counter Terrorist Trends and Analyses. Malaysia. URL: <https://www.rsis.edu.sg/ctta-newsarticle/malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶²³ ASEAN Convention on Counter Terrorism. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ACCT.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

программ объявлено просвещение и перевоспитание заключенных, их переубеждение, помощь в отказе от экстремистских взглядов и практик, а также последующее возвращение и активное включение в общественную жизнь. Основная сложность состоит не только в необходимости разработки индивидуального подхода с учетом конкретных особенностей каждого отдельного случая, но и в осуществлении эффективного взаимодействия и координации деятельности государственных служб и общественных организаций, принимающих участие в реализации программ реабилитации⁶²⁴.

С начала XXI в. в Индонезии были арестованы и осуждены более 3 тыс. человек, обвиненные в совершении преступлений, связанных с терроризмом. Несмотря на достигнутые успехи в области политики по искоренению и предотвращению терроризма, потребность в применении более «мягкого» подхода постепенно стала неотвратимой. С 2012 г. программа дерадикализации превратилась в неотъемлемую часть антитеррористической стратегии страны. На первом этапе данный вопрос находился преимущественно в ведении Национального агентства по борьбе с терроризмом (*Badan Nasional Penanggulangan Terorisme*). Однако подобный порядок не доказал свою эффективность ввиду отсутствия системной координации действий между профильными учреждениями, что потребовало создания комплексной системы поддержки программ дерадикализации и реабилитации при участии армейских и полицейских сил. Принятый в 2018 г. Закон № 5 Республики Индонезия⁶²⁵ стал ключевым нормативно-правовым актом в сфере регулирования национальной контртеррористической стратегии и утвердил дерадикализацию как одно из ее важнейших направлений.

---

⁶²⁴ ASEAN Handbook Promising Practices on Deradicalisation, Rehabilitation and Reintegration of Prison Inmates related to Terrorism and Violent Extremism. Pp. 6, 16–17. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/10/ASEAN-Handbook-June-2023-Promising-Practices-on-Deradicalisation-Rehabilitation-and-Reintegration-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶²⁵ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 5 Tahun 2018 tentang Perubahan atas Undang-Undang Nomor 15 Tahun 2003 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme Menjadi Undang-Undang [Закон Республики Индонезия № 5 от 2018 г. о внесении изменений в Закон № 15 от 2003 г. о введении в действие Постановления Правительства, заменяющего закон, № 1 от 2002 г. о противодействии терроризму и признании его законом]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/82689/uu-no5-tahun-2018> (дата обращения: 15.09.2024).

Ярким примером тщательного и, как оказалось, успешного подхода к проведению работы с заключенными стала система, принятая в тюрьме на острове Нуса-Камбанган, близ Центральной Явы. Специальные должностные лица назначены осуществлять контроль за повседневным поведением своих подопечных и фиксировать полученные данные в списке, охватывающем около 60 видов индивидуальных и групповых занятий, а также форм взаимодействия с другими заключенными и сотрудниками тюрьмы. Полученные оценки помогают как при решении вопроса о досрочном освобождении в каждом конкретном случае, так и при выработке дальнейшей стратегии по развитию и адаптации программ дерадикализации и реабилитации в национальном масштабе⁶²⁶.

Скорейшему достижению успеха способствует вовлечение семей участников программы в процесс реабилитации и реинтеграции. Однако прежде, чем пригласить членов семьи осужденных террористов к участию в этом исключительно непростом и длительном процессе, координаторам требуется определить, что родственники осужденного не придерживаются радикальных взглядов и не склонны к экстремистской деятельности. Нередко семьи могут быть наделены временным жильем недалеко от тюрьмы, что позволяет им регулярно навещать своих родных и облегчает взаимодействие, в том числе благодаря регулярному контролю со стороны координаторов программы из числа сотрудников тюрем⁶²⁷. По мнению экспертов, приверженность родственников осужденных крайним взглядам и радикальным идеям является одним из существенных факторов, способствующих возвращению осужденных в ряды экстремистских и террористических объединений⁶²⁸.

Благодаря совершенствованию правовых и технических механизмов регулирования индонезийской политики и активной практической реализации

---

⁶²⁶ ASEAN Handbook Promising Practices on Deradicalisation, Rehabilitation and Reintegration of Prison Inmates related to Terrorism and Violent Extremism. P. 18. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/10/ASEAN-Handbook-June-2023-Promising-Practices-on-Deradicalisation-Rehabilitation-and-Reintegration-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶²⁷ Ibid. P. 44.

⁶²⁸ Terrorism, Recidivism and Planned Releases in Indonesia. IPAC Report No. 66. P. 11. URL: <https://understandingconflict.sgp1.digitaloceanspaces.com/dashboard/11651711078511163c667fa54a32c06f.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

всеобъемлющего плана действий в области противодействия терроризму удалось существенно снизить уровень и масштаб террористических угроз. Тем не менее современные международные экстремистские структуры отличает наличие устойчивых связей, что существенным образом препятствует достижению более значительного прогресса в области обеспечения безопасности.

С 2012 г. ежегодно из индонезийских тюрем на свободу выходят в среднем до 100 человек, осужденных за преступления, связанные с терроризмом⁶²⁹. Несмотря на заметные успехи властей, случаи рецидива бывших осужденных террористов на самом деле не редкость в Индонезии. В период с 2002 по 2020 гг. не менее 94 преступников (11,39 % от общего числа освобожденных в 825 человек) вернулись к террористической деятельности⁶³⁰. В большинстве случаев с момента освобождения до следующего ареста прошло менее двух лет⁶³¹.

В то же время опыт округа Ламонган показал, что только 30 из 100 бывших террористов смогли полноценно интегрироваться в общественную жизнь⁶³². Безусловно, данный процесс сопряжен с большими трудностями, что требует оптимизации комплексного подхода, совершенствования средств и методов для улучшения ключевых показателей.

Между тем переполненность мест лишения свободы имеет серьезные негативные последствия для реализации программ реабилитации, поскольку создает благоприятные условия для распространения радикальных идеологий, экстремизма и терроризма.

Другими препятствиями на пути успешного развития антитеррористической стратегии в Индонезии являются ограниченное число сотрудников тюремных учреждений, принимающих участие в программе, относительно слабая

---

⁶²⁹ *BenarNews*, 04.09.2020. URL: <https://www.benarnews.org/english/news/indonesian/200904-ID-terrorism-recidivism-09042020194441.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶³⁰ *The Diplomat*, 30.01.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/01/indonesias-vicious-cycle-terrorist-convicts-making-a-comeback> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶³¹ *The Strategist*, 14.06.2023. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/has-indonesias-deradicalisation-program-done-enough-to-combat-terrorism> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶³² *Mubaraq Z., Arifin S., Abdullah I., Jubba H., Indiyanto A.* Return of the Lost Son: Disengagement and Social Reintegration of Former Terrorists in Indonesia // *Cogent Social Sciences*. Vol. 8, No. 1 (2022). P. 2.

координация деятельности между профильными подразделениями, а также недостаточно крепкая законодательная база.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным подчеркнуть, что, несмотря на ряд проблем, с которыми сталкиваются индонезийские власти на пути к выявлению и устранению террористической угрозы от рецидивистов, им все же удалось достичь определенных успехов, так как около 89 % осужденных не возвращаются к террористической деятельности после освобождения. При этом, по всей видимости, с течением времени потребуется модернизировать и реформировать существующие механизмы и методы реализации программ реабилитации и дерадикализации для успешного преодоления новых угроз террористического характера. В частности, особо важную роль в этом процессе могут сыграть усовершенствование плана и комплекса реабилитационных мероприятий, обновление системы мониторинга и анализа информации, размещенной в интернет-пространстве и социальных сетях, укрепление нормативно-правовой базы и институциональной структуры в области противодействия экстремизму и терроризму, а также повышение профессионального потенциала и уровня компетентности работников, осуществляющих практическую деятельность в указанной сфере. Не менее важным фактором может стать развитие системы противодействия международному терроризму в многосторонних и двусторонних форматах, в частности, при непосредственном сотрудничестве с соседними странами.

Программы реабилитации и дерадикализации активно осуществляются и в Малайзии, и за последние годы они стали неотъемлемым элементом борьбы с террористической угрозой. Реализация проектов находится в совместной зоне ответственности Специального подразделения по борьбе с терроризмом Королевской полиции Малайзии, Департамента исламского развития Малайзии, Министерства обороны и Министерства образования, а также Департамента по делам тюрем Министерства внутренних дел⁶³³.

---

⁶³³ *Saidin M. I. S., Khalid K. A. T. Combating Daesh: Insights into Malaysia's Counter-Terrorism Experience and the Deradicalisation of Former Detainees // Religions. Vol. 14, No. 3 (2023). P. 14.*

Заслуживает внимания тот факт, что, как правило, осуществление комплексных программ по реабилитации происходит поэтапно и приходится на период пребывания осужденных в терроризме в тюремных стенах, а программ по дерадикализации – уже после выхода на свободу. Первый этап связан с помощью в преодолении политических и религиозных заблуждений, а второй основан преимущественно на контроле за поведением освобожденных. В то же время в Индонезии и реабилитации, и дерадикализации уделяется пристальное внимание еще на этапе тюремного заключения.

Профильными ведомствами Малайзии была разработана и внедрена программа «Модуль 30» (*Module 30*), в рамках которой осуществляется деятельность по четырем основным направлениям: духовно-нравственное воспитание и искоренение идей радикального джихада, исполнение приговора в соответствии с законом, патриотическое воспитание и привлечение родственников осужденных к участию в программе. Отдельное внимание уделяется психическому и психологическому здоровью бывших боевиков, а также их профессиональной подготовке с целью обеспечения беспрепятственного возвращения в общество⁶³⁴.

Согласно статистическим данным, не менее 240 человек стали участниками малайзийских программ по реабилитации и дерадикализации⁶³⁵, и 97 % из них сумели интегрироваться в общественную жизнь после выхода из тюрьмы, наладить отношения в семье и устроиться на работу⁶³⁶.

Существенно облегчают процесс и помогают добиться наилучших результатов активное и регулярное взаимодействие и официально оформленное сотрудничество между Департаментом по делам тюрем и Департаментом социального обеспечения. Подобный подход имеет серьезные преимущества и способствует достижению скорейшего и ощутимого прогресса⁶³⁷. Особенно

---

⁶³⁴ Ibid. Pp. 14–15.

⁶³⁵ Dass R., Samuel T. K. Terrorism and Counter Terrorism in Malaysia in a Post-Pandemic Environment // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 15, No. 3 (2023). Pp. 27–28.

⁶³⁶ Saidin M. I. S., Khalid K. A. T. Combating Daesh: Insights into Malaysia's Counter-Terrorism Experience and the Deradicalisation of Former Detainees // Religions. Vol. 14, No. 3 (2023). P. 15.

⁶³⁷ Praditya Y. The Effectiveness of De-Radicalization Program in Southeast Asia: Does It Work? The Case of Indonesia, Malaysia, and Singapore // Journal of ASEAN Studies. Vol. 5, No. 2 (2018). P. 146.

наглядно это проявляется в сравнении с Индонезией, которая пока не утвердила подобный формат взаимодействия между аналогичными государственными учреждениями, участвующими в программе, что может несколько замедлить процесс «излечения и восстановления».

Нетрудно заметить, что благодаря слаженным действиям малайзийских властей реабилитация и дерадикализация в значительной мере обеспечивают успех страны в борьбе с терроризмом. В частности, избранная стратегия содействует профилактике экстремизма, позволяет адаптировать бывших боевиков к обычной жизни и в результате приводит к сокращению частоты и масштаба террористических актов, тем самым внося ценный вклад в дело защиты мирных граждан от экстремистских и террористических посягательств как на национальном, так и на международном уровнях. Кроме того, с каждым годом все большее значение приобретают различные формы межправительственного взаимодействия, в том числе обмен разведывательными данными, координация и распределение усилий.

Государства-члены АСЕАН стремятся к укреплению сотрудничества друг с другом в области обеспечения мира, стабильности и безопасности. В мае 2002 г. Индонезия, Малайзия и Филиппины (к ним позже присоединились Камбоджа и Таиланд) заключили соглашение о борьбе с терроризмом, направленное на усиление пограничного контроля, обмен информацией о пассажирах авиакомпаний, создание горячих линий, обмен разведывательными данными и принятие стандартных процедур поиска и спасения⁶³⁸.

Некоторые другие страны региона также подписали аналогичные межправительственные договоры, в частности, между правоохранительными органами и разведывательными службами. Подобное внутрирегиональное сотрудничество, особенно при содействии внешних партнеров, таких как Россия,

---

⁶³⁸ *Ramakrishna K.* "The Southeast Asian Approach" to Counter – Terrorism: Learning from Indonesia and Malaysia // *Journal of Conflict Studies*. Vol. 25, No. 1 (2005). P. 31.

Австралия и США, привело к некоторым успехам, несмотря на сложности из-за политических и экономических ограничений в странах Юго-Восточной Азии⁶³⁹.

Представляется крайне важным рассмотреть особенности взаимодействия Индонезии и Малайзии по рассматриваемому вопросу и определить те аспекты опыта двух государств, которые могут дать ключ к пониманию основных направлений политики в области борьбы с терроризмом в Юго-Восточной Азии в целом.

Можно выделить следующие направления сотрудничества между Индонезией и Малайзией (в некоторых случаях при участии и других соседних государств):

1. Проведение регулярных совместных морских патрулирований (создание Морского командного центра) и военно-воздушных патрулирований с участием военных сил Индонезии, Малайзии и Филиппин. Каждое из государств должно осуществлять собственное патрулирование в пределах своих границ.

2. Создание совместной системы быстрого реагирования, которая обеспечивает немедленную помощь, если местные жители или суда испытывают трудности в водах зоны совместного контроля, а также служит для предотвращения критических ситуаций. Информация о ситуации на море и суше дежурным поступает от разведывательных групп. В таких случаях военнослужащим разрешается пересекать границу для последующего преследования похитителей или террористов. Однако правила довольно строгие, это разрешено только в чрезвычайных ситуациях и должно проводиться с предварительного ведома второй стороны. Кроме того, на текущий момент область действия системы быстрого реагирования охватывает только морские районы и запрещает проведение наземных операций, хотя страны согласны рассмотреть данный вопрос в будущем.

3. Планируется создание морского командного пункта, в частности, для облегчения координации между г. Бонгао на Филиппинах (о. Тавитави, около о. Калимантан), г. Тавау (Сабах) в Малайзии и г. Таракан (о. Таракан, около

---

⁶³⁹ Terrorism in Southeast Asia. URL: <https://www.history.navy.mil/research/library/online-reading-room/title-list-alphabetically/t/terrorism-in-southeast-asia.html> (дата обращения: 15.09.2024).

о. Калимантан) в Индонезии. Посты будут использоваться для демонстрации и осуществления координации маршрутов морского и воздушного патрулирования, будут проводиться совместные военно-морские учения.

4. Планируется развитие транзитных и транспортных коридоров в регионе. Линия нового транзитного коридора будет проходить через созданные морские командные пункты, а именно через Таракан, Тавау и Бонгао. Создание специальных линий не только облегчит противодействие пиратству, но и позволит коммерческим и рыболовным судам совершать остановку в данной зоне, даст возможность отдохнуть и дозаправиться.

5. Проводится обмен разведывательными данными и информацией, в том числе через проведение конфиденциальных встреч. Вместе с тем службы безопасности Малайзии и Индонезии, а также Сингапура реализуют совместные программы по противодействию экстремистской деятельности. В частности, сингапурская Группа религиозной реабилитации взяла на себя тяжелую задачу по оказанию помощи задержанным террористам, борясь с их идеологическим непониманием религии посредством проведения консультаций⁶⁴⁰.

В августе 2022 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Индонезией и Малайзией о взаимодействии в сфере безопасности (*Memorandum of Understanding between Indonesia and Malaysia on Defence Cooperation*)⁶⁴¹. Документ направлен на расширение двустороннего диалога по стратегическим оборонным и военным вопросам, а также развитие сотрудничества в оборонной промышленности. Объявлено, что в рамках первого этапа совместной работы будут возрождены совместные учения Малайзии и Индонезии на суше, море и в воздухе (приостановлены из-за пандемии коронавирусной инфекции *COVID-19*) с участием всех трех родов войск. Стороны отдельно подчеркнули, что ожидается расширение

---

⁶⁴⁰ Rezky A. N. Kerjasama Trilateral Indonesia Malaysia Filipina dalam Menanggulangi Kelompok Teroris Abu Sayyaf // eJournal Ilmu Hubungan Internasional. Vol. 6, No. 3 (2018). Hlm. 1292–1294.

⁶⁴¹ Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Indonesia and the Government of Malaysia on Defence Cooperation. URL: <https://www.kemhan.go.id/strahan/wp-content/uploads/2022/09/MoU-antara-Pemerintah-RI-dan-Pemerintah-Malaysia.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

сотрудничества в области кибербезопасности⁶⁴². Впрочем, существенного прогресса по осуществлению условий соглашения пока не последовало.

Несмотря на определенный успех в области противодействия терроризму, еще одна проблема на пути успешной реализации межправительственной политики заключается в увеличении числа террористических актов на суше. Как было отмечено, индонезийско-малайзийские совместные программы изначально ориентированы на обеспечение безопасности морских вод, поэтому запланированные преступниками террористические операции переносятся на сушу (как правило, на территорию Восточной Малайзии и Филиппин). В дополнение к данным проблемам конфликт между Малайзией и наследниками султаната Сулу о принадлежности территории штата Сабах до сих пор окончательно не разрешен, это вызывает трудности, в том числе и для определения границ зоны патрулирования.

Таким образом, подводя итоги, мы можем заметить, что в целом для антитеррористических стратегий Индонезии и Малайзии характерна приверженность общим концепциям, формам и подходам. В частности, развитие политики борьбы с терроризмом в обоих государствах прошло три основных этапа.

Первый этап пришелся на вторую половину XX – первые годы XXI вв., а именно с момента обретения странами независимости по 2002 г. Для данного периода характерно нарастание террористической угрозы на фоне постепенной активизации террористического движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке и распространения его влияния по всему миру, включая Юго-Восточную Азию. В то же время были сформированы первые крупные и регулярно действующие как местные, так и международные экстремистские группировки. Однако и в Индонезии, и в Малайзии проблема терроризма рассматривалась преимущественно как часть вопроса обеспечения национальной безопасности, профильное законодательство в этой области пока отсутствовало.

---

⁶⁴² *The Sun Daily*, 09.08.2022. URL: <https://www.thesundaily.my/local/malaysia-indonesia-sign-mou-to-enhance-defence-cooperation-KE9565268> (дата обращения: 15.09.2024).

Ситуация существенно поменялась с начала 2003 г. Данный поворот прежде всего связан с серией крупных террористических актов в 2001–2002 гг. Стало очевидно, что ситуация требует формирования структурного и системного подхода на законодательном уровне и в практической плоскости.

Второй этап развития политики в области борьбы с терроризмом приходится на 2003–2010 гг. Для данного периода характерно постепенное укрепление нормативно-правовой базы, формирование специализированных органов и поиск актуальных и эффективных подходов к решению столь сложной проблемы.

Несмотря на то, что до 2010 г. заметна активизация усилий на национальном, региональном и международном уровнях, именно с 2010-е гг. наблюдается переход Индонезии и Малайзии к системной многопрофильной деятельности, включающей расширение сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах.

Так, 2010-е – начало 2020-х гг. можно обозначить как новый, третий, этап развития антитеррористических стратегий, для которого характерна выработка рабочей программы сотрудничества и постепенный переход к ее реализации. Особое значение на данном этапе имеет активизация разъяснительной работы, программ дерадикализации, реабилитации и реинтеграции, включающих взаимодействие с родственниками осужденных за терроризм. Всего за несколько лет превентивный подход стал неотъемлемой частью борьбы с вызовами и угрозами национальной безопасности.

С одной стороны, отмечаются общие черты в эволюции подходов Индонезии и Малайзии к преодолению проблемы международного терроризма. Государства едины в понимании антитеррористической стратегии и смотрят в одном направлении, что представляет чрезвычайную важность для их дальнейшей совместной работы, поскольку ключевой особенностью террористической деятельности в Юго-Восточной Азии является ее трансграничный характер.

С другой стороны, выбор той или иной страны террористической ячейкой, как правило, зависит от преследуемых целей. Как было отмечено выше, Малайзия является в большей степени перевалочным пунктом террористов, а Индонезия – местом совершения террористических актов.

В целом уровень террористической угрозы в Индонезии выше, чем в Малайзии. Во многом это может быть связано с тем, что общее социально-экономическое положение малайзийского населения выше, чем индонезийского населения⁶⁴³. Соответственно, мотивация лиц, рассматривающих присоединение к экстремистским группировкам, в таком случае представляется не столь весомой. Другим фактором вполне может быть и то, что численность населения Малайзии в несколько раз меньше населения Индонезии (32,4 млн человек⁶⁴⁴ и 270 млн человек⁶⁴⁵, соответственно). Следовательно, количество граждан, потенциально вовлеченных в террористическую деятельность, не может быть настолько же велико.

Между тем необходимо выделить еще одну возможную причину относительно более низкого уровня террористической угрозы в Малайзии. Хотя и Индонезию, и Малайзию принято относить к так называемым «несовершенным демократиям», согласно оценкам аналитиков, уровень демократии внутри Малайзии выше⁶⁴⁶. В частности, в Малайзии несколько выше показатель уровня гражданских свобод и заметно выше уровень политической культуры⁶⁴⁷.

Выбрав оптимальную стратегию, Индонезия и Малайзия, несомненно, добились заметного прогресса в области борьбы с терроризмом, в том числе благодаря совместным усилиям. В последние годы террористическая активность в Юго-Восточной Азии несколько спала, что можно объяснить не только ограничениями на передвижение населения по всему миру в период пандемии

---

⁶⁴³ По данным статистики на 2022 г., уровень бедности в Индонезии достигает 9,54 %, в то время как в Малайзии этот показатель составляет 6,2 %. Indonesia – Malaysia – Thailand Growth Triangle. Statistics. Poverty. URL: <https://imtg.org/poverty> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁴⁴ Badan Pusat Statistik. Sensus Penduduk 2020. Jumlah dan Distribusi Penduduk. URL: <https://sensus.bps.go.id/main/index/sp2020> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁴⁵ Department of Statistics Malaysia Official Portal. Key Findings Population and Housing Census of Malaysia 2020. URL: <https://www.dosm.gov.my/portal-main/release-content/launching-of-report-on-the-key-findings-population-and-housing-census-of-malaysia-2020-> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁴⁶ В 2023 г. Малайзия заняла 40-е место, а Индонезия 56-е место в мировом рейтинге «Индекс демократии», составленном *The Economist Intelligence Unit*. Democracy Index 2023: Age of Conflict. P. 10. URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy-Index-2023-Final-report.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁴⁷ Ibid.

коронавирусной инфекции *COVID-19*, но и успешной антитеррористической стратегией стран региона.

Тем не менее проблема, безусловно, далека от разрешения, опасность террористической угрозы сохраняется. Индонезии и Малайзии, как и другим странам-членам АСЕАН, предстоит еще долгий путь. Хотя между государствами достигнуты договоренности, разработан общий план по обеспечению региональной безопасности, нельзя не обратить внимание на тот факт, что переход в практическую плоскость, к реальным действиям в должной мере пока не совершен.

Намерение стран Юго-Восточной Азии к объединению усилий не вызывает сомнений, однако представляются необходимыми активизация взаимодействия в двустороннем и многостороннем форматах, укрепление структурной работы и расширение ее форм и областей для успешной борьбы с таким сложным социально-политическим и криминальным явлением, как терроризм.

5.2. Индонезийская трудовая миграция в Малайзию⁶⁴⁸

Особую роль в социально-экономическом развитии стран Юго-Восточной Азии занимает высокая динамика внутрирегиональной трудовой миграции. Основными странами-источниками мигрантов являются Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Лаос, Камбоджа и Мьянма, в то время как к центрам притяжения трудовых сил относятся Сингапур, Малайзия, Таиланд и Бруней. Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества данных процессов, они способствовали возникновению ряда кризисных явлений и в определенной степени осложнили отношения между соседними странами.

На сегодняшний день Индонезия является одним из основных государств-экспортеров рабочей силы в Юго-Восточной Азии. Согласно статистическим

---

⁶⁴⁸ Раздел основан на материалах авторской статьи – Календарь О. К. *К вопросу об индонезийской трудовой миграции в Малайзию* // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 3 (56) (2022). – С. 99–112.

данным, около 9 млн индонезийцев⁶⁴⁹, что эквивалентно 6,2 % от общей численности рабочей силы страны, работают за рубежом⁶⁵⁰.

Географическая и культурно-историческая близость, а также диспропорции в уровне экономического развития между Индонезией и Малайзией делают последнюю наиболее популярным местом назначения для индонезийских трудящихся-мигрантов, именно туда направляются от 42,2 %⁶⁵¹ до 55 %⁶⁵² индонезийцев, решивших отправиться на поиски работы за границу.

Хотя причины и тенденции развития миграционных процессов внутри Нусантары, точнее с территории современной Индонезии на территорию современной Малайзии, претерпели изменения с течением времени, их история восходит еще к колониальной эпохе. Традиционные торговые маршруты постепенно превратились в пути миграции, и к XVII в. остров Ява стал крупнейшим источником невольников для рынка Малакки⁶⁵³.

Однако именно конец XIX – начало XX вв. отмечены значительным увеличением темпов и масштабов трудовой, в первую очередь нерегулируемой, миграции с Явы на территорию современной Полуостровной Малайзии и Сингапура, что во многом было обусловлено необходимостью в удовлетворении растущей потребности в рабочей силе⁶⁵⁴.

Одновременно с этим с 1870-х гг. в Нидерландской Ост-Индии, преимущественно на о. Яве, широкое распространение получили агентства по набору рабочей силы, направлявшие кули не только в Малайю, на Суматру, Калимантан, но и на более отдаленные территории, например, в Суринам. Соответственно, процесс найма, сопутствующие бюрократические процедуры и

⁶⁴⁹ Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 11.

⁶⁵⁰ Необходимо отметить, что официальные статистические показатели значительно ниже ввиду высокого уровня нелегальной миграции. По данным отчета Службы по защите трудящихся-мигрантов Индонезии (*Badan Perlindungan Pekerja Migran Indonesia, BP2MI*), за 2019 г. только 276,5 тыс. индонезийцев уехали работать за границу.

⁶⁵¹ Data Pekerja Migran Indonesia. Periode Tahun 2021. Jakarta: Pusat Data dan Informasi (BP2MI), 2022. Hlm. 35.

⁶⁵² Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 14.

⁶⁵³ Hernandez-Coss R., Brown G., Buchori C. The Malaysia – Indonesia Remittance Corridor: Making Formal Transfers the Best Option for Women and Undocumented Migrants. Washington, DC: World Bank, 2008. P. 17–19.

⁶⁵⁴ Coomes O. T., Barham B. L. The Amazon Rubber Boom: Labor Control, Resistance, and Failed Plantation Development Revisited // *The Hispanic American Historical Review* Vol. 74, No. 2 (1994). Pp. 233–236.

последующее путешествие работника до точки назначения были в определенной степени регламентированы, что, впрочем, не решало, а даже усугубляло проблему эксплуатации мигрантов, в том числе ввиду запутанности самой системы⁶⁵⁵.

Вместе с тем во время оккупации Индонезии Японией в годы Второй мировой войны слово «ромуша» (яп. яз. «рабочий») получило новое толкование в индонезийских реалиях и стало обозначать подневольного работника, направляемого в различные контролируемые японцами районы Юго-Восточной Азии, включая Малайю, Сабах и Саравак⁶⁵⁶.

Впрочем, наиболее активная фаза роста потока трудовой миграции из Индонезии в Малайзию наблюдается с 1960–1970-х гг. по настоящее время. Истоки данной тенденции во многом связаны с длительным экономическим кризисом. В 1950–1960-х гг. индонезийская экономика переживала серьезный спад, и с 1961 по 1971 гг. уровень безработицы в стране вырос с 6,1 % до 11 %⁶⁵⁷. В значительной мере по вышеупомянутым причинам данный период отмечен началом активного государственного регулирования внешней трудовой миграции посредством разработки и постепенного внедрения соответствующего законодательства.

Из-за отсутствия возможностей трудоустройства в сельской местности отток рабочей силы за границу оттуда гораздо выше, чем из городских районов. Более 72 % внешних мигрантов из Индонезии являются выходцами из сельских районов. Порядка 86 % индонезийских трудящихся родом с острова Ява или островов Нуса-Тенггара, а именно из провинций Западная Ява и Западная Нуса-Тенггара. Почти 35 % мигрантов из Индонезии происходят из Западной Нуса-Тенггары, в то время как аналогичный показатель для других регионов страны в среднем составляет менее 6 %⁶⁵⁸.

Сложное социально-экономическое положение подталкивает индонезийское население к поиску работы за границей. Средний уровень бедности в почти две

⁶⁵⁵ *Hayashi Y.* Agencies and Clients: Labour Recruitment in Java, 1870s–1950s. Amsterdam: IIAS/IISG, 2002. Pp. 3–6.

⁶⁵⁶ *Hugo G.* Indonesian Labour Migration to Malaysia: Trends and Policy Implications // *Southeast Asian Journal of Social Science*. Vol. 21, No. 1 (1993). P. 37.

⁶⁵⁷ *Hidayat* Dimensi dan Sifat Masalah Pengangguran di Indonesia // *Economics and Finance in Indonesia*. Vol. 24 (1976). Hlm. 241.

⁶⁵⁸ *Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks*. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 21.

трети индонезийских областей, откуда наблюдаются основные потоки внешней трудовой миграции, выше национального уровня (9,54 %⁶⁵⁹). К примеру, в Западной Нуса-Тенггаре этот показатель достигает 13,68 %⁶⁶⁰.

Необходимо отметить, что имеющиеся в открытом доступе статистические данные несколько варьируются ввиду высокого уровня нелегальной миграции и последствий пандемии коронавирусной инфекции *COVID-19* для миграционных процессов по всему миру. Несмотря на то, что в 2020–2021 гг. сложившаяся за десятилетия устойчивая тенденция была прервана, наблюдается нарастание темпов движения миграционных потоков, что позволяет надеяться на скорое возвращение к прежним показателям.

По имеющимся данным, около 2,7 млн⁶⁶¹ из 3,43 млн мигрантов (78,7 %), работающих в Малайзии – выходцы из Индонезии. Меньше половины из них – легальные мигранты, то есть мигранты, попавшие в страну законным путем, об их местонахождении известно государственным органам, а их статус соответствует национальным законам. Однако эксперты отмечают, что реальное число международных мигрантов в Малайзии гораздо выше, и оценивают его в 5,5 млн человек⁶⁶².

Большинство индонезийских трудовых мигрантов составляют неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие, преимущественно задействованные в сфере услуг (32 %), сельскохозяйственном секторе (19 %), строительной отрасли (18 %) и обрабатывающей промышленности (8 %)⁶⁶³. Примечательно, что около 60 % индонезийских мигрантов в Малайзии – женщины, бóльшая часть из которых работает в качестве домашнего персонала или занята в

⁶⁵⁹ Badan Kebijakan Fiskal, Kementerian Keuangan Republik Indonesia. URL: <https://fiskal.kemenkeu.go.id/publikasi/siaran-pers-detil/408#:~:text=Hal%20ini%20tercermin%20dari%20tingkat,2021%3A%2010%2C14%25> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁶⁰ *Detik Bali*, 17.07.2022. URL: <https://www.detik.com/bali/berita/d-6182739/ntb-dan-ntt-masuk-daftar-10-provinsi-termiskin-di-indonesia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁶¹ *Al Jazeera*, 28.12.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/12/28/indonesian-migrants-brave-treacherous-seas-for-malaysian-dream> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁶² Who is Keeping Score? Estimating the Number of Foreign Workers in Malaysia. Washington, DC: World Bank, 2020. P. 18.

⁶⁶³ Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 11.

промышленной отрасли. Мужчины же в основном задействованы в аграрном секторе, строительной отрасли и транспортной сфере⁶⁶⁴. Необходимо подчеркнуть, что в целом рабочие из Индонезии довольно молоды: 66 % из них находятся в возрасте от 18 до 34 лет⁶⁶⁵.

К основным причинам, толкающим индонезийское население к поиску работы за пределами родины, как правило, относятся факторы экономического характера. Данный процесс обусловлен отсутствием хороших возможностей трудоустройства и тяжелыми условиями труда внутри страны в сочетании с более высоким потенциальным доходом на зарубежном рынке, в частности, разницей в заработной плате в Индонезии и за границей на аналогичных должностях.

Как было обозначено ранее, уровень бедности в Индонезии довольно высокий и достигает 9,54 %. Вместе с тем ввиду относительно высокого уровня безработицы в 5,86 %⁶⁶⁶ для многих индонезийцев переезд является отправной точкой в решении проблемы трудоустройства. Обращает на себя внимание тот факт, что до переезда около 56 % мигрантов из Индонезии были преимущественно задействованы в сфере домашнего труда или выполняли неоплачиваемую работу. Соответственно, лишь 44 % имели опыт оплачиваемой работы, поэтому для многих индонезийцев миграция – возможность пополнить ряды рабочей силы и выйти на рынок труда.

Немаловажно, что после переезда размер оклада внешних мигрантов повышается в среднем в четыре – шесть раз. Как показали результаты опросов, для 50 % индонезийцев ожидание более высокого заработка стало основной причиной для поиска работы за границей⁶⁶⁷. Следует отметить, что минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в Индонезии варьируется в зависимости от рассматриваемых провинций и районов. В провинции Западная Ява (одном из основных источников внешних индонезийских мигрантов) он составляет 1,841 млн индонезийских рупий

---

⁶⁶⁴ Labour Migration from Indonesia: An Overview of Indonesian Migration to Selected Destinations in Asia and the Middle East. Jakarta: IOM, 2010. P. 43.

⁶⁶⁵ International Migration and Migrant Workers' Remittances in Indonesia. Makati City: IOM, 2010. P. 32.

⁶⁶⁶ Berita Resmi Statistik, 07.11.2022. URL: https://www.bps.go.id/website/materi_ind/materiBrsInd-20221107124520.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁶⁷ Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. Pp. 3, 23.

(около 120 долларов США⁶⁶⁸), а в провинции Западная Нуса-Тенггара – 2,207 млн индонезийских рупий (около 143 долларов США)⁶⁶⁹. В то же время национальный уровень МРОТ в Малайзии значительно выше: 1 мая 2022 г. он был увеличен до 1,5 тыс. малайзийских ринггитов (около 328 долларов США)⁶⁷⁰.

В долгосрочной перспективе трудовой опыт, накопленный в период эмиграции, оказывается ценным преимуществом. Мигранты приобретают новые навыки, компетенции и знания и, как следствие, часто находят лучшую работу по возвращении домой: это подтверждают 77 % опрошенных бывших трудящихся-мигрантов.

Денежные переводы от индонезийцев, проживающих за рубежом, вносят немаловажный вклад в облегчение финансовой нагрузки на домохозяйства, способствуют повышению уровня и качества жизни и сокращению масштабов нищеты в целом. Исследования показывают, что денежные поступления из-за границы на 28 % снижают шансы семьи оказаться за чертой бедности. Благодаря финансовой поддержке оставшаяся дома часть семьи получает дополнительные денежные средства. Согласно результатам опросов, для более 80 % семей внешних мигрантов данная помощь позволяет удовлетворить повседневные потребности, что способствует заметному облегчению финансового бремени, лежащего на малообеспеченных семьях. Примечательно, что около 40 % домохозяйств направляют по крайней мере часть полученных средств на оплату расходов, связанных с получением образования, 15 % – инвестируют в развитие предпринимательской деятельности, а более 20 % – помещают деньги на сберегательные счета⁶⁷¹.

В рассматриваемом контексте нельзя не упомянуть и про отношение самих граждан Малайзии к процессу активной трудовой миграции из Индонезии.

---

⁶⁶⁸ Здесь и везде пересчет дается по курсу актуальному на 31 декабря 2023 г.

⁶⁶⁹ *Kompas*, 23.10.2022. URL: <https://www.kompas.com/tren/read/2022/05/18/190000365/daftar-lengkap-ump-34-provinsi-di-indonesia-tahun-2022> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁰ ASEAN Briefing, 06.06.2022. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/malaysia-increases-minimum-wage-from-may-1-2022> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷¹ *Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks*. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 3.

Общественное мнение в стране по этому поводу довольно неоднозначно и может меняться под влиянием ряда социальных, экономических и других факторов. Зачастую малайзийцы воспринимают мигрантов как оказывающих негативное влияние на экономику страны и отнимающих ценные рабочие места⁶⁷², что особенно важно в нынешних экономических условиях, когда многие малайзийцы вернулись домой после потери работы за границей из-за пандемии. Несмотря на то, что правительством предпринимались попытки предоставить приоритет гражданам Малайзии на рынке труда, они редко завершались успехом, поскольку имеющиеся вакантные места малопривлекательны для местных жителей, да и предлагаемая заработная плата недостаточно высока.

Учитывая масштабы и сложность миграционных процессов из Индонезию в Малайзию, кажется крайне необходимым, чтобы правовое регулирование и надзор за трудовой деятельностью оставались в зоне приоритетного внимания каждой из сторон.

На пути к обеспечению безопасной и легальной миграции правительства Индонезии и Малайзии предпринимают усилия как на законодательном уровне, так и в практической плоскости. Реализуются разноплановые государственные и частные образовательные программы, функционируют службы, оказывающие помощь иностранным мигрантам и многое другое. Вместе с тем в Индонезии широкое развитие получила институциональная сеть агентств и сервисов по трудоустройству за границей. Поскольку число индонезийских мигрантов за рубежом в последнее время растет, власти стараются уделять повышенное внимание процессу трудовой миграции, в том числе судьбе мигрантов по прибытию в страну назначения.

До 2017 г. основным индонезийским законодательным актом, регулирующим вопросы миграции и обеспечивающим защиту рабочих, был Закон № 39 от 2004 г. о размещении и защите индонезийских трудящихся за границей (*Undang-Undang*

---

⁶⁷² Public Attitudes Towards Migrant Workers in Japan, Malaysia, Singapore, and Thailand. P. 48. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@asia/@ro-bangkok/documents/publication/wcms_732443.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

Nomor 39 Tahun 2004 tentang Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia di Luar Negeri)⁶⁷³. Однако в первую очередь он был сосредоточен на вопросах найма и мало касался защиты прав индонезийских граждан. Ввиду ратификации Индонезией в 2012 г. Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 1990 г. (*International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990*)⁶⁷⁴ потребовался пересмотр национальной законодательной базы для приведения ее в соответствие с положениями Конвенции. В 2017 г. правительством был принят Закон № 18 о защите рабочих-мигрантов (*Undang-Undang Nomor 18 Tahun 2017 tentang Pelindungan Pekerja Migran Indonesia*)⁶⁷⁵, возложивший на государство бóльшие обязанности по контролю за трудоустройством и обеспечением профессиональной подготовки индонезийских граждан перед отъездом за рубеж. Хотя впоследствии нормативно-правовая база была несколько расширена, к сожалению, нельзя сказать, что на практике действующие документы подтвердили свою эффективность.

Несмотря на то, что Малайзия, как и другие основные государства-реципиенты мигрантов, пока не ратифицировала Конвенцию 1990 г., властями был принят ряд соответствующих законодательных актов федерального и местного уровня, так или иначе затрагивающих положение иностранных рабочих, в том числе Закон о трудоустройстве от 1955 г. (*Employment Act 1955*)⁶⁷⁶, Закон об иммиграции от 1959–1963 гг. (*Immigration Act 1959/63*)⁶⁷⁷, Закон о частных

---

⁶⁷³ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 39 Tahun 2004 tentang Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia di Luar Negeri [Закон Республики Индонезия № 39 от 2004 г. о размещении и защите индонезийских трудящихся за границей]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Download/30524/UU%20Nomor%2039%20Tahun%202004.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁴ International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1990/12/19901218%2008-12%20AM/Ch_IV_13p.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁵ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 18 Tahun 2017 tentang Pelindungan Pekerja Migran Indonesia [Закон Республики Индонезия № 18 от 2017 г. о защите индонезийских рабочих-мигрантов]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/54723/UU%20Nomor%2018%20Tahun%202017.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁶ The Employment Act 1955. URL: <https://www.mp.gov.my/acts/EA1955.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁷ The Immigration Act 1959/63 <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/64031/99464/F1916438079/MYS64031.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

агентствах по трудоустройству от 1981 г. (*Private Employment Agencies Act 1981*)⁶⁷⁸, дополненный в 2017 г. рядом положений, регулирующих отношения между государственным, агентством и соискателем⁶⁷⁹.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть заметное повышение уровня индонезийско-малайзийского сотрудничества в сфере административно-правового регулирования международной миграции. Спустя пять лет переговоров 1 апреля 2022 г. между странами был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении найма и защиты индонезийских домашних работников (*Memorandum of Understanding on the Placement and Protection of Indonesian Domestic Workers*)⁶⁸⁰, наиболее уязвимой категории внешних мигрантов. Между Индонезией и Малайзией была достигнута договоренность, что все механизмы найма и защиты должны быть внедрены обеими сторонами в рамках национального законодательства. Важной составляющей стало применение так называемой Одноканальной системы (*One Channel System*) при оформлении трудящихся из Индонезии⁶⁸¹. Данный механизм позволяет индонезийскому правительству более эффективно проводить мониторинг хода осуществления необходимых процедур и, в частности, проверку потенциальных работодателей. Такой интегрированный подход должен способствовать улучшению условий труда и отчасти даже решению проблемы нарушения прав мигрантов.

Примечательно, что уже в июле 2022 г. Индонезия временно приостановила выдачу разрешений на работу в Малайзии из-за активного использования в соседней стране ряда других онлайн-систем найма помощников по хозяйству, в том числе из самой Индонезии, что противоречит положениям заключенного ранее

---

⁶⁷⁸ The Private Employment Agencies Act 1981. URL: <https://jtksm.mohr.gov.my/sites/default/files/2023-03/7.%20Private%20Employment%20Agencies%20Act%201981.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁷⁹ Private Employment Agencies (Amendment) Bill 2017. URL: [https://www.parlimen.gov.my/files/en/billindex/pdf/D.R.%207_2017%20\(eng\).pdf#page=1&zoom=100&search=Private%20Employment%20Agencies](https://www.parlimen.gov.my/files/en/billindex/pdf/D.R.%207_2017%20(eng).pdf#page=1&zoom=100&search=Private%20Employment%20Agencies) (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸⁰ Memorandum of Understanding on the Placement and Protection of Indonesian Domestic Workers. URL: <https://apskills.ilo.org/apmagnet/country-profiles/mou-on-the-placement-and-protection-of-indonesian-domestic-workers> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸¹ Reuters, 01.04.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesia-malaysia-sign-agreement-protection-migrant-workers-2022-04-01> (дата обращения: 15.09.2024).

Меморандума. Тем не менее нарастающий конфликт был довольно скоро урегулирован: сторонами были согласованы общие шаги, необходимые для обеспечения реализации утвержденной программы, и подписано Совместное заявление по итогам переговоров. В связи с разрешением противоречий с 1 августа 2022 г. Индонезия восстановила процесс направления мигрантов в Малайзию⁶⁸².

Подобная ситуация происходила и прежде. В 2009 г. Индонезия наложила временный запрет на направление трудовых мигрантов в Малайзию в связи с ростом числа случаев жесткого обращения с индонезийскими работниками, в первую очередь с помощниками по хозяйству. Запрет был снят в 2011 г. с переходом к новому этапу переговоров по решению проблем трудовой миграции из Индонезии в Малайзию и интенсификацией усилий по реализации механизмов защиты мигрантов⁶⁸³.

Упомянутые события и постепенная активизация двустороннего взаимодействия представляют собой чрезвычайно важный шаг на пути возобновления межгосударственного диалога и позволяют надеяться на развитие справедливой и эффективной политики в области защиты прав трудовых мигрантов и решение давних структурных проблем.

Тем не менее, как представляется, усилия Индонезии и Малайзии по направлению правового регулирования миграционной и трудовой сфер пока нельзя назвать достаточными для преодоления трудностей и вызовов, которые регулярно возникают на современном этапе и представляют угрозу национальной и международной безопасности.

Особенно остро стоит вопрос нелегальной миграции: около 48 % индонезийцев покидают родину и устраиваются на работу в стране назначения без прохождения предусмотренных законодательством процедур. Вместе с тем нередко статус мигрантов, прибывших в Малайзию законным путем, впоследствии может измениться, например, по истечению срока действия визы. В целом более

---

⁶⁸² *Antara News Jawa Timur*, 28.07.2022. URL: <https://jatim.antaranews.com/berita/623429/indonesia-buka-kembali-pengiriman-pekerja-migran-ke-malaysia-mulai-1-agustus> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸³ *The Jakarta Post*, 26.04.2011. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2011/04/26/indonesia-resume-sending-maids-malaysia-next-month.html> (дата обращения: 15.09.2024).

55 % от общего числа всех индонезийских мигрантов в Малайзии находятся в стране незаконно⁶⁸⁴. Наряду с этим в прессе регулярно появляются сообщения о задержании индонезийских граждан при попытке пересечения границы с Малайзией⁶⁸⁵. К сожалению, нередко сообщается и о несчастных случаях, произошедших при подобных обстоятельствах⁶⁸⁶. Наибольшее число случаев незаконного пересечения межгосударственной границы зафиксировано через индонезийскую островную провинцию Кепулауан-Риау, а также районы Калимантана, граничащие с Восточной Малайзией⁶⁸⁷.

Нелегальная миграция является следствием высокого спроса на неквалифицированную рабочую силу и дорогостоящих, немногочисленных и сложных каналов официальной миграции. Кроме того, процесс обеспечения надлежащего документального оформления представляет собой крайне трудоемкую и время затратную операцию. Требования к документам, предъявляемые для получения официального статуса за рубежом, являются довольно обременительными и препятствуют выбору потенциальными мигрантами законного пути. Согласно распоряжению Службы по защите трудящихся-мигрантов Индонезии (*Badan Pelindungan Pekerja Migran Indonesia, BP2MI*), соответствующий административный процесс состоит из двадцати двух обязательных шагов и в большинстве случаев занимает до трех месяцев⁶⁸⁸.

Прежде, чем индонезиец сможет отправиться за границу для трудоустройства, он обязан оформить все необходимые документы для выезда из Индонезии и въезда в иностранное государство, включая заграничный паспорт, трудовой договор, действующую рабочую визу, полис медицинского страхования и электронную карту иностранного работника (*Elektronik Kartu Tenaga Kerja Luar*

---

⁶⁸⁴ *The France 24 Observers*, 14.01.2022. URL: <https://observers.france24.com/en/tv-shows/the-observers/20220114-indonesian-migrant-workers-face-dangers-along-sea-routes-to-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸⁵ *Tempo*, 14.02.2022. URL: <https://en.tempo.co/read/1560684/22-indonesians-detained-for-entering-malaysia-illegally> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸⁶ *The Jakarta Post*, 21.03.2022. URL: <https://www.thejakartapost.com/paper/2022/03/20/more-undocumented-indonesian-workers-killed-trying-to-reach-malaysia.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸⁷ *Darmayani A. A Fluid Border? Indonesia-Malaysia Labour Migration and Human Trafficking from Human Security Perspectives*. Pp. 6, 22. URL: <https://thesis.eur.nl/pub/61024> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁸⁸ *Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks*. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 20.

Negeri, E-KTKLN). Примечательно, что многие трудовые мигранты не знают о том, какие документы им требуются для устройства на работу на территории другой страны, и о важности этих документов для их личной безопасности. По результатам опросов, только 10 % индонезийцев, проживающих в Малайзии, смогли назвать полный перечень документов⁶⁸⁹. Отсутствие необходимых бумаг и законного статуса значительно усугубляет положение мигрантов и приводит к обострению трудностей, с которыми они сталкиваются.

В то же время легальная, надлежаще оформленная миграция сопряжена с более высокими расходами. Средняя общая стоимость переезда с прохождением всех соответствующих этапов почти на 52 % выше, чем незаконная трудовая деятельность⁶⁹⁰. Хотя данные затраты могут быть возмещены после нескольких месяцев работы за границей, фактором, оказывающим влияние на принятие окончательного решения, нередко является эффект «неприятие потери», то есть склонность переоценивать потерю, по сравнению с эквивалентным выигрышем. Люди не готовы рисковать, даже если потенциальная, но не гарантированная прибыль больше, чем возможные потери.

Несмотря на очевидные преимущества работы за границей, зачастую индонезийцы сталкиваются с рядом проблем, которые в целом можно разделить на две основные категории: проблемы регулирования трудовых отношений (к примеру, полная или частичная невыплата заработной платы, изъятие личных документов работодателем, чрезмерная продолжительность рабочего дня, неудовлетворительные условия труда и пр.) и проблемы, связанные с насилием (в том числе принудительный труд, жестокое обращение и насильственная смерть). Эти две категории проблем тесно взаимосвязаны: проблемы, связанные с трудовыми правами, часто служат фоном для проблем, связанных с насилием.

---

⁶⁸⁹ *Jarvis F., Halim D., Perova E.* Why do Indonesian Men and Women Choose Undocumented Migration? Exploring Gender Differences in Labor Migration Patterns // East Asia and Pacific Gender Policy Brief. No. 7 (2019). P. 2.

⁶⁹⁰ *Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks.* Washington, DC: World Bank, 2017. P. 40.

В целом за несколько лет, предшествующих пандемии, частота происшествий несколько снизилась, однако риск неприятных, а порой и несчастных случаев остается чрезвычайно высок.

Многие индонезийские мигранты не покидают места работы из-за недостаточной осведомленности не только о своих правах и возможностях, но и том, где и как они могут получить помощь. Например, еще в 2004 г. правительство Малайзии предоставило трудовым мигрантам право дважды менять работодателей в течение срока действия контракта. Ранее это было запрещено и вынуждало многих индонезийцев оставаться на протяжении длительного времени в неблагоприятных условиях, чтобы иметь возможность погасить долги, возникшие ввиду необходимости выплаты комиссии агентству по подбору персонала. К сожалению, информация об упомянутой поправке в закон не была распространена должным образом. Многие работники не знали об этом праве в течение многих лет и, следовательно, считали, что им грозит уголовное наказание и депортация, если они уйдут от жестокого работодателя⁶⁹¹. Хотя трудовой договор должен служить в качестве правовой основы, определяющей права и обязанности работника и его нанимателя, только около трети индонезийских мигрантов подписывают его до отъезда. Более того, 56 % индонезийцев узнают размер своей заработной платы лишь после прибытия в страну назначения⁶⁹².

Нельзя не отметить, что одним из факторов, серьезно осложняющих процесс увольнения, служит распространенная проблема конфискации паспортов и других личных документов нанимателями, что приводит к серьезному ограничению свободы передвижения индонезийских граждан в Малайзии, поскольку трудовые мигранты обязаны постоянно иметь при себе оригинал паспорта и разрешение на работу. Многие домашние работники ссылаются на отсутствие доступа к своему паспорту, однако риск тюремного заключения и последующая депортация страшит

---

⁶⁹¹ Labour Migration from Indonesia: An Overview of Indonesian Migration to Selected Destinations in Asia and the Middle East. Jakarta: IOM, 2010. P. 7.

⁶⁹² Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 25.

их больше, чем жестокое обращение, и является основной причиной, по которой они остаются у недобросовестного работодателя.

Заслуживает внимания, что, согласно исследованию Международной организации труда (*International Labour Organization, ILO*), 48 % индонезийских помощников по хозяйству, проживающих в Малайзии, отметили, что их паспорта были изъяты, 16 % опрошенных столкнулись с проблемой задержки выплаты заработной платы, а 15 % было запрещено общаться с людьми за пределами работы⁶⁹³.

Немаловажным является тот факт, что значительная часть иностранных работников пребывают в Малайзии нелегально. Соответственно, жертвы недобросовестных работодателей и мошенников с меньшей вероятностью готовы сообщить в полицию о преступлении или обратиться за помощью в дипломатическое представительство Индонезии из-за страха депортации⁶⁹⁴.

Впрочем, наблюдается положительная, обнадеживающая тенденция. Например, показатель жестокого обращения (физического или психологического) снизился с 8 % среди бывших индонезийских трудящихся-мигрантов до 4 % среди нынешних. Аналогичное явление наблюдается и в отношении проблем, непосредственно связанных с рабочим процессом. В настоящее время 46 % индонезийцев получают выплаты за сверхурочную работу (по сравнению с 30 % среди бывших мигрантов), а 80 % могут позволить себе взять выходной (в отличие от 66 %, соответственно). К сожалению, не замечено особых улучшений, например, в вопросах, напрямую связанных с заработной платой, а именно несвоевременной оплатой труда, удержанием или выплатой более низкой суммы, чем было согласовано предварительно⁶⁹⁵.

---

⁶⁹³ Migration Cost Survey Among Indonesian and Filipina Domestic Workers in Malaysia. P. 6. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40asia/%40ro-bangkok/documents/publication/wcms_758614.pdf

⁶⁹⁴ Ozden C., Testaverde M., Wagner M. How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia // The World Bank Economic Review. Vol. 32, No. 1 (2018). P. 200.

⁶⁹⁵ Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 25.

Важно уделить отдельное внимание такому острому вопросу, как преступность среди мигрантов. В местных СМИ регулярно появляются сообщения об аресте иностранных граждан на территории Малайзии за совершение преступлений, а также о росте числа подобных случаев⁶⁹⁶. Тем не менее некоторые исследователи, например, турецкий экономист Чаглар Озден, не могут согласиться с данной оценкой и отмечают, что в среднем малайзийцы чаще совершают преступления, чем мигранты⁶⁹⁷. Соответственно, иностранные граждане не оказывают существенного негативного влияния на уровень преступности в Малайзии, который и так не очень высок по международным стандартам⁶⁹⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что, поскольку большая доля мигрантов находится в стране незаконно, из-за страха обнаружения полицией и последующей депортации они реже склонны к совершению иных противоправных действий, нарушающих общественный покой. В некоторых случаях данный фактор может быть сдерживающим к совершению преступлений.

Как представляется, более точные статистические сведения о фактах незаконного пересечения государственной границы могли бы отчасти поменять соотношение преступлений, совершенных мигрантами и гражданами Малайзии, и дать несколько иное представление о влиянии миграции на состояние преступности в стране.

Торговля людьми является одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются иностранные рабочие за рубежом, фактором, обуславливающим рост масштабов нелегальной миграции по всему миру, и угрозой, оказывающей значительное влияние на международную безопасность. Она представляет собой «процесс, в результате которого отдельные лица попадают в эксплуатацию или

---

⁶⁹⁶ *New Straits Times*, 30.12.2023. URL: <https://www.nst.com.my/news/nation/2023/12/995451/immigrant-arrests-jump-nearly-11pct-national-crime-index-igr-warns> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁹⁷ *Ozden C., Testaverde M., Wagner M.* How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia // *The World Bank Economic Review*. Vol. 32, No. 1 (2018). Pp.199–200.

⁶⁹⁸ *Crime Rate by Country*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country> (дата обращения: 15.09.2024).

удерживаются в этом состоянии с целью получения экономической выгоды»⁶⁹⁹. Данное понятие включает в себя действия по поиску и привлечению потенциальных жертв, вербовку, похищение, контрактное рабство и мошенничество.

Несмотря на некоторое сходство, торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов относятся к разным видам преступлений и не являются взаимозаменяемыми понятиями. Если в первом случае одна из сторон является жертвой преступления, совершенного в целях эксплуатации человека, то во втором случае обе стороны являются соучастниками такого преступления, как нелегальное пересечение государственной границы. Соответственно, торговлю людьми можно считать элементом нелегальной миграции и крайней формой проявления эксплуатации мигрантов.

Хотя в каждом конкретном случае причины того, почему люди становятся жертвами работорговли, разнятся, корни проблемы лежат в экономической уязвимости, проблемах бедности и социального неравенства. Плохо охраняемые границы, организованная преступность, коррупция, отсутствие надлежащей координации между профильными ведомствами, слабая законодательная база и недостаточно эффективное правоприменение также являются факторами, оказывающими значительное воздействие на расширение международной индустрии торговли людьми⁷⁰⁰.

Наряду с развитием информационно-коммуникационных технологий и ускорением научно-технического прогресса число жертв продолжает расти, а методы, используемые преступниками, становятся все более сложными и разнообразными.

Во время пандемии коронавирусной инфекции *COVID-19* и в постпандемийный период существенное развитие получило интернет-

---

⁶⁹⁹ Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Права человека и торговля людьми. URL: [https://www.ohchr.org/ru/trafficking-in-persons country](https://www.ohchr.org/ru/trafficking-in-persons%20country) (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁰⁰ Toolkit to Combat Trafficking in Persons: Global Programme Against Trafficking in Human Beings. New York: United Nations, 2006. P. 18.

мошенничество. В частности, к настоящему времени именно с помощью сети «Интернет» происходит вербовка большей части жертв трансграничной торговли людьми⁷⁰¹. Кроме того, нередки случаи, когда жертвы не только привлекаются к принудительному труду, но и сами вынуждены стать интернет-мошенниками⁷⁰².

Особенно остро данная проблема ощущается в Юго-Восточной Азии. Всего за несколько лет Камбоджа и Мьянма превратились в центры сосредоточения целых лагерей, где проживают и работают «интернет-рабы». Только в этих двух странах число жертв превышает 320 тыс. человек, часть которых является гражданами Индонезии⁷⁰³.

С 2020 г. наблюдается резкое увеличение числа индонезийцев, которые занимаются интернет-мошенничеством за рубежом, в первую очередь из стран Юго-Восточной Азии. Как было установлено, в большинстве случаев мошенниками оказываются пострадавшие от торговли людьми⁷⁰⁴.

По сведениям Министерства иностранных дел Индонезии, за период с 2020 по 2023 гг. из лагерей кибермошенников были спасены не менее 3,3 тыс. индонезийских мигрантов. Как отмечают представители Министерства, часть граждан, привлеченные возможностью быстрого и легкого заработка, впоследствии вернулись в ряды преступных групп, что автоматически переквалифицирует их из жертв в преступники⁷⁰⁵.

Согласно статистическим данным, 90 % жертв торговли людьми из Индонезии составляют женщины и девочки, 24 % всех потерпевших – дети.

---

⁷⁰¹ *Burke Preputnik L., Hamama L., Flacks M.* Cyber Scamming as a New Destination for Human Trafficking Victims. URL: <https://www.csis.org/analysis/cyber-scamming-new-destination-human-trafficking-victims> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁰² *Bracken B.* Cybercrime Orgs Increasingly Use Human Trafficking to Staff Scam Mills. URL: <https://www.darkreading.com/cybersecurity-operations/cybercrime-orgs-human-trafficking-staff-scam-mills> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁰³ Online Scam Operations and Trafficking into Forced Criminality in Southeast Asia: Recommendations for a Human Rights Response. Pp. 6–7. URL: <https://bangkok.ohchr.org/wp-content/uploads/2023/08/ONLINE-SCAM-OPERATIONS-2582023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁰⁴ Information on Forced Labor and Trafficking in Persons (TIP)-Indicated Cases in Online Scamming Industry Overseas. URL: <https://indonesia.iom.int/sites/g/files/tmzbd11491/files/documents/2023-08/infosheet-online-scams-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷⁰⁵ *Detik News*, 21.12.2023. URL: <https://news.detik.com/berita/d-7100774/kemlu-3-ribu-lebih-wni-di-luar-negeri-jadi-korban-online-scam-sejak-2020> (дата обращения: 15.09.2024).

Большая часть из них нанималась через нелегальные рекрутинговые агентства (66,88 %), иногда через членов семьи, друзей или соседей. Наряду с этим 55,75 % привлекаются к работе в домашнем хозяйстве, 15,99 % – к проституции⁷⁰⁶. Абсолютное большинство жертв подвергаются физическому и психологическому насилию, ограничено их свободное передвижение, изымаются документы, у них нет доступа к медицинским услугам.

Как один из ближайших соседей Индонезии Малайзия на протяжении многих лет остается не только наиболее популярным пунктом назначения для индонезийцев за рубежом, но и транзитной зоной в случае контрабанды мигрантов и торговли людьми. Поскольку наибольшие потоки незаконной трудовой миграции наблюдаются в приграничных районах, а именно из индонезийских провинций на Калимантане в Восточную Малайзию и из провинции Кепулауан-Риау в малайзийский штат Джохор, то маршруты торговли людьми также проходят преимущественно через данные зоны.

Преступники чаще всего заманивают представителей маргинализированных групп общества, людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, привлекательными вакансиями и предлагают обойти сложности индонезийской и малайзийской бюрократической систем при переезде и устройстве на работу. Как и при легальной трудовой миграции, в данном случае процесс найма, вернее, вербовки происходит как по традиционным каналам (в первую очередь через агентства по подбору кадров), так и с использованием современных информационных технологий (особенно через социальные сети)⁷⁰⁷.

Следует упомянуть, что исследователи выделяют три основных тенденции в превращении индонезийских мигрантов в жертв торговцев людьми. Согласно первой из них, мигранты изначально нелегально пересекают границу и работают в Малайзии без оформления необходимых документов. Кроме того, индонезийцы могут въехать в страну на законных основаниях, но быть трудоустроены уже

---

⁷⁰⁶ Labour Migration from Indonesia: An Overview of Indonesian Migration to Selected Destinations in Asia and the Middle East. Jakarta: IOM, 2010. P. 19.

⁷⁰⁷ The Profile of Trafficking in Persons in the Border Area of Kalimantan. Jakarta: IOM, 2020. Pp. 46–50.

неофициально. В соответствии с третьей тенденцией, которая оформилась относительно недавно, весь процесс миграции, включая оформление документов, происходит легально, однако после истечения срока действия контракта работодатель отказывается его возобновлять или продлевать. В таком случае мигрант, желающий остаться в стране практически любым путем, может перейти к не настолько добросовестному и законопослушному нанимателю⁷⁰⁸.

Индонезией и Малайзией регулярно предпринимаются шаги по предупреждению торговли людьми, укреплению и защите прав граждан, а также преследованию и наказанию правонарушителей. Впрочем, используемые стратегии нельзя назвать крайне результативными.

В целях эффективного и всеобъемлющего решения проблемы в 2007 г. был принят Закон Республики Индонезия № 21 о борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми (*Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 21 Tahun 2007 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Perdagangan Orang*)⁷⁰⁹, который определил основные организационно-правовые нормы и подходы к урегулированию столь серьезного вопроса и остается основополагающим нормативно-правовым актом в данной области. Годом позднее отдельным указом Президента⁷¹⁰ как на национальном уровне, так и на уровне провинций, округов и городов были учреждены оперативные группы, обязанности которых входят координация усилий по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с торговлей людьми, проведение мониторинга и контроля за ходом реализации мер по реабилитации и обеспечению социальной адаптации потерпевших, а также надзор за соблюдением профильного законодательства.

---

⁷⁰⁸ Sulaksono E. The Patterns of Human Trafficking on Indonesian Migrant Workers: Case Study of Riau Islands and Johor Border Crossing // Masyarakat: Jurnal Sosiologi. Vol. 23, No. 2 (2018). Pp. 167–169.

⁷⁰⁹ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 21 Tahun 2007 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Perdagangan Orang [Закон Республики Индонезия № 21 от 2007 г. о борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/29441/UU%20Nomor%2021%20Tahun%202007.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹⁰ Peraturan Presiden Republik Indonesia Nomor 69 Tahun 2008 tentang Gugus Tugas Pencegahan dan Penanganan Tindak Pidana Perdagangan Orang [Постановление Президента Республики Индонезия № 69 от 2008 г. о рабочей группе по предупреждению торговли людьми и борьбе с ней]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/42234/perpres-no-69-tahun-2008> (дата обращения: 15.09.2024).

Подобно многим другим странам, в рамках разработки и осуществления стратегии по борьбе с торговлей людьми Индонезия придерживается «тройной парадигмы» или так называемого фундаментального подхода «3P», который включает уголовное преследование злоумышленников, защиту жертв и предупреждение преступлений (*prosecution, protection, prevention*)⁷¹¹. Центральную роль в данном процессе играет представительство Международной организации по миграции (*International Organization for Migration, IOM*) в Индонезии, которое находится в тесном сотрудничестве и координации с правительственными и неправительственными структурами⁷¹². Например, Министерство иностранных дел Индонезии совместно с Министерством связи и информационных технологий, а также Международной организацией по миграции объединили усилия по подготовке социальных видеороликов об интернет-мошенничестве⁷¹³.

Ввиду того, что особенно остро проблема нелегальной миграции стоит в приграничных районах, прежде всего в провинциях Северный Калимантан, Западный Калимантан, Восточный Калимантан и Кепулауан-Риау, одной из важнейших задач местных властей является борьба с торговлей людьми при помощи системного и комплексного подхода. Расширяется законодательство, формируются рабочие группы, открываются отделения национальных советов и агентств, учреждаются специальные подразделения местных правоохранительных органов, создаются службы помощи и сервисы поддержки пострадавших, развивается межведомственное сотрудничество.

Например, указом губернатора в 2016 г. в провинции Западный Калимантан была создана Многофункциональная сервисная служба «одного окна» по трудоустройству и защите индонезийских работников (*Lembaga Pelayanan Terpadu Satu Atap Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia*)⁷¹⁴. В ее ведении

---

⁷¹¹ Technical Guidelines for Effective Anti-Trafficking Task Forces. Jakarta: IOM, 2019. P. 75.

⁷¹² International Organization for Migration in Indonesia. Counter Trafficking. URL: <https://indonesia.iom.int/counter-trafficking> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹³ *Republika*, 05.03.2024. URL: <https://news.republika.co.id/berita/s9vst1425/kemenlu-catat-3000-lebih-kasus-online-scam-libatkan-wni-pada-2020-hingga-2023> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹⁴ Peraturan Gubernur Provinsi Kalimantan Barat Nomor 11 Tahun 2016 tentang Lembaga Pelayanan Terpadu Satu Atap Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia Provinsi Kalimantan Barat [Постановление губернатора

находится не только решение вопросов трудоустройства за границей и обеспечение механизмов защиты индонезийских трудящихся, в том числе от нелегальной миграции, но и осуществление программ по наращиванию потенциала, расширению прав и возможностей вернувшихся на родину мигрантов, облегчению их доступа на рынок труда⁷¹⁵. Вместе с тем аналогичные службы были созданы и в других регионах страны⁷¹⁶.

При этом список предпринимаемых усилий не ограничен упомянутыми мерами. Для успешной реализации всех запланированных программ и проектов и, соответственно, решения поставленных задач в области нелегальной миграции и торговли людьми требуется преодоление ряда трудностей, в частности, урегулирование проблем финансирования, укрепление потенциала правоохранительных органов, разработка новых инструментов обеспечения правоприменения и расширение межрегиональной координации.

Как важная точка на региональном маршруте торговли людьми Малайзия не может остаться в стороне и принимает непосредственное участие в решении проблемы и ее предупреждении. основополагающим документом в области правового регулирования противодействия этому криминальному явлению является Закон о борьбе с торговлей людьми и нелегальной миграцией от 2007 г. (*Akta Antipemerdagangan Orang dan Antipenyeludupan Migran 2007*)⁷¹⁷. Он устанавливает правовые и организационные основы профилактики торговли людьми и нелегальной миграции, а также борьбы с ними. Вместе с тем положения

провинции Западный Калимантан № 11 от 2016 г. о размещении и защите индонезийских работников в учреждениях комплексного обслуживания по принципу «одного окна» в провинции Западный Калимантан]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/44728/pegub-prov-kalimantan-barat-no-11-tahun-2016> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹⁵ The Profile of Trafficking in Persons in the Border Area of Kalimantan. Jakarta: IOM, 2020. P. 34.

⁷¹⁶ Peraturan Gubernur Provinsi Daerah Istimewa Yogyakarta Nomor 7 Tahun 2017 tentang Penyelenggaraan Layanan Terpadu Satu Atap Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia [Постановление губернатора Особого округа Джокьякарта № 7 от 2017 г. по внедрению универсальных интегрированных услуг по трудоустройству и защите индонезийских трудящихся.]. URL: <https://mail.jdih.jatimprov.go.id/peraturan/topic/45221> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹⁷ Akta Antipemerdagangan Orang dan Antipenyeludupan Migran 2007 [Закон о борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов от 2007 г.]. URL: <https://www.mmea.gov.my/artikel/Akta/Akta%20670.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

закона направлены на повышение эффективности функционирования общегосударственной системы применительно к миграционным вопросам.

Ключевым нововведением закона стало учреждение Совета по борьбе с торговлей людьми и нелегальной миграцией (*Majlis Antipemerdagangan Orang dan Antipenyeludupan Migran, MAPO*), в задачи которого входят разработка и контроль за реализацией соответствующих государственных программ при непосредственном сотрудничестве с различными правительственными структурами и некоммерческими организациями.

На протяжении последних лет малайзийскими властями и, в частности, Советом по борьбе с торговлей людьми и нелегальной миграцией применяются меры по выработке и внедрению новых механизмов в рассматриваемой области. К примеру, в 2010, 2016 и 2021 гг. был принят Национальный план по борьбе с торговлей людьми (*National Action Plan on Anti-Trafficking in Persons, NAPTIP*)⁷¹⁸. В целом за период с 2008 по 2021 гг. укрепились позитивные тенденции⁷¹⁹, что убедило правительство в верности избранного курса.

Целью Третьего национального плана (2021–2025 гг.) была объявлена активизация политики противодействия торговли людьми посредством использования существующих механизмов и введения новых элементов в текущую стратегию. Особое внимание должно уделяться созданию и совершенствованию политико-правовых инструментов обеспечения национальной безопасности и систем борьбы с торговлей людьми, проведению соответствующих профилактических мероприятий и укреплению международного сотрудничества⁷²⁰.

---

⁷¹⁸ National Plan of Action on Anti-Trafficking in Persons (2021–2025). URL: http://mapo.bernama.com/pdf/NAPTIP_2021-2025.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

⁷¹⁹ Общее число установленных случаев торговли людьми увеличилось с 17 в 2008 г. до 465 в 2016 г. и впоследствии уменьшилось до 115 в 2021 г., что отчасти можно связать с последствиями пандемии *COVID-19*. *Othman Z., Hussein N. I., Hed N. M.* Examining Human Trafficking Issue in Malaysia's Post-Pandemic Era: Preventive Measure and Challenges // *SINERGI: Journal of Strategic Studies & International Affairs*. Vol. 3, Special Issue (2023). P. 10.

⁷²⁰ National Plan of Action on Anti-Trafficking in Persons (2021–2025). Pp. 2–6. URL: http://mapo.bernama.com/pdf/NAPTIP_2021-2025.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

По мнению экспертов, представляется маловероятным, что реализация Третьего национального плана сможет исправить положение, поскольку утвержденная программа зачастую в реальности не согласуется с предпринимаемыми усилиями и имеющимися возможностями. Как отмечается, первоочередными задачами властей должны стать введение эффективных превентивных механизмов и мер по защите и поддержке жертв, укрепление стратегических партнерств, усиление правоприменения и правопорядка⁷²¹.

Несмотря на предпринятые шаги, результаты проводимой политики также вызвали противоречивую реакцию со стороны Малайзийской комиссии по правам человека (*Suruhanjaya Hak Asasi Manusia Malaysia, SUHAKAM*). Хотя Комиссия признает и работу, проводимую правительством в области защиты прав мигрантов, и некоторые его достижения, она отмечает, что прилагаемых усилий все же недостаточно. Подчеркивается, что некоторые программы и сервисы по реабилитации не функционируют надлежащим образом и не предоставляют услуги в полном объеме. Для успешного осуществления поставленных задач требуется преодолеть такие острые проблемы, как повсеместная коррупция и относительный недостаток финансирования проектов⁷²².

Схожей позиции придерживается, например, и Управление по контролю и борьбе с торговлей людьми США. В отчете, опубликованном по итогам работы за 2023 г., указано, что в целом Малайзия активизировала усилия по ликвидации торговли людьми, намерения государства не вызывают сомнений. Среди прочего увеличилось число расследований и арестов, расширены программы повышения осведомленности о правах мигрантов и рисках, связанных с незаконной миграцией. Тем не менее, по мнению Управления, по некоторым направлениям показатели ухудшились или остались на прежнем, невысоком, уровне: наблюдаются задержки в рассмотрении и расследовании уголовных дел, недостаточная межведомственная

---

⁷²¹ *The Diplomat*, 06.09.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/malaysia-and-its-efforts-to-curb-human-trafficking> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²² SUHAKAM. *Pemerdagangan Orang*. URL: <https://suhakam.org.my/ms/portfolio/human-trafficking> (дата обращения: 15.09.2024).

координация, коррупция и низкий уровень эффективности программ помощи жертвам⁷²³.

Впрочем, согласно отчету правительства Малайзии о торговле людьми за 2023 г., число выдвигаемых обвинений увеличилось на 174 % с 31 до 85, в то время как количество возбужденных уголовных дел также повысилось на 125 % с 57 до 128⁷²⁴. Соответственно, вопреки критике и сомнениям, предпринимаемые властями меры все же дают определенный результат.

С целью повышения эффективности борьбы с торговлей людьми и предотвращения новых случаев преступлений Индонезия и Малайзия расширяют двусторонние и многосторонние контакты и развивают межгосударственные инициативы.

Будучи членами АСЕАН, в 2015 г. страны присоединились к Конвенции АСЕАН против торговли людьми, особенно женщинами и детьми (*ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children*)⁷²⁵, закрепившей основные правовые положения в данной области. Для обеспечения мониторинга выполнения положений Конвенции, а также обмена информацией и координации совместной работы Индонезия и Малайзия стали постоянными участниками ежегодного Совещания старших должностных лиц АСЕАН по транснациональной преступности⁷²⁶. Вместе с тем расширяется межведомственное сотрудничество, например, между дипломатическими и таможенными службами, проводятся совместные операции⁷²⁷.

Согласно докладу о торговле людьми Государственного департамента США, опубликованному по итогам 2023 г., некоторые успехи смогли вернуть Малайзию

---

⁷²³ 2024 Trafficking in Persons Report: Malaysia. URL: <https://www.state.gov/reports/2024-trafficking-in-persons-report/malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²⁴ Malaysia Annual Country Report on Trafficking in Persons: 1 April 2022 – 31 March 2023. P. 16. URL: <http://mapo.bernama.com/pdf/annualcountryreport-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²⁵ ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2015/12/ACTIP.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²⁶ ASEAN Senior Officials Meeting on Transnational Crime (SOMTC). URL: <https://asean.org/senior-officials-meeting-on-transnational-crime-somtc> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²⁷ Malaysia Annual Country Report on Trafficking in Persons: 1 April 2022 – 31 March 2023. P. 68. URL: <http://mapo.bernama.com/pdf/annualcountryreport-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

в группу государств «второй категории»⁷²⁸. Малайзия достигла заметного прогресса за счет увеличения числа расследований случаев торговли людьми, в том числе по отношению к причастным должностным лицам, бóльшего количества обвинительных приговоров, расширения программ по повышению осведомленности общественности⁷²⁹.

К группе государств «второй категории» также относится и Индонезия. Как и Малайзия, она не в полной мере применяет необходимые меры для ликвидации торговли людьми, однако властями явно прилагаются усилия для преодоления существующих сложностей⁷³⁰.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить следующее. Процессы трудовой миграции из Индонезии в Малайзию уходят корнями в историческое прошлое региона и на современном этапе превратились в важную часть межгосударственных отношений. Ввиду некоторых различий в социально-экономическом положении населения двух стран, но культурной и территориальной близости Малайзия закрепила свой статус как наиболее популярное направление для индонезийских граждан для трудоустройства за границей.

Развитие миграционных процессов имеет ряд негативных последствий, представляющих угрозу национальной и международной безопасности. Одним из наиболее сложных вопросов, вызывающих беспокойство мирового сообщества, является нелегальная миграция. Около половины индонезийцев работают в Малайзии незаконно, что является причиной и следствием ряда серьезных проблем, с которыми сталкиваются и сами трудящиеся, и местные власти.

---

⁷²⁸ Распределение по трем категориям зависит не от масштабов проблемы в стране, а от степени усилий властей по соблюдению минимальных стандартов, установленных Законом США о защите жертв торговли людьми от 2000 г. Применительно к странам АСЕАН к группе государств «первой категории» относятся Филиппины и Сингапур, «второй категории» – Таиланд, Вьетнам, «контрольному списку по второй категории» – Лаос, «третьей категории» – Бруней, Камбоджа и Мьянма. *New Straits Times*, 11.07.2024. URL: <https://www.nst.com.my/business/economy/2024/07/1074986/malaysias-tier-2-upgrade-us-trafficking-persons-report-will-help> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷²⁹ 2024 Trafficking in Persons Report: Malaysia. URL: <https://www.state.gov/reports/2024-trafficking-in-persons-report/malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷³⁰ 2024 Trafficking in Persons Report: Indonesia. URL: <https://www.state.gov/reports/2024-trafficking-in-persons-report/indonesia> (дата обращения: 15.09.2024).

Привлекательность извлечения финансовой выгоды наиболее легким путем нередко приводит к фатальным последствиям для экономической, юридической и личной безопасности мигрантов.

Хотя вопросы миграции обычно принято относить к традиционным вызовам безопасности, с расширением масштабов нелегальной миграции в Юго-Восточной Азии с 2010-х гг. на первый план вышла проблема торговли людьми, которая стала новой или нетрадиционной угрозой как для международной безопасности, так и для безопасности Индонезии и Малайзии.

Правовое регулирование миграционной деятельности и наиболее активная работа Индонезии и Малайзии в данном направлении, за некоторым исключением, преимущественно осуществляются с конца 2000-х гг. Вероятно, это связано с тем, что указанные проблемы стояли не столь остро, но стали все более очевидными по мере глобализации миграционных процессов.

Несмотря на значительные подвижки в последние годы, принятых мер, определенно, недостаточно и для преодоления существующих сложностей и угроз требуются внедрение системного и комплексного подхода, затрагивающего процесс трудовой миграции на всех возможных уровнях и этапах, а также пересмотр существующих институциональных механизмов. Так как масштабы угрозы выходят за рамки юрисдикции отдельного государства, необходимость укрепления сотрудничества с другими странами становится неизбежна.

Учитывая недостатки правовой стороны рассматриваемого вопроса и особенности реализации действующего законодательства, кажется целесообразной разработка рабочих программ и иных двусторонних и многосторонних соглашений, предусматривающих обязательства как Индонезии, так и Малайзии по осуществлению конкретных предложений и усилению контроля в миграционной сфере. Столь же важное значение имеют облегчение доступа иностранных трудящихся к средствам правовой защиты и выработка действенного механизма, гарантирующего предоставление компенсаций жертвам за причиненный ущерб. Возможно, усиление контроля за соблюдением требований законодательства с обеих сторон не только поспособствует в некоторой степени восстановлению

справедливости, но и поможет предотвратить случаи злоупотребления полномочиями со стороны работодателя.

Правительство Индонезии могло бы рассмотреть возможность введения более строгой процедуры отбора и направления на подходящие рабочие места, подбирать сотрудников с нужными навыками для конкретного работодателя. В случае с Индонезией не совсем ясно, насколько успешен данный процесс: почти 20 % индонезийцев, заключивших трудовые контракты на родине, расторгают их вскоре после прибытия в Малайзию⁷³¹. Однако не менее важно, что оптимизация процесса документального обеспечения и подготовки к отъезду потенциальных мигрантов помогла бы снизить затраты на переезд и, следовательно, сократить число нарушений законодательства.

Особое внимание необходимо уделить повышению уровня знаний индонезийцев о безопасном трудоустройстве за рубежом, правах человека и трудовых правах, обеспечивая при этом защиту всех мигрантов со стороны правительства, а не коммерческих агентств по найму и подбору кадров из-за невозможности полного контроля и регулирования их деятельности. Хотя органами государственной власти и частными некоммерческими организациями регулярно предпринимаются меры по распространению достоверных сведений о процессе международной трудовой миграции среди населения (организуются семинары⁷³², составляются методические пособия⁷³³, выпускаются тематические видеоролики⁷³⁴ и комиксы⁷³⁵), как показывает практика, к сожалению, данных усилий оказывается недостаточно, и бóльшая часть целевой аудитории остается не осведомлена не только о своих правах и обязанностях, но и о негативных аспектах и рисках работы за границей.

---

⁷³¹ Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017. P. 59.

⁷³² Dinperinaker Kota Pekalongan, 18.03.2021. URL: <https://dinperinaker.pekalongankota.go.id/berita/pelaksanaan--kegiatan-sosialisasi-pekerja-migran-indonesia-tahun-2021-.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁷³³ Panduan Pekerja Migran Indonesia: Buku Saku. Jakarta: IOM, 2016.

⁷³⁴ Ternyata ini Cara Bekerja ke Luar Negeri. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gCvy4cM18C0> pelaksanaan--kegiatan-sosialisasi-pekerja-migran-indonesia-tahun-2021-.html (дата обращения: 15.09.2024).

⁷³⁵ Buku Panduan Bekerja ke Luar Negeri Secara Resmi dan Aman. Jakarta: IOM, 2013.

В то же время нельзя не признать, что потоки трудящихся-мигрантов, не имеющих необходимых документов, довольно трудно контролировать, учитывая легкость передвижения между двумя соседними странами. Как было отмечено, индонезийские рабочие мигрируют в основном для получения более высокого дохода и повышения своего уровня жизни. Это означает, что обе стороны – индонезийские мигранты и малайзийские работодатели – одинаково заинтересованы в том, чтобы избежать бюрократических проволочек и лишних затрат. Соответственно, при решении вопроса нелегальной миграции необходимо учитывать интересы обеих сторон. Возможно, наиболее эффективным способом может стать снижение различных барьеров и упрощение процедуры оформления документов, а не введение новых штрафов и санкций.

В итоге рассмотрения вопроса следует подчеркнуть, что расширение миграционного взаимодействия между Индонезией и Малайзией может положительно повлиять на дальнейшее укрепление двусторонних связей. Решение проблемы нелегальной миграции как нового вызова региональной безопасности и защита прав трудящихся были объявлены одним из приоритетных направлений межгосударственного сотрудничества. Хотя, несмотря на общие цели, странам пока не удалось достичь полного согласия по ряду вопросов, наблюдается определенное продвижение в сторону урегулирования столь сложной и масштабной проблемы и дальнейшего развития добрососедских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История современных отношений Индонезии и Малайзии насчитывает немногим более шестидесяти лет, и, хотя в целом дружественные связи между странами во многом объясняются социокультурным единством и территориальной близостью, за этот небольшой в исторической перспективе период успел накопиться комплекс проблем различного характера, затрудняющий дальнейшее развитие и укрепление двустороннего сотрудничества.

Определяющее влияние на формирование внешней политики Индонезии и Малайзии традиционно оказывают исторические факторы, особенности текущих внутривнутриполитических процессов, фактор личности государственных лидеров и геополитическая ситуация в мире. основополагающие принципы государственной внешнеполитической стратегии получили оформление вскоре после провозглашения странами независимости и сохраняют свою актуальность и по сей день. К ним следует отнести нейтралитет, невмешательство, активность, последовательность, стремление к региональной интеграции и укреплению международного авторитета. Несмотря на то, что стратегические цели Индонезии и Малайзии, их интересы и видение современных геополитических процессов по большей части совпадают, некоторые формы и проявления государственной внешнеполитической деятельности на пути к поставленным целям могут различаться.

Дипломатические отношения между Индонезией и Малайзией были установлены вскоре после обретения последней суверенитета – в 1957 г. Однако в связи с решительным несогласием Индонезии на включение территорий Северного Борнео в состав нового государства Федерации Малайзия отношения между странами значительно ухудшились и перешли от добрососедских к напряженным и даже враждебным. Это противостояние ознаменовало один из самых ярких и напряженных периодов в истории двусторонних отношений – вооруженную индонезийско-малайзийскую конфронтацию (1963–1966 гг.). Межгосударственные, дипломатические связи между странами были временно

разорваны и возобновлены только после урегулирования конфликта и подписания мирного договора в августе 1966 г. Вместе с тем активизация деятельности целого ряда влиятельных внешних игроков на политической арене региона в данный период закрепила их ведущую роль в жизни Юго-Восточной Азии и в то же время стала фактором формирования новой структуры региональной безопасности.

Особую роль в истории региона сыграли последовательное развитие процессов интеграции и создание в 1967 г. межправительственной организации – Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), целью которой было объявлено обеспечение мира и стабильности, а также развитие политических, социальных, экономических и культурных связей между странами Юго-Восточной Азии. С момента своего создания АСЕАН постепенно укрепляла позиции как ведущая политическая сила региона. Несмотря на некоторые взлеты и падения, периодические разногласия внутри ассоциации и влияние внешних геополитических процессов, АСЕАН продолжает раскрывать свой потенциал, в том числе путем трансформации традиционной стратегии, тем самым адаптируясь к новым реалиям.

Межгосударственные отношения Индонезии и Малайзии нередко рассматриваются как краеугольный камень развития АСЕАН. Такие принципы стран АСЕАН, как взаимное уважение суверенитета и равенства, невмешательство во внутренние дела друг друга, урегулирование споров мирными средствами путем проведения открытой дискуссии и консультаций, стремление к укреплению региональной стабильности и поддержанию согласия неизменно формируют внешнеполитическую стратегию Индонезии и Малайзии. Нетрудно заметить, что, как правило, оба государства их строго придерживаются. Более того, будучи активными членами организации, Индонезия и Малайзия играют ключевую роль в деятельности АСЕАН, реализации региональных программ сотрудничества и определении контуров международных партнерств и инициатив.

В целом с 1970-х гг. наблюдаются значительное укрепление межгосударственных связей Индонезии и Малайзии и развитие двустороннего сотрудничества, например, в политической и социально-экономической областях,

сфере безопасности. Несмотря на то, что порой в индонезийско-малайзийских отношениях возникает определенная напряженность, связанная, например, с территориальными спорами, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности, взаимоотношения двух стран, безусловно, можно определить как дружественные и перспективные.

Тем не менее постоянное беспокойство сторон вызывает проблема проведения окончательной делимитации межгосударственной границы. Серьезным препятствием на пути к разрешению сложного территориального вопроса служит спор о разграничении расположенного в море Сулавеси района Амбалат, известного своими богатыми месторождениями нефти и газа и представляющего значительную ценность для обоих государств. Сохраняющаяся неопределенность оказала негативное воздействие на вопрос национальной безопасности и уже привела к возникновению ряда инцидентов в пограничных водах. Коренная причина задержки в урегулировании проблемы в немалой степени кроется в политической культуре Индонезии и Малайзии. Поскольку к приоритетным установкам относятся, например, консенсусный подход в решении проблемных ситуаций, решительное уклонение от открытого конфликта, стремление к достижению компромисса на двусторонней основе, переговоры продвигаются довольно медленно.

Спустя более десяти лет переговоров в июне 2023 г. появились сообщения о достижении согласия по вопросу разграничения моря Сулавеси и южной части Малаккского пролива. Завершение столь сложного и многогранного процесса может говорить об укреплении индонезийско-малайзийских дружественных связей. Впрочем, детали соглашения пока не разглашаются.

Опасной преградой на пути развития региональной интеграции стал ряд новых угроз безопасности и не в последнюю очередь проблема международного терроризма. Несмотря на довольно успешный опыт Индонезии и Малайзии в области антитеррористической политики, механизмы правового регулирования и межгосударственные системы противодействия терроризму пока находятся на стадии формирования. С 2010-х гг. страны демонстрируют неизменную решимость

к реализации совместных программ и комплексных планов, обмену опытом работы в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Однако это остается долгосрочным проектом, а также продолжающейся работой, требующей непрерывного улучшения.

Другой сферой межгосударственного сотрудничества Индонезии и Малайзии, которая требует постоянного внимания и пристального контроля, является трудовая миграция. Особую обеспокоенность обеих сторон вызывают рост масштабов нелегальной трудовой миграции из Индонезии в Малайзию и усиление острой проблемы торговли людьми. Хотя вопросы пока далеки от разрешения, предпринятые шаги на пути модернизации государственного рынка труда и пересмотра существующих правовых и институциональных механизмов являются обнадеживающим признаком прогресса в данной области.

Как представляется, история межгосударственных отношений Индонезии и Малайзии в период с 1957 по 2023 гг. может быть разделена на следующие этапы:

1. В 1957–1962 гг. были заложены основы межгосударственного взаимодействия. Индонезия и Малайзия приступили к поиску принципов, форматов и областей двустороннего сотрудничества.

2. В 1963–1966 гг. индонезийско-малайзийские отношения пережили острый кризис в связи с конфронтацией. Данный период можно по праву считать критическим и наиболее сложным в истории двусторонних отношений.

3. После окончания индонезийско-малайзийской конфронтации и восстановления дипломатических отношений в 1967–1969 гг. наблюдалось формирование предпосылок для диверсификации новых механизмов и направлений межгосударственного взаимодействия, был взят устойчивый курс на стратегическое сближение.

4. В «золотой» период истории индонезийско-малайзийских отношений, который пришелся на 1970–1975 гг., намеченные ранее тенденции не только закрепились, но и получили значительное развитие. Данные годы отмечены значительной активизацией и расширением крепких партнерских связей, расцветом двустороннего сотрудничества в различных областях.

5. В 1976–2003 гг. существенно усилились процессы региональной интеграции, что не могло не повлиять на развитие индонезийско-малайзийских отношений. Во главу угла были поставлены цели по укреплению межправительственной координации между странами Юго-Восточной Азии и совершенствованию системы развития многосторонних механизмов решения региональных проблем.

6. Для периода с 2004 по конец 2000-х гг. характерны поддержание стратегического баланса между Индонезией и Малайзией, наращивание институционального потенциала, открытие дополнительных путей для дальнейшего сотрудничества и усиления многопрофильных контактов. Вместе с тем отмечается поступательное расширение связей с целью урегулирования обострившихся проблем.

7. С начала 2010-х по 2023 гг. со стороны Индонезии и Малайзии наблюдалось дальнейшее развитие процесса разработки и осуществления мер по государственному регулированию многопланового взаимодействия, повышению эффективности двустороннего и многостороннего сотрудничества и его адаптации к реалиям многополярного мира, в частности, модернизации международно-правового контроля в сфере противодействия новым вызовам и угрозам международной безопасности.

Геополитическое положение Индонезии и Малайзии и их партнерская политика по отношению друг к другу в определенной степени обеспечивают политическую стабильность как в Юго-Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Несмотря на определенные противоречия, страны поддерживают давние тесные связи и продолжают совершенствовать механизмы двустороннего и многостороннего взаимодействия, они одинаково интегрированы в мировое политическое и экономическое сообщество, являются активными членами АСЕАН и других международных структур.

Наряду с этим и Индонезия, и Малайзия являются субъектом интереса ведущих мировых держав, крупнейших транснациональных корпораций, реципиентами технологий как результата международной экономической

кооперации и заинтересованы в сотрудничестве с экспортно-импортными банками и институтами развития.

Как представляется, в обозримом будущем существующие тенденции по большей части останутся неизменными. Межгосударственные отношения Индонезии и Малайзии демонстрируют стабильную позитивную динамику и отличные перспективы. Стороны заинтересованы в наращивании взаимовыгодного сотрудничества и укреплении как двусторонних, так и многосторонних связей, что, вполне вероятно, окажет благоприятное воздействие на темпы развития региональной интеграции и в долгосрочной перспективе усилит позиции АСЕАН на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЯ*Источники*

1. Махатхир бин Мохамад о современном мире (беседа с Виталием Наумкиным). М.: ИВ РАН, 2013. – 175 с.
2. *Махатхир Мохамад* Доктор своей страны. Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. М.: МГИМО-Университет, 2015. – 520 с.
3. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45778 (дата обращения: 15.09.2024).
4. 1915 Agreement Between Great Britain and the Netherlands // Singh D. S. R. The Indonesia – Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands. Singapore: ISEAS, 2020.
5. 1976 Agreement on the Establishment of the ASEAN Secretariat. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1976-Agreement-on-the-Establishment-of-the-ASEAN-Secretariat-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
6. 1976 Declaration of ASEAN Concord. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/1976-Declaration-of-ASEAN-Concord.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
7. 1989 Treaty Between Australia and the Republic of Indonesia on the Zone of Cooperation in an Area Between the Indonesian Province of East Timor and Northern Australia. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/1989-Australia-Indonesia-Timor-Gap-Treaty.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
8. 1994 APEC Ministerial Meeting, 11–12 November 1994. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/annual-ministerial-meetings/1994/1994_amm (дата обращения: 15.09.2024).
9. 2003 Declaration of ASEAN Concord II. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Transnational_2003Declaration.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

10. 2010 Protocol to the ASEAN Charter on Dispute Settlement Mechanism. URL: https://www.dol.go.th/legal/Documents/4Protocol_to_the_ASEAN.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
11. 2024 Trafficking in Persons Report: Malaysia. URL: <https://www.state.gov/reports/2024-trafficking-in-persons-report/malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).
12. Admission of New Members to the United Nations. 125 (1957). Resolution of 5 September 1957. URL: [https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/125\(1957\)&Lang=E](https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=S/RES/125(1957)&Lang=E) (дата обращения: 15.09.2024).
13. Agreement between the Government of Malaysia and the Government of Indonesia on the Delimitation of the Continental Shelves Between the Two Countries, 27 October 1969 // The United Nations. URL: <https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/MYS-IDN1969CS.PDF> (дата обращения: 15.09.2024).
14. Agreement between the Government of the Republic of Indonesia, the Government of Malaysia and the Government of the Kingdom of Thailand Relating to the Delimitation of the Continental Shelf Boundaries in the Northern Part of the Strait of Malacca // Limits in the Seas. Maritime Boundaries: Indonesia – Malaysia – Thailand. No. 81 (1978).
15. Agreement between the Government of the Socialist Republic of Vietnam and the Government of the Republic of Indonesia Concerning the Delimitation of the Continental Shelf Boundary. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/no%20volume/part/i-44165.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
16. Agreement between the Republic of Indonesia and the Kingdom of the Netherlands concerning West New Guinea (West Irian), 19 November 1969 // Resolutions adopted by the General Assembly during its 24th session, 16 September – 17 December 1969. New York: United Nations, 1970.
17. Agreement between the Republic of Indonesia and the Kingdom of the Netherlands Concerning West New Guinea (New York Agreement). Signed at the Headquarters of the United Nations, New York, on 15 August 1962.

- URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/id20nl620815agreementconcerningwestnewguinea.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
18. Agreement on External Defence and Mutual Assistance. Signed at Kuala Lumpur, on 12 October 1957. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280142086&clang=_en (дата обращения: 15.09.2024).
  19. Agreement on the Common Effective Preferential Tariff Scheme for the ASEAN Free Trade Area. URL: <https://asean.org/agreement-on-the-common-effective-preferential-tariff-cept-scheme-for-the-asean-free-trade-area-afta> (дата обращения: 15.09.2024).
  20. Agreement Relating to Malaysia (with annexes, including the Constitutions of the States of Sabah, Sarawak and Singapore, the Malaysia Immigration Bill and the Agreement between the Governments of the Federation of Malaya and Singapore on common market and financial arrangements). Signed at London on 9 July 1963. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20750/volume-750-i-10760-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
  21. Agreement to Normalise Relations between the Republic of Indonesia and Malaysia. August 11, 1966 // International Legal Materials. Vol. 5, № 5 (1966).
  22. Akta Antipemerdagangan Orang dan Antipenyeludupan Migran 2007 [Закон о борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов от 2007 г.]. URL: <https://www.mmea.gov.my/artikel/Akta/Akta%20670.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
  23. Arbitral Award on the Subject of the Difference Relative to the Sovereignty over Clipperton Island // The American Journal of International Law. Vol. 26, No. 2 (1932).
  24. ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2015/12/ACTIP.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
  25. ASEAN Convention on Counter Terrorism. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ACCT.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
  26. ASEAN Handbook Promising Practices on Deradicalisation, Rehabilitation and Reintegration of Prison Inmates related to Terrorism and Violent Extremism. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/10/ASEAN-Handbook-June-2023->

Promising-Practices-on-Deradicalisation-Rehabilitation-and-Reintegration-1.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

27. Bangkok Declaration (Association of South-East Asia). URL: <https://elibrary.judiciary.gov.ph/thebookshelf/showdocs/36/11080> (дата обращения: 15.09.2024).
28. Basic Agreement on ASEAN Industrial Projects. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140119162416.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
29. Basic Agreement on the ASEAN Industrial Complementation. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140422150300.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
30. Buku Panduan Bekerja ke Luar Negeri Secara Resmi dan Aman. Jakarta: IOM, 2013.
31. Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Volume I: Special Agreement; Memorial of Indonesia. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067101> (дата обращения: 15.09.2024).
32. Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Counter-Memorial of Malaysia. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/102/8564.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
33. Comprehensive Cambodian Peace Agreement. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/КН_911023_FrameworkComprehensivePoliticalSettlementCambodia.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
34. Convention between Great Britain and the Netherlands Defining Boundaries in Borneo, 1891 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo. London: Jas. Truscott & Son Ltd., 1924.
35. Convention between Great Britain and the Netherlands, 1928. URL: https://www.bailii.org/uk/other/UKTS/1928/TS0032_A.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
36. Convention on the Continental Shelf, 1958. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

37. Data Pekerja Migran Indonesia. Periode Tahun 2021. Jakarta: Pusat Data dan Informasi (BP2MI), 2022.
38. Declaration on the New Asian-African Strategic Partnership. URL: <https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6608/Declaration> (дата обращения: 15.09.2024).
39. Democracy Index 2023: Age of Conflict. URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy-Index-2023-Final-report.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
40. Embassy Jakarta Telegram 1579 to Secretary State. 6 December 1975. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB62/doc4.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
41. Exclusive Economic Zone Act 1984 (Act No. 311). URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mal3732.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
42. Federation of Malaya Independence Act 1957. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1957/60/pdfs/ukpga_19570060_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
43. Final Communique of the Asian-African Conference of Bandung (24 April 1955). URL: https://bandungspirit.org/IMG/pdf/anri-bandung_conference-final_communique.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
44. Foreign Policy Framework of the New Malaysia: Change in Continuity. Putrajaya: Ministry of Foreign Affairs of Malaysia, 2019.
45. General Treaty for Renunciation of War as an Instrument of National Policy. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%2094/v94.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
46. Global Terrorism Index 2023. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2023/12/GTI-2023-web.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
47. Handbook on the Delimitation of Maritime Boundaries. New York: United Nations, 2000.
48. House of Commons Debates, 12 July 1957 (Vol. 573, cc633-715). URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1957/jul/12/federation-of-malaya-independence-bill> (дата обращения: 15.09.2024).

49. Indonesia's Global Workers: Juggling Opportunities and Risks. Washington, DC: World Bank, 2017.
50. Information on Forced Labor and Trafficking in Persons (TIP)-Indicated Cases in Online Scamming Industry Overseas. URL: <https://indonesia.iom.int/sites/g/files/tmzbd11491/files/documents/2023-08/infosheet-online-scams-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
51. Internal Security Act 1960. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Malaysia/MY_Internal_Security_Act.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
52. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, 1990. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1990/12/19901218%2008-12%20AM/Ch_IV_13p.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
53. International Court of Justice. Case Concerning Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain), Judgment of 16 March 2001. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/87/087-20010316-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
54. International Court of Justice. Case Concerning Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgment of 14 June 1993. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/78/078-19930614-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
55. International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment of 17 December 2002. Herndon: United Nations Publications, 2004.
56. International Court of Justice. Case Concerning Sovereignty Over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia). Memorial Submitted by the Government of the Republic of Indonesia. Vol. 1. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/102/8558.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
57. International Court of Justice. Case Concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Judgment of 15 June 1962. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/45/045-19620615-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

58. International Court of Justice. Case Concerning the Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia), Judgment of 13 December 2007. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/124/124-20121119-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
59. International Court of Justice. Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh/Myanmar), Judgment of 12 March 2012. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_16/published/C16-J-14_mar_12.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
60. International Court of Justice. Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine), Judgment of 3 February 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
61. International Migration and Migrant Workers' Remittances in Indonesia. Makati City: ИОМ, 2010.
62. Jakarta Declaration on ASEAN Matters: Epicentrum of Growth (ASEAN Concord IV). URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/09/DECLARATION-OF-ASEAN-CONCORD-IV.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
63. Joint Communique of the Conference of Foreign Ministers of the Federation of Malaya, the Republic of Indonesia, and the Republic of the Philippines, held at Manila from June 7 to 11, 1963 // Summit Conference Between the President of the Republic of Indonesia, the President of the Philippines, and the Prime Minister of the Federation of Malaya, Manila, 1963. Washington: Information Division, Embassy of Indonesia, 1963.
64. Joint Statement by the Honourable Prime Minister of Malaysia and His Excellency President of the Republic of Indonesia, 8 June 2023. URL: <https://demaribus.net/wp-content/uploads/2023/06/joint-statement-8-june-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
65. Joint Statement on East Asia Cooperation, 28 November 1999. URL: <https://asean.org/joint-statement-on-east-asia-cooperation-28-november-1999> (дата обращения: 15.09.2024).

66. Keputusan Presiden Nomor 1/3/1966 tentang Pembubaran Partai Komunis Indonesia [Указ президента № 1/3/1966 о роспуске Коммунистической партии Индонезии] <https://peraturan.bpk.go.id/Details/151676/keppres-no-1-tahun-1966> (дата обращения: 15.09.2024).
67. Keputusan Presiden Republik Indonesia Nomor 215 Tahun 1964 [Указ президента Республики Индонезия № 215 от 1964 г.]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/144833/Keppres%20No%20180%20Tahun%201965.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
68. Ketetapan Majelis Permusyawaratan Rakyat Nomor XVI/1998 tentang Politik Ekonomi dalam Rangka Demokrasi Ekonomi [Постановление Народного консультативного конгресса № XVI от 1998 г. о политической экономии в контексте экономической демократии]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/210109/tap-mpr-no-xvimpr1998> (дата обращения: 15.09.2024).
69. Ketetapan Majelis Permusyawaratan Rakyat Tahun 1998 tentang Pokok Pokok Reformasi Pembangunan dalam Rangka Penyelamatan dan Normalisasi Kehidupan Nasional Sebagai Haluan Negara [Постановление Народного консультативного конгресса от. 1998 г. об основных направлениях реформы в области развития с целью спасения и нормализации национальной жизни как государственного курса]. URL: <https://peraturan.go.id/id/tap-mpr-no-x-mpr-1998-tahun-1998> (дата обращения: 15.09.2024).
70. Kewarganegaraan, Suku Bangsa, Agama, dan Bahasa Sehari-hari Penduduk Indonesia. Hasil Sensus Penduduk 2010 [Национальность, этническое происхождение, религия и язык повседневного общения населения Индонезии. Результаты переписи населения 2010 г.]. URL: <https://www.bps.go.id/id/publication/2012/05/23/55eca38b7fe0830834605b35> (дата обращения: 15.09.2024).
71. Labour Migration from Indonesia: An Overview of Indonesian Migration to Selected Destinations in Asia and the Middle East. Jakarta: IOM, 2010.
72. Laws of Malaysia Act 776. National Security Council. Act 2016. URL: <https://asset.mkn.gov.my/web/wp-content/uploads/sites/3/2019/08/Akta-MKN-2016-VI.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

73. Letter dated 31 December 1964 from the Permanent Representative of Malaysia addressed to the President of the Security Council. New York: United Nations, 1965.
74. Letter dated 7 January 1965 from the Permanent Representative of Malaysia addressed to the President of the Security Council. New York: United Nations, 1965.
75. Letter of Indonesia on Withdrawal from United Nations // International Legal Materials. Vol. 4, No. 2 (1965).
76. Lusaka Declaration on Peace, Independence, Development, Cooperation and Democratisation of International Relations, 1970. URL: <https://www.ris.org.in/sites/default/files/NAM%20Summit-3-Sep%208-10-1970-FinalDocument-LusakaDeclaration-min.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
77. Malaysia Act 1963. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1963/35/pdfs/ukpga_19630035_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
78. Malaysia Annual Country Report on Trafficking in Persons: 1 April 2022 – 31 March 2023. URL: <http://mapo.bernama.com/pdf/annualcountryreport-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
79. Manila Accord. Signed at Manila, on 31 July 1963. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20550/volume-550-i-8029-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
80. Memorandum for the President from Henry A. Kissinger. Subject: Djakarta Visit: Your Meetings with President Suharto. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB242/19690718.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
81. Memorandum of Understanding Between the Government of the Republic of Indonesia and the Government of the People's Republic of China on the Resumption of Diplomatic Relations. URL: <https://treaty.kemlu.go.id/apisearch/pdf?filename=CHN-1990-0022.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
82. Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Indonesia and the Government of Malaysia on Defence Cooperation. URL: <https://www.kemhan.go.id/strahan/wp-content/uploads/2022/09/MoU-antara-Pemerintah-RI-dan-Pemerintah-Malaysia.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

83. Memorandum of Understanding on the Placement and Protection of Indonesian Domestic Workers. URL: <https://apskills.ilo.org/apmagnet/country-profiles/mou-on-the-placement-and-protection-of-indonesian-domestic-workers> (дата обращения: 15.09.2024).
84. Mendajung antara Dua Karang (Keterangan Pemerintah Diutjapkan oleh Drs. Mohammad Hatta Dimuka Sidang B.P.K.N.P di Djokja pada Tahun 1948). URL: <https://serbasejarah.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/05/mendajung-antara-dua-karang.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
85. Migration Cost Survey Among Indonesian and Filipina Domestic Workers in Malaysia. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40asia/%40ro-bangkok/documents/publication/wcms_758614.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
86. National Plan of Action on Anti-Trafficking in Persons (2021–2025). URL: http://mapo.bernama.com/pdf/NAPTIP_2021-2025.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
87. Online Scam Operations and Trafficking into Forced Criminality in Southeast Asia: Recommendations for a Human Rights Response. URL: <https://bangkok.ohchr.org/wp-content/uploads/2023/08/ONLINE-SCAM-OPERATIONS-2582023.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
88. Panduan Pekerja Migran Indonesia: Buku Saku. Jakarta: IOM, 2016.
89. Peraturan Gubernur Provinsi Kalimantan Barat Nomor 11 Tahun 2016 tentang Lembaga Pelayanan Terpadu Satu Atap Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia Provinsi Kalimantan Barat [Постановление губернатора провинции Западный Калимантан № 11 от 2016 г. о размещении и защите индонезийских работников в учреждениях комплексного обслуживания по принципу «одного окна» в провинции Западный Калимантан]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/44728/pergub-prov-kalimantan-barat-no-11-tahun-2016> (дата обращения: 15.09.2024).
90. Peraturan Pemerintah Nomor 37 Tahun 2008 tentang Perubahan Atas Peraturan Pemerintah Nomor 38 Tahun 2002 tentang Daftar Koordinat Geografis Titik-Titik Garis Pangkal Kepulauan Indonesia [Постановление Правительства № 37 от 2008 г. о внесении изменений в Постановление Правительства № 38 от 2002 г. о перечне географических координат исходных линий Индонезийского архипелага]. URL:

<https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/4851/pp-no-37-tahun-2008> (дата обращения: 15.09.2024).

91. Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor Nomor 4 Tahun 1960 tentang Perairan Indonesia [Постановление Правительства, заменяющее закон, № 4 от 1960 г. о границах территориальных вод Индонезии]. URL: <https://jdih.mahkamahagung.go.id/legal-product/perpu-nomor-4-tahun-1960/detail> (дата обращения: 15.09.2024).
92. Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme [Постановление Правительства, заменяющее закон, Республики Индонезия № 1 от 2002 г. об искоренении терроризма]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Download/42482/2002PP_Pengganti_UU_No_1_th_2002.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
93. Peraturan Pemerintah Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 2008 tentang Perubahan Atas Peraturan Pemerintah Nomor 38 Tahun 2002 tentang Daftar Koordinat Geografis Titik Titik Garis Pangkal Kepulauan Indonesia [Постановление Правительства Республики Индонезия № 37 от 2008 г. о внесении изменений в Постановление Правительства № 38 от 2002 г., касающееся перечня географических координат исходных линий Индонезийского архипелага]. URL: <https://peraturan.go.id/common/dokumen/ln/2008/pp37-2008.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
94. Peraturan Presiden Republik Indonesia Nomor 69 Tahun 2008 tentang Gugus Tugas Pencegahan dan Penanganan Tindak Pidana Perdagangan Orang [Постановление Президента Республики Индонезия № 69 от 2008 г. о рабочей группе по предупреждению торговли людьми и борьбе с ней]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/42234/perpres-no-69-tahun-2008> (дата обращения: 15.09.2024).
95. Perdjudjian Persahabatan Antara Persekutuan Tanah Melayu dengan Republik Indonesia. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20470/v470.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

96. Peta Baru Menunjukkan Sempadan Perairan dan Pelantar Benua Malaysia [Новая карта с указанием территориальных вод и границы континентального шельфа Малайзии]. Kuala Lumpur: Pengarah Pemetaan Negara, 1979.
97. Pidato Soekarno «Ganyang Malaysia». URL: <https://www.inilah.com/inilah-pidato-soekarno-ganyang-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).
98. Prevention of Terrorism Act 2015. URL: [http://www.federalgazette.agc.gov.my/output/akta/aktaBI_20150604_Act769\(BI\).pdf](http://www.federalgazette.agc.gov.my/output/akta/aktaBI_20150604_Act769(BI).pdf) (дата обращения: 15.09.2024).
99. Private Employment Agencies (Amendment) Bill 2017. URL: [https://www.parlimen.gov.my/files/en/billindex/pdf//D.R.%207_2017%20\(eng\).pdf#page=1&zoom=100&search=Private%20Employment%20Agencies](https://www.parlimen.gov.my/files/en/billindex/pdf//D.R.%207_2017%20(eng).pdf#page=1&zoom=100&search=Private%20Employment%20Agencies) (дата обращения: 15.09.2024).
100. Proclamation of Independence of Malaya (Kuala Lumpur, 31 August 1957). URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2015/10/20/51eb6525-30ef-4078-8f83-27deee5e8072/publishable_en.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
101. Public Attitudes Towards Migrant Workers in Japan, Malaysia, Singapore, and Thailand. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@asia/@ro-bangkok/documents/publication/wcms_732443.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
102. Question of Timor // Resolutions Adopted by the General Assembly during its 30th session, 16 September–17 December 1975. New York: United Nations, 1976.
103. Report of the Commission of Inquiry, North Borneo and Sarawak, 1962. Singapore: Thor Beng Chong, 1962.
104. Reports of International Arbitral Awards. Island of Palmas case (Netherlands, USA). URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_II/829-871.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
105. Security Offences (Special Measures) Act 2012. URL: https://lom.agc.gov.my/ilims/upload/portal/akta/outputakta/20120622_747_BI_Act%20747%20BI.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
106. Southeast Asia Collective Defense Treaty. Signed at Manila, on 8 September 1954. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20209/volume-209-i-2819-english.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
107. Special Agreement for Submission to the International Court of Justice of the Dispute between Indonesia and Malaysia Concerning Sovereignty over Pulau Sipadan and Pulau

- Ligitan. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/102/7177.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
108. Speech by Mr. S. Pushpanathan, Deputy Secretary-General of ASEAN at the National Resilience Institute of Republic of Indonesia “Building Regional Resilience: ASEAN Charter, ASEAN Community Blueprints and ASEAN Community” Jakarta, 20 May 2009. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/Speech-DSG-AEC-SP-NationalResilienceInstitute.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
109. Speech by the Honourable Abdullah Ahmad Badawi, Prime Minister of Malaysia. Creating a Better Understanding of ASEAN-United States Relations, 15.09.2005. URL: <https://asiasociety.org/new-york/creating-better-understanding-asean-united-states-relations> (дата обращения: 15.09.2024).
110. Technical Guidelines for Effective Anti-Trafficking Task Forces. Jakarta: IOM, 2019.
111. Telegram From the Embassy in Laos to the Department of State. June 27, 1966. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v28/d238> (дата обращения: 15.09.2024).
112. Terrorism, Recidivism and Planned Releases in Indonesia. IPAC Report No. 66. URL: <https://understandingconflict.sgp1.digitaloceanspaces.com/dashboard/11651711078511163c667fa54a32c06f.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
113. The ASEAN Charter. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008.
114. The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration), 8 Agustus 1967. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
115. The Employment Act 1955. URL: <https://www.mp.gov.my/acts/EA1955.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
116. The Immigration Act 1959/63 <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/64031/99464/F1916438079/MYS64031.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
117. The Private Employment Agencies Act 1981. URL: <https://jtksm.mohr.gov.my/sites/default/files/2023-03/7.%20Private%20Employment%20Agencies%20Act%201981.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
118. The Profile of Trafficking in Persons in the Border Area of Kalimantan. Jakarta: IOM, 2020.

119. The Treaty of London, 1824 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). *Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo*. London: Jas. Truscott & Son Ltd., 1924.
120. The Trilateral Cooperative Arrangement (TCA) // *Maritime Malice in Malaysia, Indonesia and the Philippines: The Asymmetric Maritime Threat at the Tri-Border Area*. 2021.
121. The Turtle Preservation Ordinance, 1917. URL: <https://asiadivingvacation.com/blog/6-facts-about-sipadan/1024-official-gazette-ordinance-no-5-of-1917-1-june> (дата обращения: 15.09.2024).
122. Timor Sea Treaty between the Government of Australia and the Government of East Timor. URL: http://timor-leste.gov.tl/wp-content/uploads/2010/03/R_2003_2-Timor-Treaty.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
123. *Toolkit to Combat Trafficking in Persons: Global Programme Against Trafficking in Human Beings*. New York: United Nations, 2006.
124. Traktat Sumatera, Salah Satu Penyebab Terjadinya Perang Aceh. URL: <https://www.merdeka.com/pendidikan/traktat-sumatera-salah-satu-penyebab-terjadinya-perang-aceh.html> (дата обращения: 15.09.2024).
125. *Treaty between the Republic of Indonesia and Malaysia Relating to the Delimitation of the Territorial Seas of the Two Countries in the Strait of Malacca // International Boundary Study. Series A. Limits in the Seas: Indonesia and Malaysia Territorial Sea Boundary. No. 50 (1973)*.
126. *Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia*. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
127. Ucapan Dato' Seri Dr. Mahathir Bin Mohamad. The Conference on Terrorism, 16.11.2001. URL: <https://www.pmo.gov.my/ucapan/?m=p&p=mahathir&id=1055> (дата обращения: 15.09.2024).
128. Ucapan Tun Dr Mahathir: Wawasan 2020. URL: http://lib.perdana.org.my/PLF/Digital_Content/Merdeka_Ed/Koleksi_Merdeka/Ucapan_Tun_Dr_Mahathir.pdf (дата обращения: 15.09.2024).

129. Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945 [Конституция Республики Индонезия от 1945 г.] URL: <https://www.mkri.id/public/content/informum/regulation/pdf/UUD45%20ASLI.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
130. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 15 Tahun 2003 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme, Menjadi Undang-Undang [Закон Республики Индонезия № 15 от 2003 г. о введении в действие Постановления Правительства, заменяющего закон, № 1 от 2002 г. о противодействии терроризму и признании его законом]. URL: <https://www.balitbangham.go.id/po-content/peraturan/17.%20uu%20no%2015%20tahun%202003%20teroris.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
131. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 17 Tahun 1985 tentang Pengesahan United Nations Convention on The Law of The Sea (Konvensi Perserikatan Bangsa-Bangsa tentang Hukum Laut) [Закон Республики Индонезия № 17 от 1985 г. о ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву]. URL: https://pih.kemlu.go.id/files/UU_NO_17_TH_1985.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
132. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 18 Tahun 2017 tentang Pelindungan Pekerja Migran Indonesia [Закон Республики Индонезия № 18 от 2017 г. о защите индонезийских рабочих-мигрантов]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/54723/UU%20Nomor%2018%20Tahun%202017.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
133. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 2 Tahun 1999 tentang Partai Politik [Закон Республики Индонезия № 2 от 1999 г. о политических партиях]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/33760/UU%20Nomor%202%20Tahun%201999.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
134. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 21 Tahun 2007 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Perdagangan Orang [Закон Республики Индонезия № 21 от 2007 г. о борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми]. URL:

<https://peraturan.bpk.go.id/Download/29441/UU%20Nomor%2021%20Tahun%202007.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

135. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 37 Tahun 1999 tentang Hubungan Luar Negeri [Закон Республики Индонезия № 37 от 1999 г. о внешней политике]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/45358/uu-no-37-tahun-1999> (дата обращения: 15.09.2024).
136. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 39 Tahun 2004 tentang Penempatan dan Perlindungan Tenaga Kerja Indonesia di Luar Negeri [Закон Республики Индонезия № 39 от 2004 г. о размещении и защите индонезийских трудящихся за границей]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Download/30524/UU%20Nomor%2039%20Tahun%202004.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
137. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 5 Tahun 1983 tentang Zona Ekonomi Eksklusif Indonesia [Закон Республики Индонезия № 5 от 1983 г. об исключительной экономической зоне Индонезии]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/35802/UU%20Nomor%205%20Tahun%201983.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
138. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 5 Tahun 2018 tentang Perubahan atas Undang-Undang Nomor 15 Tahun 2003 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang Nomor 1 Tahun 2002 tentang Pemberantasan Tindak Pidana Terorisme Menjadi Undang-Undang [Закон Республики Индонезия № 5 от 2018 г. о внесении изменений в Закон № 15 от 2003 г. о введении в действие Постановления Правительства, заменяющего закон, № 1 от 2002 г. о противодействии терроризму и признании его законом]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Details/82689/uu-no5-tahun-2018> (дата обращения: 15.09.2024).
139. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 7 Tahun 1976 tentang Pengesahan Penyatuan Timor-Timur ke Dalam Negara Kesatuan Republik Indonesia dan Pembentukan Propinsi Daerah Tingkat I Timor-Timur [Закон № 7 от 1976 г. Республики Индонезия о присоединении Восточного Тимора к унитарному государству Республика Индонезия и создании провинции

- первого уровня Восточный Тимор]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/36145/UU%20Nomor%207%20Tahun%201976.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
140. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 9 Tahun 2013 tentang Pencegahan dan Pemberantasan Tindak Pidana Pendanaan Terorisme [Закон Республики Индонезия № 9 от 2013 г. о предотвращении и искоренении финансирования терроризма]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Download/28197/UU%20Nomor%209%20Tahun%202013.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
141. United Nations Convention on the Law of the Sea. Hauppauge: Nova Science Publishers, 2013.
142. United Nations Treaty Collection. Chapter XXI. Law of the Sea. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en (дата обращения: 15.09.2024).
143. United States Government Memorandum from EA/IND Paul F. Gardner. Subject: Call by Indonesian Ambassador Soedjatmoko – Briefing Memorandum. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB128/35.%20Memo%20re%20visit%20by%20Indonesian%20Ambassador%20Soedjatmoko,%20August%2025,%201969.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
144. Visi Indonesia 2045 [Видение Индонезии – 2045]. Jakarta: Kementerian PPN, 2019.
145. Wawasan Kemakmuran Bersama 2030 [Концепция всеобщего процветания – 2030]. Putra Permai: Attin Press, 2019.
146. Who is Keeping Score? Estimating the Number of Foreign Workers in Malaysia. Washington, DC: World Bank, 2020.
147. Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. URL: <https://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2019/07/ZOPFAN.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

Научная литература на русском языке

148. Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманитарные знания. Том 8, № 1 (2022). – С. 6–21.

149. *Алексеева Т. А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. № 1 (14) (2014). – С. 4–21.
150. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы // под ред. В. М. Мазырина и Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2023. – 608 с.
151. *Бандиленко Г. Г.* История Индонезии. Часть 1. М: Издательство Московского университета, 1992. – 304 с.
152. *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
153. *Богатуров А. Д.* Международно-политический анализ. М.: Аспект Пресс, 2019. – 208 с.
154. *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002. – 380 с.
155. Большая советская энциклопедия. Том 12. URL: http://in.1543.ru/pub/bse/BSE-3/12_Kvarner-Kongur.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – 687 с.
156. *Дробот Г. А.* Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. № 6 (2014). – С. 61–83.
157. *Другов А. Ю.* Религия и власть в современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 13 (2009). – С. 164–182.
158. *Другов А. Ю., Резников А. Б.* Индонезия в период «направляемой демократии». М.: Наука, 1969. – 200 с.
159. *Другов А. Ю., Тюрин В. А.* История Индонезии. XX век. М.: ИВ РАН, 2005. – 445 с.
160. *Ефимова Л. М.* «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии // Ислам в современном мире. Том 13, № 1 (2017). – С. 115–132.
161. *Ефимова Л. М.* Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 33 (2016). – С. 55–69.

162. *Ефимова Л. М.* Внешнеполитический процесс в Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. Том 1, № 10 (2010). – С. 202–211.
163. *Ефимова Л. М.* Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО-Университета. Том 6, № 45 (2015). – С. 196–204.
164. *Ефимова Л. М.* Ислам и политика в мусульманском обществе. Опыт Индонезии // Международные процессы. № 1 (2019). – С. 73–87.
165. *Ефимова Л. М.* Ислам Хадхари в современной Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 11 (2008). – С. 119–134.
166. *Ефимова Л. М.* СССР и становление независимой Республики Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. Том 1, № 40 (2015). – С. 153–164.
167. *Игнаткин О. Б.* Идеи политического реализма в современных международных отношениях // Вестник РГГУ. № 21 (2013). – С. 74–82.
168. *Календарь О. К.* Индонезия в АСЕАН: историческая ретроспектива и современные реалии // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. (сборник статей) (2024). – С. 168–175.
169. *Календарь О. К.* Исторические предпосылки формирования территориальной проблемы в индонезийско-малайзийских отношениях // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. Том 67, № 1 (2023). – С. 72–81.
170. *Календарь О. К.* К вопросу об индонезийской трудовой миграции в Малайзию // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 3 (56) (2022). – С. 99–112.
171. *Календарь О. К.* Международно-правовые аспекты делимитации морских пространств между Индонезией и Малайзией // Вестник ученых-международников. Том 1, № 1 (23) (2023). – С. 65–73.
172. *Календарь О. К.* Острова Сипадан и Лигитан: камень преткновения между Индонезией и Малайзией // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. Том 68, № 1 (2024). – С. 5–14.

173. *Календарь О. К.* Проблема делимитации индонезийско-малайзийской границы в море Сулавеси // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 4, № 4 (53) (2021). – С. 92–106.
174. *Канаев Е. А.* Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии // Международные процессы. Том 15, № 3 (2017). – С. 81–89.
175. *Капица М. С., Малетин Н. П.* Сукарно. Политическая биография. М.: Мысль, 1980. - 332 с.
176. *Колдунова Е. В.* «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. Том 15, № 3 (50) (2017). – С. 55–66.
177. *Колдунова Е. В.* АСЕАН: проблемы регионализма и перспективы интеграционных процессов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 11 (2018). – С. 28–37.
178. *Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В.* Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. № 3 (2016). – С. 94–112.
179. *Куклин Н. С.* Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 1, № 2 (43) (2019). – С. 103–112.
180. *Куклин Н. С.* Концептуальные основы внешней политики Индонезии. М.: Аспект Пресс, 2023. – 152 с.
181. *Куклин Н. С., Шпаковская М. А.* Реформа МИД Индонезии как отражение эволюции внешнеполитического курса страны (2001–2009 гг.) // Вопросы Истории. № 9 (2021). – С. 220–236.
182. *Кутовая Е. А.* ООН: проблема борьбы с терроризмом и государства Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 34, № 34 (2017). – С. 99–114.
183. *Лобач Д. В.* Современные террористические угрозы в Юго-Восточной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2–3. – С. 171–190.

184. *Малетин Н. П.* АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007. – 312 с.
185. *Малетин Н. П.* Долгая жизнь Балийского договора // *Международная жизнь*. № 10 (2010). – С. 78–84.
186. *Малетин Н. П., Хохлова Н. И.* Россия и Индонезия: прошлое и настоящее двусторонних отношений // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том 4, № 4 (2022). – С. 197–215.
187. *Мосяков Д. В.* Парадоксы развития стран АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 34 (2017). – С. 18–23.
188. *Окунев И. Ю., Виноградов В. В.* Комплексы региональной безопасности (опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 65, № 4 (2021). – С. 30–41.
189. *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М.: ИВ РАН. 2007. – 256 с.
190. *Погадаев В. А.* Малайзия: возвращение Махатхира // *Азия и Африка сегодня*. № 9 (2018). – С. 40–44.
191. *Погадаев В. А.* Малайзия. Феномен личности Махатхира: девятнадцать лет, которые преобразили страну // *Азия и Африка сегодня*. № 5 (2001). – С. 66–68.
192. *Попов А. В.* Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М.: ИВ РАН, 2010. – 372 с.
193. *Рогожина Н. Г.* АСЕАН – региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том 1, № 1 (42) (2019). – С. 76–83.
194. *Рогожина Н. Г.* Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 64, № 8 (2020). – С. 27–36.
195. *Рогожина Н. Г.* Внутрирегиональная миграция трудовых ресурсов в Юго-Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 64, № 3 (2020). – С. 111–119.

196. *Рогожина Н. Г.* Первый принцип Панчасила и современное рабство в странах ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 27 (2015). – С. 51–60.
197. *Рогожина Н. Г., Рогожин А. А.* Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии – условие проведения политики “мягкой силы” // Мировая экономика и международные отношения. Том 63, № 4 (2019). – С. 40–49.
198. *Рогожина Н. Г.* Угроза терроризма в Юго-Восточной Азии сохраняется // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 2, № 2 (63) (2024). – С. 25–33
199. *Сетов Н. Р.* Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 2 (2012). – С. 28–32.
200. Современные глобальные проблемы мировой политики // под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2009. – 256 с.
201. *Сумский В. В.* «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. № 4 (2021). – С. 74–89.
202. *Тюрин В. А., Цыганов В. А.* История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. – 670 с.
203. *Тюрин В. А.* История Индонезии. М.: Восточный университет, 2004. – 595 с.
204. *Тюрин В. А.* История Малайзии. Краткий очерк. М.: Наука, 1980. – 264 с.
205. *Урляпов В. Ф.* Внешняя политика Малайзии от Махатхира Мохамеда до Наджиба Разака. М.: ИВ РАН, 2015. – 284 с.
206. *Урляпов В. Ф.* Индонезия и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Наука, 1993. – 264 с.
207. *Хохлова Н. И.* Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно // Вестник МГИМО-Университета. Том 4, № 19 (2011). – С. 54–50.

208. *Хохлова Н. И.* Эволюция внешнеполитического курса Индонезии при Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 37 (2017). – С. 70–81.
209. *Хохлова Н. И., Гришанов Р. С.* Эволюция внешнеполитической стратегии Индонезии в период независимости // Право и управление. XXI век. № 3 (36) (2015). – С. 153–158.
210. *Хрусталева М. А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.
211. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
212. Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы // отв. ред. и сост. Е. М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020. – 390 с.

Научная литература на иностранных языках

213. *Acharya A.* Constructing a Security Community in Southeast Asia. ASEAN and the Problem of Regional Order. London: Routledge, 2001. – 234 p.
214. *Andaya B. W.* History of Malaysia. London: Macmillan, 1984. – 376 p.
215. *Angel J. R.* The 'New Emerging Forces' in Indonesian Foreign Policy. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/111351/4/b12749138_Angel_James_Robert_vol2.pdf (дата обращения: 15.09.2024). –
216. *Antunes S., Camisao I.* Introducing Realism in International Relations Theory. URL: <https://www.e-ir.info/2018/02/27/introducing-realism-in-international-relations-theory> (дата обращения: 15.09.2024).
217. *Anwar D. F.* Indonesia at Large: Collected Writings on ASEAN, Foreign Policy, Security, and Democratisation. Jakarta: Habibie Center, 2005. – 472 p.
218. *Arsana I. M. A.* Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: A Legal and Technical Approach. Wollongong: UOW, 2014. – 440 p.
219. *Artner A.* Role of Indonesia in the Evolution of ASEAN // The Journal of East Asian Affairs. Vol. 31, No. 1 (2017). – Pp. 1–38.

220. *Aslam M. M. M.* Malaysian Terrorist Organizations and Potential Involvement in Criminal Activities // Journal of Al-Tamaddun. Vol. 15, No. 2 (2020). – Pp. 15–27.
221. *Aspinall E., Mietzner M., Tomsa D.* The Yudhoyono Presidency: Indonesia's Decade of Stability and Stagnation. Singapore: ISEAS, 2015. – 362 p.
222. *Aun L. H.* Fifty Years of Malaysia's New Economic Policy: Three Chapters with No Conclusion // ISEAS Economics Working Paper. No. 7 (2021). – Pp. 1–31.
223. *Aziz W. A. D. A.* The Role and Initiaves of Malaysian Government Agencies in Countering Violent Extremism and Terrorism. URL: https://www.moha.gov.my/images/maklumat_bahagian/ipsom/jurnal/volume11/edisi_khas_num_1.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 1–19.
224. *Bakhshi U., Rousselle A.* The History and Evolution of the Islamic State in Southeast Asia. URL: <https://www.hudson.org/terrorism/history-evolution-islamic-state-southeast-asia#footNote1> (дата обращения: 15.09.2024).
225. *Bashir M. S.* Islam Hadhari: Concept and Prospect. URL: <https://www.islamawareness.net/Asia/Malaysia/hadhari.html> (дата обращения: 15.09.2024).
226. *Baswir R.* Mafia Berkeley dan Krisis Ekonomi Indonesia. Yogyakarta: Pustaka Pelajar, 2006. – 280 hlm.
227. *Beach D., Pedersen R. B.* Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. – 208 p.
228. *Bell D.* Political Realism and International Relations. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81512857.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 1–16.
229. *Boon B.* Malaysia: 50 Years of Independence – Colonialism at the Root of the National Question. URL: <https://www.marxist.com/malaysia-fifty-years-independence-part-one.htm> (дата обращения: 15.09.2024).
230. *Butcher J. G.* The International Court of Justice and the Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia in the Sulawesi Sea // Contemporary Southeast Asia. Vol. 35, No. 2 (2013). – Pp. 235–257.
231. *Buzan B., Woever O.* Regions and Powers. The Structure of International Security. New York: Cambridge University Press, 2003. – 598 p.

232. *Buzan B., Woever O., De Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
233. *Caballero-Anthony M.* Regional Security in Southeast Asia: Beyond the ASEAN Way. Singapore: ISEAS, 2005. – 328 p.
234. *Cahyaningtyas P., Djono D., Yuniyanto T.* Ideologi Marhaenisme Masa Pemerintahan Soekarno Tahun 1950–1965 // Jurnal Candi. Vol. 20, No. 2 (2020). – Hlm. 54–69.
235. *Carr E. H.* The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. New York: HarperCollins, 1964. – 256 p.
236. *Charadine P.* Cambodia within ASEAN: Twenty-Years in the Making. Phnom Penh: Institute for Cooperation and Peace, 2020. – 36 p.
237. *Checkel J.* Methods in Constructivist Approaches // The Oxford Handbook of International Security. New York: Oxford University Press, 2018. – Pp. 152–166.
238. *Chee C. H., Ul Haq O.* S. Rajaratnam: The Prophetic and the Political. Singapore: ISEAS, 2007. – 557 p.
239. *Chow-Bing N.* Malaysia – China Cooperation on the Belt and Road Initiative under the Pakatan Harapan Government: Changes, Continuities, and Prospects // National Institute for Defense Studies ASEAN Workshop 2019 “China's BRI and ASEAN”. NIDS Joint Research Series. No. 17 (2019). – Pp. 25–42.
240. *Chua D.* ASEAN 50: Regional Security Cooperation through Selected Documents. Singapore: World Scientific, 2018. – 364 p.
241. *Clark G., Sohn L. B.* World Peace Through World Law. Cambridge: Harvard University Press, 1958. – 540 p.
242. *Connelly A. L.* Sovereignty and the Sea: President Joko Widodo's Foreign Policy Challenges // Contemporary Southeast Asia. Vol. 37, No. 1 (2015). – Pp. 1–28.
243. *Coomes O. T., Barham B. L.* The Amazon Rubber Boom: Labor Control, Resistance, and Failed Plantation Development Revisited // The Hispanic American Historical Review Vol. 74, No. 2 (1994). – Pp. 231–257.
244. *Cox M.* Introduction to International Relations. London: LSE, 2016. – 292 p.

245. *Darmayani A.* A Fluid Border? Indonesia-Malaysia Labour Migration and Human Trafficking from Human Security Perspectives. URL: <https://thesis.eur.nl/pub/61024> (дата обращения: 15.09.2024). – 33 p.
246. *Dass R.* Counter Terrorist Trends and Analyses. Malaysia. URL: <https://www.rsis.edu.sg/ctta-newsarticle/malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).
247. *Dass R., Samuel T. K.* Terrorism and Counter Terrorism in Malaysia in a Post-Pandemic Environment // Counter Terrorist Trends and Analyses. Vol. 15, No. 3 (2023). – Pp. 21–30.
248. *Daud M. A.* Buy British Last // SEJARAH: Journal of the Department of History. Vol. 24, No. 1 (2015). – Ms. 77–93.
249. *Donnelly J.* Realism. New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 310 p.
250. *Dosch J.* Mahathirism and Its Legacy in Malaysia's Foreign Policy // European Journal of East Asian Studies. Vol. 13, No. 1 (2014). – Pp. 5–32.
251. *Druce S. C., Baikoeni E. Y.* Circumventing Conflict: The Indonesia – Malaysia Ambalat Block Dispute. Berlin: Springer, 2016. – Pp. 137–156.
252. *Emmers R.* Unpacking ASEAN Neutrality: The Quest for Autonomy and Impartiality in Southeast Asia // Contemporary Southeast Asia. Vol. 40, No. 3 (2018). – Pp. 349–370.
253. *Enh A. M.* Malaysia's Foreign Policy towards Bosnia-Herzegovina 1992–1995 // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities. Vol. 18, No. 2 (2010). – Pp. 311–320.
254. *Ervanda B. Y., Fakhurroji A., Zulkarnain* The Role of Indonesian National Air Force (TNI-AU) in Seroja Operation in East Timor (1975–1979) // International Journal of Culture and History. Vol. 3, No. 1 (2017). – Pp. 44–51.
255. *Evans S. R.* Sabah Under the Rising Sun Government. Kota Kinabalu: Opus Publications, 2007. – 119 p.
256. *Fanani A. F.* SBY and the Place of Islam in Indonesian Foreign Policy. Adelaide: Flinders University, 2012. – 125 p.
257. *Farram S.* Ganyang! Indonesian Popular Songs from the Confrontation Era, 1963–1966 // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. Vol. 170, No. 1 (2014). – Pp. 1–24.

258. *Fathoni R. S. Dwi Komando Rakyat (Dwikora) 1964 M.* URL: <https://wawasansejarah.com/dwi-komando-rakyat-dwikora> (дата обращения: 15.09.2024).
259. *Fibiger M. A Diplomatic Counter-Revolution: Indonesian Diplomacy and the Invasion of East Timor // Modern Asian Studies. Vol. 55, No. 2 (2021).* – Pp. 587–628.
260. *Fionna U., Negara S., Simandjuntak D. Aspirations with Limitations: Indonesia's Foreign Affairs under Susilo Bambang Yudhoyono.* Singapore: ISEAS, 2018. – 272 p.
261. *Flyvbjerg B. Case Studies // Denzin N. K., Lincoln Y. S. (eds.). The Sage Handbook of Qualitative Research.* Thousand Oaks: Sage, 2011. – Pp. 301–316.
262. *Fook L. L. Mahathir's China Visit and Malaysia-China Relations: The View from China.* URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/pdfs/ISEAS_Perspective_2018_53@50.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 1–9.
263. *Fosdick R. B. The League of Nations as an Instrument of Liberalism.* URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1920/10/the-league-of-nations-as-an-instrument-of-liberalism/528060> (дата обращения: 15.09.2024).
264. *Gordon B. K. East Asian Regionalism and United States Security.* McLean: Research Analysis Corporation, 1968. – 84 p.
265. *Graham I. Nineteenth-Century Borneo: A Study in Diplomatic Rivalry.* Leiden: Brill, 1955. – 251 p.
266. *Green L. C. Indonesia, the United Nations and Malaysia // Journal of Southeast Asian History. Vol. 6, No. 2 (1965).* – Pp. 71–86.
267. *Gregorian R. CLARET Operations and Confrontation, 1964–1966 // Journal of Conflict Studies. Vol. 11, No. 1 (1991).* – Pp. 46–72.
268. *Haller-Trost R. The Territorial Dispute between Indonesia and Malaysia over Pulau Sipadan and Pulau Ligitan in the Celebes Sea: A Study in International Law // Boundary & Territory Briefings. Vol. 2, No. 2 (1995).* – 40 p.
269. *Halliday F. Rethinking International Relations.* London: Red Globe Press, 1994. – 290 p.
270. *Hananto P. W., Lumbanraja A. D., Prananda R. R., Musyafah A. A. Legal Scenario Towards the Policy of Marine Natural Resources on the Continental Shelf: Ambalat*

- Case Study // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 530 (2020). – Pp. 1–8.
271. *Hanggi H.* ASEAN and the ZOPFAN Concept. Singapore: ISEAS, 1991. – 82 p.
272. *Haque M. S., Khan M. H.* Muslim Identity in the Speeches of Mahathir Mohamad // Intellectual Discourse. Vol. 12, No. 2 (2004). – Pp. 181–193.
273. *Harisanto E. S.* The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI). Monterey: Naval Postgraduate School, 1993. – 132 p.
274. *Harun R.* Beyond the UK: Looking at Contemporary Malaysian-European Relations // Marcinkowski C. (ed.). Malaysia and the European Union: Perspectives for the Twenty-first Century. Munster: LIT Verlag, 2011. – Pp. 27–44.
275. *Hayashi Y.* Agencies and Clients: Labour Recruitment in Java, 1870s–1950s. Amsterdam: IIAS/IISG, 2002. – 42 p.
276. *He K.* Indonesia's Foreign Policy after Soeharto // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 8, No. 1 (2008). – Pp. 47–72.
277. *Hendrapati M.* Implication of the ICJ Decision Respecting Sipadan – Ligitan Case towards Base Points and Maritime Delimitation // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research. Vol. 14, No. 1, 2014. – Pp. 374–393.
278. *Hendrapati M., Ashri M., Ruslan A., Muchtar S., Patittingi F., Noor S. M., Hambali R., Sumardi J.* Today's Ambalat: Neglecting the Basepoints of Sipadan and Ligitan Islands for Maintaining the Equidistance Principle in the Disputed Area // East Asian Observer. Vol. 10, No. 1 (2017). – Pp. 283–296.
279. *Henning C. R.* East Asian Financial Cooperation (Policy Analyses in International Economics). Washington: Peterson Institute for International Economics, 2002. – 144 p.
280. *Hernandez-Coss R., Brown G., Buchori C.* The Malaysia – Indonesia Remittance Corridor: Making Formal Transfers the Best Option for Women and Undocumented Migrants. Washington, DC: World Bank, 2008. – 97 p.
281. *Hidayat* Dimensi dan Sifat Masalah Pengangguran di Indonesia // Economics and Finance in Indonesia. Vol. 24 (1976). – Hlm. 241–273.

282. *Hirakawa S., Kato M., Minamikawa K.* Petroleum Production Industry and Engineering in Japan: Past and Present // Bulletin of The Japan Petroleum Institute. Vol. 10, 1968. – Pp. 68–82.
283. *Hock S. S.* The Population of Peninsular Malaysia. Singapore: ISEAS, 2007. – 342 p.
284. *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. Vol. 23, No. 1 (1998). – Pp. 171–200.
285. *Hugo G.* Indonesian Labour Migration to Malaysia: Trends and Policy Implications // Southeast Asian Journal of Social Science. Vol. 21, No. 1 (1993). – Pp. 36–70.
286. *Hului P.* What You Need to Know About Operation Claret 1964–1966. URL: <https://kajomag.com/what-you-need-to-know-about-operation-claret-1964-1966> (дата обращения: 15.09.2024).
287. *Hussein N. I., Hed N. M.* Examining Human Trafficking Issue in Malaysia's Post-Pandemic Era: Preventive Measure and Challenges // SINERGI: Journal of Strategic Studies & International Affairs. Vol. 3, Special Issue (2023). – Pp. 8–29.
288. *Idrus R.* The Discourse of Protection and the Orang Asli in Malaysia // Kajian Malaysia. Vol. 29, No. 1 (2011). – Pp. 53–74.
289. IMF and Indonesia Agree on Accelerated Economic Reforms // IMF Survey. Vol. 27, No. 2 (1998). – Pp. 17–19.
290. *Irshanto A. B.* Dari Konfrontasi Ke Perdamaian (Hubungan Indonesia – Malaysia 1963–1966). Jurnal Pendidikan Sejarah. Vol. 8, No. 2 (2019). – Hlm. 84–97.
291. *James W. E.* Lessons from Development of the Indonesian Economy // Education about Asia. Vol. 5, No. 1 (2000). – Pp. 31–36.
292. *Jarvis F., Halim D., Perova E.* Why do Indonesian Men and Women Choose Undocumented Migration? Exploring Gender Differences in Labor Migration Patterns // East Asia and Pacific Gender Policy Brief. No. 7 (2019). – 4 p.
293. *Johnson J. R.* Cooperation and Pragmatism: Malaysian Foreign Policy Under Najib // Asia Pacific Bulletin. № 63 (2010). – 2 p.
294. *Jones L.* ASEAN Intervention in Cambodia: from Cold War to Conditionality // The Pacific Review. Vol. 20, No. 4 (2007). – Pp. 523–550.

295. *Jones M.* Conflict and Confrontation in South East Asia, 1961–1965: Britain, the United States, Indonesia and the Creation of Malaysia. New York: Cambridge University Press, 2002. – 384 p.
296. *Kadarsih D. A. R., Kurnia M. P., Hidayatullah S.* Legal Status of MoU Determining the Limits of The Territory Area Between Indonesia and Malaysia // *Mulawarman Law Review*. Vol. 5, No. 2 (2020). – Pp. 126–137.
297. *Kathleen H.* The Brunei Rebellion of 1962. URL: https://ris.cdu.edu.au/ws/portalfiles/portal/22703258/Thesis_CDU_55418_Harry_K.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – 717 p.
298. *Kawai M.* From the Chiang Mai Initiative to an Asian Monetary Fund // *ADB Working Paper Series*. No. 527 (2015). – 30 p.
299. *Khalid K. M.* Malaysia's Foreign Policy under Najib: A Comparison with Mahathir // *Asian Survey*. Vol. 51, No. 3 (2011). – Pp. 429–452.
300. *Khalid K. M.* Malaysian Foreign Policy Orientation and Relations in the Post-Mahathir Years. URL: https://eprints.um.edu.my/10906/1/11__Malaysian_Foreign_Policy_Orientation_and_Relations_in_the_Post-Mahathir_Years.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 306–336.
301. *Khalid M. B.* Whither Maphilindo Mushwara? // *Pakistan Horizon*. Vol. 18, No. 2 (1965). – Pp. 144–163.
302. *Koh T., Seah S. L. L., Chang L. L.* 50 Years of ASEAN and Singapore. Singapore: World Scientific, 2017. – 446 p.
303. *Komer R. W.* The Malayan Emergency in Retrospect: Organization of A Successful Counterinsurgency Effort. Rand: Santa Monica, 1972. – 98 p.
304. *Kyaw M. T.* Towards a Peaceful Settlement of the Preah Vihear Temple Dispute. Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2011. – 49 p.
305. *Lai C. C., Latif A., Lee K. T.* Kasus Ambalat-Reaksi Media Indonesia: Framing dan Komunikasi Antarabangsa // *Jurnal Komunikasi, Malaysian Journal of Communication*. Vol. 23 (2007). – Pp. 14–27.
306. *Lawless R.* The Indonesian Takeover of East Timor // *Asian Survey*. Vol. 16, No. 10 (1976). – Pp. 948–964.

307. *Leifer M.* ASEAN and the Security of South-East Asia. London: Routledge, 1989. – 198 p.
308. *Leigh R. W.* Raja James Brooke and Sarawak: An Anomaly in the 19th Century British Colonial Scene // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 12 (1972). – Pp. 29–40.
309. *Lim C. P.* Changes in the Malaysian Economy and Trade Trends and Prospects // Bradford C. I. Jr., Branson W. H. (eds.). Trade and Structural Change in Pacific Asia. Chicago: University of Chicago Press, 1987. – Pp. 435–466.
310. *Liow J. C.* The Politics of Indonesia – Malaysia Relations: One Kin, Two Nations. Abington: Routledge, 2005. – 236 p.
311. *Liow J. C.* Tunku Abdul Rahman and Malaya's Relations with Indonesia, 1957–1960 // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 36, No. 1 (2005). – Pp. 87–109.
312. *Maidin Z.* Hari itu Sudah Berlalu. Kuala Lumpur: Utusan Publications & Distributors, 2011. – 308 ms.
313. *McGregor K. E.* The Indonesian Killings of 1965–1966. URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/indonesian-killings-1965-1966.html> (дата обращения: 15.09.2024).
314. *Meesook K., Lee I. H., Liu O., Khatri Y., Tamirisa N., Moore M., Krysl M. H.* Malaysia: From Crisis to Recovery. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/nft/op/207/index.htm> (дата обращения: 15.09.2024).
315. *Mietzner M.* Indonesia in 2008: Democratic Consolidation in Soeharto's Shadow // Southeast Asian Affairs (2009). – Pp. 105–123.
316. *Mitchell D. F.* The Malayan Emergency: How to Fight a Counterinsurgency War. URL: <https://warfarehistorynetwork.com/2016/10/27/the-malayan-emergency-how-to-fight-a-counterinsurgency-war> (дата обращения: 15.09.2024). –
317. *Mitsuomi I.* The Path to Malaysia's Neutral Foreign Policy in the Tunku Era // Sarjana. Vol. 30, No. 2 (2015). – Pp. 71–79.
318. *Mohamad M.* The Way Forward: Growth, Prosperity and Multiracial Harmony in Malaysia. London: Winsor & Newton, 1998. – 144 p.

319. *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.
320. *Mubaraq Z., Arifin S., Abdullah I., Jubba H., Indiyanto A.* Return of the Lost Son: Disengagement and Social Reintegration of Former Terrorists in Indonesia // *Cogent Social Sciences*. Vol. 8, No. 1 (2022). – Pp. 1–15.
321. *Munoz P. M.* Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore: Didier Millet, 2006. – 392 p.
322. *Musgrave T. D.* An Analysis of the 1969 Act of Free Choice in West Papua // *Chinkin C., Baetens F. (eds.)*. Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – Pp. 209–228.
323. *Narine S.* ASEAN and the Management of Regional Security // *Pacific Affairs*. Vol. 71, No. 2 (1998). – Pp. 195–214.
324. *Neuhauser C.* The Chinese Communist Party in the 1960s: Prelude to the Cultural Revolution // *The China Quarterly*. No. 32 (1967). – Pp. 3–36.
325. *Noor E.* Foreign and Security Policy in the New Malaysia. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/foreign-security-policy-new-malaysia> (дата обращения: 15.09.2024).
326. *Noor E., Qistina, T. N.* Great Power Rivalries, Domestic Politics and Malaysian Foreign Policy // *Asian Security*. Vol. 13, No. 3 (2017). – Pp. 200–219.
327. *Novitasari C. N.* Analisis Putusan Mahkamah Internasional dalam Kasus Sengketa Indonesia-Malaysia Mengenai Pulau Sipadan dan Ligitan // *The Digest: Journal of Jurisprudence and Legisprudence*. Vol. 2, No. 2 (2021). – Hlm. 231–262.
328. *Nugroho M. S. E.* ASEAN and Security in Southeast Asia. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36735063.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). – 75 p.
329. *Omar A. J.* The Malay Spelling Reform // *Journal of the Simplified Spelling Society*. Vol. 2. (1989). – Pp. 9–13.
330. *Onuf N. G.* World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations. New York: Routledge, 2013. – 352 p.

331. *Ooi K. G.* Southeast Asia: A Historical Encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. – 1856 p.
332. *Ozden C., Testaverde M., Wagner M.* How and Why Does Immigration Affect Crime? Evidence from Malaysia // *The World Bank Economic Review*. Vol. 32, No. 1 (2018). – Pp. 183–202.
333. *Pero S. D. M., Apandi L. S. A.* Malaysia's Leadership Role in ASEAN: An Assessment // *Journal of International Studies*. Vol. 14 (2018). – Pp. 65–79.
334. *Plant J. P.* Malaya 1948–1960 – Emergency!! Never, Just a Forgotten War. Trowbridge: Paragon Publishing, 2019. – 400 p.
335. *Platje W.* Dutch Sigint and the Conflict with Indonesia 1950–62 // *Intelligence and National Security*. Vol. 16, No. 1 (2001). – Pp. 285–312.
336. Politik Luar Negeri Joko Widodo Periode 2014-2019. URL: <https://eprints2.undip.ac.id/id/eprint/8443/3/BAB%202.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). – 20 p.
337. *Porter A. L.* Windows of Opportunity: East Timor and Australian Strategic Decision Making (1975–1999). Maxwell AFB: Air University Press, 2016. – 84 p.
338. *Poulgrain G.* The Genesis of Konfrontasi: Malaysia, Brunei and Indonesia, 1945–1965. London: C. Hurts & Co., 1998. – 346 p.
339. *Praditya Y.* The Effectiveness of De-Radicalization Program in Southeast Asia: Does It Work? The Case of Indonesia, Malaysia, and Singapore // *Journal of ASEAN Studies*. Vol. 5, No. 2 (2018). – Pp. 135–156.
340. *Pratiwi F. I.* Rethinking Indonesia's Foreign Policy: Principles in Evolving Contemporary Dynamics. Surabaya: Airlangga University Press, 2021. – 255 p.
341. *Priangani A., Harimurti S.* Dinamika Politik Luar Negeri Indonesia Pasca Orde Baru. Bandung: Ceplas, 2004. – 206 hlm.
342. *Rabel R., Ireland K.* Regionalism in the Balance: Reflections on ASEAN at Fifty from a Liberal Perspective // *International Relations*. Vol. 54, No. 2 (2018). – Pp. 9–30.
343. *Rahman M.* Sengketa US \$ 40 Milyar Ambalat // *GATRA*. Vol. 15, No. 31, 2009. – Hlm. 18–19.

344. *Ramakrishna K.* "The Southeast Asian Approach" to Counter – Terrorism: Learning from Indonesia and Malaysia // *Journal of Conflict Studies*. Vol. 25, No. 1 (2005). – Pp. 27–47.
345. *Ramil J.* A New Maritime Legal Regime for Malaysia Within the Context of Ocean Governance. URL: <https://mdc.mima.gov.my/id/eprint/47/1/47%20%285%20pages%29.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
346. *Rehman I.* The Making of Malaysia // *Pakistan Horizon*. Vol. 16, No. 3 (1963). – Pp. 212–220.
347. *Rezky A. N.* Kerjasama Trilateral Indonesia Malaysia Filipina dalam Menanggulangi Kelompok Teroris Abu Sayyaf // *eJournal Ilmu Hubungan Internasional*. Vol. 6, No. 3 (2018). – Hlm. 1281–1298.
348. *Ricklefs M. C.* A History of Modern Indonesia Since c. 1300. Redwood City: Stanford University Press, 1993. – 378 p.
349. *Roe P.* Securitization and Minority Rights: Conditions of Desecuritization // *Security Dialogue*. Vol. 35, No. 3 (2004). – Pp. 279–294.
350. *Sadewa D. P., Hakiki F.* Dinamika Kebijakan Politik Luar Negeri Bebas Aktif Indonesia Melalui Gerakan Non-Blok (GNB) // *Jurnal Lemhannas RI*. Vol. 11, No. 1 (2023). – Hlm. 13–28.
351. *Sahyana Y.* Settlement of Land Boundary Disputes Between Indonesia with Malaysia // *Jurnal Konstituen*. Vol. 3, No. 2 (2021). – Pp. 73–82.
352. *Saidin M. I. S., Khalid K. A. T.* Combating Daesh: Insights into Malaysia's Counter-Terrorism Experience and the Deradicalisation of Former Detainees // *Religions*. Vol. 14, No. 3 (2023). – Pp. 1–19.
353. *Salleh A.* Dispute Resolution through Third Party Mediation: Malaysia and Indonesia // *Intellectual Discourse*. Vol. 15, No. 2 (2007). – Pp. 147–165.
354. *Salleh A., Razali C. H. C. M., Jusoff K.* Malaysia's Policy Towards its 1963–2008 Territorial Disputes // *International Journal of Law and Legal Studies*. Vol. 8, No. 2 (2020). – Pp. 1–10.
355. *Saravanamuttu J.* Malaysia's Foreign Policy, the First Fifty Years: Alignment, Neutralism, Islamism. Singapore: ISEAS, 2010. – 389 p.

356. *Satria A.* Two Decades of Counterterrorism in Indonesia: Successful Developments and Future Challenges // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 14, No. 5 (2022). – Pp. 7–16.
357. *Setiawan A., Pallaguna A., Montratama I.* Concentric Circle Strategy in Indonesian Foreign Policy // *Southeast Asian Studies*. No. 4 (2020). – Pp. 1–11.
358. *Singh D. S. R.* The Indonesia – Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands. Singapore: ISEAS, 2020. – 244 p.
359. *Smith A. L.* Indonesia's Foreign Policy under Abdurrahman Wahid: Radical or Status Quo State? // *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 22, No. 3 (2000). – Pp. 498–526.
360. *Sodhy P.* Malaysia – US Relations 2000–2011. Kuala Lumpur: Institute of Strategic and International Studies (ISIS) Malaysia, 2012. – 126 p.
361. *Sodhy P.* Malaysian – American Relations during Indonesia's Confrontation against Malaysia, 1963–66 // *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 19, No. 1 (1988). – Pp. 111–136.
362. *Soh B.* Mahathir's Anti-Western World View: An Intellectual Origin of Malaysian Reactions to the Economic Crisis in the Late 1990s // *International Area Studies Review*. Vol. 3, No. 2 (2000). – Pp. 3–15.
363. *Songbatumis A. M.* The Role of Islam in Indonesian Foreign Policy: A Case of Susilo Bambang Yudhoyono // *Polish Political Science Yearbook*. Vol. 50, No. 2 (2021). – Pp. 89–111.
364. *Southgate L.* ASEAN Resistance to Sovereignty Violation: Interests, Balancing and the Role of the Vanguard State. Bristol: Bristol University Press, 2019. – 294 p.
365. *Southgate L.* ASEAN: Still the Zone of Peace, Freedom and Neutrality? // *Political Science*. Vol. 73, No. 1 (2021). – Pp. 31–47.
366. *Spooner J.* Assessing ISIS Expansion in Southeast Asia: Major Threat or Misplaced Fear? URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/assessing-isis-expansion-southeast-asia-major-threat-or-misplaced-fear> (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 1–9.

367. *Storey I.* Malaysia and the South China Sea Dispute: Policy Continuity amid Domestic Political Change. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2020/02/ISEAS_Perspective_2020_18.pdf (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 1–10.
368. *Suhaini N., Khairunnisa A., Karim A.* Konfrontasi Malaysia dan Indonesia Penyelesaian Melalui Pendekatan Malaysia // *Jurnal Sains Sosial*. Vol. 1, No. 1 (2016). – Ms. 74–94.
369. *Sulaksono E.* The Patterns of Human Trafficking on Indonesian Migrant Workers: Case Study of Riau Islands and Johor Border Crossing // *Masyarakat: Jurnal Sosiologi*. Vol. 23, No. 2 (2018). – Pp. 167–186.
370. *Supancana I. B. R.* Maritime Boundary Disputes between Indonesia and Malaysia in the Area of Ambalat Block: Some Optional Scenarios for Peaceful Settlement // *Journal of East Asia and International Law*. Vol. 8, No. 1 (2015). – Pp. 195–211.
371. *Suryadinata L.* Indonesia's Foreign Policy Under Suharto: Aspiring to International Leadership. Singapore: ISEAS, 2022. – 239 p.
372. *Syarifuddin, Juistha A. A.* Bahan Pembelajaran Sejarah Nasional Indonesia VI. Palembang: Bening Media Publishing, 2022. – Hlm. 464.
373. *Tarling N.* Britain, the Tunku and West New Guinea 1957–1963 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 83, No. 1 (2010). – Pp. 77–90.
374. *Tarling N.* Regionalism in Southeast Asia: To Foster the Political Will. London: Routledge, 2006. – 276 p.
375. *Tarling N.* Southeast Asian Regionalism: New Zealand Perspectives. Singapore: ISEAS, 2011. – 108 p.
376. *Thayer C. A.* Southeast Asia: Challenges to Unity and Regime Legitimacy // *Southeast Asian Affairs* (1999). – Pp. 3–19.
377. *Torla A., Yusof S., Kamal M. H. M.* The Dispute between Malaysia and Indonesia over the ND6 and ND7 Sea Blocks: A Malaysian Perspective // *Journal of East Asia and International Law*. Vol. 8, No. 1 (2015). – Pp. 171–193.
378. *Tuck C.* Shaping Hearts and Minds: Claret Operations in Borneo, 1965–1966 // *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 34, No. 4 (2023). – Pp. 803–827.
379. *Utari S. M., Wardhani B.* National Identity and Foreign Policy: Indonesia Million Friends Zero Enemy under Yudhoyono Regime. URL:

- <https://www.scitepress.org/Papers/2018/102806/102806.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). – Pp. 581–587.
380. *Van Bruinessen M.* Genealogies of Islamic Radicalism in Post-Suharto Indonesia // South East Asia Research. Vol. 10, No. 2 (2002). – Pp. 117–154.
381. *Van der Kroef J. M.* ASEAN, Hanoi, and the Kampuchean Conflict: Between "Kuantan" and a "Third Alternative" // Asian Survey. Vol. 21, No. 5 (1981). – Pp. 515–535.
382. *Van Tonder G.* Malayan Emergency: Triumph of the Running Dogs, 1948–1960. Barnsley: Pen & Sword, 2017. – 128 p.
383. *Waltz K. N.* Realist Thought and Neorealist Theory // Journal of International Affairs. Vol. 44, No. 1 (1990). – Pp. 21–37.
384. *Waltz K. N.* Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
385. *Wardhani B. L. S. W.* Trends in Indonesia – Malaysia Bilateral Relations in Post-Suharto Period // Journal Unair. Vol. 1, No. 1 (2009). – Pp. 1–9.
386. *Warsito T., Maksum A., Surwandono, Herningtyas R.* Indonesia's Foreign Policy Towards Malaysia in the Post Soeharto Era: A Case Study of Ambalat Dispute // Revista UNISCI. No. 53 (2020). – Pp. 95–109.
387. *Wendt A.* Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46, No. 2 (1992). – Pp. 391–425.
388. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.
389. *Wibisono A. T. M.* Political Elites and Foreign Policy: Democratization in Indonesia. URL: <https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/access/item%3A2954081/view> (дата обращения: 15.09.2024). – 315 p.
390. *Winata L.* Nasakom Sebagai Ideologi Negara Tahun 1959–1965 // Avatara. Vol. 5, No. 3 (2017). – Hlm. 728–737.
391. *Xu J.* The Economic Impact of Malaysia's Institution on the Failure of the Wawasan 2020 // E3S Web of Conferences. Vol. 214 (2020). – Pp. 1–5.
392. *Yaakub A. N.* Malaysia and Indonesia: A Study of Foreign Policies with Special Reference to Bilateral Relations. Perth: University of Western Australia, 2009. – 245 p.

393. *Yani Y. M.* Change and Continuity in Indonesian Foreign Policy // *Sosiohumaniora*. Vol. 11, No. 1 (2009). – Pp. 1–16.
394. *Yong J. L. C.* 'Visions of Serumpun': Tun Abdul Razak and the Golden Years of Indo – Malay Blood Brotherhood, 1967–75 // *South East Asia Research*. Vol. 11, No. 3 (2003). – Pp. 327–350.
395. *Zainu'ddin A.* A Short History of Indonesia. New York: Praeger Publishers, 1970. – 299 p.
396. *Zulqarnain I.* Kisah Ahmad Boestaman Dari Tanjung Malim. URL: <https://www.orangperak.com/kisah-ahmad-boestaman-dari-tanjung-malim.html> (дата обращения: 15.09.2024).

Публицистические материалы

397. Общественное телевидение России. URL: <https://otr-online.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
398. РИА Новости. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
399. Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com> (дата обращения: 15.09.2024).
400. Aliran. URL: <https://aliran.com> (дата обращения: 15.09.2024).
401. Antara News Jawa Timur. URL: <https://jatim.antaranews.com> (дата обращения: 15.09.2024).
402. Antara News. URL: <https://antaranews.com> (дата обращения: 15.09.2024).
403. AsiaNews. URL: <https://www.asianews.it> (дата обращения: 15.09.2024).
404. Astro Awani. URL: <http://www.astroawani.com> (дата обращения: 15.09.2024).
405. Bangkok Post. URL: <https://www.bangkokpost.com> (дата обращения: 15.09.2024).
406. BBC. URL: <https://www.bbc.com> (дата обращения: 15.09.2024).
407. BenarNews. URL: <https://www.benarnews.org> (дата обращения: 15.09.2024).
408. Bernama. URL: <https://www.bernama.com> (дата обращения: 15.09.2024).
409. China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn> (дата обращения: 15.09.2024).
410. CNN Indonesia. URL: <https://www.cnnindonesia.com> (дата обращения: 15.09.2024).
411. CNN Philippines. URL: <http://www.cnnphilippines.com> (дата обращения: 15.09.2024).

412. CNN. URL: <http://cnn.com> (дата обращения: 15.09.2024).
413. Detik Bali. URL: <https://www.detik.com/bali> (дата обращения: 15.09.2024).
414. Detik News. URL: <https://news.detik.com> (дата обращения: 15.09.2024).
415. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com> (дата обращения: 15.09.2024).
416. Elshinta. URL: <https://elshinta.com> (дата обращения: 15.09.2024).
417. Fajar (Singapore).
418. Fox News. URL: <https://www.foxnews.com> (дата обращения: 15.09.2024)
419. Free Malaysia Today. URL: <https://www.freemalaysiatoday.com> (дата обращения: 15.09.2024).
420. Kompas. URL: <https://www.kompas.id> (дата обращения: 15.09.2024).
421. Kontan. URL: <https://www.kontan.co.id> (дата обращения: 15.09.2024).
422. Liputan6. URL: <https://www.liputan6.com> (дата обращения: 15.09.2024).
423. Malay Mail. URL: <https://www.malaymail.com> (дата обращения: 15.09.2024).
424. Malaysia Today. URL: <https://www.malaysia-today.net> (дата обращения: 15.09.2024).
425. Malaysiakini. URL: <https://malaysiakini.com> (дата обращения: 15.09.2024).
426. MalaysiaNow. URL: <https://www.malaysianow.com> (дата обращения: 15.09.2024).
427. New Straits Times. URL: <https://www.nst.com.my> (дата обращения: 15.09.2024).
428. OANA News. URL: <https://www.oananews.org> (дата обращения: 15.09.2024).
429. PeKhabar. URL: <https://pekhabar.com> (дата обращения: 15.09.2024).
430. Republika. URL: <https://republika.co.id> (дата обращения: 15.09.2024).
431. Reuters. URL: <https://www.reuters.com> (дата обращения: 15.09.2024).
432. Soscili. URL: <https://soscili.my> (дата обращения: 15.09.2024).
433. Tehran Times. URL: <https://www.tehrantimes.com> (дата обращения: 15.09.2024).
434. Tempo. URL: <https://tempo.co> (дата обращения: 15.09.2024).
435. The Age. URL: <https://www.theage.com.au> (дата обращения: 15.09.2024).
436. The Borneo Post. URL: <https://www.theborneopost> (дата обращения: 15.09.2024).
437. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com> (дата обращения: 15.09.2024).
438. The France 24 Observers. URL: <https://observers.france24.com> (дата обращения: 15.09.2024).

439. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 15.09.2024).
440. The Jakarta Post. URL: <https://www.thejakartapost.com> (дата обращения: 15.09.2024).
441. The Jerusalem Post. URL: <https://www.jpost.com> (дата обращения: 15.09.2024).
442. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 15.09.2024).
443. The Star. URL: <https://www.thestar.com.my> (дата обращения: 15.09.2024).
444. The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com> (дата обращения: 15.09.2024).
445. The Strategist. URL: <https://www.aspistrategist.org.au> (дата обращения: 15.09.2024).
446. The Sun Daily. URL: <https://www.thesundaily.my> (дата обращения: 15.09.2024).
447. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 15.09.2024).
448. Time. URL: <https://time.com> (дата обращения: 15.09.2024).

Интернет-ресурсы

449. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
450. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. URL: <https://mgimo.ru> (дата обращения: 15.09.2024).
451. 9DashLine. URL: <https://www.9dashline.com> (дата обращения: 15.09.2024).
452. Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.org> (дата обращения: 15.09.2024).
453. Arkib Negara Malaysia. URL: <http://www.arkib.gov.my> (дата обращения: 15.09.2024).
454. Arsip Nasional Republik Indonesia. URL: <https://anri.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
455. ASEAN Briefing. URL: <https://www.aseanbriefing.com> (дата обращения: 15.09.2024).
456. ASEAN Indonesia 2023. URL: <https://asean2023.id> (дата обращения: 15.09.2024).

457. ASEAN Investment. URL: <https://investasean.asean.org> (дата обращения: 15.09.2024).
458. ASEAN. URL: <https://asean.org> (дата обращения: 15.09.2024).
459. Asia Society. URL: <https://asiasociety.org> (дата обращения: 15.09.2024).
460. Australian Government. Department of Veterans' Affairs. URL: <https://anzacportal.dva.gov.au> (дата обращения: 15.09.2024).
461. Australian War Memorial. URL: <https://www.awm.gov.au> (дата обращения: 15.09.2024).
462. B1st Consulting. URL: <https://2b1stconsulting.com> (дата обращения: 15.09.2024).
463. Badan Kebijakan Fiskal, Kementerian Keuangan Republik Indonesia. URL: <https://fiskal.kemenkeu.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
464. Badan Kesatuan Bangsa dan Politik Kabupaten Kulon Progo. URL: <https://kesbangpol.kulonprogokab.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
465. Badan Pusat Statistik Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
466. Badan Riset dan Inovasi Nasional. URL: <https://politik.brin.go.id/> (дата обращения: 15.09.2024).
467. Vams – Education. Pemerintah Provinsi Jambi. URL: <https://pasla.jambiprov.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
468. Center for Justice and Accountability. URL: <https://cja.org> (дата обращения: 15.09.2024).
469. Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org> (дата обращения: 15.09.2024).
470. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. URL: <https://www.cvce.eu> (дата обращения: 15.09.2024).
471. Country Economy. URL: <https://countryeconomy.com> (дата обращения: 15.09.2024).
472. Dark Reading. URL: www.darkreading.com (дата обращения: 15.09.2024).
473. Department of Statistics Malaysia Official Portal. URL: <https://www.dosm.gov.my> (дата обращения: 15.09.2024).

474. Dinperinaker Kota Pekalongan. URL: <https://dinperinaker.pekalongankota.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
475. East Asia Forum. URL: <https://www.eastasiaforum.org> (дата обращения: 15.09.2024).
476. Economist Intelligence. URL: <https://eiu.com> (дата обращения: 15.09.2024).
477. Embassy of Japan in Malaysia. URL: <https://www.my.emb-japan.go.jp> (дата обращения: 15.09.2024).
478. eResources. National Library Board. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg> (дата обращения: 15.09.2024).
479. Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org> (дата обращения: 15.09.2024).
480. Indonesia – Malaysia – Thailand Growth Triangle. URL: <https://imtgt.org> (дата обращения: 15.09.2024).
481. Indonesia Investments. URL: <https://www.indonesia-investments.com> (дата обращения: 15.09.2024).
482. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 15.09.2024).
483. International Organization for Migration in Indonesia. URL: <https://indonesia.iom.int> (дата обращения: 15.09.2024).
484. International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int> (дата обращения: 15.09.2024).
485. Internet Archive. URL: <https://archive.org> (дата обращения: 15.09.2024).
486. Jaringan Dokumentasi dan Informasi Hukum Nasional – Sekretariat Kabinet RI. URL: <https://jdih.setkab.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
487. JSTOR. URL: www.jstor.org (дата обращения: 15.09.2024).
488. Kementerian Luar Negeri Republik Indonesia. URL: <https://www.kemlu.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
489. Malaysia MADANI. URL: <https://malaysiamadani.gov.my> (дата обращения: 15.09.2024).
490. Merdeka. URL: <https://www.merdeka.com> (дата обращения: 15.09.2024).

491. Museum Volunteers, JMM. URL: <https://museumvolunteersjmm.com> (дата обращения: 15.09.2024).
492. National Archives of Singapore. URL: <https://www.nas.gov.sg> (дата обращения: 15.09.2024).
493. National Army Museum. URL: <https://www.nam.ac.uk> (дата обращения: 15.09.2024).
494. National WWI Museum and Memorial. URL: <https://www.theworldwar.org> (дата обращения: 15.09.2024).
495. Naval History and Heritage Command. URL: <https://www.history.navy.mil> (дата обращения: 15.09.2024).
496. New Zealand History. URL: <https://nzhistory.govt.nz> (дата обращения: 15.09.2024).
497. Non-Aligned Movement. URL: <https://nam.go.ug> (дата обращения: 15.09.2024).
498. Office of the Historian, Foreign Service Institute. URL: <https://history.state.gov> (дата обращения: 15.09.2024).
499. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 15.09.2024).
500. ParaData. URL: <https://www.paradata.org.uk> (дата обращения: 15.09.2024).
501. Pejabat Perdana Menteri Malaysia. URL: <https://www.pmo.gov.my> (дата обращения: 15.09.2024).
502. Perdana Leadership Foundation. URL: <https://www.perdana.org.my> (дата обращения: 15.09.2024).
503. Portal Maklumat Rakyat. URL: <https://pmr.penerangan.gov.my> (дата обращения: 15.09.2024).
504. Profil Baru. URL: <https://profilbaru.com> (дата обращения: 15.09.2024).
505. Refworld. URL: <https://www.refworld.org> (дата обращения: 15.09.2024).
506. Sekretariat Kabinet Republik Indonesia. URL: <https://setkab.go.id> (дата обращения: 15.09.2024).
507. State Library of South Australia. URL: <https://digital.collections.slsa.sa.gov.au> (дата обращения: 15.09.2024).
508. Statoetv. URL: <https://staroetv.su> (дата обращения: 15.09.2024).

509. SUHAKAM. URL: <https://suhakam.org.my> (дата обращения: 15.09.2024).
510. The Economist Intelligence Unit. URL: <https://eiu.com> (дата обращения: 15.09.2024).
511. The International Institute for Strategic Studies. URL: <https://www.iiss.org> (дата обращения: 15.09.2024).
512. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu> (дата обращения: 15.09.2024).
513. The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://оес.world> (дата обращения: 15.09.2024).
514. U.S. State Department of State. URL: <https://www.state.gov> (дата обращения: 15.09.2024).
515. United Nations Archives. URL: <https://archives.un.org> (дата обращения: 15.09.2024).
516. United Nations. URL: <https://un.org> (дата обращения: 15.09.2024).
517. Universitas Diponegoro, Institutional Repository. URL: <https://eprints2.undip.ac.id> (дата обращения: 15.09.2024).
518. World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com> (дата обращения: 15.09.2024).
519. YouTube. URL: <https://www.youtube.com> (дата обращения: 15.09.2024).